

КАРЕЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

**ПЕРЕМЕНЫ В СЕЛЬСКОЙ РОССИИ
1991-2003: ОЦЕНКИ, ПОДХОДЫ,
МЕТОДЫ**

г. Петрозаводск, 2005 г.

УДК 33 (470.22)

ББК 65.049

Авторский коллектив:

Н.М. Римашевская, В. В. Пациорковский, Т.В. Морозова, Г.Б. Козырева, С.А. Гурова, М.В. Сухарев, З.И. Калугина, В.Г. Собинский, Р.В. Белая, М.В. Дьяконова, И. Копотева, Лео Гранберг, Л.М. Кулакова, О.У. Синцова, О.С. Крутова, Н.В. Маслякова, Л.И. Розанова, Н.Б. Полевщикова, Jouko Nikula и др.

Ответственный редактор: к.э.н. Т.В. Морозова

Перемены в сельской России 1991-2003: оценки, подходы, методы / Материалы Международного семинара «Перемены в сельской России 1991-2003: оценки, подходы, методы» – Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2005. 274 с.

Коллективная монография является результатом работы международного семинара «Перемены в сельской России 1991-2003: оценки, подходы, методы». В монографии представлен широкий спектр исследований, проводимых по проблемам сельской России различными российскими и зарубежными научными школами. Авторы монографии объединяет междисциплинарный научный подход в исследовании сельских сообществ, основанный на представлении о сельском сообществе как сложной системе социальных связей и акторов. Монография может представлять интерес для студентов, аспирантов и ученых, работающих в области сельской проблематики, содействовать формированию секторов единого понимания проблем села среди ученых и практиков, перспективному научному сотрудничеству различных научных школ, нацеленное на повышение благосостояние сельских сообществ России.

Рецензенты:

д.э.н. В.Б. Акулов

д.э.н. А.С. Ревайкин

В редакционной подготовке издания принимали участие Г.Б. Козырева, Л.М.

Кулакова, М.В. Сухарев.

Издание подготовлено по материалам международного семинара, осуществленного при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) №04-06-85028 и Александровского института Университета Хельсинки

- © Карельский научный центр РАН
- © Институт экономики КарНЦ РАН
- © Александровский институт Университета Хельсинки
- © Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение.....</i>	<i>7</i>
<i>Introduction.....</i>	<i>16</i>
<i>Развитие человеческого потенциала России</i> <i>Н.М. Римашиевская.....</i>	<i>23</i>
<i>Сельское расселение, семья и домохозяйство в условиях перемен</i> <i>В.В. Пациорковский, Д.Д. О'Брайн.....</i>	<i>36</i>
<i>Современный социально-экономический потенциал и перспективы развития</i> <i>сельских сообществ приграничного северного российского региона</i> <i>Т.В. Морозова.....</i>	<i>54</i>
<i>Ситуация на сельском рынке труда как индикатор изменений в аграрном секторе</i> <i>России</i> <i>З.И. Калугина.....</i>	<i>67</i>
<i>Многоукладная экономика сибирского села: выбор между социальной</i> <i>стабильностью и экономической эффективностью</i> <i>О.П. Фадеева.....</i>	<i>88</i>
<i>Начнется ли новый этап приватизации сельского хозяйства в России?</i> <i>Л. Гранберг.....</i>	<i>103</i>
<i>Сельскохозяйственное производство в российской Карелии как залог сохранения</i> <i>сельского образа жизни</i> <i>В.Г. Собинский.....</i>	<i>109</i>
<i>Анализ изменений в сельскохозяйственном производстве Республики Карелия за</i> <i>1991-2003 годы</i> <i>О.У. Синцова.....</i>	<i>124</i>
<i>Соотношение городского и сельского населения России: национальный-</i> <i>региональный - локальный уровни</i> <i>И. Копотева.....</i>	<i>135</i>

<i>Малое и среднее предпринимательство в Карелии</i>	
<i>Й. Никула</i>	144
<i>Приграничное положение как фактор влияния глобализации на развитие сельской местности</i>	
<i>Н.Б. Полевщикова</i>	160
<i>Эволюционный характер трансформации хозяйственных отношений в сельских сообществах Карелии</i>	
<i>Л.И. Розанова</i>	172
<i>Институциональные вопросы развития лесных поселений Карелии</i>	
<i>Г.Б. Козырева</i>	184
<i>Состояние поселенческой среды Карелии</i>	
<i>С.А. Гурова</i>	196
<i>Адаптация сельской молодежи Карелии к рынку</i>	
<i>М.В. Дьяконова</i>	209
<i>Изменение режима воспроизводства сельского населения Карелии</i>	
<i>Н.В. Маслякова</i>	225
<i>Особенности социально-экономической дифференциации районов Республики Карелия</i>	
<i>Т.В. Морозова., Р.В. Белая, В.Н. Харин</i>	231
<i>Село на фоне эволюции</i>	
<i>М.В. Сухарев</i>	237
<i>Проблемы формирования института собственности на землю</i>	
<i>Л. М. Кулакова</i>	245
<i>Регулирование трудовых отношений в сельских территориях: интеграционный аспект</i>	
<i>О.С. Крутова</i>	257
<i>Annotations</i>	265

Об авторах

1. **Белая** Раиса Васильевна – кандидат экономических наук, научный сотрудник Института экономики КарНЦ РАН Петрозаводск.
2. **Гранберг** Лео – доцент, руководитель отдела Александровского института Университета Хельсинки, г. Хельсинки.
3. **Гурова** Светлана Александровна - кандидат экономических наук, ученый секретарь Института экономики КарНЦ РАН, г. Петрозаводск.
4. **Дьяконова** Мария Владимировна – экономист Института экономики КарНЦ РАН, г. Петрозаводск.
5. **Калугина** Земфира Ивановна – доктор экономических наук, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, г. Новосибирск.
6. **Козырева** Галина Борисовна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики КарНЦ РАН, г. Петрозаводск.
7. **Копотева** Инна – научный сотрудник Александровского института Университета Хельсинки, г. Хельсинки.
8. **Крутова** Оксана Сергеевна – экономист Института экономики КарНЦ РАН, г. Петрозаводск.
9. **Кулакова** Любовь Михайловна – младший научный сотрудник Института экономики КарНЦ РАН, г. Петрозаводск.
10. **Маслякова** Наталья Васильевна - младший научный сотрудник Института экономики КарНЦ РАН, г. Петрозаводск.
11. **Морозова** Татьяна Васильевна - кандидат экономических наук, заведующий отделом Института экономики КарНЦ РАН, г. Петрозаводск.
12. **Никула** Йоко – кандидат социальных наук, старший научный сотрудник Александровского института, Университет Хельсинки, г. Хельсинки.
13. **О’Брайн** Давид Джордж – доктор социальных наук, профессор факультета социологии села Университета Миссури, США.
14. **Пациорковский** Валерий Валентинович – доктор экономических наук, профессор, зав. лабораторией Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, г. Москва.
15. **Полевщикова** Надежда Борисовна – кандидат географических наук, доцент Естественно-географического факультета Карельского государственного Педагогического университета, г. Петрозаводск.
16. **Римашевская** Наталья Михайловна – член-корреспондент РАН, академик РАЕН, доктор экономических наук, профессор, директор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, г. Москва.
17. **Розанова** Людмила Ивановна - кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики КарНЦ РАН, г. Петрозаводск.

18. **Синцова** Ольга Ульяновна, ведущий специалист Министерства сельского, рыбного хозяйства и продовольствия Республики Карелия, Петрозаводск.
19. **Собинский** Владимир Георгиевич – министр сельского, рыбного хозяйства и продовольствия Республики Карелия, Петрозаводск
20. **Сухарев** Михаил Валентинович – научный сотрудник Института экономики КарНЦ РАН, г. Петрозаводск.
21. **Фадеева** Ольга Петровна – старший преподаватель кафедры общей социологии ЭФ НГУ.
22. **Харин** Вадим Николаевич – кандидат математических наук, старший научный сотрудник Института прикладных математических исследований КарНЦ РАН, г. Петрозаводск

Введение

Представленная коллективная монография является результатом работы международного семинара «Перемены в сельской России 1991-2003: оценки, подходы, методы», проведенный в г. Петрозаводске (май 2004 г.), который проводился при финансовой поддержке РФФИ (проект № №04-06-85028 рук. Морозова Т.В) и Александровского института Университета Хельсинки. Семинар представил широкий спектр исследований, проводимых по проблемам сельской России. В состав участников семинара вошли представители академической, вузовской науки, независимых аналитических центров России, представители исполнительной власти Республики Карелия, представители международного научного сообщества (Финляндия, США). Особенность состава участников состоит еще и в том, что наряду с представителями регионального научного сообщества в работе семинара участвовали ученые ведущих столичных научных школ (г. Москва, г. Санкт-Петербург).

Сама идея семинара возникла в связи с острой потребностью ученых обсудить сформированные в течение последнего десятилетия взгляды на проблемы села, а также выработать позиции методологического и методического характера, позволяющие не только констатировать реальную ситуацию в сельских сообществах, но и выходить на прогнозные оценки. «И поэтому наша задача здесь – относиться к селу как к предмету и объекту исследования, более или менее беспристрастно, и стараться понять, что там происходит, и довести наши мнения и соображения до лиц, принимающих решения. А это уже их забота принимать решения. Но для того, чтобы принимать решения, нужно кооперироваться со всеми заинтересованными в судьбе села, нужно слушать их предложения» *(из выступления В.В. Пациорковского, г. Москва)*.

Зарубежные ученые – социологи села (США) также поддержали инициативу такой широкой научной дискуссии по проблемам села. «На мой взгляд, одна из важнейших проблем в исследовании сельской России, это закрытость институтов. Потому что каждое исследовательское учреждение занимается результатами собственными исследованиями, публикуется и обсуждает их. В связи с этим, мне кажется, что важнейшим результатом нашего семинара является то, что нам удалось собрать исследователей из разных регионов России и зарубежья, которые представили свои результаты и сравнили их *(из выступления Дэвида О'Брайна, США)*.

Можно выделить три основные блока проблем развития современного российского села, по сути аккумулирующие в себе целый спектр вопросов, стоящих сегодня перед научным сообществом аграрного направления, или так называемыми “учеными - деревенщиками”.

Ключевая проблема связана с *методологическими подходами* в вопросах исследования современного села, которые в настоящее время находятся в процессе своего

развития. В данном контексте международный семинар, который прошел в мае 2004 г. в г. Петрозаводске, был представлен следующими научными школами:

- Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН. (г. Москва);
- Социологическая школа села (США, университет Миссури, Колумбия Давид О'Брайн);
- Центр независимых социологических исследований В. Воронкова (г. Санкт-Петербург);
- Центр крестьяноведения Теодора Шанина (г. Москва);
- Институт экономики КарНЦ РАН (экономико-социологические исследования, проводимые под руководством Т. Морозовой, г. Петрозаводск);
- Александровский институт Университета г. Хельсинки (Лео Гранберг)

Эти школы объединяет междисциплинарный научный подход в исследовании сельских сообществ. В рамках данных научных направлений развитие села связывается не только с агроразвитием, а рассматривается в контексте сельского социума, сложного образования, включающего взаимодействующие и взаимообуславливающие друг друга сферы: хозяйственную и социально-территориальную.

«Хозяйственная сфера включает весь спектр хозяйствующих субъектов, функционирующих в селе: от сельхозпредприятия до фермера и домохозяйства. Социальная сфера охватывает те социальные процессы в сельской местности, которые являются результатом деформирующей государственной политики, и привели к появлению отдельных социальных групп населения, необратимо попавших в состояние социальной эксклюзии. Вместе с тем есть предпосылки для реализации устойчивого социально-экономического развития сельских территорий. Это связано с динамичным формированием новых реальных субъектов экономической деятельности: предприятий разных форм собственности, домохозяйств, отличающихся высоким уровнем адаптации и экономической активности, новым рыночным менталитетом, ориентацией на собственные ресурсы» (из выступления Т. Морозовой, г. Петрозаводск).

Сельская местность — это особая сфера жизнедеятельности человека, в которой хозяйствование переплетается с образом жизни сельских домохозяйств и сельских сообществ. Поэтому преобразования на селе связываются в первую очередь с совершенствованием сельского развития и реформой сельского самоуправления. Данные проблемы должны быть рассмотрены в контексте формирования на селе институтов самоорганизации и различных форм кооперации. Эти процессы уже зафиксированы в исследованиях представленных на семинаре научных направлений. Данные вопросы поднимались в докладах Т. Морозовой, Л. Розановой (г. Петрозаводск), О. Ткачук (г. Санкт-Петербург), В. Пациорковского (г. Москва).

Из выступления В.В. Пациорковского (г. Москва) «Что я для себя усвоил? Вчера выступали представители министерства сельского хозяйства, оба они говорили о проблемах и об обобщении опыта - и всё в плане больших предприятий. Они ничего не знают ни о фермерах, ни о домохозяйствах. Это, конечно, весьма и весьма настораживает.

Я не говорю уже такими красивыми словами, как о создании условий равной конкуренции и прочее... Но, в принципе, если они не особенно интересуются домохозяйствами и не особенно интересуются фермерами, и рассматривают крупных товаропроизводителей в качестве основных агентов организации жизни в сельской местности, то ничего хорошего, на мой взгляд, это для села не предвещает. Более того, я и в докладе говорил, и сейчас подтверждаю, что для вашего региона, чем село быстрее покончит с сельским хозяйством, тем у него больше шансов выжить. Это не значит, что не должно быть сельского хозяйства вообще. Должно быть разнообразие, село должно быть более полифункциональное, и тогда у него гораздо больше шансов выжить. И мне представляется, что изучение сельских сообществ должно осуществляться с точки зрения формирования там самоорганизации систем, в которых, безусловно, домохозяйства и семья будут играть решающую роль. Поэтому всем людям, кто занимается селом, включая и министерство сельского хозяйства, надо бы кое-что пересмотреть в своих взглядах, и по-другому посмотреть на домохозяйства и сельскую семью. В противном случае, все принимаемые решения будут идти в разрез и со временем, и с тенденциями, и всем прочим».

Сельский социум, как любая социальная система, представляет собой систему сложных взаимосвязей между обществом и экономикой. Для того, чтобы понять природу этих взаимосвязей, необходим особый научный подход, позволяющий определить и оценить их структуру. Институциональный подход рассматривает взаимоотношения между обществом и экономикой через институциональные ограничения, которые определяют способ функционирования экономической системы. В рамках институционального подхода, рынок рассматривается как определенная институциональная структура, охватывающая законы, правила игры и, что наиболее важно, определенный тип поведения, отношений и связей.

«Среди преобразований, происходящих в социально-экономической жизни всего российского общества, и в первую очередь, на селе, ключевыми являются формирование отношений, связанных с использованием земли и леса. В данном контексте исследование сельского социума через призму изменяющихся институтов (легитимных правил поведения всех социальных субъектов, включающих формальные и неформальные компоненты), позволяет наблюдать процесс формирования института собственности на землю и лес как основных предметов хозяйственной деятельности сельского жителя» *(из доклада Г. Козыревой, г. Петрозаводск).*

«В настоящее время начался новый виток этих процессов. Готовится новое лесное законодательство, продолжает свое развитие земельная реформа. Кроме того, готовится новая административная реформа, предполагающая полный пересмотр политики муниципального развития. Сельский социум оказался под “перекрестным огнем” этих трех реформ. Как он поведет себя в новых институциональных рамках?» *(из доклада Т. Морозовой, г. Петрозаводск).*

Вопросы, связанные с институциональным развитием села, составляют второй блок методологических подходов, обсуждаемых на семинаре.

Занятость на селе: что это? В каком направлении развивается рынок труда в селе? Кто такой крестьянин? Чем он отличается от сельского жителя? Эти актуальные методологические вопросы поднимались в исследованиях участников семинара и результаты этих исследований были представлены в докладах участников.

«Сегодня мы пытаемся ответить на вопрос, кто такие современные крестьяне, чем они занимаются, если не занимаются сельским хозяйством, что для них земля. Одна из проблем – новые экономические агенты, рынок труда, поиск новых трудовых ниш. Как основной критерий выбора деревни выдвигалась занятость жителей в сельскохозяйственном секторе. Очевидно, существуют трудовые стратегии, которые позволяют жителям оставаться в деревне, вести свое хозяйство. В первую очередь, это челночные трудовые стратегии. Территориально оставаясь сельскими жителями, они выезжают на работу в близлежащие поселки и города. Таким образом, работа выходит за пределы села. Трудовое пространство перемещается вовне. Единственным местом работы в селе остается лесничество. В сельском хозяйстве заняты единицы. Характерна натурализация хозяйства. В летнее время собирательство становится одним из основных заработков на селе. Сегодня в деревню проникают городские профессии. Городскими они называются потому, что принято ассоциировать их с городом. Например, социальный работник, страховой агент. Видоизменение, если не сказать, исчезновение крестьянского труда меняет образ жизни жителей села и их взаимоотношения с городом как физическим, социальным и символическим пространством. Нерентабельность сельского хозяйства на Северо-западе превращает его сегодня в непозволительную роскошь. Его масштабы минимизируются до такой степени, в которой оно позволяет удовлетворять другие потребности, т.е. покупать аудиотехнику, автомобили и т.д. В какой-то степени эту практику можно сравнить с городской подработкой. поголовье скота в личном подсобном хозяйстве сокращается с каждым днем. Очевидно, что среднее поколение сельских жителей более ориентировано на сельское хозяйство, не говоря уже о старшем поколении. Жители рассказывают о своем отношении к сельскому хозяйству в категории привязанности. Однако их дети не воспроизводят их трудовой стратегии. Молодые люди ориентированы на другие, не сельскохозяйственные образцы поведения. Деревня превращается в рекреационную зону. Появляются новые возможности для занятости (строительство, торговля). Снижение доли сельского хозяйства не означает смерть деревни. Происходит переопределение смыслов деревенского образа жизни. Для исследователя – качественника определяющим фактором могут стать страхи и опасения сельчан. Ведь дом – это место, где комфортно. Сельчане боятся города. Такие представления транслируются детям. Школьники пишут о городе, как об опасном месте. Дети воспроизводят представления взрослых о городе. Таким образом, выявляется два вектора движения из деревни и сохранения сельской идентичности (деревня как уютный родной дом, который не хочется покидать). Было бы ошибочно характеризовать жителей

деревни как маргиналов» (из доклада Е. Чикадзе, г. Санкт-Петербург). Данные проблемы с учетом региональной специфики были затронуты в докладах Т.В. Морозовой, С.А. Гуровой, (г. Петрозаводск).

Важнейшим аспектом изучения сельских сообществ является инструментарий исследований. Собравшиеся на семинаре ученые (их называли представители социологической школы В. Воронкова, учеными - качественниками, а В.В. Пациорковский - учеными эмпириками) используют в своей работе социологический инструментарий, основанный на сборе эмпирической информации о реальных социально-экономических процессах в селе. Такие методы, включающие анкетирование и интервьюирование, позволяют осуществлять глубокие погружения в исследовательскую среду.

«Результаты анализа эмпирических материалов, позволят определить ключевые социально-экономические факторы, детерминирующие современное развитие сельских и лесных поселений, обосновать их разнородность и обозначить социально-экономическую базу для перспектив экономического развития данной территории» (из доклада С.А. Гуровой, г. Петрозаводск).

Один из взглядов на сельскую Россию был проиллюстрирован представителем Центра крестьяноведения Теодора Шанина А. Никулиным (г. Москва), который в качестве информационной базы рассматривает публицистические материалы о российском селе. «Многие ученые (социологи и антропологи), работающие в этой сфере, создают новый жанр текстов о селе. Нынешняя сельская пресса становится более сенсационной, прагматичной и скандальной. Она, как правило, ориентируется на дифференцирующие типы, так как происходит процесс социальной дифференциации. Она, как правило, пишет или об успешных лидерах, предпринимателях, или о бедолагах, выпавших в осадок, показывающих, до какого “скотского” состояния может дойти человек. Мне кажется, сейчас читатель, да и тот, кто исследует и пишет о нем, нуждается в двух важных жанрах, которые у нас практически отсутствуют. Первый – это жанр утопии, мечты о возможном ином будущем сельского хозяйства. В этом жанре писатели, публицисты и ученые всегда успешно работали, пусть они попадали пальцем в небо. Я практически во всем солидаризируюсь с докладом Валерия Пациорковского, когда он говорит, что есть 25 процентов нищих, в принципе, ничего тут изменить нельзя. Есть такие железные законы. Вот в этом и опасность, когда интеллектуалы, занимающиеся проблемами сельского социума, говорят, что изменить здесь ничего нельзя. Второе, что касается современной публицистики – ушло, непосредственно, мнение об обывателе, размышляющем о вечных проблемах бытия. Это о том “шукшинском” чудике, размышляющем о проблемах выживания и о проблемах обогащения. Хотя, как уже все предыдущие докладчики говорили, советы и рынки приходят и уходят, а сельская местность остается. Об этом надо писать» (из доклада А. Никулина, г. Москва).

Обзор проблем, прозвучавших на семинаре и включающих методологические и методические стороны исследования сельских сообществ, свидетельствует о том, что они

имеют высокую значимость и актуальность для формирования научных подходов и оценок социально-экономической ситуации на селе со стороны различных научных школ. Данный контекст важен для понимания реальной ситуации на селе и выработки адекватных стратегий его развития не только со стороны самих ученых, но со стороны широкого круга государственных, общественных и бизнес-структур.

Проблемы современного села, которые обсуждались на семинаре, находятся под пристальным вниманием международного научного сообщества. И здесь имеются объективные причины. Процессы, которые связаны с формированием новых интеграционных структур мирового уровня (ВТО, Евросоюз), определяют современную социально-экономическую политику России. В данном контексте российское село является наиболее уязвимым звеном. Исследование предпосылок для формирования новых институциональных правил, которые позволят России более безболезненно войти в европейское сообщество – важнейшая задача мировой науки. На семинаре ученые Александровского университета (г. Хельсинки, Финляндия) поделились своими представлениями о развитии института частной собственности на землю в странах Восточной Европы, в частности России и Балтии.

«Среди дискуссионных вопросов следует отметить то, что права собственников в сельском хозяйстве всегда были слабыми, а большие сельскохозяйственные предприятия не торопятся передавать права семейным фермерским хозяйствам, т.е. вопрос передачи стоит очень остро. Есть несколько интересных моментов, которые позволяют проводить сравнения между российской практикой и практикой балтийских государств относительно сельского хозяйства. Рекомендации Мирового банка заключаются в том, что внедрение системы деколлективизации должно происходить как можно быстрее. Мы видим, что в Литве и Латвии эти процессы начались сразу после получения независимости и шли очень быстро, что способствовало увеличению производительности труда. В Эстонии процесс деколлективизации занял долгое время, и там были долгие дебаты в Парламенте и других организациях. Тем не менее, результат также позитивен. Рекомендации Мирового банка включали в себя то, что процессы приватизации земельных и неземельных ресурсов должны быть более синхронизированы. Латвия следовала этим рекомендациям лучше всех. Как мы видим, Латвия возглавляла список, у нее эти процессы шли быстрее и лучше. На втором месте явно Литва. В Эстонии этот процесс еще не завершился. Также в рекомендации Мирового банка входило то, что должно формироваться фермерское хозяйство на основе семейных ферм, партнерств с ограниченной ответственностью. По их мнению, это был наилучший вариант. Литва следовала этим рекомендациям. В Латвии и Эстонии новые сельскохозяйственные предприятия по форме были акционерными обществами закрытого типа. В России произошло изменение формы собственности сельскохозяйственных предприятий, многие из них стали акционерными обществами. Что касается приватизации земли, то этот процесс оказался трудным, и позитивные результаты появятся года через два. В России тенденция развития похожа на тенденции в Латвии и Литве, но нет таких явных быстрых перемен. С точки зрения Мирового банка

пример Литвы наиболее показателен. Там большие хозяйства исчезли, но они не были заменены семейными фермерствами, а оказались заменены обычными индивидуальными хозяйствами. А практика оппортунизма со стороны акционеров в акционерных обществах привела к разрушению такой формы хозяйствования» (доклад Илки Аланена, университет г. Ювяскюля).

Вторым важным обстоятельством с точки зрения мировой науки, влияющим на успешность России в международной интеграции, является адекватность ее государственной политики устоявшейся в мировом сообществе логике трансграничного сотрудничества. Моделирование и проектирование образцов трансграничного взаимодействия на уровне сельских территорий, не противоречащих этой логике, является важнейшей исследовательской задачей со стороны российских ученых. В данном контексте на семинаре прозвучали выступления Лео Гранберга (г. Хельсинки), Т. Морозовой, Н. Полевщиковой (г. Петрозаводск).

Можно говорить о нескольких направлениях влияния российских ученых на проблемы села, оказавшиеся в фокусе внимания мировой науки.

Во-первых, это проектная деятельность. Широкая практика проектной деятельности в области исследования проблем села – не только самый распространенный среди российских ученых способ получения объективной информации, но и предпосылка для формирования в обществе толерантности рыночному порядку. Следует сказать, что в настоящее время российские ученые активно участвуют в проектной деятельности, поддерживаемой различными международными и европейскими фондами: Tacis, Intereg, Nebex, EERC, Евразия, МОНФ и т.п. Одно из условий таких проектов – обязательное участие в них структур разного уровня власти и НГО. Данное обстоятельство позволяет ученым работать в тесной связи с чиновниками и с общественностью, что в свою очередь является одной из предпосылок для формирования в обществе каналов прямой и обратной связи. Сельская тематика является одной из востребованных со стороны международных фондов. Причем, как правило, в таких проектах предусмотрена образовательная компонента, выражающаяся в различного рода тренингах, семинарах, школах, проводимых на территории стран Евросоюза. То есть и ученые, и чиновники, и представители местных сообществ имеют возможность сообща наблюдать успешные модели развития сельского социума, что способствует формированию единого подхода к сельской проблематике. Что касается непосредственно участников семинара, то их деятельность неоднократно поддерживалась этими фондами.

Во-вторых, участие ученых в законотворческой деятельности, нацеленной не только на общественную экспертизу, но и на непосредственное их участие в процессе разработки законов. Например, ученые из г. Петрозаводска, являясь одновременно сотрудниками Института экономики КарНЦ РАН и аналитиками НП Центр «Социологос», входят в общественный совет НПО при Председателе Законодательного собрания Республики Карелия, что позволяет им принимать непосредственное участие во всем цикле законотворческой деятельности. Проблемы села, как было озвучено на семинаре, во

многим обусловлены несовершенством формальных институтов. От их качества и их соответствия сложившимся в обществе неписанным законам (нормам и правилам поведения) зависит перспектива развития не только сельских сообществ, но и всего российского общества. Ученые на стадии формирования законов должны и могут задавать адекватные новым демократическим принципам алгоритмы развития.

В-третьих, научно-публицистическая деятельность. Широкая пропаганда своих взглядов через средства массовой информации (радио, телевидение, газеты), Интернет, научные и научно-публицистические журналы позволяет ученым доносить объективную информацию о сельской проблематике до власти и общественности, что также является одним из форм воздействия на общественное сознание.

Исторически сложилось, что проблемами села в России занимались ученые академии сельскохозяйственных наук и ученые различных академических и вузовских школ. Участники семинара являются представителями второго направления, куда как было уже объявлено выше, входят несколько научных школ из Москвы, Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Финляндии и США, представителей регионального, российского и мирового научного сообщества.

Говоря об уровне научного потенциала представителей данных научных школ, следует отметить, что он характеризуется высоким профессионализмом. Среди ученых – участников семинара – доктора, кандидаты экономических наук и ученые, имеющие продолжительный опыт исследовательской работы в области села. Кроме того, об этом свидетельствует послужной список – это активные участники международной проектной деятельности, имеющие серьезные публикации по проблемам села.

В представленных научных школах широко распространена практика международных и российских стажировок для молодых ученых, что способствует формированию научного кадров новой формации, которые через вхождение в мировое научное сообщество в будущем могут стать проводниками инновационных идей не только для своих учителей, но и для всей российской научной среды.

Представленные на семинаре научные школы обладают современной материально-технической базой и программным обеспечением, что позволяет им работать в формате международных критериев проектной и исследовательской деятельности.

Сделанные на семинаре доклады в полной мере соответствуют заявленным ранее темам и тем актуальным проблемам исследования сельских сообществ, о которых было сказано в предыдущих пунктах. Все доклады, прозвучавшие на семинаре, находятся в заданном контексте.

Основным результатом проведенного в г. Петрозаводске семинара является получение на основании сделанных докладов, научной дискуссии и выводов, вытекающих из этих дискуссий, кумулятивного научного эффекта. Данный эффект работает на повышение уровня профессионализма ученых в области сельской проблематики, формирование секторов единого понимания проблем села среди ученых и

практиков, перспективное научное сотрудничество участников семинара, нацеленное на повышение благосостояние сельских сообществ России.

Introduction

The collective monography is based on the materials of the international seminar «Changes in rural Russia 1991-2003: estimations, approaches, methods», which was held in Petrozavodsk (May, 2004) supported by the Russian Foundation for Basic Research (the project № №04-06-85028 – Head: Tatjana Morozova) and Alexander Institute, University of Helsinki. The seminar has presented a wide spectrum of the research on problems of rural Russia. The structure of participants of a seminar included representatives from the academic, highest schools of science, independent analytical centers of Russia, representatives of the Government of the Republic of Karelia, representatives of the international scientific community (Finland, the USA). Feature of the seminar structure was also in participation of the representatives from regional scientific community with the leading scientific schools of capitals (Moscow, Saint Petersburg).

The idea of a seminar has arisen in connection with a sharp need of scientists to discuss the sights generated during the last decade to problems of a village, and also to develop the positions of methodological and methodical character allowing not only to ascertain a real situation in rural communities, but also to do prospect estimations. «And consequently our task is to concern to village as to a subject and object of research, more or less impartially, and try to understand, what does it occur, and compare our opinions and reasons with the persons accepting the decisions. And it is already their case to make the decisions. But to make the decision, it is necessary to cooperate with all interested people in destiny of a village, it is necessary to listen to their offers» (*from V.V.Patsiorkovskiy's statement, Moscow*).

Foreign scientists - sociologists (the USA) also have supported the initiative of a wide scientific discussion on village problems. «In my opinion, one of the major problems in research of rural Russia is closeness of institutions. Because each research establishment is engaged in results of own research, it is published and discussed. In this connection, it seems to me, that the major result of our seminar is that we would manage to gather researchers from different regions of Russia and abroad which have presented the results and have compared them (*from David's O'Brien statement, the USA*)».

It is possible to allocate three basic blocks of problems of modern Russian village development, as a matter of fact; is the whole spectrum of the questions worth today mainly for scientific community of agricultural sector or so-called «scientists – rural population».

The key problem is connected to the *methodological approaches* in questions of research of a modern village, which now are in process of the development. In this context the international seminar which was held in May, 2004 in Petrozavodsk, has been submitted by the following scientific schools:

- Institute of social and economic problems of the population of the Russian Academy of Sciences. (Moscow);
- Sociological School (the USA, University of Missouri-Columbia, David J. O' Brien);
- Center of independent sociological research of V.Voronkov's (Saint Petersburg);

- Center of rural study of Teodor Shanin (Moscow);
- Institute of Economics Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (economic - sociological research is headed by T.Morozova, Petrozavodsk);
- Alexander Institute, University of Helsinki (Leo Granberg).

These schools are united with the interdisciplinary scientific approach in research of rural communities. Within the framework of these scientific directions development of a village is joined not only with an agricultural sector and considered in a context of rural society, the complex formation including cooperation and inter stipulated each other spheres: economic and social - territorial.

«The economic sphere includes all spectrums of the managing subjects functioning in a village: from an agricultural production up to the farmer and households. The social sphere covers those social processes in a countryside, which are results of deformation state policy and have led to occurrence of separate social groups of the population irreversibly got in a condition of social exclusion. At the same time there are preconditions for realization of steady social and economic development of rural territories. It is connected to dynamical formation of new real subjects of economic activities: the enterprises of different patterns of ownership, households, distinguished by a high level of adaptation and the economic activity, new market mentality, orientation to own resources» (from T.Morozova's statement, Petrozavodsk).

The countryside is a special sphere of the person activity in which managing is bound with a way of life rural householding and rural communities. Therefore, transformations in a village first of all are concerned with perfection of rural development and reform of rural self-management. These problems should be considered in a context of rural institutions formation as self-organizing and various forms of cooperation. These processes are already fixed in research of the scientific directions submitted at a seminar. The questions were raised in the reports of T.Morozova, L.Rozanova (Petrozavodsk), O.Tkachuk (Saint Petersburg), V.Patsiorkovskiy (Moscow).

(From the V.V.Patsiorkovskiy's performance (Moscow) «What I have acquired for myself? Yesterday the representatives of the Ministry of Agriculture gave the presentations, both they spoke about problems and about generalization of experience - and everything was said in a way of the big enterprises. They know nothing or about farmers, either about households. It is certainly a rather pointed question. I do not speak such beautiful words as creation of conditions of an equal competition and so on ... But, basically, if they are not especially interested in households and in farmers, and consider large commodity producers as the basic agents of the organization of a countryside life, in my opinion, it does foretell nothing good for the village. Moreover, as I mentioned in my report, and now I confirm, that for your region, the faster the village will finish with an agriculture, the more than chances it will have for survival. It does not mean, that there should not be agriculture in general. There should be a variety, the village should be more multifunctional and then it has greater chances to survive. And as I see it, that studying of rural communities should be carried out from the point of view of self-organizing formation systems in which, certainly, households and family will play a main role. Therefore,

all people who is engaged in a village studying, including the Ministry of Agriculture, it would be necessary to reconsider something in the sights, and to look on households and rural family from the other point. Otherwise, all accepted decisions would go in a cut with the time, tendencies, and etc»

Rural society as any social system represents system of complex interrelations between a society and economy. To understand the nature of these interrelations, the special scientific approach allowing to define and estimate their structure is necessary. Institutional approach considers mutual relations between a society and economy through institutional restrictions, which determine a way of economic system functioning. In the framework of the institutional approach, the market is considered as a certain institutional structure covering laws, game rules and, what is the most important, the certain type of behaviour, relations and communications.

«Among the transformations occurring in social and economic life of all Russian society, and first of all, in rural area, key questions are formation of the attitudes connected to use of the land and wood. In this context research of rural society through a prism of changing institutions (legitimate rules of behaviour of all social subjects including formal and informal components), allows to observe process of institution's formation of the landed property and wood as basic subjects of economic activities of a countryman» *(from G.Kozyreva's report, Petrozavodsk).*

«Now a new coil of these processes has began. New wood legislation is being prepared and land reform is being developed. Besides, the new administrative reform supposing full revision of a policy of municipal development is going on. The rural society appeared under the "cross fire" of these three reforms. How will it lead itself in new institutional frameworks?» *(from T.Morozova's report, Petrozavodsk).*

The questions connected with the institutional development of a village were the second block of the methodological approaches discussed at a seminar.

Employment in a village: what is it? In what direction does the labour market in a village develop? Who is a peasant? Does he differ from a countryman? These actual methodological questions are mentioned in research of the seminar participants and results of these researches have been submitted in their reports.

«Today we try to answer on a question who is modern peasants, if they are engaged or not engaged in agriculture, what does it mean for them land. One of the problems is new economic agents, a labour market, and search of new labour niches. As the basic criteria of a choice of a village, employment of inhabitants in an agricultural sector was put forward. Obviously, there is labour strategy, which allows inhabitants to remain in a village, to conduct economy. First of all, it is shuttle labour strategy. Territorially remaining countrymen, they leave rural areas to work in nearby settlements and cities. Thus, work falls outside the village limits. The labour space moves outside. A unique place of work in a village there is a forest area. In agriculture units are occupied. Naturalization of facilities is characteristic. In summertime collecting becomes one of the basic earnings in a village. Today city trades penetrate into the village. They are called city because it is accepted to associate them with city; for example, the social worker, and the insurance agent. Modification if not to tell, disappearance of country work

changes a way of rural citizens life and their mutual relations with a city as physical, social and symbolical space. Unprofitableness of agriculture in Northwest transforms it today into inadmissible luxury. Its scales are minimized up to such a degree in which it allows to satisfy other needs, i.e. to buy audio equipment, automobiles, etc. To some extent this practice can be compared with an additional earning in city. The livestock of cattle in a farm is reduced every day. It is obvious, that the average generation of countrymen is more focused on agriculture, let alone the senior generation. Inhabitants tell about the attitude to agriculture in a category of attachment. However, their children do not reproduce their labour strategy. Young people are focused on others, not agricultural samples of behaviour. The village turns to a recreational zone. There are new opportunities for employment (construction, trade). Reduction in a share of agriculture does not mean death of a village. There is a redefinition of senses of a rural way of life. For the researcher with a high quality the determining factor can become fears of the peasants. In fact the house is a place where it is comfortable. Peasants are afraid of cities. Such representations are broadcast to children. Schoolboys write about city, as about a dangerous place. Children reproduce representations of adults about city. Thus, two vectors of movement from the village and preservations of rural identity (village as the cosy native house which is not worth to be left) come to light. It would be erroneous to characterize inhabitants of a village as margins» (from *E.Chikadze's report, Saint Petersburg*). These problems in a view of regional specificity have been mentioned in T.V.Morozova's, S.A.Gurova's reports, (Petrozavodsk).

The major aspect of rural communities studying is the toolkit of research. The scientists who have gathered at a seminar (representatives of sociological schools of V.Voronkov, scientists – qualified as they have named, and V.V.Patsiorkovskiy – scientists emperical) use the sociological toolkit based on gathering empirical information on real social and economic processes in a village in the work. Such methods as questioning and interviewing allow carrying out deep immersings in the research environment.

«Results of the analysis of empirical materials will allow to define key socio-economic factors, determining modern development of rural and wood settlements, to prove their heterogeneity and to designate social and economic base for prospects of economic development of the territory » (from *S.A.Gurova's report, Petrozavodsk*).

One of the sights at rural Russia has been illustrated by the representative of the Center of Peasantry Study of Teodor Shanin, A.Nikulin (Moscow), which publicistic materials about the Russian village were considered as an information base. «Many scientists (sociologists and anthropologists), working in this sphere, create a new genre of texts about village. The present rural press becomes more sensational, pragmatic and scandalous. As a rule, it is guided by differentiating types, as there is a process of social differentiation. It is, as a rule, written or about successful leaders, businessmen, or about the poor fellows who were dropped out in a deposit, showing how the person can reach "bestial" condition. It seems to me, that the reader now, and the one who investigates and writes about it, requires two important genres, which are practically absent. The first is a genre of Utopia, dream of possible other future of agriculture. In this genre writers, publicists and scientists always successfully worked, let say they got with a finger in the

sky. I practically take the point of Valery Patsiorkovskiy's when he speaks that there are 25 percent of beggars basically, and nothing can be changed here. There are such iron laws. And we can speak here about danger, when the intellectuals engaging in problems of rural society, speak that it is impossible to change here anything. The second, as to modern publicism has left, directly, opinion of the inhabitant reflecting on eternal problems of life. It is about that "shukshinskom" stranger, reflecting on problems of survival and enrichment. Though, as all previous lecturers already emphasized, advice and market come and leave, but the countryside is stayed. It is necessary to write about it» (*from A.Nikulin's report, Moscow*).

The review of the problems sounded at a seminar both including the methodological and methodical sides of research of rural communities, testifies that they have the high importance and urgency for formation of scientific approaches and estimations of social and economic situation in a village on the part of various scientific schools. This context is important for understanding of real situation in a village and designing of an adequate strategy of its development not only from the part of scientists, but including the broad audience - state, public and business - structures.

Problems of a modern village, which were discussed at a seminar, are under steadfast attention of the international scientific community. Here again there are objective reasons. Processes, which are connected to formation of new integration structures at a world level (WTO, the European Community), define modern social and economic policy of Russia. In this context the Russian village is the most vulnerable part. Research of preconditions for formation new institutional rules which will allow Russia enter without serious consequences to the European Community - the major task of a global science. At a seminar scientists of the Alexander Institute, University of Helsinki (Helsinki, Finland) have shared their ideas about development of a private property institution on the land in the countries of the East Europe, in particular Russia and the Baltic States.

«Among debatable questions it is necessary to note that rights of proprietors in an agriculture sector always were weak, and the big agricultural enterprises do not hurry up to transfer rights to family farms, i.e. the question of transfer stands very sharply. There are some interesting moments which allow to carry out comparisons between the Russian practice and practice of the Baltic States concerning agriculture. Recommendations of the World Bank are that introduction of the de-collectivization system should occur as soon as possible. We see, that in Lithuania and Latvia these processes have begun right after receptions of independence and went very quickly, that promoted increase of labour productivity. In Estonia process of de-collectivization has taken long time, and there was a long debate in Parliament and other organizations. Nevertheless, the result also is positive. Recommendations of the World bank included also that processes of land privatization and natural resources should be more synchronized. Latvia followed these recommendations the better way. As we see, Latvia headed the list, at these processes went fastly and better. On the second place is obviously Lithuania. In Estonia this process yet has not come to the end. Also recommendations of the World Bank included that the farm should be formed on the basis of family farms, partnership with limited

liability. In their opinion, it was the best variant. Lithuania followed these recommendations. In Latvia and Estonia the new agricultural enterprises under the form were close joint-stock companies. In Russia there was a change of a pattern of ownership of the agricultural enterprises, many of them became joint-stock companies. As to privatization of the land this process appeared difficult, and positive results will appear year through two. In Russia the tendency of development is similar to tendencies in Latvia and Lithuania, but there are no such obvious fast changes. From the point of view of the World Bank the example of Lithuania is the most indicative. The big facilities have disappeared, but they have not been replaced by family farmers, and appeared with usual individual facilities. And practice of opportunism on the part of shareholders in joint-stock companies has led to destruction of such form as managing » (*from the Report of Ilkka Alanen, University of Juvaskyla*).

The second important circumstance from the point of view of the world science, influencing success of Russia in the international integration, is adequacy of its state policy to the logic, which has settled in the world community of cross-border cooperation. Modeling and designing of samples of cross-border interactions at a level of the rural territories which are not contradicting to this logic, is the major research problem of the Russian scientists. In this context statements of Leo Granberg (Helsinki), T.Morozova, N.Polevshchikova (Petrozavodsk) have sounded.

It is possible to speak about several directions of influence of the Russian scientists on the problems of the village, which have appeared in focus of attention of a global science.

Firstly, it is a project activity. Wide practice of the project activity in the field of the village problems research is not only the way of reception of the objective information most widespread among the Russian scientists, but also the precondition for society formation of tolerance to the market order. It is necessary to tell that now the Russian scientists actively participate in the project activity supported by various international and European funds: Tacis, Interreg, Nebex, EERC, Eurasia, IOSF, etc. One of the conditions in implementation of such projects is obligatory participation in them of authorities structures and non-governmental organizations. These circumstance allows scientists to work in close connection with the officials and with the public, that in turn is one of the preconditions for formation in a society of channels of a straight line and a feedback. The rural subject is one of the priorities of the international funds. And, as a rule, in such projects educational component is stipulated, expressing in various kinds of trainings, seminars, and the schools organized in territory of the countries of the European Community. That is both scientists, and officials, and representatives of local communities have an opportunity together to observe successful models of development of rural society that promotes formation of the uniform approach to a rural problematics. As to direct participants of a seminar their activity was repeatedly supported by these funds.

Secondly, participation of scientists in the legislative activity aimed not only at public examination, but also at their direct participation during development of laws. For example, scientists from Petrozavodsk, being simultaneously employees of the Institute of Economics KRC of the Russian Academy of Sciences and analysts of Non-governmental Center "Socio-

Logos", are members of the Legislative Assembly of the Republic of Karelia that allows them to accept direct participation in all cycles of legislative activity. Problems of a village as it has been sounded at a seminar, in many respects are caused by imperfection of formal institutions. The prospect of development not only in rural areas, but also of all Russian society depends on their quality and their conformity to unwritten laws developed in a society (to norms and rules of behaviour). Scientists at a stage of laws formation should and can set algorithms of development adequate to new democratic principles.

Thirdly, scientific-journalistic activity. Wide propagation of the sights through mass media (radio, TV, newspapers), the Internet, scientific and scientific-journalistic magazines allows scientists to inform the objective information on a rural problematics up to authority and the public that also is one of forms of influence on public consciousness.

As historically have been developed, scientific academies of agricultural sciences and scientists of various academic and high schools in Russia were engaged in problems of a village. Participants of a seminar are representatives of the second direction what has been already declared above, where scientific schools from Moscow, Saint Petersburg, Petrozavodsk, Finland and the USA, representatives of regional, Russian and world scientific community are included.

Speaking about a level of scientific potential of representatives of these scientific schools, it is necessary to note, that it is characterized by high professionalism. Among scientists - participants of a seminar - doctors, candidates of economic sciences and the scientists having long experience of research work in the field of a village. Besides the track record testifies it; they are active participants of the international project activity which have great publications on problems of a village.

At the submitted scientific schools international exchange training and Russian training for young scientists is widely spread that promotes formation of scientific staff at a new stage through that they can become conductors of innovative ideas not only for the teachers, but also for all Russian scientific environment in global scientific community in the future. The scientific schools submitted at a seminar possess modern material base and the software that allows them to work in a format of the international criteria of project and research activity.

The reports made at a seminar follow to the full themes declared earlier and those actual problems of research of rural communities about which it has been told in the previous items. All reports, which have sounded at a seminar, are in the set context.

The basic result of the seminar, which was held in Petrozavodsk, is reception on the basis of the reports scientific discussion and the conclusions following from these discussions, cumulative scientific effect. The effect works on increase of a professional level of the scientists in the field of a rural problematics, formation of uniform understanding of the village problems among scientists and practical implementers, perspective scientific cooperation of the seminar participants aimed at increase of the well-being of rural communities in Russia.

Развитие человеческого потенциала России

Н.М. Римашиевская

Институт социально-экономических
проблем народонаселения РАН
Москва

Главное богатство любой общественной системы – человеческий потенциал; он определяет могущество страны и общества; определяющей фактор развития экономики в современных условиях – человеческий потенциал. Это утверждение стало общим местом в науке и социальной практике. Хотя не все проводимые реформы в нашей стране учитывают данную истину.

Специальный анализ позволяет сделать вывод, что из двух разных стран та, у которой демографический ресурс больше, при прочих равных условиях, будет обладать большей совокупной мощностью. Разумеется, что демографический ресурс определяется сегодня не только и не столько количественными, сколько качественными параметрами. Тем не менее, правительство и правящие элиты некоторых развивающихся стран с большей вероятностью будут всячески стимулировать рост населения в своих странах, надеясь конвертировать его в геополитическое влияние и усматривая в нем гарантию суверенитета для своих государств. Примеров этому множество. Индийская программа «нулевого демографического роста» была свернута правящимися кругами совершенно сознательно, т.к. огромное население Индии – это определенные гарантии безопасности, как против Китая, так и против Исламского мира, в первую очередь Пакистана. Высокий уровень рождаемости поддерживается режимами Ирана и Ирака. Лидеры слаборазвитых стран понимают, что значительное население – есть некоторая подстраховка политического суверенитета.

Не случайно в середине XX века в работах Т.Шульца, а затем Г.Беккера возникла и сформировалась концепция человеческого капитала¹, которая трактовала его как совокупность знаний и квалификации, выполняющих их двойственную функцию: средств производства и предмета длительного пользования. Появление кардинально новой оценки населения было велением времени. Вложения в человеческий капитал, рост ценности человеческого труда становятся важнейшими факторами преобразования экономики, модернизации экономических институтов, инновационных решений. Развитие рассматривается не просто как повышение темпов роста, а как гуманитарные инвестиции и ликвидация бедности.

Постиндустриальное общество, в направлении которого движется наша страна – это не только информационные и телекоммуникационные технологии, но становление принципиально новых областей науки, связанных с био- и нанотехнологиями. Инновационная реструктуризация отечественной экономики предполагает переход от развития, базирующегося на использовании природных ресурсов, к динамике, основанной на эксплуатации человеческого знания, наукоемких производствах и новых

фундаментальных открытиях. Приоритетным становится сохранение человеческого потенциала страны, способного адаптироваться к сокращению инновационного цикла, когда поток нововведений становится все более плотным.

Обращает на себя внимание и тот нетривиальный факт, что в развитых странах произошла смена государственных приоритетов: наблюдается относительное сокращение доли военных исследований и ускоренный рост инвестиций в фундаментальные науки, связанные с системой здравоохранения. За этим, безусловно, стоит качество человеческого потенциала во всем богатстве его проявления.

Одновременно с этим мы видим, что на роль базового фактора развития экономики выдвигается образование, включая системы, обеспечивающие получение профессиональных знаний в течение всей жизни. Ведь «жизненный цикл знаний», навыков, профессий сегодня оказывается чрезвычайно коротким.

В условиях широкого и повсеместного внедрения новых технологий, инноваций производства, интенсивного распространения информатизации на базе процессов, интенсивного распространения информатизации на базе процессов глобализации, широко шагающей по планете, все более жесткими становятся проблемы и требования к качеству рабочей силы. В мировой конкуренции побеждают не числом, а умением. На современном этапе социально-экономического развития основным источником национального богатства является интеллектуальный капитал – запасы знаний и умений. По оценкам Всемирного банка, по 192 странам на долю физического капитала (накопление материально-вещественные фонды) приходится в среднем 16% общего богатства, на долю природного капитала – 20%, на долю человеческого капитала – 64%. Для России эти пропорции составляют 14, 72 и 14%. В то же время в Германии, Японии и Швеции человеческий капитал достигает 80%.

Теория человеческого капитала, интенсивно развиваясь во второй половине XX века, довольно быстро в новаторских работах А.Сена², трансформировалась в концепцию расширения человеческих «возможностей», замещающих материальное и экономическое благосостояние. Непосредственным следствием этой теории явился вывод о том, что цель экономического развития заключается не только и не столько в том, чтобы увеличить производство и потребление, а в том, чтобы открыть для человека «возможность выбора», позволяющего совершить больше дел, дольше жить, спастись от болезней, которых можно избежать, иметь доступ к знаниям и культурным ценностям. В конечном счете, развитие – это вопрос свободы, а не валовой национальный продукт.

Наряду с концепцией «человеческого капитала» определенную роль в трансформации теории экономического роста в человеческое развитие сыграли две новые постановки. Одна из них, адаптированная Международной организации труда – концепция «базовых нужд», суть которой в том, что экономическая и социальная политика должна строиться, во-первых, с учетом обязательного удовлетворения некоторых минимальных потребностей семьи в пище, одежде, жилище и домашнем оборудовании, а

во-вторых, при улучшении общественных услуг в области санитарного состояния мест проживания, общественного транспорта, здравоохранения и образования.

Вторая постанoвка, выдвинутая Всемирным Банком, связана с необходимостью перераспределения созданных в процессе роста доходов для переключения их на нужды бедных групп населения. Рост объемов производства, включая ВВП, не решит проблемы нищеты и бедности, без включения процессов перераспределения доходов за счет роста.

Новейшие концепции развития базируются на постулате: конечная цель – это не уровень дохода, а расширяющийся человеческий выбор в области здравоохранения, образования, экономической и общественной деятельности.

Остаются три ключевые проблемы: прожить долгую и здоровую жизнь; приобрести знания; иметь доступ к ресурсам, необходимым для здорового образа жизни. И только при условии удовлетворения этих потребностей возможно иметь политические и экономические свободы, свободы передвижения и выбора места жительства, создания семьи, реализации творческих способностей, гарантии прав человека, уважения окружающих. Однако, разумеется, что реализовать указанные выше потребности и свободы возможно лишь при определенном уровне материальной обеспеченности.

Таким образом, возникает два взаимопроникающих процесса, из которых один стимулирует развитие человеческого капитала, как суммы здоровья, знаний, культуры и свободы личности, предъявляя новые, все более высокие требования к человеку, как участнику общественного производства, а другой – ориентирует само это производство на удовлетворение развивающихся и развивающихся потребностей.

Впервые проблему качества человеческого потенциала сформулировал П. Сорокин³, оценивая состояние населения России во время первой мировой войны и революции. Несмотря на гигантские количественные потери, отмечал он, составившие 21 млн. чел. за 1914-1921 гг., главное все-таки – качественный урон; концепция развития человеческого потенциала шире модели экономического развития. «Судьба любого общества зависит, прежде всего, от свойств его членов», - пишет далее исследователь. «Внимательное изучение явлений расцвета и гибели целых народов показывает, что одной из основных причин их было именно резкое качественное изменение состава их населения в ту или другую сторону». По оценкам Питирима Сорокина, только одаренность российских предков позволила создать «могучее государство и ряд великих общечеловеческих ценностей».

Роль населения как носителя интеллектуального потенциала многократно возрастает в постиндустриальных странах, где именно интеллект нации как совокупность интеллектов отдельных личностей становится реальным двигателем и определяющим фактором прогресса. Всякая потеря людских ресурсов России независимо от характера и конкретных причин, как в количественном, так и в качественном отношении оказывается не только внутривнутриполитической, но и геополитической проблемой. Эти потери дестабилизируют и ослабляют страну, а в экстремальной ситуации могут стать угрозой национальной безопасности.

Невозможно не добавить к высказанным положениям слова Даниила Гранина, который писал: «Я давно убедился в том, что русский народ очень талантлив во всех решающих областях науки и искусства: в математике, физике, литературе, поэзии, музыке, живописи». И далее... Наши интеллектуальные достижения конвертируемы, это золото, которое имеет хождение повсюду и которое может обеспечить нам первые роли в мировом сообществе. ... Какой я себе представляю Россию будущего? К нам будет приезжать лучшая молодежь из разных стран, чтобы учиться в наших университетах, как сейчас молодые люди приезжают в Кембридж или Оксфорд. Наша эмиграция последней волны вернется в Россию, потому что здесь для работы будут созданы нормальные условия, и если кто-то будет уезжать, то только на время. В этом случае в интеллектуальном отношении Россия может очень быстро опередить многие страны»⁴.

Процесс глобализации, охватывающий всю планету, показывает, что интеллектуальный потенциал, как своеобразный ресурс общества не имеет никаких способов замещения. Он лишь «перетекает» с одного континента на другой, из одной страны – в другую.

К сожалению, в сфере формирования человеческого потенциала в России сегодня возникло много негативных явлений. Отчасти они связаны с исторически сложившейся низкой оценкой и самооценкой в общественном и индивидуальном сознании человеческой жизни. Свою роль сыграла и привнесенная в страну, чрезвычайно вредная и опасная идея «экономически эффективного населения», которое по мнению его авторов для России может быть ограничено 50 млн. чел., занятых в нефтегазодобывающих отраслях и лесохозяйственном комплексе, а также – в обслуживающей их инфраструктуре. А остальные относятся к группе, составляющей нагрузку на экономику.

Следует подчеркнуть вслед за Н.Шмелевым особенность исторического периода России с 1917 по 1953 гг. когда лучшая в умственном, нравственном и даже в физическом отношении часть нации по тем или иным причинам была уничтожена. Некоторые генетики утверждают, что «этот генетический ущерб российское общество может восполнить не ранее, чем через 5 поколений, т.е. в лучшем случае к середине XXI века»⁵. Серьезное предостережение.

Человеческий потенциал в России, как, в России, как, впрочем, и в любой другой стране, имеет две координаты: количественную и качественную. и если первой из них в последнее время в силу известных причин (естественная убыль и депопуляция) уделяется чрезвычайное внимание не только на научном фронте, но и в рамках государства (достаточно вспомнить принятую правительством концепцию демографического развития в России на период до 2015 года), то вторая - как «сирота», ее не только мало изучают, но и недостаточно вспоминают, несмотря на то, что в современных условиях роль качественных характеристик человеческой популяции постоянно возрастает.

Демографические процессы, в основе которых лежат законы популяционного развития, отличаются инерционностью смены поколений и с трудом поддаются воздействиям. Главная особенность воспроизводства населения России 1990-х гг. состоит

в возникновении феномена депопуляции, который для страны в целом проявился в 1992 г. в момент пересечения тенденций рождаемости и смертности, продолжаясь по сию пору⁶. За 1992-2002 гг. естественная убыль составила 8708,8 тыс. чел., т.е. почти 9 млн.⁷ Частично она была компенсирована положительным сальдо миграции. Поэтому «чистые» потери населения за 11 лет составили 3,5 млн. чел. (148, 5 млн. в 1991 и 145,0 – в 2002)⁸.

Уровень естественной убыли, начавшейся в 1992 г, был 1,5%, постепенно увеличившись до 6,5% в 2002⁹. В 2000 в Европе существовало 14 стран с естественной убылью населения, 11 из них - это бывшие республики СССР и социалистические страны Восточной Европы. Из западноевропейских стран, где естественная убыль на порядок ниже, чем в России, можно отметить лишь Германию с коэффициентом 0,8%, Италию и Швецию - с 0,3%¹⁰.

Этот феномен требует особого внимания, т.к. он существенным образом определяет состояние населения не только сегодня, но завтра и в отдаленной перспективе. Долгосрочные тенденции общемирового характера действительно оказывают воздействие на происходящие в России демографические процессы, о чем постоянно настаивают некоторые российские демографы. Однако существенное влияние на них имели социально-экономические факторы, возникшие в начале 90-х гг., выступившие в качестве катализатора негативных явлений, которые так и останутся на «теле» российской популяции, как «демографическое эхо» в ее истории. Острота связанных с переходом к рынку трансформационных преобразований, осуществляемых без необходимых социальных амортизаторов и оценки социальных последствий, оказалась тем ускорителем, который привел к демографическому кризису в России.

Абсолютное сокращение численности обусловлено развитием трёх составляющих демографической ситуации: снижением рождаемости, ростом смертности, падением положительного сальдо международной миграции.

Динамика демографических процессов в 90-х гг., а также в начале XXI века характеризуется низким общим коэффициентом рождаемости, равным 9,8% в 2002 г.¹¹ Правда, с 1999 г. отмечается некоторый рост этого показателя, что отчасти связано с вступлением в детородный возраст женщин из поколений большого размера (рождения 1980-85 гг.). Основные причины существенного падения рождаемости в 1990-х гг., помимо общей тенденции, состоят в следующем: а) уменьшение абсолютной численности женщин репродуктивных контингентов, когда в детородный возраст вступили «дети детей войны»; б) тайминговые сдвиги (календарь рождений), имевшие место в середине 1980-х гг., в результате которых во второй половине уже родились те, кто должен был родиться в начале 90-х; в) сильное влияние сформировавшихся потенциальных моделей однодетной семьи у женщин детородного возраста; г) откладывание и отказ от рождений в связи с социально-экономическим кризисом и политической

нестабильностью, повлекших за собой катастрофическое снижение жизненного уровня населения. Показатели идеального, желаемого и ожидаемого числа детей были особенно низкими в 1992 (год либерализации цен) и в 1994 годах (год наивысшей

инфляции) как своеобразная реакция на ухудшение условий жизни. Динамика репродуктивных установок в конце 90-х годов и в начале нового столетия объясняется тем, что напряжение и страх, испытываемые населением в первые годы реформ, постепенно уступают место адаптации к существующим экономическим и социальным переменам.

В 1990 гг. имел место интенсивный рост смертности, «пик» которой был отмечен в 1994, когда коэффициент общей смертности достиг 15,7%¹² – уровень, не наблюдавшийся со времени военных лет. С 1995 г. отмечается некоторый спад этого негативного показателя, который в 1998 г. опустился до 13,6%. В следующем, 1999 г. вновь подскочила смертность, достигнув в 2002 г. 16,3‰ и продолжая расти в 2003 г. С 1999 смертность от внешних причин, в отличие от мировых тенденций, заняла в России 2-е место, отодвинув на 3-е смертность от новообразований. Эта специфика сохраняется и в настоящее время, что свидетельствует об особой значимости социально-экономических факторов. Высоки показатели смертности от несчастных случаев, отравлений и травм были в 1994 (св. 368 тыс. смертей; 250,7 случаев на 100 тыс. населения)¹³, когда от самоубийств погибло 62 тыс.чел., от алкогольных отравлений - 55 тыс., от всех видов транспортных травм - 42 тыс. и убито - 48 тыс.человек.

Специфика демографических процессов в России в 90-х гг. характеризуется сверхсмертностью мужчин, особенно в трудоспособных возрастах. При сохранении современного уровня смертности из числа россиян, достигших 16 лет в 2000 г., доживут до 60 лишь 58% мужчин. Продолжительность жизни сегодняшних мужчин в возрасте 25 лет и старше равна или ниже той, что они имели в конце XIX в. (1896-97 гг.), вопреки тому, что предстоящая жизнь родившихся в то время составляла 29, а сегодня - 59 лет. За 1990- 94 гг. мужчины потеряли в продолжительности жизни 4 года, а женщины за тот же период - 3 года¹⁴.

В 1993 г. младенческая смертность поднялась до уровня, наблюдавшегося в первой половине 80-х гг. Начиная с 1994 г. фиксируется ее снижение и в 2002 г. соответствующий показатель достиг 13,3%¹⁵. Однако уровень младенческой смертности в России остаётся выше, чем в западноевропейских странах, где он колеблется в интервале от 4 до 6%¹⁶.

Миграционный прирост российского населения за счет обмена с населением других стран, включая страны СНГ и Балтии, имеет устойчивую тенденцию к снижению. Так, этот прирост в 2002 году составил лишь около 18% от того, что Россия получила в результате международной миграции в 1993 г.¹⁷

Сформировавшиеся в России тенденции демографического воспроизводства в значительной мере определяют рамки прогнозных оценок численности населения, которые проводятся российскими, зарубежными и международными организациями. Обращает на себя внимание тот факт, что за период с 2002 по 2015 гг. население России уменьшится на 11 млн.чел.¹⁸, а за период с 2016 до 2050 гг. – ориентировочно на 30 млн¹⁹. Интенсивное снижение численности еще более обостряет проблему качества населения.

Прогнозы показывают не только падение численности российского населения, но и существенное изменение его структуры.

Интенсивно снижается численность детей; «поле» детства, его человеческий и социальный потенциалы сжимается как «шагреновая кожа». За последнее пятнадцатилетие (с 1994 по 2003 гг.) численность детей в возрасте до 18 лет сократилась на 9 млн., с 27% до 21%. В 2003 г. детей было 30,5 млн., а в 2015 г. их численность снизится до 22,5 млн. и составит 17% в населении.²⁰ К середине текущего столетия доля детей уменьшится до 12%, составляя всего 10 млн. чел.

Масштабы нетрудоспособного и престарелого населения имеют, как известно, противоположные тенденции изменения. Их численность и доля возрастает как следствие старения российской популяции. Вместе с тем последние исследования Института показывают, что эта структурная часть народа с точки зрения своего качественного потенциала не может рассматриваться лишь как негативная компонента, как нагрузка на экономику и общество. При условии сохранения здоровья она представляет собой существенный ресурс.

Выбор качественного состояния населения приобретает все большее значение в развитии любой страны, определяя параметры человеческого и социального капитала, свидетельствуя о динамике качества жизни и расширении «человеческого выбора» (по А.Сену). В свою очередь, качество человеческого капитала обуславливает конкурентоспособность рабочей силы и российского бизнеса.

Проведенные в Институте расчеты качественных характеристик человеческого потенциала российского населения показывают, что они имеют нисходящую тенденцию. Особенно это характерно для последних 10-15 лет, когда темпы снижения были особенно значительными.

Негативные процессы в области здоровья усилившиеся в последнее десятилетие, в значительной мере явились следствием социально-экономических реформ, которые осуществлялись без использования необходимых в таких условиях социальных предохранителей. Шоковая модель трансформационных преобразований фактически развивалась в разрез с процессами возможностей медико-биологической адаптации человека к меняющимся условиям жизни. Роковую роль сыграл чрезмерный стресс, снижающий сопротивляемость организма и вызывающий развитие характерных патологических изменений. Наряду со стрессом, провоцировавшимся неоднократными шокowymi ситуациями, действовал и другой механизм, связанный с нарушением «динамического стереотипа» (по И. Павлову), который обеспечивает устойчивое и экономное функционирование организма. Нарушение динамического стереотипа само по себе не только не мобилизует адаптационных механизмов организма, а вызывает развитие различных патологических процессов, в том числе депрессий и других психологических нарушений. Именно шоковая стратегия, приведшая к слому динамического стереотипа, по мнению медиков, стала главной причиной чрезвычайного ухудшения здоровья и высоко смертности населения, особенно в трудоспособном возрасте²¹. Об этом свидетельствует а)

рост заболеваемости; б) подъем инвалидизации; в) резкое падение здоровья детей и подрастающего поколения.

При общем постоянном увеличении заболеваемости особенно остро вырисовываются проблемы нозологических форм социальной этиологии и среди них – туберкулез. Как отмечает Минздрав Российской Федерации, «показатель распространенности туберкулеза среди населения России продолжает расти»²². Национальной катастрофой стало распространение ВИЧ-инфекции. С начала 1997 г. и до конца 2000 г. было зарегистрировано более 84 тыс. больных. По оценкам Минздрава численность реально заболевших в 10 раз больше зафиксированных²³. Согласно терминологии UNAIDS Россия находится на стадии концентрированной эпидемии. Основной фактор риска с точки зрения заражения ВИЧ-инфекцией является внутривенное употребление наркотиков (более 90% заражаются таким путем). Инфекция быстро распространяется в определенной подгруппе населения, но не выходит за рамки риск-группы.

Растет обращаемость населения по поводу психических заболеваний. Противоречия общего показателя заболеваемости и распространенности психических заболеваний являются следствием расширения альтернативной сферы услуг, либо, боязнью потерять работу, вследствие чего больные откладывают обращение за помощью в государственные медучреждения.

В 2002 г. под наблюдением наркологических диспансеров находилось более 2 млн. больных алкоголизмом²⁴. Из года в год растет число алкогольных психозов. Проблема алкоголизма стала еще более острой, т.к. увеличиваются заболевания алкогольными психозами, которые протекают тяжелее. Отмечается повышение алкоголизма среди женщин и подростков. В 2002 г. общая численность больных, находящихся под наблюдением наркологических учреждений, составила почти полмиллиона (449 тыс. чел.), а реальное число потребляющих наркотики достигло 3,5-4 млн.чел., две трети которых представляют собой дети и молодежь до 30 лет²⁵. За период с 1991-2002 гг. учтенная заболеваемость наркоманией среди женщин увеличилась в 14 раз. По данным Института Мозга РАН проблемы с психическим здоровьем имеют 15% детей, 25% подростков и до 40 % призывников. Ученые пришли к выводу, что каждый третий взрослый нуждается в психологической поддержке, чтобы противостоять стрессу.

Неудивительно, что в стране отмечается интенсивный рост инвалидизации. Каждый год инвалидов становится на 1 млн. чел. больше²⁶. Сегодня их более 10 млн., а по прогнозам Минтруда в 2015 г. будет свыше 22 млн., т.е. существенно больше 15% от населения. Кроме того, насчитывается более 600 тыс. детей-инвалидов, численность которых за последние 10 лет возросла в 4,6 раза.

Многолетние исследования индивидуального здоровья позволили выявить ряд новых закономерностей и тенденции изменения здоровья российского населения²⁷.

Во-первых, состояние здоровья характеризуется нисходящей динамикой с ежегодным коэффициентом падения в 0,05 балла при общем резерве чуть выше трех баллов.

Во-вторых, интенсивность снижения потенциала здоровья детей существенно выше средних тенденций. Здоровье детей ниже здоровья родителей, а здоровье внуков, т.е. детей наших детей еще ниже. Проблемы состояния здоровья перемещаются с групп престарелых в группы детей и молодежи. Общество все глубже втягивается в некую социальную «воронку» нездоровья. Чтобы выбраться из нее необходимо время жизни не одного поколения. Если не остановить этот процесс, то он может оказаться необратимым. Наше общество приближается к точке невозврата, которая негативным образом скажется на генофонде нации.

В-третьих, индивидуальный потенциал здоровья женщины, примерно, на 10% ниже, чем у мужчин, в то время как продолжительность предстоящей жизни у женщины выше на 12-14 лет. Этот парадокс объясняется следующими обстоятельствами. Организм женщины, как хранительницы человеческого рода, устойчивее и стабильнее; они чаще болеют, но ведут более здоровый образ жизни. Мужчины имеют большую склонность к риску; среди них шире распространены алкоголизм, что приводит к сверхсмертности в молодых возрастах. Кроме того, в новых условиях жесткой конкурентной борьбы мужчинам приходится включаться в процесс множественной занятости и существенно увеличивать продолжительность рабочего дня, в корне перестраивать свою жизнь, меняя профессию и режим труда.

Второй круг социальных рисков связан с интеллектуальным потенциалом населения, уровнем его образования и квалификационно-профессиональной подготовки. В современном мире образование становится одним из основных факторов, определяющий экономический рост страны, ее социально-культурное развитие. Для личности образование выступает как социальное благо, как основа формирования и развития человека.

Общепризнанно, что российский генофонд всегда отмечался высоким интеллектом. Однако в постсоветский период и в этой сфере возникли негативные процессы. Численность занятых научными исследованиями и разработками сократилась на одну треть. Последнее десятилетие XX века отмечалось высоким уровнем внешней «утечки умов», когда уезжали наиболее активные и талантливые.

Отмечается частичное ослабление активности молодых ученых, т.к. их формирование и подготовка происходит все больше на коммерческой основе. При богатых родителях имеется больший шанс окончить ВУЗ, поступить в аспирантуру и таким образом реализовать свою карьеру. Тем самым исключается прямая связь со способностями и талантом личности. Это – с одной стороны. А с другой – наблюдается, что ученая степень как признак высшей квалификации, подвергается в обществе явной девальвации, а это, оказывает отрицательное слияние на формирование научных кадров. Произошло снижение уровня общего образования: при отсутствии обязательности

обучения по экспертным оценкам около 2 млн. детей не посещают учебные заведения; около 1 млн. детей не могут получить стандартного образования в связи с низкими показателями здоровья; 10% школьников не могут освоить программу школы в полной мере²⁸; платность и дифференцированность обучения стимулирует разделение учащихся на богатых и бедных с потерей необходимой для школы социальной толерантностью; нищета и бедность школьных учителей лишает их социального ресурса для исполнения своей воспитательно-культурной роли.

Нельзя не считать аморальным нынешнее положение с организацией образования на селе, где в школах нет не только технического оборудования, но часто электричества, воды, тепла и канализации. Известно, что одна треть школ нуждается в капитальном ремонте.

На этом фоне введение единого государственного экзамена в России под ширмой равной доступности для всей молодежи высшего образования, является способом скрытой дискриминации детей. Очевидно, чем дальше от федерального центра и ближе к «глубинке», тем меньше шансов не только вступить на путь получения высшего образования, но также иметь качественное среднее.

Российские психологи отмечают, что из-за сложившихся социально-экономических условий негативного свойства произошло существенное снижение интеллектуального уровня российской популяции и процесс этот прогрессирует.

Не мене остро встают проблемы кризиса социальных ценностей, падения нравов и моральных принципов на базе отсутствия правопорядка и нарушения законности. В массовом сознании идет процесс «размывания» привычных норм нравственности; под натиском «вестернизации» падает потенциал духовности российской нации, который всегда составлял основу ее «особости». Все большее распространение получает индивидуальный прагматизм, ориентация на личную выгоду в разрешении конфликтов и межличностном общении. У молодежи формируется культ насилия, жестокости, агрессии как инструментальной ценности, которая притупляет чувство сострадания и отупляет личность. Чрезвычайно важно восстановление в обществе морали и нравственности, установление границы между добром и злом.

Психологи, социологи и представители церкви отмечают, что негативные морально-нравственные принципы поведения во всех слоях общества постоянно усиливаются. Это неизбежно сказывается на состоянии населения и внутрисемейных отношениях. «Основная причина бегства многих наших современников в царство алкогольных и наркотических иллюзий, – отмечено в «Основах социальной концепции русской православной церкви», – это духовная опустошенность, потеря смысла жизни, размытость нравственных ориентиров. Наркомания и алкоголизм становятся проявлением духовной болезни не только отдельного человека, но всего общества. Это расплата за идеологию потребительства, за культ материального преуспеяния, за бездуховность и утрату подлинных идеалов» В этих условиях чрезвычайное значение получает забота о нравственном здоровье нации. Особая роль здесь принадлежит семье, школе, церкви и

гражданскому обществу в целом. Социальная элита, для которой деньги есть абсолютная ценность и цель, не должна быть образцом.

Измерение качества человеческого потенциала и выявление влияющих на него факторов позволяет формировать контуры эффективных программ, нацеленных на радикальный перелом негативных тенденций и позитивную трансформацию качественной компоненты населения страны.

Следует сформулировать несколько общих, но важных положений, которые необходимо учитывать при формировании программ.

Во-первых, все программы, в рамках которых должны определяться конкретные меры для разрешения тех или иных проблем, следует трансформировать на региональный уровень, «спустить» в субъекты федерации. Общественные построения, как правило, мало эффективны, так как они, по определению, не учитывают и не могут учитывать региональных особенностей при причине отсутствия нужной информации. А для преодоления социальных проблем это имеет чрезвычайно важное значение.

Так, например, известна широкомасштабная программа «Дети России»; она включает много подпрограмм («Дети-инвалиды», «Беспризорные и безнадзорные дети», «Дети Чернобыля» и т.д.) и начала реализовываться еще в эпоху Ельцина. Но ни одна проблема так и не была решена. Пока все тенденции по основным направлениям этой программы имеют лишь негативный характер.

Отчасти подобное положение связано с неполным финансированием, но и позитивных сдвигов, т.к. финансирование из Федерального Центра не всегда было достаточно эффективным.

Во-вторых, каждый субъект федерации должен иметь четкую и ясную картину сложившейся населения, определяющих его качество; не только знать решения.

В-третьих, независимо от Федеральных Программ, должны быть сформулированы их региональные конструкторы с подробным обоснованием и оценкой эффективности. Это означает, что каждая задача, решение которой намечается на ближайшие 5-10 лет, характеризуется не только динамикой изменения конкретных показателей, но и выделением соответствующих финансовых ресурсов. А соотношение затраты-результаты, как известно, показывает эффективность реализации.

В-четвертых, конкретные меры по решению той или иной выделенной проблемы на поле качества населения принципиально имеют два направления: а) профилактическое и б) реабилитационное. Это легко показать на примере. Так, есть важная задача борьбы с наркоманией детей и молодежи. Что касается реабилитации, то за этим словом стоят мероприятия, направленные на лечение наркоманов (наркозависимых). Если говорить о профилактике наркомании, то здесь следует использовать различные методики и практики, которые позволяют расширить предупредительные меры.

Другими словами, следует не только бороться с последствиями воздействия негативных факторов, но и с причинами их проявления. Видимо, последнее реализовать сложнее, но оно всегда эффективнее, т.к. позволяет не плестись в хвосте у реальных

событий, а проводить эффективную социально-демографическую политику. Настраиваясь на профилактику, следует сверх детально анализировать проблему, чтобы найти тот спусковой крючок, который определяет ее дальнейшее развитие.

Подводя итог всему вышесказанному, следует подчеркнуть задачу комплексного мониторинга процессов, касающихся изменений отдельных компонент качества человеческого потенциала в России, чтобы общество не перешло опасную точку невозврата. Поэтому, рассматривая стратегии развития России, необходимо в качестве главного критерия всех решений федеральных и региональных властей, использовать характеристики населения, качество его жизни. И нельзя не согласиться с уже многократно озвученным тезисом о том, что наша национальная идея – это сбережение не абстрактного населения, а непосредственно каждого человека страны, каждого гражданина.

-
1. Schulz T. Capital Formation by Education//Journal of Political Economy. Vol. 68. 1960. Becker G.S. Investment in Human Capital: F Theoretical Analysis// Journal of Political Economy. October. 1962.
 2. Sen A. Deveolpment as Freedom. Oxford, 1999.
 3. П. Сорокин. Современное состояние России//Новый мир, 1992, №4-5
 4. Вестник института Кеннана в России. Вып. 5, М., 2004, с.58-59.
 5. Н.П. Шмелев. Духовное здоровье российского человека. Ж. Современная Европа, № 1(17), 2004, с.6.
 6. Социальное положение и уровень населения России. Госкомстат. 2003. М., 2003, с. 55.
 7. Там же, с.53.
 8. Там же, с.48.
 9. Там же, с.53.
 10. Там же, с.435.
 11. Там же стр. 53.
 12. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2003, Госкомстат. М., с.53.
 13. Население России за 100 лет (1897-1997). Госкомстат, 1998, с.157.
 14. Там же, с. 167.
 15. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2003. М, 2003, с.53.
 16. Демографический ежегодник России. 2002. Госкомстат. М., 2002, с.385.

-
17. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2003, Госкомстат. М., с.56.
 18. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2016 года. Госкомстат. М., 2002, с.7.
 19. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. 2002/2003. М., 2003.
 20. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2016 года. Госкомстат. М., 2002, с.55
 21. Величковский В.Г. Реформы и здоровье населения страны. Пути преодоления негативных последствий. М., 2001, с.9-10.
 22. О состоянии здоровья населения Российской Федерации в 2002 г. Государственный фонд, М., 2003, с.21.
 23. Социально-экономическое положение России. 1999. Госкомстат РФ. 2000.
 24. О состоянии здоровья населения Российской Федерации с 2002 г. Государственный доклад. М., 2003, с.24
 25. Государственный доклад «О состоянии здоровья населения Российской Федерации в 2002 г.» Минздрав РФ, РАМН. М., 2003, с.24.
 26. Там же, с.42.
 27. Женщины, мужчины, семья в России: последняя треть XX века. Проект «Таганрог», под ред. Н. Римашевской. М., 2001
 28. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2003. Госкомстат. М., 2003.

Сельское расселение, семья и домохозяйство в условиях перемен

В.В. Пациорковский

Институт социально-экономических
проблем народонаселения РАН
Москва

Д.Д. О'Брайн

Университет Колумбия-Миссури
Колумбия, Миссури

Цель статьи – показать изменения различных сторон жизни сельской семьи и домохозяйства, происходящие в настоящее время. Исходя из того, что сельские семья и домохозяйство являются сложным, междисциплинарным объектом наблюдения, в своих исследованиях мы стараемся фиксировать различные стороны их жизнедеятельности, а именно:

- семейную структуру домохозяйств (демография); структуру занятости, источники и структуру доходов, дифференциацию по доходам и уровень бедности (экономика);
социальные отношения и социальные связи селян (социология);
мотивацию и душевное здоровье (социальная психология)

Авторы далеки от мысли показать в предлагаемом тексте все многообразие различных сторон жизни сельской семьи и домохозяйства. Их основная задача состоит в том, чтобы как можно полнее вскрыть перемены, *происходящие в сельской семье и домохозяйстве, под воздействием быстрого нарастания их производственной функции в наблюдаемый период.*

Изменения в системе сельского расселения По данным последней переписи в межпереписной период 1989-2002 гг. численность сельского населения страны сократилась на 351 тыс. человек и составила 38,9 млн. человек. В то же время численность городского населения уменьшилась почти на 1,5 млн. человек. В результате удельный вес сельского населения едва заметно увеличился и составил 26,7%.¹ За многие годы переписей это был единственный случай, когда численность сельского населения осталась практически неизменной, да еще и проявила тенденцию к увеличению удельного веса сельского населения.

В качестве объяснения указанного факта могут служить изменения условий привлекательности города, переход к более экономному использованию живого труда в промышленности, повышение квалификационных и профессиональных требований к работникам, в результате которых рабочие руки, рекрутируемые в сельской местности, оказались в наиболее уязвимом положении.

Одновременно, однако, вполне уместно предположение, что с *завершением периода индустриального развития урбанизация как процесс исчерпала себя в условиях нашей страны*. При этом обширные территории, как это было и в доиндустриальное время, так и остались без мощного опорного каркаса расселения, в качестве которого призваны служить крупные города. Трудно предположить, что в ближайшее время нас захлестнет новая волна градостроительства. Поэтому *неизбежно повышение роли малых городов и сельских населенных пунктов в опорном каркасе расселения страны*.

Различные тенденции, сложившиеся в межпереписной период, в изменении людности и численности сельских поселений в отдельных регионах России представлены в табл. 1.

Таблица 1. Изменение численности сельского населения и сельских населенных пунктов в отдельных районах России в межпереписной период 1989-2002 гг.

Регионы	1989 г.		2002 г.		Изм. числ. нас. в %	Изм. чис. нас. пунктов в %
	Числ. насел. (тыс.)	Числ. н.п. (ед.)	Числ. насел. (тыс.)	Числ. н.п. (ед.)		
Белгородская обл.	513,0	1590	526,1	1577	+2,5	-0,8
Вологодская обл.	473,5	7113	393,1	8001	-17,1	+11,3
Республика Дагестан	1022,9	1476	1560	1605	+44,3	+2,8
Республика Карелия	146,7	668	178,9	775	+21,8	+11,6
Оренбургская обл.	746,1	1768	918,6	1742	+20,0	-1,5
Ростовская обл.	1235,9	2274	1427,6	2276	+15,3	-0,0
Саратовская обл.	694,3	1768	704,7	1752	+1,4	-0,1
Тверская обл.	480,3	8954	395,7	9509	-13,0	+1,6
Хабаровский край	390,6	584	279	431	-28,6	-21,2
Всего	39662,9	152922	38711,7	155290	-0,9	+1,6

Источники: Сельские населенные пункты РСФСР. М.: Госкомстат РСФСР, 1990, С. 6-22. См. также: http://www.cir.ru/docs/stat/Publications/Ejeg2003/Ejeg2003_27_/Ejeg2003_27_940.htm Из данных табл. 1 видно, что в различных районах страны изменение людности и численности сельских населенных пунктов реализуется в нескольких направлениях. Одно из них связано с ростом численности сельского населения и числа сельских населенных пунктов. Эта тенденция характерна не только для Республики Дагестан, как это видно из рассматриваемых данных. Напротив, она наблюдается в Астраханской и Волгоградской областях, Карачаево-Черкесской Республики и других регионах. Указанная тенденция может быть обозначена калькой с иностранного термина – *рурализация* или, если можно так выразиться – *оселянивание*.

Другая тенденция связана с ростом численности сельского населения при сокращении числа сельских населенных пунктов. Эта тенденция характерна для Белгородской, Оренбургской, Ростовской, Саратовской областей и Республики Татарстан. Она может быть обозначена, как *концентрация* сельского населения.

Третья тенденция связана с уменьшением людности при росте числа сельских населенных пунктов. В таблице указанная тенденция представлена Вологодской и Тверской областями. Одновременно, Ленинградская, Новгородская, Псковская и многие

другие области так же являются ее носителями. Она может быть названа, как тенденция нарастания **дисперсности** сельского расселения.

Наконец четвертая тенденция представлена в табл. 1 Хабаровским краем. Для нее характерны сокращение людности и числа сельских поселений. В конечном счете, она являет собой признаки **депопуляции и разрушения** каркаса сельского расселения. Ошибочно полагать, что эта тенденция характерна только для территорий Дальнего Востока таких, как Камчатская и Магаданская области, менее заметно, но в сходном направлении развиваются события, например, и в Пензенской области.

Особый случай, но не тенденцию, являет собой Республика Карелия. В республике в межпереписной период (в 1993 г.) большое число городских поселений было преобразовано в сельские. Поэтому здесь наблюдается, если так можно выразиться, приписной (разовый) рост и сельского населения, и сельских населенных пунктов. В действительности, однако, в республике, как и в соседних областях, нарастает дисперсность сельского расселения.

Справедливости ради следует отметить, что по сравнению со своими соседями, у которых были сходные административные преобразования, Карелия сегодня заметно меньше теряет сельское население. Лишившись рабочих мест в сельскохозяйственном производстве, многие селяне здесь сохраняют их на камнедобыче, лесоразработке, рыбном промысле, а сельские подворья повсеместно заняты выращиванием картофеля, на который имеется устойчивый спрос не только у северных, но и у южных соседей.

Анализ показывает, что на огромных просторах России реализуется практически весь возможный спектр изменений в системе сельского расселения. **В этой связи всякого рода единая политика в рассматриваемой сфере может иметь тяжелые последствия для отдельных территорий. Напротив, в этих условиях краевые, областные и республиканские власти просто обязаны проводить активную социально-экономическую политику.** Вполне возможно, что реформы, реализовавшиеся с целью модернизации, в качестве своего непредвидимого последствия могут стимулировать откат к традиционно существовавшим в стране типам сельского расселения.

В целом по стране, как видно из итоговой строки табл. 1, **в сельской местности пока еще едва заметно преобладает тенденция к нарастанию дисперсности сельского расселения.** Указанная тенденция соответствует как потребностям сохранения каркаса сельского расселения, так и преобразованиям, связанным с формированием новых институтов земельной собственности и арендных отношений. Предусмотренный действующим земельным законодательством от 2001 г. и уже начавшийся переход от прав постоянного (бессрочного) пользования и пожизненного наследуемого владения земельными участками к правам собственности и аренды неизбежно будет поддерживать нарастание дисперсности сельского расселения.²

Этот процесс обусловлен стремлением многих фермерских и крепких хозяйств к выделению и обустройству на обрабатываемых ими землях. Поэтому такие забытые

формы расселения, как выселки, отруба, слободы и хутора, в ближайшие годы станут реальностью сельской жизни. В этой связи местным органам власти как можно скорее следует освежать архивы с целью восстановления межевых столбов и земельной планировки в заброшенных ранее сельских поселениях.

А властям более высокого уровня управления привыкать к мысли, что дисперсное расселение будет требовать гораздо больше бюджетных средств и вложений на поддержание и развитие инженерной и социальной инфраструктуры, чем компактное расселение. Тем не менее, за все надо платить. Уже давно пора уходить от традиционного крена аграрной политики в производственную сферу. Жизнь требует перехода «к комплексному развитию сельских территорий, имея в виду не только социальную, но и рыночную инфраструктуру»,³ плачевное состояние которой тормозит дальнейшее развитие сельских подворий.

В новых условиях уже вряд ли удастся провести кампанию подобную той, которая еще не так давно связывалась с ликвидацией «неперспективных» деревень. Это, конечно, не исключает реализацию менее мощных, но не менее ложных начинаний. «Самый популярный сегодня тип сельского населенного пункта в Ростовской области – хутор, их более полутора тысяч. Сто лет назад такое поселение вряд ли назвали бы хутором: пара тысяч жителей, несколько улиц, магазин, иногда даже школа».⁴ Подобного рода преобразования, выполненные на скорую руку, служат скорее индикатором грядущих, чем текущих перемен.

Перемены в структуре сельской семьи

В социологии и экономике существует разделительная линия между семьей и домохозяйством. В предшествующий период развития в связи с демографическим переходом и минимизацией производственной функции домохозяйства значимость указанного различия постепенно как бы уходила на задний план. В новых условиях в связи с быстрым ростом производственной функции домохозяйства это различие вновь становится весьма актуальным.

При рассмотрении семьи мы касаемся только двух аспектов ее функционирования – экономической деятельности и родственных отношений. Экономическая деятельность семьи реализуется в двух основных формах производства и потребления, родственные отношения задают конфигурацию той или иной семьи – ее демографический тип.

Исходя из собственного многолетнего опыта и опыта наших коллег, мы выделяем семь демографических типов семьи: *одиночки; брачные пары пенсионеров; брачные пары, в которых минимум один работник; нуклеарные семьи* – брачные пары с детьми до 18 лет; *сложные, многопоколенные семьи* – брачные пары с детьми до 18 лет и другими родственниками; *неполные семьи* – один из родителей с детьми до 18 лет; *смешанные семьи* – брачные пары с детьми старше 18 лет, один из родителей с ребенком старше 18 лет, дедушки и бабушки с внуками и другими родственниками.⁵ Естественно, что в последний тип должны входить и все случаи совместного ведения хозяйства лицами,

не связанными родством. Видимо, правильнее выделять их в отдельный тип. Но пока еще такие случаи в выборочных исследованиях, встречаются довольно редко, а потому и не являются статистически значимыми.

Под воздействием перемен, связанных с расширением производственной функции семьи, в рассматриваемый период начали трансформироваться как демографическая структура семьи, так и весь набор ее функций, сложившийся в годы коллективных форм ведения хозяйства. Изменения демографической структуры семьи, зафиксированные в ходе обследований, которые мы выполняли в сельской местности в период 1991-2003 гг., приведены в табл. 2.

Из данных табл. 2 видно, какие огромные изменения произошли в рассматриваемый период в демографическом типе семьи. Указанные изменения легче понять, если учесть, что независимая выборка 1995 г. в наших дальнейших исследованиях стала базой панели. В последнюю, уже не могли попасть вновь образованные семьи, как если бы эта была новая случайная или стратифицированная выборка. В наблюдаемый период, в каждом обследовании из нее только выпадали ликвидированные домохозяйства или домохозяйства в которых отсутствовал изначально опрошенный респондент. Отсюда и резкое сокращение доли нуклеарных семей в панели в период с 1995 по 2003 гг. В то же время панель четко фиксирует изменения, происходящие в наблюдаемый период в структуре каждой семьи, попавшей в выборку. Основная тенденция этих изменений – ***устойчивый рост доли сложных (многопоколенных) и смешанных семей.*** В рассматриваемый период доля сложных семей (брачные пары с детьми до 18 лет и другими родственниками) выросла с 10,6% до 19,6% независимым выборкам и с 11,5% до 16,8% в панели 1995-2003 гг. А доля смешанных семей, в которых проживают родители с детьми старше 18 лет, бабушки (дедушки) с внуками, тети (дяди) с племянниками и другие комбинации кровных и некровных, прямых и косвенных родственников, увеличилась по независимым выборкам почти в три раза (с 8,7% до 23,3%), а в панели на треть. Этот процесс развивался на фоне очень низкой подвижности непосредственно самого сельского населения. Его база - ***сокращение доли брачных пар и нуклеарных семей, т.е. основных форм организации семьи, сложившихся в индустриальном обществе ушедшего века.*** В опросе 2001 г. нами был зафиксирован факт, что 85,7% опрошенных в 1991 г. жили в том же домохозяйстве и в той же семье, что и на момент опроса. При столь ограниченной подвижности селян и, как хорошо известно, низком уровне рождаемости в сельской местности в этот период, естественное движение населения должно было бы привести к резкому старению и росту доли одиноких стариков и брачных пар престарелых. Этого, однако, не происходит. И если, доля одиночек, хотя и медленно, но растет, то доля брачных пар и пенсионеров, и работников, как видно из данных табл. 2, резко сократилась.

Таблица 2. Изменения состава семьи домохозяйств в 1991-2003 гг. (в %)

Демографический тип семьи	Независимые выборки			Панель		
	1991	1995	2001	1995	1999	2003
Одиночки	19.6	23.2	15,9	16,5	16,5	24.9
Пары пенсионеров	20.6	9.3	14,1	9,2	11,8	11.8
Пары работников	10.1	8.7	5,9	8,4	5,2	5.2
Пары с детьми до 18 лет	23.9	28.9	21,4	34,6	26,4	16.0
Пары с детьми до 18 лет и др. родственниками	10.6	10.0	19,6	11,5	16,8	16.8
Неполные семьи (с детьми до 18 лет)	6.5	2.6	1,5	2,6	2,4	2.1
Смешанные семьи	8.7	17.3	21,6	17,3	20,9	23.3
Всего	100	100	100	100	100	100

Источник: Данные наших обследований 1991 - 2003 гг. Объем выборки: 1991 г. – n=398, 1995 г. – n=508, 2001 г. - n=800, Панель 1995-2003 гг. – n=382.

Совершенно ясно, что такого рода изменения могли происходить только в одном случае, а именно *за счет механического движения горожан в родные пенаты*. При этом анализ показывает, что смешанные семьи интенсивно пополняются за счет трансформации практически всех других типов семей. В то же время ресурс пополнения расширенных, сложных семей довольно ограничен (его составляют всего два типа семей, а именно нуклеарные и неполные семьи), но и этот механизм трансформаций действовал постоянно в рассматриваемый период.

Отсюда становится понятным абсолютное сокращение доли брачных пар пенсионеров и работников в условиях выживания и неблагоприятной конъюнктуры 1991-2001 гг. Практически во всех случаях, где это возможно в такие семьи, особенно в период 1991-1995 гг., возвращались их молодые трудоспособные городские родственники. В результате чего эти семьи трансформировались, как правило, в последний тип, а именно в смешанные семьи. Взросление же нового поколения в нуклеарных семьях и отсутствие возможности механической миграции или выделения в самостоятельное домохозяйство вело и ведет к росту доли сложных, многопоколенных семей.

Возможно, одна из наиболее интересных и одновременно самых больших цифр была зафиксирована нами в обследовании 2001 г.. Обследование показало, что 82,1% нуклеарных семей, сохранили себя в трудных условиях 1991-2001 гг. Другими словами, изменения в нуклеарных семьях носили в основном естественный характер (смертность и взросление детей) и куда реже были связаны с распадом семьи. Хотя 63,6% неполных семей, которые появились в рассматриваемый период из нуклеарных семей – убедительное свидетельство наличия бракоразводного процесса в основной форме организации семьи. Тем не менее, как видно из данных табл. 2, в сельской местности число распадов семьи в эти годы было фактически сведено к минимуму и не демонстрировало тенденции к росту.

Демографический тип семьи очень четко коррелирует с ее размером. В этом плане наибольший интерес представляют смешанные семьи. Почти половина этих семей состоят из трех человек. Это значит, что в семьях, состоящих из двух человек, где более

75% составляют брачные пары и только 21,2% смешанные семьи, последние представляют собой отнюдь не новообразования. Эти семьи чаще всего представляют собой результат эволюции смешанной семьи из трех человек.

Основная часть больших семей размером от 5 и более человек – это сложные, многопоколенные семьи, в которых организующим ядром является брачная пара с детьми до 18 лет. Несмотря на низкий уровень рождаемости, сама такая брачная пара много чаще тяготеет к превращению в большую, по численности семью, чем смешанная семья, для которой пять и более членов, скорее исключение, чем правило.

Еще А.В.Чаянов, вслед за многими своими коллегами отмечал: «Демографические процессы роста и распределения семей по их размерам в значительной мере определяют собой и распределение хозяйств по размеру посева и скотовладения». ⁶ Из этого пассажа для нас, в данном контексте, существенны два момента. Во-первых, фиксируя тенденцию роста сложных и смешанных семей, мы должны начинать думать о том, что происходит с размером обрабатываемой домохозяйством земли и имеющимся у него скотом и птицей. Основная гипотеза здесь следующая: «Если действительно все обстоит так, как наблюдали наши предшественники, то в рассматриваемый период оба эти показателя должны расти». Проверка этой гипотезы выполнена и подтверждена нами ранее в предшествующих работах. ⁷

Во-вторых, в нашем понимании *«демографическая дифференциация»*, о которой писал А.В.Чаянов, *связана не только с размером семьи, но и с демографическим типом семьи, и с человеческим капиталом*. Все эти три показателя чрезвычайно близки по своей природе и отражают одну и ту же реальность. Их различия связаны с поиском наиболее эффективного инструмента для измерения стоящих за этими показателями социально-экономических процессов.

В организации мелкотоварного производства структура сельской семьи по полу так же имеет существенное значение. В первую очередь это касается взрослых членов семьи, у которых в домохозяйстве сложилось устойчивое разделение труда. Распределение демографических типов сельской семьи по половому составу взрослых членов семьи в выборке 2001 г. приведено в табл. 3.

Из данных табл. 3 видно, что среди одиночек только 21 мужчина и 106 женщин. Отсюда низкая доля одиночек среди 1-х членов семьи (мужчин) и высокая среди 2-х – женщин. В других типах семей таких, как брачные пары, нуклеарные и сложные семьи, соотношение 1-го и 2-го членов семьи имеет паритетный характер. А в неполных и смешанных семьях оно опять нарушается и опять, как правило, в пользу женщин.

Третьи члены семьи распределены по полу практически равномерно: 165 мужчин (78 в сложных семьях и 87 в смешанных) и 160 женщин (соответственно 78 и 82 чел.). При этом доля 3-х членов семьи в смешанных семьях несколько выше, чем в сложных семьях. Среди 4-х членов семьи (30 мужчин и 97 женщин) женщины преобладают в целом и в сложных семьях (5 мужчин и 69 женщин), а в смешанных семьях оба пола распределены равномерно (соответственно 25 и 28 чел.).

**Таблица 3. Распределение демографических типов сельской семьи
по половому составу взрослых членов семьи в 2001 г. (в %)**

ДТС*	Пол							
	1	2	3		4		5	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
Одиночки	3,4	13,8	-	-	-	-	-	-
БПП	18,5	14,7	-	-	-	-	-	-
БПР	7,7	6,1	-	-	-	-	-	-
НС	27,9	22,2	-	-	-	-	-	-
СМС	25,7	20,4	47,3	48,8	16,7	71,1	37,5	64,7
Неполные	-	1,6	-	-	-	-	-	-
СС	16,8	21,2	52,7	51,3	83,3	28,9	62,5	35,3
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100

Источник: Данные наших обследований. Число семей в выборке: N=800.

Примечания: * ДТС: Одиночки – N=127; БПП – брачные пары престарелых -N=113; БПР - брачные пары работающие - N=47; НС - нуклеарные семьи - N=171; СМС – сложные, многопоколенные семьи -N=157; Неполные семьи - N=12; СС – смешанные семьи - N=173.

Число членов семьи: 1-й - N=612; 2-й- N=796; 3-й- N=352; 4-й- N=127; 5-й- N=25; 6-й- N=371; 7-й- N=173; 8-й- N=41.

Среди 5-х членов семьи 8 мужчин и 17 женщин имеют скошенное распределение для сложных семей (соответственно, 3 и 11 чел.) и равномерное для смешанных семей (соответственно 5 и 6 чел.). Все эти «скосы» в соотношении полов в различных типах семей связаны не только с различиями в продолжительности жизни мужчин и женщин (этот момент достаточно четко фиксируется на одиночках), но и с различиями в эволюции семейных групп и внешних источников их пополнения.

Соотношение полов у первых детей составляет 192 мальчика и 179 девочек, у вторых детей, соответственно, 83 и 90, а у третьих - соответственно, 23 и 18 детей. В нуклеарных семьях соотношение 1-го, 2-го и 3-го ребенка составляет, соответственно 170 : 90 : 23. В сложных семьях это соотношение составляет 153 : 71 : 16. В смешанных семьях оно равно 36 : 7 : 2, а в неполных семьях, где третий ребенок уже отсутствует, первые и вторые дети соотносятся как 12 : 5. Из этих соотношений видно, что **нуклеарная и сложная семья в первую очередь связаны с воспроизводством населения**. Два других воспроизводственных типа семей (неполная и смешанная) выполняют в этом плане, скорее вспомогательную роль. А так как в нуклеарной семье имеется только два основных работника, то, вступая на путь организации мелкотоварного хозяйства, эта семья сталкивается с довольно жесткими ограничениями.

Распределение демографических типов сельской семьи по среднему возрасту ее членов в выборке 2001 г. дано в табл. 4.

Таблица 4. Распределение демографических типов сельской семьи по среднему возрасту ее членов в 2001 г. (в годах)

ДТС*	Средний возраст членов семьи							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Одиночки	63,5	69,5	-	-	-	-	-	-
БПП	67,5	65,5	-	-	-	-	-	-
БПР	51,7	48,6	-	-	-	-	-	-
НС	37,8	35,0	-	-	-	10,7	8,9	8,1
СМС	38,3	35,5	53,1	52,0	40,4	10,0	7,7	4,1
Неполные семьи	-	37,1	-	-	-	13,0	11,0	-
СС	53,4	53,9	46,0	36,5	27,3	10,7	10,4	10,0
Всего	48,0	49,2	49,4	45,5	34,6	10,5	8,6	6,6

Источник: Данные наших обследований. Число семей в выборке: N=800.

Примечания: * ДТС: Одиночки – N=127; БПП – брачные пары престарелых -N=113; БПР - брачные пары работающие - N=47; НС - нуклеарные семьи - N=171; СМС – сложные семьи -N=157; Неполные семьи - N=12; СС – смешанные семьи - N=173. Число членов семьи: 1-й - N=612; 2-й- N=796; 3-й- N=352; 4-й- N=127; 5-й- N=25; 6-й- N=371; 7-й- N=173; 8-й- N=41.

Из данных табл. 4 видно, что средний возраст второго члена семьи (женщин) несколько выше среднего возраста первого члена (мужчин). Связано это с тем, что сюда вошли не только мужья и жены (основная брачная пара), но и одиночки. Как раз на них и хорошо видна разница среднего возраста мужчин (первый член семьи) и женщин (второй член семьи). С другой стороны, там, где устойчиво имеется брачная пара, средний возраст мужа практически всегда выше среднего возраста жены в интервале от 2 до 3 лет.

Интересно, что средний возраст 3-го и 4-го членов семьи в сложных семьях в точности совпадает со средним возрастом работающей брачной пары, а в смешанных семьях он даже несколько ниже. В то же время, если исходить из здравого смысла, то в сложных семьях средний возраст 3-го и 4-го членов семьи, а это чаще всего родители одного из супругов основной брачной пары, должен быть выше и приближаться к среднему возрасту брачной пары пенсионеров. Нам представляется, что здесь и кроется ответ на динамику изменения демографических типов семьи, которая описана нами ранее. В рассматриваемый период времени сложные семьи по-прежнему имели традиционный источник образования, связанный с эволюцией нуклеарной семьи. Например, в брачной паре с двумя детьми один из них вырастет, но не уходит из семьи, как это было раньше, а остается в ней в качестве 3-го ее члена, или в связи с отсутствием возможности выделиться создает внутри родительской семьи свою собственную.

Механизм формирования новых смешанных семей был гораздо сложнее. Наряду с традиционным источником, связанным с эволюцией практически всех других типов семей, здесь действовал и новый, связанный с установлением режима выживания. Для этого нового источника характерно вхождение в брачную пару работающих молодой нуклеарной семьи, которая создавалась чуть раньше одним из их детей, где-то на стороне, как правило, в городе. Отсюда резкое сокращение доли брачных пар с работником. Иными словами к относительно молодым родителям в возрасте 45 –55 лет возвращались взрослые семейные дети в возрасте 25-35 лет, которым было трудно адаптироваться к новым

условиям жизни в городе. У брачной пары пенсионеров (65 и более лет) дети в этот период уже довольно часто сами готовились идти на пенсию, поэтому им было гораздо сложнее принимать такие кардинальные решения.

Иногда смешанные семьи образуются в результате «сбрасывания» сельским родственникам внуков и племянников. Происходит это не только по причинам трудности жизни. В ходе опросов в Волгоградской, Новгородской, Рязанской, Тверской областях мы фиксировали случаи «сбрасывания» на село внуков из Москвы и Санкт-Петербурга в целях их спасения от наркомании и городской улицы. Эти факты говорят о том, что сельская семья, видимо, имеет ряд дополнительных ролей и функций, которые довольно редко становятся предметом публичного обсуждения.

В нуклеарных семьях средний возраст первого ребенка практически одинаков со средним возрастом первого ребенка в сложных семьях. У второго ребенка средний возраст несколько выше в нуклеарной семье, а у третьего в нуклеарной семье он выше в два раза. Эти различия вряд ли могут быть случайны. Особенно, если учесть средний возраст первых детей в обоих типах семьи. Он в точности совпадает с началом реформ. Затем в нуклеарных семьях практически прекратили рожать, тогда, как сложные семьи давали тот небольшой уровень рождаемости, который и фиксировался статистикой в этот период. Это значит, что **уровень защищенности в многопоколенной семье и в тяжелых условиях переходного периода был выше, чем в других типах семьи.** Указанный момент имеет очень важное значение для понимания механизмов воспроизводства населения в новых условиях жизни людей.

Таблица 5. Распределение демографических типов сельской семьи по среднему числу лет учебы ее членов в 2001 г. (в годах)

ДТС*	Среднее число лет учебы**							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Одиночки	7,9	7,5	-	-	-	-	-	-
БПП	7,8	7,8	-	-	-	-	-	-
БПР	10,9	11,2	-	-	-	-	-	-
НС	11,2	11,4	-	-	-	4,7	3,1	2,6
СМС	10,9	11,4	8,5	8,9	9,2	4,0	2,5	0,8
Неполные семьи	-	12,6	-	-	-	6,8	4,2	-
СС	9,7	9,6	9,5	10,2	10,6	4,7	4,0	3,5
Всего	10,9	9,7	8,9	9,4	9,8	4,4	2,9	1,9

Источник: Данные наших обследований. Число семей в выборке: N=800. Общее число членов семей 2443 чел.

Примечания: * ДТС - демографический тип семьи: Одиночки – N=127; БПП – брачные пары престарелых -N=113; БПР - брачные пары работающие - N=47; НС - нуклеарные семьи - N=171; СМС – расширенные, сложные семьи -N=157; Неполные семьи - N=12; СС – смешанные семьи - N=173.

** Число членов семьи: 1-й - N=612; 2-й- N=796; 3-й- N=352; 4-й- N=127; 5-й- N=25; 6-й- N=371; 7-й- N=173; 8-й- N=41.

Наконец, наличие в смешанных семьях значительного числа детей в возрасте около 10 лет, говорит о том, что в сельской местности идет более интенсивный процесс распада

нуклеарных семей, чем это можно судить по маленькому числу неполных семей. Просто неполные семьи здесь быстро интегрируются с родительскими или родственными семьями бабушек (дедушек), увеличивая, таким образом, долю смешанных семей и снижая долю собственно неполных семей.

Распределение демографических типов семьи по среднему числу лет учебы каждого ее члена в выборке 2001 г. приведено в табл. 5. Из данных табл. 5 видно, что только у одиночек и брачных пар престарелых среднее число лет обучения равно 8. Во всех остальных типах семей среднее число лет обучения основной пары равно или больше 10. У всех остальных взрослых членов семьи (3-5) среднее число лет учебы составляет 9 и более лет. Самое высокое значение средней по образованию оказалось у матерей одиночек (12,6 лет). Не исключено, что именно с этим не в последнюю очередь и связан их брачный статус. Выполненный анализ говорит о том, что в **сельских семьях накоплен значительный образовательный потенциал, который может рассматриваться и как излишний для ведения мелкотоварного хозяйства, основанного на ручном труде.**

Распределение демографических типов сельской семьи по средней оценке здоровья ее членов в выборке 2001 г. дано в табл. 6.

Таблица 6. Распределение демографических типов сельской семьи по средней оценке здоровья ее членов в 2001 г. (в баллах)

ДТС*	Средняя оценка здоровья**							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Одиночки	2,7	2,9	-	-	-	-	-	-
БПП	3,0	3,1	-	-	-	-	-	-
БПР	3,8	3,5	-	-	-	-	-	-
НС	4,0	3,9	-	-	-	4,4	4,4	4,6
СМС	3,9	3,8	3,4	3,4	3,8	4,5	4,4	4,2
Неполные семьи	-	3,8	-	-	-	4,1	3,8	-
СС	3,5	3,3	3,5	3,8	4,2	4,3	4,3	4,0
Всего	3,6	3,5	3,4	3,5	4,0	4,4	4,4	4,4

Источник: Данные наших обследований. Число семей в выборке: N=800.

Примечания: * ДТС: Одиночки – N=127; БПП – брачные пары престарелых -N=113; БПР – брачные пары работающие - N=47; НС - нуклеарные семьи - N=171; СМС – расширенные, сложные семьи -N=157; Неполные семьи - N=12; СС – смешанные семьи - N=173. Число членов семьи: 1-й - N=612; 2-й- N=796; 3-й- N=352; 4-й- N=127; 5-й- N=25; 6-й- N=371; 7-й- N=173; 8-й- N=41.

** В баллах от 1(низший) до 5 (высший).

Как видно из данных табл. 6, самый высокий средний бал здоровья имеют дети. Причем здоровье детей в нуклеарных и сложных семьях оценивается заметно выше, чем смешанных и неполных семьях.

Среди взрослых членов семьи самые высокие оценки имеют 5-е члены, которыми по большей части являются дети в возрасте от 18 лет и старше. Интересно, что оценки здоровья 3-х и 4-х членов семьи, а это, прежде всего, родители основной брачной пары такие же, как и у их сверстников в брачных парах работающих. Указанное обстоятельство еще раз свидетельствует в пользу общности природы рассматриваемых семейных групп, о

чем говорилось несколько ранее. Эти оценки уступают лишь оценкам здоровья основных брачных пар в нуклеарных и сложных семьях. Относительно высокие оценки здоровья брачных пар - основных работников говорят о том, что для основной массы сельских семей в случае создания мелкотоварного хозяйства фактор здоровья не имел лимитирующего значения в тяжелых обстоятельствах жизни 1991-2001 гг. Наконец, самые низкие оценки здоровья характерны для брачных пар престарелых и одиночек. При близости среднего возраста в этих двух группах (табл. 4) оценки здоровья одиночек заметно ниже и без того плохих оценок брачных пар престарелых. Понятно, что говорить о мелкотоварном производстве сельскохозяйственной продукции этим группами населения не приходится.

Все другие семейные группы имеют достаточный запас здоровья и вполне могут рассматриваться как потенциальные организаторы мелкотоварного хозяйства. По нашему мнению, основная направленность всех описанных выше изменений в демографической структуре семьи в 1991-2003 гг., в первую очередь, связана с *концентрацией в сельской семье человеческого капитала как способности к труду на личном подворье.*

Теоретические представления по этому вопросу нами рассмотрены ранее в других работах.⁸ Сейчас же, считаем необходимым, лишь сделать несколько замечаний. Несмотря на то, что в нашей науке дискуссия о корректности расчетов, связанных с человеческим капиталом, все еще продолжается, опыт демонстрирует удивительную тонкость чутья и адекватность реакции простого народа на происходящие изменения.

Сегодня в «Бесплатных объявлениях» можно встретить следующие пассажи: «Мы люди в возрасте – мне 77 лет, деду 74 года. У нас нет детей, хозяйство одним везти стало очень тяжело. А хозяйство немалое – большой дом с кухней, гараж, двор с постройками, погреб, земля. Ищем мы семью из трех человек, мужа и жену от 35 до 50 лет с одним ребенком для постоянного жительства у нас. Хотим породниться. Пенсию получаем приличную. Нам нужны настоящие хозяева на земле. Готовы все свое имущество завещать своим помощникам, конечно по нашей смерти. Хотелось бы, чтобы желающие откликнулись поскорее, ведь весна на дворе и земля зовет. Людей очень любящих спиртное просим не беспокоить. Подробности напишем в письме. Наш адрес: 431711, Мордовия, ст. Чемзинка, с. Сабур-Мечкасы, Евдокимовым Николаю Васильевичу и бабе Нюре».⁹

Здесь все - от осознания безвыходности положения до осознания риска, связанного с предполагаемым шагом приглашения в дом чужих людей. Интересно, что возраст авторов объявления находится точно на границе утраты способности к труду, которая установлена в приведенных в следующей главе расчетах по человеческому капиталу.

С реализацией такого рода замысла **домохозяйство** не только в теории, но и на практике получит существенное отличие от **семьи**. Имеются веские основания предполагать, что в ближайшее время в сельской местности события начнут развиваться именно в этом направлении. Это значит, что в целом традиционное для советского

времени и наших выборов единство семьи и домохозяйства как объединения кровных родственников, будет все больше расходиться. А понятие «домохозяйства» начнет наполняться традиционным содержанием.

В целом наблюдающийся *процесс трансформации сельской семьи от преобладания простых одно или двух поколенных семей с гетерогенной связью и прямым родством к распространению много поколенных семей со смешанным родством - свидетельство отхода от образцов, наблюдавшихся во второй половине XX-го века.* Конечно, сегодня средняя российская семья в сельской местности еще далека от семьи, скажем в Карачаево-Черкессии, где смешанные семьи, по нашим выборочным данным, составляют около половины (45%), а сложные 28,1% всех семей.

Важно, однако, понимать, что *теперь уже средняя российская семья движется в сходном направлении.* Вопрос состоит в том, как долго указанная тенденция будет продолжаться и как далеко пойдет этот процесс? Как мы уже отмечали ранее, в *сформировавшихся условиях сложная семья более подготовлена к воспроизводственной функции, чем нуклеарная или неполная.* Фиксация указанного факта позволяет сделать допущение, что *с увеличением доли сложных семей в сельской местности может измениться и характер воспроизводства населения.*

Одновременно представляется уместным отметить, что увеличение доли сложных и смешанных типов семьи достаточно хорошо и полно согласуется с такими отмеченными нами ранее направлениями изменений в системе сельского расселения, как *рурализация и повышение уровня дисперсности.* В социальном плане оно свидетельствует об укреплении патриархальной традиции. Известная *автономизация и изоляционизм, ослабление достиженческих ориентаций и внутрисемейный патернализм, повышение ценности семьи и личного хозяйства, растущая рыночная зависимость – все это неизбежные спутники такого рода организации жизни.* Здесь еще требуется понять, как указанные явления согласуются с установками на модернизацию и нарастающими тенденциями глобализации.

Масштаб и структура сельской бедности

Ниже проблемы бедности рассмотрены, по данным наших исследований,¹⁰ в двух основных аспектах. Один из них связан с масштабом бедности в сельской местности в наблюдаемый период, а другой - с ее структурным срезом и социальной дифференциацией.

Динамика дифференциации доходов сельских домохозяйств в период 1991-2003 гг., по данным наших обследований, приведена в табл. 7. Из данных этой таблицы видно, что в рассматриваемый период дифференциация доходов хозяйств населения в сельской местности увеличилась почти в 4-е раза (1991-1999 гг.). Она дважды сокращалась в два раза (1997 г., 2001 г.), и опять увеличилась в 2003 г. При этом она постоянно остается заметно ниже, чем дифференциация по доходам в тот же период в городе и в целом по стране - 13,8 раза.¹¹

Возможно, совпадение значений дифференциации в 1997 г. и 2001 г. связано с усилиями сельского населения по минимизации потерь, вызванных финансовым кризисом 1998 г. Но природа этих двух одинаковых цифр, на наш взгляд, в каждом случае своя. Снижение дифференциации в 1996-1997 гг. было в основном связано *исключительно с усилиями домохозяйств по производству и реализации продукции подворья*. Неблагоприятная конъюнктура рынка и большие задолженности по выплате всех видов оплаты труда и трансфертов – отличительные моменты тех лет.

Сокращение дифференциации в период 2000-2001 гг. происходило в весьма благоприятных условиях рынка, которые характеризовались резким ростом цен на продовольственные товары при сокращении их импорта. А самое главное в этот период стабилизировалась выплата пенсий, и начался их абсолютный и относительный рост. По нашим наблюдениям, стабилизирующее значение пенсий для села и их роль в снижении уровня бедности и дифференциации просто гигантская, что и подтверждает обследование 2003 г.

По нашим расчетам, доля домохозяйств в сельской местности, имеющих совокупные доходы ниже ПМ, составляла: в 1999 г. - 49,8%, в 2001 г. - 46,5%, в 2003 г. – 25,4%, а в 1991 г. она равнялась 7,6%. В рассматриваемый период 1991-2003 гг. доля бедных достигала максимального значения в 1993 г., охватывая 69,0% сельских домохозяйств.

Таблица 7. Дифференциация совокупных доходов сельских домохозяйств в 1991 - 2001 гг. (руб./месяц)

Доходы	1991	1993	1995	1997	1999	2001	2003
Средний доход 10 процентов семей с низкими доходами (в руб.)	140,6	8107,3	174500,0	146700,0	709,0	1644,6	2379,3
Средний доход 10 процентов семей с высокими доходами (в руб.)	376,6	54256,9	1636300,0	825100,0	7139,3	9158,7	14923,0
Коэффициент дифференциации (в раз)	2,7	6,7	9,4	5,6	10,2	5,6	6,3

Источник: Данные наших обследований 1991 - 2003 гг.

Распределение среднего душевого денежного и совокупного дохода семьи по группам прожиточного минимума (ПМ) в выборке 2001 г. приведено в табл. 8.

Данные табл. 8 показывают значение средних, минимума и максимума для различных доходных групп, упорядоченных по отношению к ПМ. Из 800 семей, наблюдавшихся в выборке 2001 г., 53 семьи (6,6%) имели совокупный доход на уровне половины ПМ; 319 семей (39,9%) - на уровне от 0,5 до 1-го ПМ; 266 семей (33,2%) - на уровне от 1 до 1,5 ПМ; 98 семей (12,3%) - на уровне от 1,5 до 2-х ПМ, а 64 семьи (8%) - на

уровне свыше 2-х ПМ. При этом минимальное значение совокупного дохода составляло 255 руб., а максимальное – 34802,6 руб.

Сами опрошиваемые оценили свое положение по уровню обеспеченности следующим образом: очень бедные – 55 семей (6,9%), бедные – 261 семья (32,6%), среднего достатка - 446 семей (55,8%), выше среднего достатка – 37 семей (4,6%), богатые – 1 семья (0,1%).

Сопоставление фактических уровней доходов и самооценок опрошиваемых показывает, во-первых, что население в своих оценках ориентируется на совокупный, а не на денежный доход. В противном случае расхождения были бы более значительны. Во-вторых, оценки абсолютной бедности почти тождественны – 6,6% (факт) и 6,9% (самооценка).

В-третьих, оценки бедности довольно близки – 46,5% (факт) и 39,5% (самооценка). При этом небольшая доля действительно бедных по фиксируемым доходам семей оценивает свое положение несколько выше. В-четвертых, если предположить, что семьи со средним достатком находятся в интервале от 1 до 2-х ПМ, то по факту таких семей 45,5%, а по самооценке – 55,8%. Разницу в 10,3% составляют как бедные, зависившие свои самооценки, так и часть опрошенных с высоким уровнем доходов, которые занижают в самооценке достаток своей семьи. По факту таких семей 8%, а по самооценке – 4,7%.

Таблица 8. Распределение средней величины среднедушевого денежного и совокупного дохода семьи по группам ПМ в 2001 г. (руб./месяц)

ПМ*	Статистики	Среднедушевой доход	
		Денежный	Совокупный
До 0,5 ПМ или < 762 руб.	Mean	381,3	579,6
	N	53	53
	Minimum	212,5	255,0
	Maximum	660,0	760,0
От 0,5 до 1 ПМ или 763-1524 руб.	Mean	819,3	1183,0
	N	319	319
	Minimum	313,0	776,4
	Maximum	1370,0	1524,0
От 1 до 1,5 ПМ или 1525-2286 руб.	Mean	1358,6	1861,2
	N	266	266
	Minimum	626,0	1526,0
	Maximum	2050,0	2284,1
От 1,5 до 2 ПМ или 2287-3048 руб.	Mean	1976,2	2597,3
	N	98	98
	Minimum	1218,8	2290,8
	Maximum	2750,0	3048,0
Больше 2 ПМ или 3049 руб. и выше	Mean	4632,4	5261,0
	N	64	64
	Minimum	2050,0	3061,3
	Maximum	34458,0	34802,6
Всего	Mean	1416,3	1868,0
	N	800	800
	Minimum	212,5	255,0
	Maximum	34458,0	34802,6

Источник: Данные нашего обследования 2001 г. Объем выборки 800 домохозяйств.

Примечание: * На момент обследования в Ш квартале 2001 г. ПМ равнялся 1524 руб. – Россия в цифрах. 2002. М.: Госкомстат РФ. 2002, С. 109.

Выполненный анализ показывает, что распространенные суждения относительно самооценок бедности, мягко говоря, далеки от действительности. «Средние оценки бедности, как правило, ниже, чем официальные оценки прожиточного уровня. Это значит, что: российское население в основном очень бедное и готово мириться с лишениями; прожиточный уровень воспринимается населением как средний жизненный стандарт, что также свидетельствует о бедности общества в целом; структура потребления бедных в значительной степени зависит от потребления в натуральной форме».¹²

Наши данные не подтверждают ни самого тезиса о заниженном характере самооценок бедности, ни довольно лихих выводов, сделанных авторами цитируемого доклада, относительно восприятия россиянами ПМ в качестве среднего жизненного стандарта. Более того, даже в сельской местности структура потребления бедных в значительной степени зависит от потребления в денежной, а не натуральной форме. В этом собственно и состоит центральная проблема бедности.

В сельской местности бедными (по факту) остаются те, кто не может по тем или иным причинам (прежде всего в связи с низким уровнем человеческого

капитала), увеличить производство продукции личного подворья как для целей натурального потребления, так и на продажу. Такие домохозяйства полностью зависят от уровня оплаты труда, пенсий, пособий и льгот. По нашим оценкам, в сельской местности их удельный вес составляет 35-45%. Их члены относятся к наименее защищенным социальным группам населения. Им и было сложнее всего в наблюдаемый период. Эта большая группа риска неоднородна и может быть разбита минимум на *две неравные* по численности и перспективам изменения социального положения подгруппы.

Одна из них, в которую входят 15-20% домохозяйств, представляет собой *хроническую бедность*. Сегодня и на ближайшую перспективу снизить уровень бедности за указанную черту практически невозможно. В эту группу крайних форм бедности, включая и абсолютную, попадают одинокие старики в преклонном возрасте, а также домохозяйства с опустившимися и фактически утратившими мотивацию на труд, лицами.

В другую подгруппу входят 20-25% домохозяйств, постоянно *балансирующие на грани бедности*. Сюда в первую очередь относятся нуклеарные семьи с малолетними детьми, а также домохозяйства с работниками сельхозпредприятий, которые, по тем или иным причинам, отказываются от ведения личного хозяйства в расчете на заработную плату. В отношении материального положения этой группы селян у всех уровней власти имеется достаточно рычагов и полномочий. Их использование предполагает, прежде всего, наведение порядка в оплате труда работников сельского хозяйства. Творящиеся здесь произвол и безобразия, равно как и огромная задолженность по зарплате при очень низком уровне оплаты труда, хорошо известны. К сожалению, пока еще на всех уровнях власти отсутствуют какая-либо заинтересованность в решении указанной проблемы.

Натуральные выплаты, получившие широкое распространение в сельском хозяйстве, незаконны в своей основе и консервируют бедность. В соответствии с законом за свой труд работник должен получить денежное вознаграждение, а затем при желании получить дополнительный доход от выращивания скота или сдачи молока действовать на основе договоров контрактации. Сегодня в сельском хозяйстве укрепилась практика работы за корм для скота на подворье, которая, при всех ценовых льготах, практически разрушает мотивацию на эффективный труд в общественном секторе. Отсылки к заинтересованности селян в такой организации оплаты труда не могут служить достаточным основанием для ее сохранения. Людям надо дать выбор, и они его сделают сами.

Следует также отметить, что при существующих соотношениях минимальной оплаты труда, минимальной пенсии и ПМ, значительная часть населения как бы обречена на относительное обнищание. В условиях отставания минимальной оплаты труда и пенсий от ПМ единственное спасение от обнищания для тех, кто живет на доходы близкие к минимальной оплате труда и минимальной пенсии – дополнительные источники доходов. На селе, в связи с ограниченностью мест приложения труда, главным источником дополнительных доходов служит мелкотоварное производство. Сегодня именно на нем в основном все и замыкается круге бедности.

-
1. Россия в цифрах. 2003. М.: Госкомстат РФ, 2003, С. 67.
 2. Земельный кодекс РФ. М.: Кодекс, 2002, Статьи 20-21, С. 15-16.
 3. Татаренков В. Как заглянуть за горизонт. / Сельская жизнь, 8 июня 2004 г., № 42 (22959), С. 2.
 4. Костенко Р. На Дону осталось одно село. / Сельская жизнь, 8 июня 2004 г., № 42 (22959), С. 3.
 5. Социально-экономические исследования благосостояния, образа и уровня жизни населения города. Проект «Таганрог Ш». Отв ред. Н.М.Римашевская, В.В.Пациорковский. М.: ИСЭПН РАН, 1992, С. 9.
 6. Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. М.: Экономика, 1989, С. 229.
 7. Пациорковский В.В. Сельская Россия: 1991-2001 гг. М.: Финансы и статистика, 2003, С. 235-253.
 8. Пациорковский В.В. Сельская Россия: 1991-2001 гг. М.: Финансы и статистика, 2003, С. 190-208.
 9. «Сельская жизнь», 14 мая 2002 г., № 34 (22746), С. 3.
 10. Более полно по данному вопросу см.: Пациорковский В.В. Сельская Россия: 1991-2001 гг. М.: Финансы и статистика, 2003, 368 с.
 11. Россия в цифрах. 2002. М.: Госкомстат России, 2002, С. 101.
 12. Обзор экономики России. М.: Рабочий центр экономических реформ при Правительстве Российской Федерации, 2002 г., № 1 (33), С. 150.

Современный социально-экономический потенциал и перспективы развития сельских сообществ приграничного северного российского региона

Т.В. Морозова

Институт экономики КарНЦ РАН,
г. Петрозаводск

В настоящее время, когда село переживает новую волну реформ, возникла острая потребность в переосмыслении методологических взглядов на изучение его состояния, позволяющих не только отразить современный потенциал сельских сообществ, но и получить реальные оценки перспектив их развития.

Можно констатировать, что сегодня накоплен значительный опыт исследований села в России и ее регионах на разных исторических этапах, среди которых можно выделить работы, осуществляемые под руководством Заславской Т.И., Рывкиной Р.В, Пациорковским В.В., Т. Шаниным и др.

Менялось значение важнейшей - производственной функции сельских домохозяйств. Ее дискриминация в период коллективизации, формирования колхозов, а затем совхозов, сопровождалась трансформацией крестьянских хозяйств - производителей в крестьянские хозяйства - потребители. Болезненная ломка традиционных крестьянских укладов, продолжавшаяся не одно десятилетие, в очередной раз стала предметом современных научных исследований. Период экономических преобразований, начавшихся с 1989 года, сменил акценты производственной сельскохозяйственной деятельности с доминирования коллективных форм к сочетанию коллективных и индивидуальных форм хозяйствования. Вновь, спустя десятилетия, оказалась востребованной частная инициатива. Экономическое положение традиционных коллективных хозяйств, преобразованных в акционерные общества, постепенно ухудшалось, достигнув критической точки в 1996 г. Именно в этот период перед многими коллективными хозяйствами, оказавшимися без дотаций, оборотных средств, госзаказа, реальной стала угроза закрытия производства. Росли размеры невыплат заработной платы работникам, учреждения социальной сферы передавались местным органам территориального управления, сокращались размеры посевных площадей, поголовья стада и т.д.

Наблюдаемые процессы свидетельствуют об изменении социальной и экономической «карты» села. Меняется экономическая структура, перераспределяются социальные функции. Сельские сообщества оказались в ситуации поиска форм выживания и стабилизации. В данном контексте важнейшей проблемой становится адекватная оценка происходящих процессов, позволяющая определить роль и формы государственного участия в приостановке деструктивных явлений и создании благоприятных условий, способствующих устойчивому развитию российского села.

Сельское сообщество в настоящее время оказалось в центре второй волны экономических реформ, где пересекутся три серьезные по своим последствиям институциональные реформы: реформа местного самоуправления, реформа земельного, а также лесного законодательства. На протяжении ряда лет ведутся острые дискуссии по каждой из этих реформ, что свидетельствует о пересечении интересов различных, достаточно сильных социальных и политических слоев российского общества. Сегодня совершенно очевидно, что ни один из законопроектов не отличается ясностью и серьезными обоснованиями, что дает основания для целого веера разнообразных прогнозов. Практически сегодня решается вопрос о частной собственности на землю, на лес, а также о способах предъявления прав на ресурсы со стороны не только правящей элиты – экономической и политической, но и со стороны всех социальных групп, и, прежде всего сельского сообщества, чья жизнедеятельность и чье будущее связано с природой глубинными, архетипными, неразрывными связями.

Данный контекст предполагает построение двух-векторного теоретического основания, максимально отражающего специфику сельских сообществ. Первый вектор увязывает традиции прошлого, реалии настоящего и модели будущего. Второй вектор в свою очередь определяет природно-географические и социально-экономические координаты сельских сообществ. Теоретические основы исследовательской программы разнообразны и включают целый перечень сформированных и развивающихся научных направлений:

- КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ
- ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ
- СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ
- ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ
- ТЕОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ
- ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ
- ТЕОРИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ
- ТЕОРИЯ ГРАНИЦЫ

В соответствии с представленным теоретическим основанием развивалась методология исследования сельских сообществ, реализованная в Республике Карелия творческим коллективом

Института экономики КарНЦ РАН через ряд исследовательских проектов при поддержке российских и международных научных фондов и программ. За период 1996 – 2004 гг. были обследованы более 30 сел Карелии¹ (перечень обследованных сельских территорий Карелии см. в таблице 1).

В ходе многолетней исследовательской деятельности происходили два взаимосвязанных процесса: с одной стороны накапливался большой и многогранный эмпирический материал, с другой – оттачивались, развиваясь и обогащаясь, методология и методика исследовательских программ. В основе этих программ, ориентированных на

изучение различных сторон такого сложного и многомерного объекта исследования как сельское сообщество, лежит его триединая модель: природа, хозяйство и человек. Построение такой исследовательской модели предполагает использование междисциплинарного подхода, основанного на макроэкономической, микроэкономической и социологической составляющих (Морозова, Гурова, Козырева, 2004).

Междисциплинарные основания исследования сельских сообществ Республики Карелия легли в основу разработанной комплексной методики (Морозова, 1998), которая предполагает:

- исследовании трех подсистем: “население – предприятие – территория”;
- использование специальных методов сбора и анализа информации о каждой подсистеме, основанных на сочетании количественных и качественных методов.

¹ «Создание независимого аналитического центра «Социо-Логос» (№036/1-01-ТК), 2001, проект МОНФ руководитель Морозова Т.В.;

«Проблемы формирования институтов рынка в условиях переходной экономики», (№02-06-80482), 2002- 2004 г.г., проект РФФИ, руководитель Козырева Г.Б.;

Организация и проведение экспедиционного экономико-социологического обследования экономического поведения предприятий Республики Карелия, (№03-06-88036), 2003, проект РФФИ, руководитель Козырева Г.Б.;

«Социальное партнерство как инновационный механизм формирования социально-ориентированной политики занятости региона», (№ 03-0200385а), 2003-2005, проект РГНФ, руководитель Морозова Т.В.;

«Проведение экономико-социологического обследования проблем социального партнерства как эффективного механизма политики занятости», (№04-02-18005е), 2004, проект РГНФ, руководитель Морозова Т.В.

Таблица 1.

Обследования сел Карелии 1996 - 2004 гг.

Место опроса	Число обследованных домохозяйств	Число членов домохозяйств	Примечание
Заонежье, 1996	76	236	с. Толвуя, д. Кузаранда, д. Никитинская, д. Захогино, д. Падмозеро
Пряжинский район, 1996	41	102	п. Чална
Заонежье, 1997	284	811	п. Ламбасручей, с. Сенная губа, с. Великая губа, п. Пяльма, с. Толвуя, с. Шуньга, с. Ведлозеро
Беломор-канал, 1998	317	889	п. Валдай, п. Летнереченский, п. Сосновец, с. Сумпосад, п. Сумпосад, д. Вирма, п.г.т. Пиндуши
Приладожье, 1999	313	892	с. Куркиеки, п. Хийденсельга, п. Ляскеля, п. Рауталаhti, п. Хелюля, п. Ведлозеро
Олонецкий район, 1999	50		с. Видлица
Муезерский район, 2003	198	538	п.г.т. Муезерка, с. Реболы, с. Лендеры
Олонецкий район, 2003	100	334	п. Ильинский, с. Мегрега с. Рыпушкалицы с. Судалица д. Верховье
Заонежье, 2004	186	529	с. Великая Губа с. Толвуя п. Пяльма

Основными источниками информации являются:

- наличные документы (похозяйственные книги поселений), материалы органов законодательной и исполнительной власти, материалы органов государственной статистики РК и РФ;

- экономические показатели работы совхозов, леспромхозов и лесопромышленного, агропромышленного комплексов РК, характеристики лесного и земельного фондов РК;
- материалы формализованных интервью (анкетных опросов) домохозяйств аграрных и лесных поселений;
- материалы полуформализованных и неформализованных глубинных интервью с руководителями и специалистами предприятий, учреждений, фермерами;
- материалы групповой работы с местными активистами (инновационных семинаров по типу фокус-группы).

В исследовании используется целевая территориальная выборка, отражающая структуру сельских территориальных образований Республики Карелия, в которой доминируют аграрные и лесные поселения.

Полученные в ходе исследования эмпирические материалы сформированы в базы данных в системе SPSS. Результаты анализа эмпирических материалов, позволили определить ключевые социально-экономические факторы, влияющие на современное положение и развитие сельских сообществ, обосновать трансформацию социально-экономической структуры и системы социальных связей, определяющих диверсификацию экономической и социальной карты карельского села.

Анализ современного потенциала сельских сообществ Республики Карелия осуществлен в соответствии с исследовательской программой, основанной на следующих методологических основаниях.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕЛЬСКИХ СООБЩЕСТВ КАРЕЛИИ

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ	ТРИЕДИНЫЙ ОБЪЕКТ: «НАСЕЛЕНИЕ-ПРЕДПРИЯТИЕ-ТЕРРИТОРИЯ»
СТРУКТУРНО- ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	ТИПОЛОГИЯ СЕЛЬСКОЙ ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ СРЕДЫ ТИПОЛОГИЯ СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТИПОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	ИНСТИТУТЫ СОБСТВЕННОСТИ ИНСТИТУТЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ
АНАЛИЗ ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА	ТИПОЛОГИЯ МОДЕЛЕЙ ГРАНИЦЫ; ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

Исследование потенциала сельских сообществ включает оценку природно-хозяйственной компоненты, определяющей доминирующий тип хозяйственной деятельности на основе использования местных природных ресурсов. Анализ природно-хозяйственной карты сельских поселений Республики Карелия позволил выявить три доминирующих типа поселений:

- первый тип – монофункциональные поселения, в котором доминирует сельскохозяйственное производство. Этот тип сельских поселений является мало распространенным, а также характеризуется низким мобильным потенциалом развития ;
- второй тип – бифункциональные поселения, в котором сельскохозяйственное производство функционирует параллельно с другим видом деятельности. Этот тип наиболее распространен в Карелии, сочетая агро- и лесной бизнес. Мобильный потенциал данного типа выше, чем в первом, но также имеет ограничения в развитии;
- третий тип – полифункциональное поселение, одним из видов деятельности в котором является сельхозпроизводство. Однако наряду с ним представлены направления, связанные как с промышленным, так и не промышленным природопользованием, а также различные сферы услуг и т.п. Этот тип поселений с высоким мобильным потенциалом отчасти представлен в Карелии, (например, Карельское Приладожье) и может рассматриваться как наиболее перспективный природно-хозяйственный тип организации сельских сообществ.

Период экономических преобразований, начавшихся с 1989 года, привел к диверсификации экономической карты села, обусловившей переход от доминирования коллективных форм к сочетанию коллективных и индивидуальных форм хозяйствования. Экономическое положение традиционных коллективных хозяйств, преобразованных в акционерные общества, постепенно ухудшалось, достигнув критической точки в 1996 г. Именно в этот период перед многими коллективными хозяйствами, оказавшимися без дотаций, оборотных средств, госзаказа, реальной стала угроза закрытия производства. Значительная часть коллективных хозяйств, пройдя путь акционирования и накопив негативный опыт, связанный, прежде всего, с отсутствием институциональных условий для формирования эффективных экономических стратегий, вернулась под патронат государства в статусе унитарных предприятий.

Появление на экономической карте сельских сообществ и практика функционирования таких субъектов хозяйствования, как фермеры, привело на сегодняшний день к формированию внутренне неоднородного слоя экономических акторов. Среди реально действующих фермерских хозяйств выделяются три типа:

- фермеры-энтузиасты, движимые идеей преобразования земли вопреки экономической целесообразности хозяйства;
- фермеры - умельцы, умеющие обеспечить свое хозяйство техникой, собранной своими руками при незначительных расходах;
- фермеры, активно поддерживаемые республиканскими или местными властями.

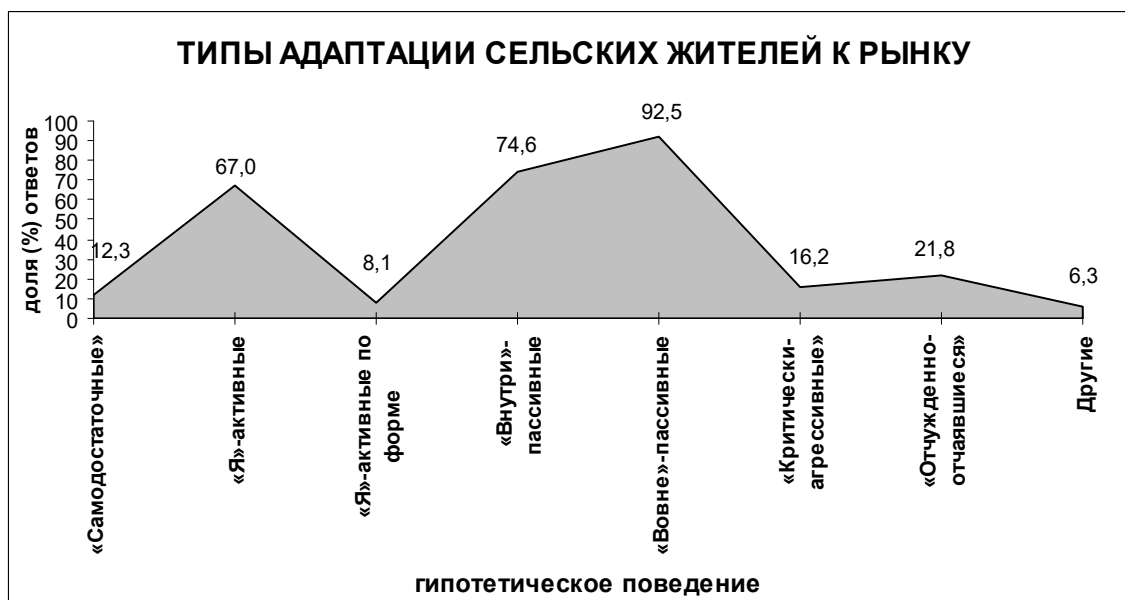
Эволюционно в более благоприятных условиях оказались фермерские и крестьянские хозяйства первой волны, сумевшие получить кредиты до тотальной инфляции; размер кредитов (займов) был адекватен стоимости приобретенной техники.

В современных условиях производство и реализация продукции фермерских и крестьянских хозяйств происходят в рамках натурального обмена, распространены формы неэкономического взаимодействия хозяйств, признаки товарного производства практически отсутствуют. Хозяйства функционируют в режиме самообеспечения (Морозова, Гурова, Козырева, 2004).

Феномен фермерства носит преимущественно декларативный характер в условиях отсутствия отчетливой законодательной базы, реальных механизмов реализации прав частного сельхозпроизводителя, сильной коллективистской традиции на всех уровнях.

Третий, динамично развивающийся и мобильный слой субъектов хозяйствования на селе представляют сельские домохозяйства, устойчиво занимающие нишу мелкотоварного сельхозпроизводства, основанного на потенциале личных подсобных хозяйств. Опыт исследования жизнедеятельности населения показывает, что аналогично процессу углубляющегося материального расслоения населения наблюдается и расслоение населения по уровню экономической активности: выделяются группы активного населения, усиливающих свою активность, а также группы неактивного населения, не предпринимающие попыток изменить проблемную ситуацию. Результаты проведенных обследований подтверждают наличие дифференциации населения по типам экономической активности и позволяют выделить 8 типов экономического поведения, представленных среди сельского населения (Диаграмма 1).

Диаграмма 1(*)

(*) По материалам обследования сельских домохозяйств 1997 г.

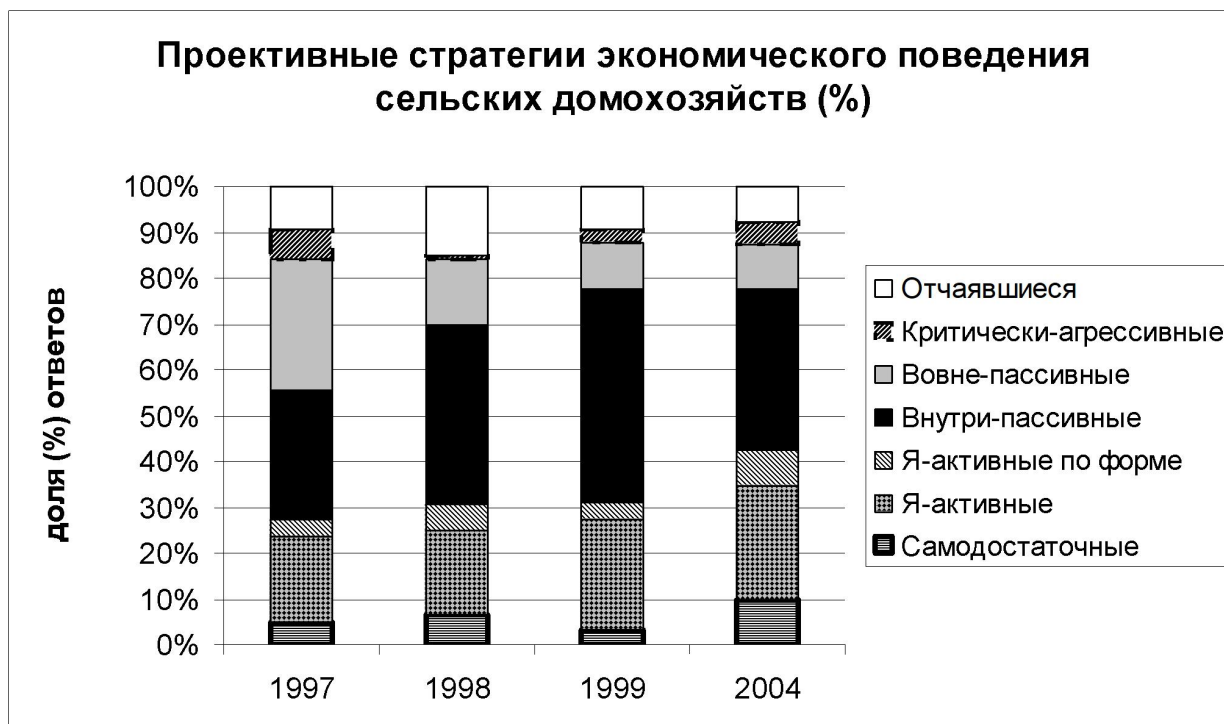
Особенности адаптации сельского населения проявляются в меньшей, по сравнению с городским населением, представленности групп, реализовавших свой потенциал в новых условиях, также, как и групп отчужденного населения. Одновременно среди селян значительно выше удельный вес граждан, пребывающих в состоянии

пассивного ожидания помощи от государства, местной администрации, родственников, друзей.

Самая многочисленная группа сельского населения, насчитывающая от 50% до 2/3 сельских домохозяйств, состоит из категорий, не отличающихся высокими параметрами экономической активности и стабильностью экономического положения. В значительной степени от этого типа сельских жителей будет зависеть направление и динамика перспектив развития сельского социума. Второй по распространенности тип сельских домохозяйств – адаптированный к организации своей жизнедеятельности в меняющихся экономических условиях, обладающий высоким уровнем экономической активности и самостоятельности. Эта категория сельских жителей не превышает 15-20% от общей совокупности. Третий, наиболее проблемный тип сельских домохозяйств, состоит из тех, кто на сегодняшний момент практически необратимо попал «на дно» социальной реальности, составляя маргинальный контингент сельского сообщества. Этот тип в обследованных сельских поселениях насчитывает от 15% и выше.

Динамика проективных экономических стратегий сельских домохозяйств (см. Диаграмму 2) показывает ряд современных тенденций:

- во-первых, произошло резкое снижение доли одной из самых многочисленных групп домохозяйств «вовне-пассивных», которые до периода 1998 г. в своих экономических стратегиях возлагали определенные надежды на «внешние» структуры (государство, правительство, и т.п.). Эта ситуация соответствует процессу общего снижения уровня доверия населения к государственным институтам управления и власти;
- во-вторых, незначительная положительная динамика доли домохозяйств типов «самодостаточные» и «я-активные» происходит в рамках стратегии самовыживания и не достигает той стадии, при которой можно ожидать качественного перехода к стратегии устойчивого развития сельского сообщества;
- в третьих, произошла необратимая стабилизация (если можно так выразиться) контингента маргинальных типов сельского населения.

(*) По материалам обследования сельских домохозяйств РК

Специфика сельских сообществ состоит в наличии особого вида институциональных связей, представленных системой различных типов социальной кооперации в широком смысле (кредитная, потребительская, производственная, и т.п.). Социальная кооперация на селе является исторически обусловленным способом организации сельского сообщества. Это связано с рядом обстоятельств: зависимость хозяйственной деятельности от природных явлений, определенная сезонность в способах жизнедеятельности, тесная взаимосвязь между хозяйственной и социальной кооперацией. В полной мере это относится и к аграрным, и к лесным поселениям.

В советский период институциональные связи в сельской среде претерпели ряд трансформаций:

- унификация социальных акторов, среди которых выделяется администрация местного сообщества, администрация градообразующих предприятий, выполняющая широкий спектр экономических и социальных функций;
- превращение домохозяйств из субъектов хозяйственной деятельности, наделенных правом участия в организации, управлении и планировании производственной деятельности предприятия - в совокупность наемных работников, отчужденных от средств и результатов труда;
- конфронтация по вертикали «администрация предприятия» как «сверх» - социальная группа – односельчане как совокупность зависимых преимущественно «первичных» социальных образований.

В результате, в локальном сообществе на фоне общего снижения коммуникации происходит «сегментация» социальных связей, все большая их локализация на уровне первичного (семейного) и ближайшего (друзья, родственники) социального окружения.

В период экономического реформирования в России и ее регионах в сельском сообществе наблюдаются следующие процессы, отражающие современные особенности институциональных изменений:

- зарождение разнообразия социальных групп и социальных связей, в т.ч. в организации хозяйственной деятельности;
- формирование коммуникационных связей на уровне формирующихся «вторичных» социальных групп, распространяющихся на область мелкотоварной хозяйственной деятельности;
- проявление социальной и экономической активности со стороны местных органов власти
- сохранение традиционных и появление новых видов социальной конфронтации.

Социальная конфронтация выражается в рассогласовании интересов и функционирования власти и крестьянства, агробизнеса и крестьянства, властью и бизнесом (Морозова Т.В., Гурова С.А., Козырева Г.Б., 2004).

Результаты проведенных исследований раскрывают современную ситуацию, сложившуюся в сельских сообществах Карелии. Несмотря на имеющуюся инициативу, лояльно настроенную социальную среду, отсутствуют развитые формы производственного и социального кооперирования крестьянства как способа выражения интересов перед властью и бизнесом. «Сама идея кооперации в нашей стране многократно дискредитирована, извращена, опошлена. В широких слоях населения налицо предубеждение, недоверие, неприязнь к ней. Дело в том, что насильственная коллективизация преподносилась как производственная кооперация, даже как ее высшая форма, противопоставлялась так называемой «буржуазной», «торгашеской» кооперации» (Никонов, 1995).

Кооперация – один из актуальнейших институтов сельских сообществ, «способный решать многие хозяйственно-экономические задачи, защищать крестьянина от appetites коммерческих банков и самого государства, наладить сбыт, снабжение, хранение, переработку, и реализацию продукции. К сожалению, узаконенной сельскохозяйственной кооперации сегодня в России нет» (Никонов, 1995).

В качестве одного из институтов содействия социальной интеграции можно рассматривать институт социального партнерства. Особенность этого института состоит в том, что он опирается на инициативу «снизу», особенно, на муниципальном и местном уровнях. Учитывая позитивный опыт зарубежных стран в использовании местных социальных партнерств, а также острую необходимость практического решения проблем развития сельских сообществ, представляется актуальным расширение теоретических и научно-практических обоснований малоизученного феномена социального партнерства в

условиях экономического реформирования^[1]. На *местном* уровне, на примере сельских сообществ, исследуется существующая практика решения общих проблем объединенными силами представителей сельского сообщества, а также анализируется потенциал для развития практик социального партнерства.

Специфика использованных в исследованиях методов связана с малой распространенностью практик социального партнерства и представлена совокупностью количественных и качественных методов сбора эмпирических данных. В основе этой совокупности лежит метод *«case-study approach»* с привлечением социологического инструментария, с помощью которого были отобраны пилотные территории, на которых локализованы сообщества разных типов. Примерами case-study территории местного (поселкового) уровня являются сельские населенные пункты: Толвуя, Великая Губа и Пяльма. В первом населенном пункте существуют традиционные социальные взаимосвязи, существует сильное коллективное предприятие, которое аккумулирует в значительной степени широкий круг проблем и механизмов их решения. Во втором сельском населённом пункте коллективное предприятие ликвидировано, отсутствует традиционная для села централизация, изменена система социальных и экономических взаимосвязей. В третьем селе – и это особый случай - разрушена не только производственная и социальная структура, но и практически отсутствует поселковая администрация; «карта» социальных взаимоотношений и социальных связей существенным образом сужена. Пример Великой Губы интересен инициативой создания на территории Общественного совета, который взял на себя функции самоорганизации поселка в условиях отсутствия бюджета и государственной поддержки. Инициатором выступила поселковая администрация, к ней примкнули представители сельской интеллигенции - учителя, врачи, библиотекарь. Самым уникальным примером социального партнерства местного уровня является община в д. Пяльма Республики Карелия. Здесь нет власти, нет производственной и социальной инфраструктуры. Основной сферой деятельности в д. Пяльма является сельский туризм. Всю ответственность за жизнедеятельность и жизнеустройство деревни взял на себя ее староста, выбранный местными жителями возглавивший ТОС.

Сельские сообщества Карелии испытывают воздействие приграничных факторов развития. Карелия как приграничная территория по отношению не только к Финляндии, но и к Евросоюзу, занимает выгодное и геополитическое, и экономическое положение, что в свою очередь предопределяет институционализацию процессов трансграничного сотрудничества. Как уже было сказано, и приграничное положение, и наличие природных ресурсов, и этническая общность с сопредельной территорией обусловили к Карелии особый подход, особую политику со стороны ЕС. Не случайно Карелия попала в формат Северного измерения, Баренцрегиона и других европейских программ.

¹ Социальное партнерство как инновационный механизм формирования социально-ориентированной политики занятости региона, РГНФ (проект №03-0200385а), 2003-2005, рук. Морозова Т.В., творческий коллектив, участвующий в разработке проекта: Козырева Г.Б., Сухарев М.В., Гурова С.А., Белая Р.В., Дьяконова М.В., Кулакова Л.М., Крутова О.С., Маслякова Н.В. .

В данном контексте сельские сообщества Карелии оказались в уникальной ситуации – помимо внутри российских трансформационных процессов, они стали непосредственными участниками инновационных международных инициатив, развитие которых позволяет говорить о карельской модели трансграничного сотрудничества. Характерная особенность этой модели в том, что менее чем за два десятилетия Карелия прошла путь от полной закрытости границы до развивающихся в настоящее время цивилизованных форм трансграничного сотрудничества.

Основная идея трансграничного сотрудничества – выравнивание экономического и социального статусов сообществ, включающихся в систему партнерских отношений. В таких условиях актуализируется вопрос: останутся ли сельские сообщества Карелии в роли «сырьевых придатков», периферийных территорий, или, воспользовавшись благоприятными трансграничными условиями, мобилизуют свой внутренний ресурс и выйдут на альтернативные инновационные стратегии развития?

Литература

1. Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (18-20 вв.), М.: Энциклопедия российских деревень, 1995.
2. Морозова Т.В., Гурова С.А., Козырева Г.Б. Сельские сообщества Карелии: традиции, современность, перспективы. Петрозаводск, 2004.
3. Методология исследования и качество жизни сельского населения России и США.//Народонаселение, Отв.ред. В.В.Пациорковский, Д.Дж.О'Брайн. Вып.1, М.,1996.
4. Пациорковский В.В., Пациорковская В.В. и др. Изменение условий жизни сельского населения. В кн.: “Россия 1997. Социально-демографическая ситуация”. М.: ИСЭПН РАН, 1998.
5. Рывкина Р.В. Образ жизни сельского населения. Новосибирск: Издательство “Наука”, 1979. - 352 с.
6. Чаянов А.В. Избранные труды, М., 1989
7. Шанин Теодор Перспективы исследования крестьянства и проблема восприятия параллельности общественных форм / Крестьяноведение. Теория. История. Современность. М.: Аспект Пресс, 1996
8. Джеймс С. Скотт. Моральная экономика крестьянства. Восстание и выживание в юго-восточной Азии. Нью-Хэвн; Лондон: изд-во Йельского ун-та, 1976
9. Морозова Т.В., Гурова С.А., Козырева Г.Б. Методологические основы исследования проблем устойчивого развития лесных поселений Карелии // Экономика Северо-запада: проблемы и перспективы развития”. Санкт-Петербург, 1999 г., 146-151 с.

10. Морозова Т.В. Адаптация сельских домохозяйств к рыночным условиям (экономико-социологический анализ) / Власть, бизнес и крестьянство: механизмы эффективного взаимодействия. Материалы 7-ой международной научно-практической конференции «Никоновские чтения», 2002
11. Морозова Т.В. Социальное партнерство как инновационный механизм повышения качества занятости в условиях переходной экономики / Петрозаводск 300: Карелия в процессе перемен (Сб. по материалам международной научно-практической конференции), Петрозаводск, 2004
12. Сухарев М.В. Распределенные когнитивные модели и социальное партнерство / Петрозаводск 300: Карелия в процессе перемен (Сб. по материалам международной научно-практической конференции), Петрозаводск, 2004
13. Белая Р.В. Международный опыт социального партнерства и его использование в Карелии / Петрозаводск 300: Карелия в процессе перемен (Сб. по материалам международной научно-практической конференции), Петрозаводск, 2004
14. Морозова Т.В., Козырева Г.Б., Гурова С.А. Приграничные локальные сообщества: карельская модель трансграничного сотрудничества/ NEBEX Joensuu, Yliopistopaino, ISBN 952-458-619-3 Finland 2004

Ситуация на сельском рынке труда как индикатор изменений в аграрном секторе России

З.И. Калугина

Институт экономики и организации
промышленного производства СО РАН
г. Новосибирск

Постановка проблемы

Изменения на рынке труда - один из важнейших процессов в переходной экономике, в немалой степени определяющий ход и результаты социально-экономического развития общества в целом. Не случайно в современных учебниках по социологии, авторы которых пытаются подытожить дискуссии и объединить существующие теории социальных изменений, динамика спроса на рынке труда рассматривается в качестве важнейшего из обуславливающих их факторов [см., например, 1, с.248]. Поэтому исследование трансформации рынка труда в период радикальных экономических и социально-политических реформ - весьма актуальная научная и практическая задача¹.

Современные отечественные исследования рынка труда посвящены проблемам сегментации этого рынка, появлению новых видов и форм занятости, конкурентоспособности разных социально-демографических групп (В.Гимпельсон, В.Кабакина, К.Кларк, А.И.Кравченко, В.С.Магун, В.Д.Патрушев, Г.Н. Сергеева, Л.С.Чижова, О.И.Шкаратан и др.), взаимоотношениям государства и субъектов рынка труда, социальным аспектам рынка труда (Г.Мкртчян, И.Чистяков), поведению наемных работников и работодателей в свете западных парадигм экономической социологии (В.В.Радаев, В. Якубович). Комплексному анализу российского рынка труда в пореформенный период посвящена работа Р.И. Капелюшникова. В работах В.Артемова, Л.Бондаренко, В.Васильева, Н.Власова, А.Никулина, О.Фадеевой, В. Чуракова рассматриваются такие проблемы занятости сельского населения, как использование времени, формальная и неформальная занятость, женская безработица и др.

В настоящем докладе при анализе ситуации на сельском рынке труда, сложившейся в процессе аграрных преобразований, основное внимание будет уделено институциональным изменениям в сфере труда, на моделях поведения населения, а также на специфике сельского рынка труда.

Трансформация российского общества, начавшаяся в начале 90-х годов, продолжается. Она проявляется в становлении многосекторной (многоукладной) экономики, диверсификации структуры производства, формировании системы рынков, включая рынок труда, создании соответствующих инфраструктур. Наблюдаются также некоторые сдвиги в сознании и экономическом поведении людей. Регулирование, а в

значительной степени саморегулирование рынка труда в современной России основываются на новых системообразующих принципах экономической активности населения, обусловленных прежде всего изменениями в формах собственности. Идут процессы реструктуризации занятости, изменения конъюнктуры спроса на отдельные профессии, формирования новых сфер приложения труда (самозанятость населения, предпринимательство, работа по найму у физических лиц, «батрачество» и др.), расширения масштабов негосударственного сектора экономики. Особенностью трансформационных процессов в сфере занятости является также усложнение регулирования рынка труда в связи с тем, что он стал более многомерным и сегментированным.

Информационной базой анализа послужили данные государственной и региональной статистики, специальных выборочных обследований по вопросам занятости, а также социологических опросов населения, проведенных под руководством и при участии автора в сельских регионах Сибири в период с 1990-2003 гг.² Последнее исследование проведено в течение 2002-2003 гг. Опрошено 1100 сельских жителей трех сибирских регионов (Алтайский край, Республика Алтай, Новосибирская область), а также 150 экспертов, в качестве которых выступали руководители сельских муниципальных образований и сельскохозяйственных предприятий, предприниматели.

Основными задачами анализа были следующие:

- проанализировать институциональные изменения в аграрном секторе России, оказавшие существенное влияние на сферу труда;
- выявить специфические характеристики и черты современного сельского рынка труда России;
- определить динамические и структурные сдвиги в занятости сельского населения;
- оценить распространенность формальной и неформальной занятости;
- выявить доминирующие модели поведения сельских работников на рынке труда;
- обозначить наиболее актуальные проблемы сельского рынка труда

¹ О методологических основах исследования рынка труда см. [2].

² Исследования проводились при финансовой поддержке Независимого института социальной политики (Грант №SP-02-1-05), Российского гуманитарного научного фонда (Грант №02-03-18204а), Президиума СО РАН.

Институциональные изменения в аграрном секторе России в 1990-х годах

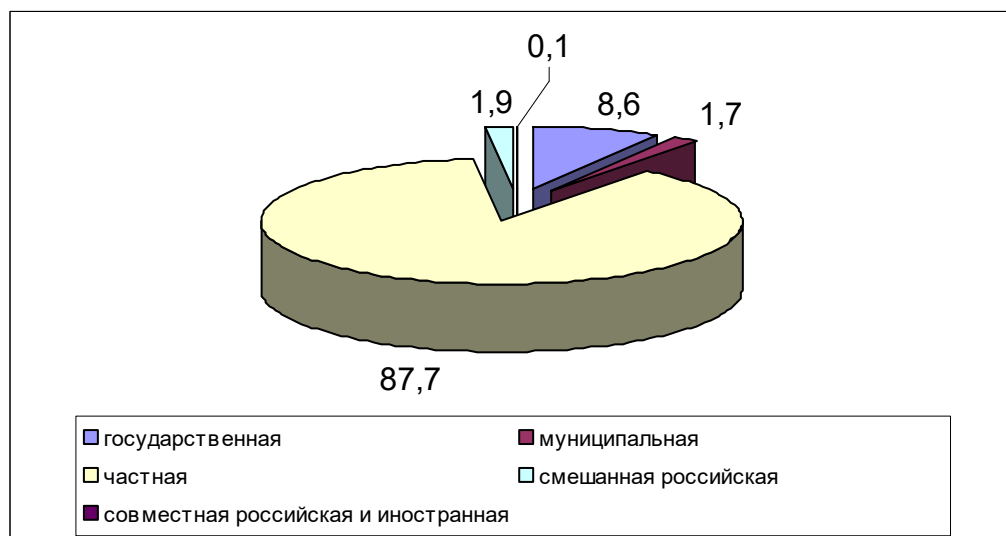
Радикальная экономическая реформа начала 90-х годов предусматривала конструктивные преобразования в аграрном секторе страны. Она включала в себя проведение земельной реформы, реорганизацию колхозов и совхозов, являющихся доминирующей формой социалистического хозяйствования в аграрной сфере, развитие фермерского сектора.

Главной целью *земельной реформы* было перераспределение земли между хозяйствующими субъектами для равноправного развития различных форм хозяйствования и рационального использования земель на территории России. Закон о земельной реформе, принятый в декабре 1990 г., отменял государственную монополию на землю на всей территории страны и возрождал институт частной собственности на землю. Право частной собственности на землю было закреплено в Конституции Российской Федерации.

В конце декабря 1991 г. Правительством РФ были приняты Постановления о *реорганизации колхозов и совхозов и порядке приватизации государственных сельскохозяйственных предприятий*. Эти меры были нацелены на изменение организационно-правового статуса коллективных хозяйств, на реализацию права свободного выбора формы предпринимательства с закреплением за работниками имущественных паев и земельных долей с правом свободного выхода из состава коллективного хозяйства без согласия на то трудового коллектива. Реорганизации подлежали *все* коллективные хозяйства независимо от эффективности их деятельности. На их базе могли быть созданы товарищества, акционерные общества, сельскохозяйственные производственные кооперативы, крестьянские фермерские хозяйства и их ассоциации. Трудовым коллективам предоставлялось право сохранить прежнюю форму хозяйствования.

На конец 2002 г. в аграрном секторе России функционировало 2252 государственных предприятия, 1188 открытых акционерных обществ, 2859 закрытых акционерных обществ, 143 представительства и филиала, 142 товарищества на вере, 2231 общество с ограниченной ответственностью, 12336 производственных кооперативов, 153 ассоциации крестьянских (фермерских) хозяйств, 85 учреждений, 2812 прочих предприятий [3, с. 28]. Каким образом распределились сельскохозяйственные предприятия по формам собственности показано на рис. 1.

Рис.1. Распределение сельскохозяйственных предприятий по формам собственности, % на конец 2002 г.

Источник: Основные показатели сельского хозяйства в России в январе-июне 2003 года. - М.: Госкомстат РФ, 2003, с. 28.

Развитие фермерского сектора в России началось с принятием в декабре 1990 г. Закона РФ “О крестьянском (фермерском) хозяйстве”, который определил экономические, социальные и правовые основы организации и деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств и их ассоциаций как формы свободного предпринимательства, осуществляемого на принципах экономической выгоды.

В этот период времени были сняты также все административные ограничения в **ведении личного подсобного хозяйства**. Владельцам земельных паев разрешалось использовать их для расширения земельных наделов в приусадебных хозяйствах.

Таким образом, в начале 90-х годов была заложена законодательная база для формирования новой системы трудовых отношений в аграрном секторе экономики на основе изменений отношений собственности, появления новых организационно-правовых форм сельскохозяйственного производства, расширения масштабов неформальной занятости населения, свободного выбора каждым сельским тружеником формы хозяйствования на земле.

Ситуация на сельском рынке труда

Занятость населения: динамические и структурные сдвиги. Анализ динамики численности и структуры занятых в аграрном секторе показал, что здесь происходили те же процессы, что и в экономике в целом. Аграрный сектор, как и вся экономика страны, претерпел тяжелейший кризис в период реформ. Сокращение объемов производства достигло угрожающих размеров, встал вопрос о продовольственной безопасности страны.

Однако численность занятых в сельском хозяйстве сокращалась значительно более медленными темпами (Рис. 2).

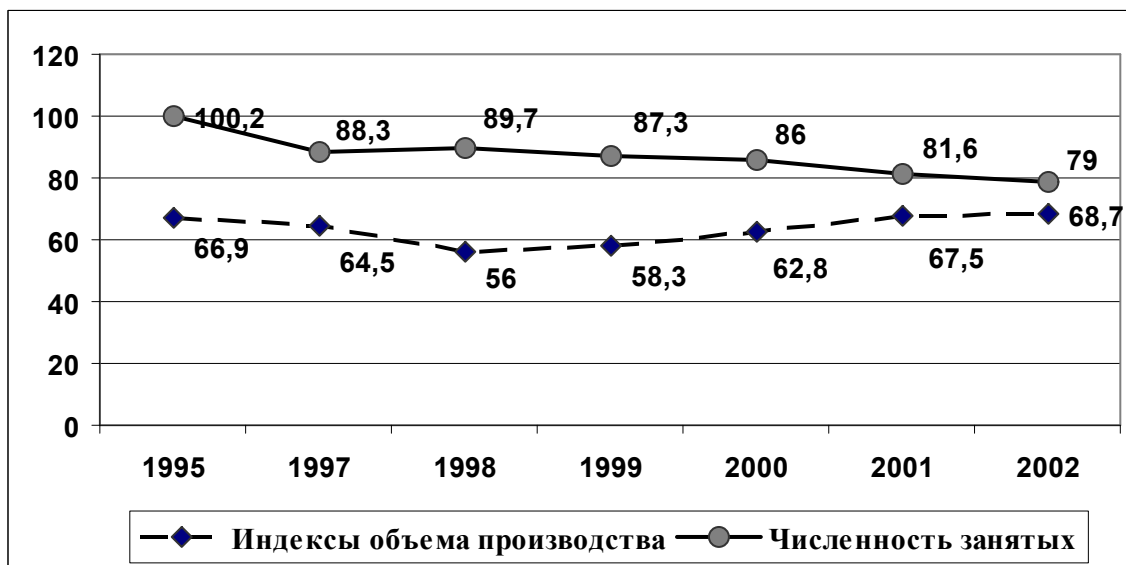

Рис.2. Динамика объема производства и среднегодовой численности занятых в сельском хозяйстве Российской Федерации в 1990-2002 гг. (1990=100)

Источник: Рассчитано по: Российский статистический ежегодник. М.: Госкомстат России, 2003, с. 137; Россия в цифрах. М.: Госкомстат России, 2003, с. 202.

Следует отметить, что слабая эластичность характерна для всего российского рынка труда. Так, за 1992-1998 гг. валовой внутренний продукт (ВВП) в Российской Федерации сократился на 40%, тогда как занятость (рассчитанная по методологии МОТ) - лишь на 14%. Эластичность спроса на труд оставалась очень низкой и в 1999-2000 гг., когда произошло некоторое оживление экономики. Если в 2000 г. ВВП превышал уровень 1998 г. примерно на 12%, то совокупная занятость была больше лишь на 2,2% [4, с.54].

Нестандартное поведение российского рынка труда в условиях трансформации экономики стало предметом пристального внимания отечественных и зарубежных исследователей. Выдвигалось множество гипотез, объясняющих, почему в условиях формирования рыночных экономических отношений российские предприятия сдерживают высвобождение рабочей силы и почему менеджеры и директорский корпус ведут себя «нерационально». Впоследствии эти гипотезы были отвергнуты. В настоящее время западные и отечественные специалисты пришли к общему выводу о *социальной ответственности менеджеров и директорском патернализме*, как главной причине сдерживания безработицы в российской экономике. Эти выводы подтверждаются результатами социологических опросов. Из ответов руководителей предприятий следует, что главные причины данного явления - это *патерналистские установки или социальная*

ответственность менеджмента (50-70% ответов), *предпринимательские ожидания*, что через определенный промежуток времени вновь возрастет спрос на продукцию этих предприятий (35-40% ответов) и *издержки*, сопровождающие сброс излишней рабочей силы (30-35% ответов) [5, с. 217-222].

В советский период как промышленные, так и сельскохозяйственные предприятия помимо производственных функций выполняли ряд важных функций по социальному обслуживанию своих работников, имея на собственном балансе предприятия общественного питания, медицинские, детские дошкольные учреждения и др. Груз социальной ответственности не мог быть полностью сброшен с появлением новой «вывески» предприятия. Большая включенность сельских руководителей в систему неформальных социальных отношений является другим важным фактором, вынуждающим их делать нерациональный с экономической точки зрения, но эффективный с социальной точки зрения выбор. Заведомо идя на экономические издержки, руководители многих сельскохозяйственных предприятий сдерживали и сдерживают рост безработицы во избежание социального взрыва, морального осуждения окружающих. По их собственным оценкам, избыток рабочей силы составляет на их предприятиях не менее четверти численности персонала.

Тем не менее, наблюдается постепенное сокращение численности занятых в сельском хозяйстве на фоне некоторого увеличения объемов производства и возрастающей потребности отрасли в дополнительных рабочих кадрах. Это свидетельствует, во-первых, о постепенной адаптации сельскохозяйственных предприятий к условиям рынка, когда они вынуждены избавляться от лишних рабочих рук, а, во-вторых, об имеющемся структурном дефиците рабочей силы. По данным Госкомстата РФ, потребность в работниках, заявленная предприятиями сельского хозяйства, после кризисного 1998 года почти удвоилась и составила на конец 2001 г. 29,1 тыс. человек, в том числе 24,2 тыс. рабочих [6, с. 151].

Структурный дефицит кадров обусловлен, с одной стороны, низким уровнем квалификации и других качественных характеристик свободной рабочей силы, а с другой - низким социальным качеством вакантных рабочих мест, а именно, низким уровнем оплаты труда, неудовлетворительными условиями работы и неопределенными перспективами агропромышленного комплекса. В результате сельскохозяйственные предприятия остро ощущают недостаток квалифицированных механизаторов, механиков, электриков, доярок, специалистов средней и высшей квалификации.

Ситуация на сельском рынке труда ухудшилась также в связи с тем, что в процессе реорганизации коллективных хозяйств произошла передача социально-бытовой инфраструктуры с баланса сельскохозяйственных предприятий на баланс местных администраций. Последние к настоящему времени не имеют в достаточном объеме ни финансовых, ни материальных, ни кадровых ресурсов для ее содержания и развития. Это

привело к деградации социальной сферы села, сузило и без того небогатый выбор рабочих мест, обусловило увеличение диспропорций в структуре рабочих мест на сельском рынке труда.

Сохранению наблюдаемых тенденций на сельском рынке труда будет способствовать также ввод в действие в 2002 году Закона РФ «О финансовом оздоровлении сельскохозяйственных производителей», устанавливающего правовые основы и условия реструктуризации долгов (отсрочка, рассрочка, полное списание) сельскохозяйственных товаропроизводителей в целях улучшения их финансового состояния. Финансовое оздоровление предприятий, включенных в эту программу, как правило, сопровождается высвобождением излишней рабочей силы. О масштабах этой акции можно судить по доле убыточных сельскохозяйственных предприятий, которые могут быть потенциальными участниками данной программы: в 2002 г она составила 55% [3, с. 29]. В более отдаленной перспективе, в случае успешности реализации данной программы, увеличение объемов производства в крупных сельскохозяйственных организациях должно привести к повышению спроса на рабочую силу.

Основные работодатели в сельском хозяйстве. В настоящее время таковыми являются предприятия, учреждения, организации всех форм собственности, фермерские хозяйства. В феврале 2003 г. на них было занято (по месту основной работы) 78,2 % сельскохозяйственных работников. Занимаются предпринимательской деятельностью без образования юридического лица 20,5% занятых¹, работают по найму у физических лиц – 1,3%. При этом наблюдается тенденция к сокращению постоянной занятости и возрастанию доли случайных заработков и работы по срочному трудовому договору или по договору на выполнение определенного объема работ. По последним данным, в сельском хозяйстве имели постоянную работу 89,4% наемных работников, случайную работу 3,9%, работу на определенный срок или определенный объем работ соответственно – 5,9% и 0,8% [7, с. 112, 114].

Сегментирование сельского рынка труда. Появление *трудонедостаточных сегментов* в сочетании с существенным снижением уровня занятости свидетельствует также о том, что в современной российской экономике сформировался альтернативный рынок труда, успешно конкурирующий с легальной экономикой и предъявляющий значительный спрос на рабочую силу. Притягательность альтернативных форм занятости объясняется высоким уровнем доходов в теневой сфере, хотя по остальным социальным характеристикам они проигрывают традиционным формам занятости [8, с. 165-193].

Деградация социальной инфраструктуры сельских поселений (основные показатели развития социальной инфраструктуры села РФ приведены в таблице 1) послужила причиной замещения «организованных» форм услугами, предоставляемыми в основном сегментом «*неформальной*» занятости.

Таблица 1.

**Показатели состояния социальной инфраструктуры села РФ
в 1992-2002 гг., %**

	1992	1995	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Общеобразовательные учреждения, тыс. ученических мест	96,0	87,0	60,0	42,0	45,0	54,0	49,0	37,0
Дошкольные учреждения, тыс. мест	35,0	13,0	4,0	2,3	2,0	3,0	1,7	1,5
Больничные учреждения, тыс. коек	2,3	2,3	2,5	1,2	1,5	1,5	1,7	1,0
Амбулаторно-поликлинические учреждения, тыс. посещений в смену	7,8	6,2	4,0	3,5	3,4	3,3	3,2	3,9
Учреждения культуры клубного типа, тыс. мест	45,0	17,0	11,0	7,5	9,1	9,5	9,9	7,7

Источник: Россия в цифрах. - М.: Госкомстат России, 2003, с. 227.

Исследователи выделяют три группы занятых на неформальном рынке услуг: низкоквалифицированные работники с невысоким уровнем притязаний относительно размеров и форм вознаграждения; владельцы (арендаторы) транспортных средств и другого технического оборудования; высококвалифицированные работники или обладатели дефицитного знания, умения, особых навыков и трудового опыта [8, с. 222-252]. Первую группу образуют сельские люмпены, бывшие колхозники и работники совхозов, потерявшие работу и не имеющие личного подсобного хозяйства. Они вынуждены довольствоваться разовыми подработками в крупных семейных хозяйствах односельчан, в том числе пенсионеров, за мизерное денежное вознаграждение, продукты питания или бутылку спиртного. Нередко работодателями в трудоизбыточных селах становятся предприимчивые горожане, организующие производство сельскохозяйственной продукции на брошенных землях. Другими словами, на селе сформировался своеобразный *сегмент поденной работы или «батрачества»*. Появление второй группы «неформалов» на сельском рынке социально-бытовых услуг во многом обусловлено выделением имущественных паев в натуре (техники, транспортных средств и другого имущества) в ходе первичной приватизации колхозов и совхозов. Третью группу образует «элита» наемного труда - квалифицированные плотники, каменщики, газосварщики, автослесари, мастера по ремонту бытовой техники. По сути, это неформальные частные предприниматели, которые не спешат легализовать свой бизнес и превращать свои приработки в основное занятие.

По данным обследования населения по проблемам занятости, в ноябре 2002 г. в неформальном секторе² было занято 8,6 млн. человек. Из них для 1,8 млн. человек (20,9%) работа в неформальном секторе была дополнительным занятием. По сравнению с 2001 г. численность занятых в неформальном секторе в 2002 г. увеличилась в среднем на 3,8%.

При этом численность городских жителей, занятых в указанном секторе увеличилась на 3,1%, а сельских – на 12,6%. Всего неформальный сектор охватывает от 13,1-15,5% общей численности занятого населения. Среди сельских жителей масштабы занятости в неформальном секторе больше, чем среди городских: в селе это от 26,8 до 29,6% общей численности занятого населения в зависимости от времени года, в городе - от 8,8-11%. Такие колебания можно объяснить сезонностью сельскохозяйственных и строительных работ, где эта форма занятости наиболее распространена. В весенние и летние месяцы численность занятых в неформальном секторе сельскохозяйственной деятельностью в 1,3 раза выше, чем в межсезонный период, и составляет 41-43% общей численности занятых в данном секторе. Среди занятых в неформальном секторе сельскохозяйственной деятельностью 46% имели основную работу вне рамок этого сектора [9, с. 5, 15,17].

Появление *сегмента формальной вторичной занятости* обусловлено снижением уровня жизни сельского населения, систематическими задержками заработной платы и выплатой ее в натуральной форме. По данным обследования населения по проблемам занятости, в ноябре 2002 года 1,5 млн. человек имели дополнительную работу в сельском и лесном хозяйстве, что составляло почти четверть от численности основных работников отрасли [9, с.14] .

По нашим данным, от 10 до 15% сельского населения имеют дополнительную оплачиваемую работу. При этом 20%, имеют дополнительную оплачиваемую работу по основному месту работы, 16% - на другом предприятии, более 10% трудятся у частных предпринимателей и фермеров, а более половины подрабатывают у своих односельчан. Хотя вторичная занятость для большинства является вынужденной, отказаться от нее в перспективе из-за бедности намерена лишь пятая часть опрошенных.

Следует отметить, что обострение ситуации на сельском рынке труда привело к изменению экономического сознания и трудового поведения сельских жителей. Наши исследования, проведенные в сельских регионах Алтайского края, показали, что еще семь-восемь лет назад для многих сельских жителей работа на частного предпринимателя или фермера воспринималась как неприемлемая форма занятости. Это было обусловлено бытующими в то время стереотипами сознания и представлениям сельского населения об «эксплуататорской» сути наемного труда и «преимуществах свободного коллективного труда»[10, с.40-42].

Самозанятость сельского населения. Резкое ухудшение ситуации на сельских рынках труда, трудности, с которыми сопряжено получение статуса безработного, и ограниченная социальная помощь людям, лишившимся основного источника средств существования, обусловили развитие самозанятости населения. Наиболее распространенной формой самозанятости сельского населения является ведение личного подсобного хозяйства (ЛПХ). В этой категории хозяйств производится в настоящее время более половины сельскохозяйственной продукции. За счет ЛПХ формируется 22%

располагаемых ресурсов домашних хозяйств в сельской и 5% - в городской местности [6, с.192]. Для отдельных групп сельского населения личное подсобное хозяйство является основным источником доходов. По сравнению с дореформенным периодом подавляющая часть сельских семей либо увеличили размеры своих хозяйств либо оставили их прежними. В перспективе более четверти опрошенных сельских жителей намерены расширить свои личные подсобные хозяйства, более 40% предполагают оставить их в прежних размерах и только каждый десятый ориентирован на сокращение размеров ЛПХ. Это свидетельствует о том, что для сельских жителей личное подсобное хозяйство остается надежным способом выживания в сложных социально-экономических условиях.³

С принятием в июле 2003 г. Федерального закона «О личном подсобном хозяйстве» были созданы новые социально-экономические предпосылки для развития этой формы занятости населения. Законом устанавливаются основы регулирования отношений, возникающих в связи с ведением ЛПХ, определяются лица, которые вправе вести личное подсобное хозяйство, их права и обязанности, а также регулируются вопросы учета и государственной поддержки таких хозяйств. Ряд норм федерального закона касается имущества, используемого для ведения ЛПХ, в том числе земельных участков. Закон признает личное подсобное хозяйство *формой непредпринимательской деятельности* по производству сельхозпродукции. В соответствии с этим законом на личные подсобные хозяйства распространяются такие же меры государственной поддержки, как и на других сельхозтоваропроизводителей. Граждане, ведущие ЛПХ, могут добровольно вступать в правоотношения по обязательному пенсионному страхованию в соответствии с законодательством РФ.

Исследование адаптационных стратегий сельскохозяйственных предприятий выявило зависимость занятости в сфере ЛПХ от экономического положения предприятия. При этом легко было заметить, что экономически сильные хозяйства не только снижают потребность работников в ведении крупных ЛПХ, но и значительно улучшают условия его ведения за счет оказываемой помощи и чем ниже уровень социально-экономического развития предприятия, тем большую роль в выживании семей имеет личное подсобное хозяйство [11, с. 90-110]. Однако работники обанкротившихся предприятий полностью лишаются какой-либо поддержки, что вынуждает значительную часть сельского населения несмотря на бедность резко сокращать свои подсобные хозяйства либо отказываться от него вовсе.

По оценкам Госкомстата России, на сегодняшний день численность лиц, занятых в собственных хозяйствах производством сельхозпродукции для реализации, составляет около 2 млн. человек. Помимо этого свыше 10 млн. человек заняты производством продукции в ЛПХ для собственного потребления. Еще примерно столько же помимо этой деятельности имеют другое доходное занятие. В соответствии с концепцией измерения экономической активности и занятости населения в России деятельность по производству

в домашнем хозяйстве продукции для собственного потребления не считается работой или доходным занятием. Однако отнесение части занятых в ЛПХ к экономически активному и, соответственно, к занятому населению вносит много путаницы в исчислении этих категорий и является лишним поводом для отказа неработающим жителям села в получении статуса безработного, что усугубляет и без того крайне тяжелое положение сельского населения.

Сельская безработица. По данным обследований занятости населения, уровень общей безработицы в сельской местности России за пореформенный период вырос почти в четыре раза и составил в 1999 г. 13,8%. Некоторое снижение уровня безработицы наблюдается в последние три года связи с улучшением ситуации в сельском хозяйстве страны [4, с. 112].

Однако, по оценкам экспертов, уровень фактической безработицы в сельских районах достигает не менее 25%. Более 80% экспертов отметили наличие структурной безработицы в сельских районах региона, что они объясняют низким уровнем образования и квалификации сельского населения (19,5% ответов), деквалификацией специалистов (14,6%), деградацией сельского населения, нежеланием работать (12,2%). Более половины (53,7%) экспертов склонны считать, что основная причина возникающих диспропорций на сельском рынке труда заключается в низком качестве вакантных рабочих мест (плохие условия труда, низкая его оплата, длительные задержки заработной платы, отсутствие перспектив и т.д.). При этом для сельского рынка труда характерна застойная безработица с высокой долей молодежи (табл. 2).

Таблица 2.

**Структура и уровень безработицы по возрасту и типу поселения в РФ
на май 2003 года, %**

Возрастные группы	Структура безработных по возрасту		Уровень безработицы по возрасту	
	город	село	город	село
До 20 лет	8.9	6.8	28.3	17.2
20-29	29.9	30.1	9.5	15.8
30-39	21.9	24.9	6.5	10.4
40-49	22.8	27.4	5.7	8.9
50-59	13.1	10.3	6.2	8.3
60-72	3.3	0.6	5.4	1.3
Итого	100	100	7.4	10.6

Источник: Обследование населения по проблемам занятости населения, май 2003. – М.: Госкомстат России, 2003: 195, 199, 203, 205.

По данным Госкомстата РФ, доля безработных, ищущих работу более года, в сельской местности составляет 46,7%, в городской – 35,2%, среднее время поиска работы - 9,4 и 8,5 месяцев соответственно [7, 232, 236] . В действительности же хронически безработных на селе значительно больше. Отчаявшись найти хоть какую-либо работу, многие из них не обращаются в службы занятости и не регистрируются как безработные. Помимо прочего это связано со значительной удаленностью многих поселений от государственных служб занятости и плохим транспортным обслуживанием сельских населенных пунктов.

Условия найма и поведение сельских работников при трудоустройстве

По М. Веберу, рыночный обмен – это социальное отношение, предполагающее конкуренцию за право участвовать в сделке в качестве покупателя или продавца. Применительно к рынку труда предполагается, что и работодатели, и работники ищут соответственно работников и рабочие места, выбирая из альтернативных вариантов. В зависимости от соотношения спроса и предложения может оказаться, что кандидатов на рабочие места больше, чем имеется вакансий, и наоборот. В любом случае дефицит, возникающий из расхождения между предложением и спросом, делает выбор необходимым, по крайней мере, для одной из сторон. Другими словами, *возможность альтернативного выбора рабочих мест* для работника и осуществляемый работодателем *выбор работника из нескольких кандидатов* можно рассматривать в качестве индикатора рыночного обмена в сфере труда.

Ведение торга является вторым индикатором рыночного обмена. Предметом торга между работодателем и работником могут быть оплата и условия труда, режимы работы, социальные гарантии, возможность получения от предприятия различных социальных льгот.

Третьим индикатором функционирования рынка труда является *соотношение формальных и неформальных посредников*, к услугам которых прибегают покупатели и продавцы рабочей силы. [18, с. 220].

Попытаемся с этих позиций проанализировать поведение сельских работников на рынке труда. Изучение условий найма показывает, что более половины (57,3%) опрошенных сельских работников в нынешних условиях *не имеют возможности альтернативного выбора места работы*. Причины этого - специфика отраслевой структуры рабочих мест в сельской местности, отсутствие разнообразия сфер приложения труда вследствие низкого уровня развития производственной и социальной инфраструктуры, узкий спектр перерабатывающих производств, а также «анклавизация» сельского рынка труда. Последнее обстоятельство обусловлено дисперсностью сельского расселения при неразвитых транспортных коммуникациях. Отмеченные диспропорции в структуре рабочих мест на сельском рынке труда увеличились в последнее десятилетие – в период реорганизации сельскохозяйственных предприятий, сопровождавшейся резким сокращением объемов сельскохозяйственного производства и деградацией социально-бытовой инфраструктуры.

Следует отметить, что в современных условиях и работодатель на селе не всегда имеет возможность подбора нужной кандидатуры в силу отсутствия специалистов нужного профиля и квалификации, а также из-за низкого качества вакантных рабочих мест.

Неразвитость инфраструктуры рынка труда на селе, отсутствие до последнего времени формальных посредников трудоустройства привели к тому, что при поиске работы сельский житель вынужден полагаться, в основном, на собственные силы и инициативу. Опрос, проведенный в 2002 г., показал, что в 70% случаев работники сами находили подходящую работу. Около 8% респондентов получили работу по распределению после окончания учебного заведения. Доля работников, воспользовавшихся услугами института государственного распределения рабочей силы через федеральные службы занятости очень мала - менее 2%. Примерно столько же работников воспользовались услугами частных кадровых агентств или других посреднических фирм. Эти данные свидетельствуют о слабом влиянии формальных каналов трудоустройства на сельском рынке труда.

Более 12% сельских жителей устраивались на работу по знакомству - через друзей, коллег, родственников. На наш взгляд, широкая распространенность неформальных социальных сетей, соединяющих работодателей и наемных работников, ограничивает свободную конкуренцию и создает особый механизм подбора работников.

Анализ полученных результатов показал, что сельский работник *не имеет опыта ведения торга с работодателем* в момент найма на работу. Среди опрошенных только 5% сельских работников обсуждали условия найма, 36% не обсуждали их и не вели торга,

так как были согласны на любые условия, а еще 7% не обсуждали условий найма, так как не смогли этого сделать. Примерно в половине случаев работников устраивали предлагаемые условия.

В советское время при поступлении на работу приблизительно в половине случаев работодатель обещал работнику предоставить ряд социальных льгот, а именно, регулярную оплату труда, получение жилья, места в детских дошкольных учреждениях, помощь в ведении личного подсобного хозяйства. Эти обещания в основном выполнялись, хотя и далеко не сразу. В настоящее время бедственное экономическое положение большинства сельскохозяйственных предприятий привело к свертыванию социальных программ и нарушению элементарных социальных гарантий.

Таким образом, можно констатировать, что на формирующемся сельском рынке труда еще не действуют рыночные механизмы найма рабочей силы, инфраструктура рынка труда (центры занятости населения, кадровые агентства, рекрутерские фирмы, центры профессиональной ориентации молодежи) слабо развита и удалена от сельских поселений на значительные расстояния. Все это в сочетании с чрезвычайно узким выбором рабочих мест на селе ставит работников в полную зависимость от работодателя и вынуждают их соглашаться на любые условия без какого бы ни было обсуждения.

Проблемы в сфере труда и занятости

К проблемам, существующим сегодня в сфере труда и занятости, относятся прежде всего широкое распространение неформальных, неправовых трудовых практик, нарушение контрактных обязательств, низкая цена труда, снижение качественных характеристик рабочих мест и рабочей силы.

Распространение неправовых практик. В последнее десятилетие большие масштабы приобрела практика *практика устного неформального, неофициального найма на работу*. По оценкам Министерства труда и социального развития РФ, во второй половине 90-х годов неформальная занятость являлась единственной для 7 млн. человек. По данным «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения»⁴, в настоящее время, по устной договоренности, т.е. без официального оформления (по трудовой книжке либо по трудовому соглашению или контракту), трудится не менее 10-12% работников на основной работе, не менее от 25-30% - на регулярных дополнительных работах и около 90% - на прочих работах. При этом наблюдается тенденция к расширению масштабов неформальной занятости.

Как показали специальные исследования, хотя в большинстве случаев неформальные трудовые отношения происходят по инициативе работодателей, они выгодны и работникам, так как нарушение одних прав (режим труда, условия труда) компенсируются и нередко перекрываются меньшим нарушением других (более высокий уровень и регулярная выплата заработной платы). Различия между формальным и

неформальным способом найма не столь велики, так как в случае формального найма работодатели нарушают трудовые права граждан не реже, чем в случае неформального устного найма. Только 20% законно оформленных работников указывают на то, что фактические условия их работы полностью соответствуют письменному договору. [8, с.165-193].

Неформальная занятость выгодна также тем категориям граждан, которые имеют статус безработного и получают пособия по безработице. По данным упомянутого выше российского мониторинга, устный найм осуществлялся по инициативе самих работников в 24,4% случаев в 1998 г. и в 25,7% - в 2000 г. Исходя из этого можно уверенно утверждать, что практика неформального устного найма будет иметь достаточно широкое распространение и в перспективе, так как она выгодна и работодателям, и работникам.

Социологический опрос сельского населения регионов Западной Сибири, проведенный в 2002 г. показал, что среди сельского населения практика неформальных трудовых отношений также широко распространена. О ее масштабах можно судить по следующим данным: на условиях устного найма, устной договоренности работал примерно каждый десятый сельский респондент на основной работе и каждый трети – на дополнительной. Наиболее высокий уровень неформальных трудовых практик эксперты отметили на предприятиях торговли, сельского хозяйства и строительства.

Неправовые практики в сфере труда подрывают авторитет закона и веру граждан в возможность справедливого решения трудовых споров, замедляют формирование современной деловой этики, усиливают социальную дифференциацию общества.

Нарушение контрактных обязательств. К таким нарушениям относятся невыплаты заработной платы, натурализация части заработной платы и государственных пособий, теневая оплата труда; вынужденные отпуска без сохранения содержания; вынужденная неполная занятость; нарушение режимов труда и отдыха, требований техники безопасности .

По данным государственной статистики, на 1 июля 2003 г. свыше 16 тыс. предприятий и организаций сельского хозяйства имели задолженность по заработной плате. Просроченная задолженность по заработной плате из-за отсутствия собственных средств и недофинансирования из бюджетов всех уровней составила на указанную дату 9610,6 тыс. рублей, это примерно трехмесячный фонд заработной платы по предприятиям, имеющим задолженность [3, с. 27]. Очевидно, меры ответственности работодателей за нарушение сроков выплаты заработной платы, установленные новым Трудовым кодексом РФ, оказались недостаточно действенными.

Специалисты рассматривают задержки по заработной плате как специфическую форму принудительного беспроцентного кредитования, при которой сроки погашения выбираются самими заемщиками. Вместо того чтобы обеспечить наемным работникам участие в прибылях предприятий и фирм, российские рыночные реформы превратили

наемных работников в ответчиков по рискам работодателей. Социальное бремя реформ было переложено на плечи трудящихся. [5; 8, 271].

В основе этого явления - кризис неплатежей, причудливые формы псевдорыночных отношений (бартер, и другие формы неденежных расчетов), безнаказанность нарушителей трудового законодательства, низкая правовая культура населения, отсутствие индивидуального контрактного опыта у подавляющего большинства российских работников, слабость механизмов социальной защиты трудящихся.

Социологический опрос населения 2002 г. показал, что более 60% сельских работников сталкивались с задержками заработной платы, каждый пятый – с выплатой заработной платы в натуральной форме, каждому десятому было отказано в предоставлении очередного отпуска, 16% отметили отсутствие компенсационных выплат за работу во вредных условиях труда. Между тем только пятая часть работников прибегала к активным действиям по защите своих трудовых прав в области оплаты труда, участвуя в акциях профсоюзов или обращаясь к администрации. Сельский работник вступил на формирующийся рынок труда, не зная своих трудовых прав и имея лишь смутное представление о механизмах защиты своих прав в случае их нарушения. Ответы типа «ничего не знаю», «что-то слышал об этом» дали около 40% опрошенных.

Чтобы пополнить свой бюджет в случае невыплаты заработной платы сельские работники прибегают к расширению своего подсобного хозяйства, занимаются собирательством «даров природы» (рыбалка, охота, сбор грибов и ягод), занимают деньги в долг или обращаются за безвозмездной помощью к своим друзьям и родственникам.

Распространенной практикой стала замена денежной оплаты труда на *суррогатные формы* (натуроплата, «отоварка», выдача продукции под запись и пр.). Вместо денежного вознаграждения работники получают за свой труд зерно, мясомолочные продукты, корма для скота, молодняк животных для личного подсобного хозяйства, дрова, уголь и другие товары или продукцию.

В условиях переходной экономики широкое распространение получила также *неформальная (теневая) оплата труда*. Даже на официально зарегистрированных предприятиях у пятой части работников фактическая зарплата превышает величину, формально определенную условиями трудового соглашения, причем различия варьируют от двух до двадцатикратных размера. В целом в рамках теневого сектора формируется от 25% (оценка Госкомстата России) до 50% (оценка МВД) всего фонда оплаты труда [13, с. 12].

Низкая цена труда. Заработная плата остается главным источником доходов населения России. В 1999 г. ее доля (с учетом корректировки на скрытую оплату труда) в структуре денежных доходов составляла не менее 65%, а без корректировки – более 36,3%. Одной из основных причин двукратного падения среднего уровня реальных доходов населения РФ за годы реформ явилось снижение уровня оплаты труда. Реальная

начисленная заработная плата в 2000 г. составила 32% от уровня 1990 года. С 1990 г. доля фонда оплаты труда в ВВП снизилась с 44,1% до 20,6% в 1999 г. В первые годы реформ минимальная заработная плата опустилась значительно ниже прожиточного минимума трудоспособного населения. В 1992 г. она составляла 33% от прожиточного минимума трудоспособного населения, к 1995 г. снизилась до уровня 14%, а в 1999 г. она опустилась до 8%. В результате в таких отраслях народного хозяйства, как сельское хозяйство, здравоохранение, образование и культура более 60% работников стали получать заработную плату ниже прожиточного уровня. В первом квартале 2001 г. минимальная заработная плата составила 200 рублей или 12% от прожиточного минимума трудоспособного населения. С 1 октября 2003 г. она увеличилась до 600 руб., что составляет примерно 30% прожиточного минимума. По оценкам специалистов, минимальная заработная плата в России давно уже перестала выполнять свои функции не только в качестве стимула к труду, но и как средства, необходимого для простого физического воспроизводства рабочей силы.

Негативные тенденции в оплате труда проявилось и в сближении средней начисленной заработной платы с прожиточным минимумом. Если в 1992 г. средняя заработная плата составляла 320% от среднероссийского прожиточного минимума, то в 1999 г. это соотношение стало равным 174%. В марте 2001 г. это соотношение составило 200% от стоимости прожиточного минимума трудоспособного населения [13, с.9-11].

По мнению 70% сельских работников, их *труд оплачивается несправедливо* и не соответствует их квалификации и трудовому вкладу. Такие оценки имеют объективные основания. Согласно официальным данным, в настоящее время оплата труда в сельском хозяйстве является самой низкой среди отраслей экономики. В мае 2003 г. средняя номинальная начисленная заработная плата сельскохозяйственных работников составила 2041,7 рубля, или 39,1% по отношению к общероссийскому уровню и была ниже прожиточного минимума трудоспособного населения. При этом минимальная заработная плата в отрасли составляла всего лишь 24,5 % от средней ее величины [3, с. 27; 14, с. 216]. Такое положение дел в период формирования рыночных отношений представляется парадоксальным, поскольку это приводит к разрушению трудовой мотивации и инструментальной ценности труда.

Ухудшение качества рабочей силы. Это ухудшение обусловлено как снижением экономических возможностей предприятий, направляемых на профессиональную подготовку и переподготовку кадров, так и социальной недоступностью образования для малоимущих слоев населения. По оценкам Министерства труда и социального развития РФ, в сельской местности, около 800 тысяч детей школьного возраста не имеют возможности посещать общеобразовательную школу, что значительно снизит их конкурентоспособность на рынке труда и затруднит в перспективе их трудоустройство. Что касается сельской молодежи, заканчивающей школу, то эти молодые люди

стремиться покинуть деревню, и не только на время обучения в вузах и техникумах, - они стараются остаться в городе на постоянное место жительства. И наконец, неустойчивое положение агропромышленного комплекса, невнятная государственная аграрная политика делают непривлекательным труд в сельском хозяйстве для специалистов высокой квалификации.

За последние годы резко сократилась подготовка специалистов в сельских профессиональных училищах. Если в 1991 году выпуск профессиональных кадров для агропромышленного комплекса составил 228 тыс. человек, то в 2001 году - только 102 тыс. Число специалистов в сельскохозяйственном производстве в этот период уменьшилось на одну треть или на 340 тыс. чел. Доля руководителей сельхозпредприятий, имеющих высшее образование, снизилась с 86% до 73%. В целом по России каждый двадцатый руководитель вообще не имеет профессионального образования, а в отдельных регионах таких руководителей еще больше. Среди главных специалистов высшее образование имели 55%, что на 8% меньше, чем в 1991 г. На должностях руководителей среднего звена работают 50 тыс. человек (36% их общего числа), не имеющих даже среднего специального образования. Ежегодная сменяемость руководителей сельхозпредприятий за последние девять лет возросла с 10 до 17%. На начало 2000 г. на сельхозпредприятиях были вакантными более 30,8 тыс. должностей руководителей и специалистов [15, с.21]. По всем параметрам уровень образования сельских работников ниже по сравнению с городскими (табл. 3).

Низкий профессиональный уровень многих руководителей и специалистов затрудняет их адаптацию к новым условиям хозяйствования, что, в свою очередь, влечет за собой серьезные негативные последствия. Расчеты показывают, что различия в эффективности между сельскохозяйственными предприятиями не менее чем на 50% определяются качеством менеджмента [16, с. 83-87].

Таблица 3.

Структура занятого населения Российской Федерации по уровню образования на февраль 2003 г., %

Уровень образования	Городское население	Сельское население
Высшее профессиональное	25,7	11,3
Неполное высшее профессиональное	1,9	1,2
Среднее профессиональное	29,9	24,5
Начальное профессиональное	16,0	15,0
Среднее (полное) общее	21,0	32,3
Основное общее	5,1	13,5
Начальное общее, не имеют начального общего	0,4	2,2

Источник: Обследование населения по проблемам занятости, февраль 2003 года. М.: Госкомстат РФ, с.71, 75.

В целом более половины экспертов оценивают качество рабочей силы на рынке труда в селе как очень низкое. Одна треть считает квалификацию работников адекватной требованиям производства. Около 10% экспертов полагают, что квалификация у работников достаточно высокая, но они не востребованы современным рынком труда.

Таким образом, проблема повышения квалификации кадров и уровня общего образования работников – один из определяющих факторов повышения эффективности сельскохозяйственного производства в современных условиях.

* * *

Подводя итоги сказанному выше, можно отметить следующие специфические черты сельского рынка труда:

- высокая доля занятости в неформальном секторе экономики; узкий выбор рабочих мест;
- низкое качество рабочих мест и рабочей силы;
- высокий уровень реальной и скрытой безработицы;
- неразвитость инфраструктуры рынка труда;
- «анклавизация» рынка труда;
- неадекватный уровень оплаты труда, высокая степень ее натурализации;
- низкая правовая культура населения, отсутствие опыта ведения торга и контрактных отношений;
- безнаказанность нарушений трудового законодательства.

Из этого следует, что преобразования, проведенные в российском аграрном секторе, ухудшили положение сельских работников, увеличили существующий разрыв между условиями труда в городе и селе, усилили процессы социальной депривации сельского населения, снизили конкурентоспособность сельских работников, способствовали распространению систематических и ненаказуемых нарушений трудового законодательства, возникновению на сельском рынке труда сегмента поденной работы или «батрачества», значительному расширению масштабов неформальной занятости и самозанятости населения. В перспективе требуется радикальное изменение вектора аграрных преобразований, фокусом которых должно стать коренное изменение условий жизни и труда сельского населения.

Литература

1. Харчева В. Основы социологии.- М.: Логос, Высшая школа, 1999.

2. Калугина З.И., Вершинина Т.Н. От полной занятости к трудоизбыточной конъюнктуре: методологические подходы к исследованию формирующегося рынка труда // Регион: экономика и социология, 200, №2, с. 93-106.
3. Основные показатели сельского хозяйства в России в январе-июне 2003 года. – М.: Госкомстат России, 2003.
4. Обзор занятости в России. Выпуск 1. (1991-2000 гг.). – М.: Бюро экономического анализа, 2002.
5. Капелюшников Р.И. Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. М.: ГУВШЭ, 2001.
6. Российский статистический ежегодник . – М.: Госкомстат России, 2002.
7. Обследование населения по проблемам занятости. май 2003 года. – М.: Госкомстат России, 2003.
8. Россия, которую мы обретаем. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Отв. ред. Т.И.Заславская, З.И.Калугина – Новосибирск: Наука, 2003.
9. Статистический бюллетень, 2003, №2 (95). – М.: Госкомстат России.
10. Калугина З.И. Сельское население Сибири в новом социально-экономическом пространстве: ориентации и поведение // Сибирская деревня в период трансформации социально-экономических отношений / Под ред. З.И.Калугиной. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1996, с.33-51.
11. Калугина З.И. Парадоксы аграрной реформы в России. Социологический анализ трансформационных процессов. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001.
12. Якубович В. Институты, социальные сети и рыночный обмен: подбор работников и рабочих мест в России // Экономическая социология. Новые подходы к институциональному и сетевому анализу. М.: РОССПЭН, 2002, с. 210-251.
13. Уровень жизни населения регионов России, 2001, №11.
14. Социально-экономическое положение России. 2002 год. – М.: Госкомстат России, 2003.
15. Долгушкин Н. Проблема кадрового обеспечения АПК // АПК: экономика, управление, 2001. №1, с. 20- 27.
16. Эпштейн Д. Классификация сельскохозяйственных предприятий в зависимости от их финансового состояния // Вестник Российской академии сельскохозяйственных наук. - 2001, №2, с. 83-87.

¹ Включая лиц, занятых на индивидуальной основе, а также в домашнем хозяйстве производством продукции сельского хозяйства, предназначенной для реализации

² Занятые в неформальном секторе – лица, которые в течение обследуемого периода были заняты, по меньшей мере, в одной из производственных единиц неформального сектора независимо от статуса занятости и от того, является ли данная работа для них основной или дополнительной. В качестве критерия определения единиц неформального сектора принят критерий отсутствия государственной регистрации в качестве юридического лица.

³ О перспективах развития ЛПХ см. Калугина З.И. Парадоксы аграрной реформы в России. Социологический анализ трансформационных процессов. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001, с. 21-26.

⁴ Выборочное обследование, проводившееся в 1994-2001 гг. международным коллективом исследователей на основе общенациональной российской выборки

Многоукладная экономика сибирского села: выбор между социальной стабильностью и экономической эффективностью

О.П. Фадеева,

Институт экономики и ОПП СО РАН
г. Новосибирск

Вместо введения: пространство хозяйственных укладов в сибирском селе

Желание российских реформаторов начала 90-х годов перейти от одной модели аграрного сектора с доминирующим коллективистским укладом к другой одноукладной модели, где превалировал бы мелкий и средний бизнес, обернулось неожиданным результатом. В постсоветском российском селе возникла особая экономика, включающая элементы разных экономических систем, вынужденные приспособляться и взаимодействовать друг с другом, находясь при этом в постоянной борьбе за жизненно важные ресурсы и собственные рыночные ниши.

В настоящее время в качестве субъектов аграрной экономики сосуществуют:

- крупные сельхозпредприятия, являющиеся преемниками советских колхозов и совхозов и до сих пор остающиеся «тяжеловесами» сельской экономики, выдержавшими несколько этапов преобразований и реорганизаций, неоднократно сменившими юридический статус (АОЗТ, ЗАО, СПК), при этом отчасти сохранившими специализацию производства, костяк трудового коллектива, прежнюю идеологию трудовых отношений, ответственность за социальное развитие села;
- фермерские хозяйства, в одних случаях проявляющие признаки рационального рыночного ведения хозяйства, а в других случаях - ориентированные в основном на физическое выживание фермера и полунатуральный способ хозяйствования;
- и, наконец, семейные хозяйства, нацеленные на производство продукции для личного потребления и в то же время поставляющие часть производимой продукции на рынок, в которых нарабатаны приемы комбинирования различных ресурсов для обеспечения производства на семейных подворьях¹.

К этому списку основных «игроков» на сельском экономическом поле следует добавить:

- городских инвесторов, владеющих сельхозпредприятиями или же перерабатывающими производствами, расположенными на территории сельских районов;
- местных предпринимателей несельскохозяйственного профиля, расширяющих структуру занятости населения или же обеспечивающих развитие социальной инфраструктуры села;

- руководителей и специалистов районных администраций (в первую очередь сельскохозяйственных отделов или управлений), которые активно включены в регулирование деятельности основных хозяйствующих субъектов.

При их непосредственном участии продовольственные корпорации осуществляют закупки продукции в областные резервные фонды; они выступают поручителями при оформлении банковских кредитов, оказывают помощь в проведении реорганизационных мероприятий с целью финансового оздоровления предприятий. С согласия районных властей на сельские просторы приходят новые собственники и инвесторы, они призваны выражать интересы локальных сообществ в городской среде, осуществлять контакты с областными управленцами и экономическими агентами.

В данном докладе мы попытались продемонстрировать формы взаимодействия перечисленных субъектов, обеспечивающие определенную стабильность существования сельского сообщества и противостоящие разрушительным воздействиям внешних сил. Эмпирической базой для высказываемых здесь предположений стали результаты социологической экспедиции (июль 2003 г.) в один из сельских районов Новосибирской области. Были проведены углубленные интервью с руководителями коллективных предприятий, главами фермерских хозяйств и специалистами сельских и районных администраций.²

Кратко охарактеризуем основные процессы, протекающие сегодня в сельском хозяйстве России и Новосибирской области. После трех лет относительной стабилизации положения в аграрном секторе в 1999-2001 гг., когда возросли объемы производства, увеличилась доля платежеспособных сельхозпроизводителей³, активизировались процессы обновления технического парка хозяйств, обвал цен на зерновом рынке в 2002 г. вернул ситуацию «на круги своя». Цены на зерно упали более чем в 2 раза, понизились закупочные цены на молоко и мясо и существенно возросли цены на энергоносители - в результате в исследуемом районе области годовая прибыль предприятий сельского хозяйства упала с 50 млн. руб. в 2001 г. до 900 тыс. рублей в 2002 г. Хозяйства в очередной раз испытали на себе отсутствие каких-либо ориентиров для своей деятельности: какую продукцию и в каком объеме им нужно произвести, будет ли гарантирован ее сбыт и по каким ценам.

В итоге число убыточных хозяйств вновь сильно возросло - в Новосибирской области их доля подскочила в два раза - с 30% в 2001 г. до 60% в 2002 г. Для предотвращения всеобщего коллапса сектора крупных сельхозпредприятий потребовалось срочное внедрение очередной государственной Программы финансового оздоровления, старт которой был начат принятием соответствующего Закона РФ в июле 2002 г. Программа позволяет предоставить сельхозорганизациям отсрочку на погашение накопленных долгов (по налогам, выплатам во внебюджетные фонды и кредиторским задолженностям) на срок не менее 5 лет и рассрочку на срок не менее 4 лет. Сельхозорганизациям, попавшим в число участников этой программы, производится

полное списание пеней и штрафов, а также частичное списание основного долга и начисленных процентов.

На местах при активной поддержке руководителей района в массовом порядке на базе хозяйств-банкротов стали создаваться новые юридические лица (чаще всего в виде сельскохозяйственных кооперативов (СПК) и муниципальных унитарных предприятий (МУП)), на баланс которых стало переходить наиболее ликвидное имущество спасаемого предприятия (скот, техника, оборотные средства). При этом вся недвижимость (здания и сооружения, которыми кредиторы воспользоваться не в состоянии) остается «висеть» на балансе старого предприятия, ставшем «пустой оболочкой», своей остаточной стоимостью покрывая предъявленные долги. Со временем эти «хозяйства-оболочки» проходят процедуру банкротства.

Однако против этих методов спасения сельхозпредприятий, как правило, восстают представители налоговой службы – и этот конфликт интересов нередко становится предметом споров в арбитражном суде. Представители районной власти сами признаются в том, что в своей практике не раз были вынуждены придумывать разные схемы обмана государства, чтобы помочь сельским предприятиям «списать» часть долгов. По их мнению, цель оправдывает средства: *«Мы стараемся обезопасить сельских работников при каждой реорганизации - чтобы они не лишились работы, чтобы им что-то осталось. Мы создаем условия, чтобы не растащили, не описали технику, не забили скот. Ради этого затрачивается огромный труд по регистрации новых предприятий. Новая программа финансового оздоровления пока защищает нас тем, что приостанавливает процедуру банкротства ряда предприятий за накопленные долги. Но проблема такая существует. Имущество хозяйств-должников могут в любой момент описать и полностью их разорить».*

В Новосибирской области, в том числе в том районе, где мы работали, уже зафиксировано немало случаев, когда судебные приставы по решению суда о взыскании долгов забирали трактора и машины, разбирали хозяйственные постройки, уводили скот, сбывая все это по бросовым ценам. *«Бесчинств очень много. Мы как районная администрация сражаемся с другой ветвью власти – налоговой службой, судебными инстанциями. Мы стараемся сохранить производство, боремся за права работников, а они действуют исходя из других интересов. Идет своеобразная игра – кто успеет первым. Чтобы деревня хоть как-то существовала, мы и создаем эти оболочки».*

При этом специалисты подчеркивают, что и «спасенные» предприятия при таком отношении к селу вряд ли смогут прожить более 5 лет. Все они требуют реорганизации, новой кадровой политики, финансовых вливаний. Но инвесторов сейчас очень мало. При этом даже те компании, которые хотели бы вложиться в сельское хозяйство, способны нанести огромный вред селу. Новые собственники в первую очередь озабочены вопросами эффективности, поэтому настроены на закрытие нерентабельных видов бизнеса и увольнение «лишних» работников. В ряде районов Новосибирской области покупка сельхозпредприятий городскими инвесторами обернулась, по сути, хищническим

разграблением их производственной базы и инфраструктуры и распродажей ликвидных активов после того, как новые владельцы осознали тщетность своих попыток добиться быстрых финансовых результатов на сельской ниве. В результате жители таких сел лишились буквально всего – оказались не только без работы, но и без условий для ведения крупных товарных подсобных хозяйств.

Но даже там, где приход горожан на предприятие не знаменуется его закрытием, первым же шагом нового руководства становится коренная реорганизация производства и массовые сокращения работников. Известны случаи, когда новые владельцы сельскохозяйственных или перерабатывающих предприятий, наслышанные о пороках сельского работника (пьянство на рабочем месте, воровство, низкая квалификация) идут на крайние меры: увольняют работавших здесь людей, а вместо них набирают работников из города и доставляют их на работу каждый день.

Одним из печальных результатов реформирования сельского хозяйства стало массовое появление безработных сел и деревень, где после банкротства сельхозпредприятий практически не осталось каких-либо значимых работодателей. В настоящее время в Новосибирской области таких поселений насчитывается, по разным оценкам, от 150 до 300 или 10-20% от общего числа сел. Поэтому развитие семейных подворий стало для жителей таких сел единственной возможностью «удержаться на плаву», выжить, поднять детей.

Специфика сельского рынка труда, где положение наемного работника крайне неустойчиво и незащищено, а в некоторых случаях возможность стать полноценным наемным работником просто отсутствует, нашла свое отражение в прожективных оценках опрошенных селян относительно предпочтительных моделей их занятости. На вопрос «Если бы у Вас был выбор, то чтобы Вы предпочли», почти половина (47,7%) респондентов ответили так: «Иметь собственное дело и ни от кого не зависеть». Быть наемным работником пожелала только треть опрошенных, заниматься только ЛПХ согласились бы 6,7% респондентов, а не работать вообще предпочли бы лишь 3,6%. Желание стать настоящими предпринимателями для большинства давших такой ответ вряд ли когда-нибудь реализуется – у этих людей нет для этого образования и опыта, материальных средств, особых личностных качеств и понимания, что нужно для этого делать. На наш взгляд, в полученном распределении ответов отразился своего рода протест «лишних людей», гордо заявивших о своем решении больше ни от кого не зависеть и ни на кого не надеяться.

Коллективные и фермерские хозяйства: соперники и партнеры

Стратегии развития успешных сельхозпредприятий, как бывших колхозов и совхозов, так и новообразованных фермерских хозяйств коренным образом отличаются друг от друга. Аграрные реформы наделили руководителей предприятий хозяйственной свободой, позволили стать, по сути, единоличными владельцами и распорядителями колхозной собственности. В то же время они были вынуждены сохранять

многопрофильное производство, заниматься растениеводством и животноводством, разным по уровню продуктивности и рентабельности, ремонтом и переработкой, чтобы за счет подобной диверсификации минимизировать риски, сохранить рабочие места и обеспечить возможность предоставлять социальные услуги жителям села. Многие предприятия построены по принципу самообеспечения⁴ и замкнутого цикла. Подобная стратегия делает хозяйства менее гибкими и излишне затратными, снижает запас финансовой прочности, порождает дефицит оборотных средств и принуждает работать «с колес». Социальные обязательства перед работниками не позволяют идти на крайние меры и кардинально сокращать количество занятых, как того требует экономическая эффективность. Компромисс достигается ценой низкой заработной платы (в обследуемых хозяйствах лучший показатель среднемесячной заработной платы в 2002 г. составил чуть больше 2000 рублей) и недостаточной дифференциации в заработках у разных категорий работников, а также за счет сохранения института натуральных выплат, заменяющих денежное вознаграждение.

На этом фоне фермерские хозяйства обладают большей маневренностью и гибкостью, их успех определяется выбором наиболее выгодной на данный момент специализации, быстрой сменой деятельности и отсутствием дополнительных обязательств перед трудовым коллективом и сельским сообществом. Наиболее успешные представители этого хозяйственного уклада доказали возможность динамичного развития сельскохозяйственного производства и переработки, получения прибыли там, где крупные хозяйства терпят убытки, продемонстрировали способность выживать и развиваться без дополнительных государственных дотаций и субсидий.

Опишем траекторию успешного пути одного из обследуемых фермерских хозяйств. В 1991 году 4 главных специалиста одного из колхозов района решили попробовать себя в качестве фермеров – и на 6 гектарах выделенных земель занялись разведением картофеля. Урожай в этот год оказался удачным, к тому же цены на картофель неожиданно подскочили – и вырученные от продажи деньги были пущены на покупку техники, стали основой для дальнейшего развития. На следующий год члены фермерской ассоциации получили в обработку свои земельные доли и стали ориентироваться на сигналы и требования текущей конъюнктуры.

Одно время компаньоны занимались производством сахарной свеклы, которую поставляли на переработку в обмен на сахар. В другой раз ставка делалась на производство гороха, гречихи, картофеля, зерновых. Все эти годы основная доля дохода хозяйства направлялась на приобретение тракторов и других машин, параллельно шло расширение посевного клина за счет аренды земельных долей у жителей окрестных сел.

Постепенно фермеры осознали необходимость концентрации своих усилий на производстве продовольственного зерна и его переработке. В 2001 году с помощью займа немецкого фонда была куплена и смонтирована мельница – и с 2002 года фермерское хозяйство занялось производством муки. Чтобы производить качественную муку и не зависеть от давальческого сырья, фермеры настроились на кардинальное увеличение

обрабатываемой земли для выращивания зерна в нужном для полной загрузки мельничных мощностей объеме. Единичных договоров аренды земельных долей для этих целей уже не хватало, поэтому в 2003 г. при поддержке районного руководства фермерское хозяйство заключило договор о простом товариществе с одним из сельхозпредприятий, испытывающим финансовые затруднения.

По сути, фермеры взяли «на поруки» крупное сельхозпредприятие, установили контроль над его текущей деятельностью и финансами, гарантируя при этом его работникам сохранение занятости, выплату зарплаты, которую те не видели уже в течение года, погашение долгов перед бюджетом и частными кредиторами. Даже кредит ими был взят для ремонта техники этого хозяйства. Результатом 12 летнего развития данного фермерского хозяйства стало увеличение площади обрабатываемых земель - с 6 до 4300 гектаров, создание эффективно работающего сельскохозяйственного и перерабатывающего производства.

На этом примере хорошо видно, как происходит поглощение коллективного предприятия фермерским хозяйством. Причем случаи такие не единичны. В российском селе уже наметилась тенденция прихода на место развалившегося колхоза эффективного фермера, который меняет основы менеджмента и хозяйственной политики, не склонен мириться с бесхозяйственностью и воровством, отсекает «трудовой балласт», более требователен к оставшимся работникам. Не случайно, что проблема изменения сознания работающих на этом предприятии стоит перед фермерами на первом месте: *«В этом хозяйстве хорошие люди, но они не понимают, что воровать – это гораздо хуже, чем работать»*. Однако новые владельцы не спешат менять ситуацию революционным путем, считают важным заручиться поддержкой местного сообщества перед началом необходимых преобразований. *«Мы взяли к себе на работу всех без исключения. Но сейчас, после трех месяцев работы, пора начинать эти исключения делать. Нам нужно сократить примерно 30% управленческого персонала, так как из 70 работников хозяйства 40 человек – это контора. Речи о сокращении простых рабочих не ведется. Но перед этим планируем провести еще одно общее собрание с одним вопросом: доверие к нам. Соберем простых людей – акционеров, в том числе тех, кто имеет пай, но находится на пенсии. Мы не хотим резких движений»*.

Руководители и коллективных, и фермерских хозяйств в один голос говорят о «кадровом голоде», о дефиците ответственных и квалифицированных механизаторов и животноводов, о нехватке дипломированных специалистов. Но излагают эти проблемы совершенно по-разному. Вот стандартное «председательское мнение»: *«В хозяйстве остались те, кто не смог никуда уйти. Нам не хватает «серьезных» работников. Есть когорта людей, которых мы то принимаем на работу, то выгоняем за пьянку. Сейчас складывается такая ситуация, что через 5-6 лет на селе некому будет работать. Потому что сегодня тот, кто болтается, бывает, не хуже живет, чем тот, кто работает каждый день. Он ворует продукцию нашего хозяйства ночью – и выращивает*

свой скот, за счет этого живет. Зачем такому человеку ходить на работу, вкалывать с утра до вечера?»

Такое видение ситуации «колхозным» начальством вполне оправдывает нищенский уровень зарплат сельских тружеников, не способных к качественному труду. Большинство руководителей твердо убеждены, что без вмешательства государства в эти вопросы ничего не изменится: *«Нам нужно наполовину сократить трудовой коллектив, чтобы он стал компактным и работоспособным. Революции без помощи государства не совершить. Люди сами из хозяйства не уйдут. Если же их выгнать с работы, то они будут у нас же и воровать».*

Фермерский взгляд на проблему более конструктивен. *«На протяжении 12 лет нашего существования мы занимались кадровой политикой – например, из Алтая перевезли 4 механизатора с семьями, купили им дома за свой счет. Сейчас эти ребята работают у нас действительно на совесть. В акционерных обществах руководство вообще людьми не занимается. Мы же своих работников стараемся воспитывать. Если работник прогулял рабочий день, то теряет в зарплате 500 рублей сразу. Мы от этой системы штрафов не отступаем, даже если есть угроза, что работник уволится и комбайн встанет. Мы тогда сами сядем за комбайн и будем работать в поле».*

Объективности ради важно отметить, что доля наиболее успешных фермерских хозяйств в сибирской деревне крайне мала и составляет лишь 5-10%. Отсев в этом секторе очень велик. Официально в Новосибирской области за период с 1994 по 2002 год количество крестьянско-фермерских хозяйств сократилось почти в 1,5 раза - с 6300 до 4223 единиц, однако параллельно с этим шла концентрация земель в руках наиболее эффективных хозяев. Так, за этот же период средний размер земельного надела, приходящегося на 1 хозяйство, почти удвоился – возрос с 50 до 98 гектар⁵. В селах, где мы побывали, в течение 10 лет выжил, сохранил свое дело лишь каждый третий-пятый фермер. На весь район, где работают 250 фермерских хозяйств, приходится 5 фермеров, в чьем пользовании находится более 1000 гектар земли.

По мнению специалиста районного управления сельского хозяйства, хорошо живут те фермерские хозяйства, в которых руководители могут сами думать, планировать, заниматься маркетингом, менеджментом. Они следят за изменениями в правовой базе, стремятся быстро отреагировать на появление новых законов и постановлений. А у основной массы фермеров другая установка: «Лишь бы год прошел – и ладно».

Нельзя сказать, что все коллективные и фермерские хозяйства находятся друг к другу во враждебной оппозиции, нередки случаи, когда между ними складываются партнерские отношения, или, на худой конец, они сохраняют нейтралитет, стараясь не замечать друг друга. Недостаточное техническое оснащение фермерских хозяйств нередко толкает их владельцев на сотрудничество (протекающее как в формальных, так и неформальных рамках) с бывшими колхозами и совхозами. В основе этой кооперации лежит, с одной стороны, слабая техническая вооруженность мелких ферм и возникающее из-за этого желание обойти этот недостаток с помощью инфраструктуры коллективного

хозяйства. С другой стороны, имеющиеся в распоряжении частных предпринимателей комбайны, тракторы и другое оборудование не всегда используются интенсивно и могут быть переданы во временную аренду нуждающимся в технике коллективным или семейным хозяйствам.

Фермеров вынуждает прибегать к услугам сельхозпредприятия отсутствие оборудования для сушки и подработки зерна, складских помещений, емкостей для хранения топлива, собственных мастерских и другой технической инфраструктуры. Там, где дела в крупном хозяйстве идут на спад и дело движется к банкротству, взаимовыгодное сотрудничество между коллективным и фермерским хозяйствами не получается. Руководители сельхозпредприятия, опасаясь за сохранность имущества, перестают пускать фермеров в мастерские, на зерноток, хранилище, заправку и намеренно идут на конфликт. Причина этих конфликтов в том, что руководитель уже не может доверять своим неоплачиваемым работникам, подозревая их в готовности распродать по дешевке оставшиеся запчасти, солярку, корма заинтересованным фермерам.

Вопрос пользования технической инфраструктурой сельхозпредприятия и ее правонаследование весьма обострился в последнее время. Фермеры чрезвычайно обеспокоены тем, что скоро могут начаться массовые банкротства сельхозпредприятий – и все ликвидные активы (в виде техники, оборудования, помещений и инженерных сооружений) будут описаны за долги или будут проданы новыми владельцами (по преимуществу «городскими инвесторами»). Именно по такому сценарию развиваются сейчас события в некоторых хозяйствах, куда пришел новый собственник. Подобный развал сложившейся инфраструктуры непременно нанесет удар и по фермерским хозяйствам. Чтобы избежать подобной участи, фермеры хотели бы получить мастерские, склады и прочие сооружения в совместное пользование за небольшие деньги с тем, чтобы в дальнейшем также оказывать услуги местным жителями, ведущим подсобные хозяйства, и всем тем, кто является номинальным собственником этого имущества.

В коллективных хозяйствах, где предпринимаются реальные шаги по нормализации производства и повышению его эффективности, руководители создают собственные системы мотивации качественного труда, препятствующие также и растаскиванию имущества предприятия. Так, в одном из хозяйств Новосибирской области была сформирована система комплексной внутрисельской кооперации, включающая в т.ч. внутрихозяйственный хозрасчет и право каждого подразделения с помощью чековых книжек оказывать услуги и вести расчеты с любым клиентом. В этой системе не были забыты и местные фермеры. Председатель, сам несколько лет проработавший фермером, постарался закрыть «щели», через которые могли бы просачиваться ресурсы сельхозпредприятия в закрома фермерских хозяйств. Для этого фермеры были включены в систему чековых расчетов – и наделялись правом пользоваться всеми службами акционерного общества по фиксированным тарифам. Таким образом, их положение

легализовалось – и была найдена модель согласования интересов производителей, представляющих разные уклады сельской экономики.

Результаты приватизации первой волны

Последствия прошедшей 10-11 лет назад приватизации колхозного имущества (земли, основных фондов, ведомственного жилья) проявляются порой совсем неожиданным образом. Например, в обследуемых хозяйствах доля пенсионеров в числе держателей земельных паев и акций составляет от 60 до 80%. В свое время наиболее активная часть работников акционерных обществ, получивших собственность, покинули сельхозпредприятия, не сумев в полной мере реализовать свои собственнические интересы, а вновь принятые работники оказались отстраненными от распределения «колхозного пирога». Произошедшее разделение ролей сельского работника и сельского акционера привело к тому, что надежды на возрождение сельского хозяйства за счет формирования мощной заинтересованности работающего акционера в результатах своего труда на предприятии не оправдались.

Отношение к огромному слою «сельских рантье» далеко не однозначно. В частности, руководители коллективных хозяйств зачастую воспринимают пенсионеров, передавших свои земельные пай в аренду, как неполноценных земельных собственников и намеренно устанавливают для них заниженные нормы арендных выплат. Большинство сельских начальников считает, что на производимую продукцию должны претендовать, прежде всего, сами производители, или, по крайней мере, те, кто когда-то работал в хозяйстве. Их возмущает тот факт, что собственность на землю может наследоваться людьми, не причастными ни к селу, ни к предприятию. Поэтому руководители считают вполне оправданным лишать уехавших из села или не живущих здесь собственников прав на получение арендной платы, не выплачивать им дивиденды. Из интервью с директором сельхозпредприятия: *«Я считаю справедливым то, как было раньше при колхозах. Трудись ты на земле, пользуешься всеми благами, которые здесь производятся – можешь все здесь купить по дешевке (и сено, и зерно, и другие продукты). Но если ты ушел, бросил работать на земле, - тогда уж извини, ни на что не претендуй... А то получается в корне неправильно. Почему кто-то должен работать на тех, кто уже с земли ушел».*

В то же время успешные динамично развивающиеся фермеры активно привлекают этот слой владельцев земли на свою сторону, устанавливая с ними отношения, соответствующие канонам права частной собственности. Наши наблюдения позволяют говорить, что фермерский сектор все чаще конкурирует и выигрывает у коллективных хозяйств борьбу за лучших работников, за арендуемые земельные пай. И потому наконец-то начинает представлять зримую угрозу еще недавнему безусловному сельскому монополисту – крупному коллективному хозяйству. Из интервью с фермером: *«С владельцами земельных паев у нас нормальные отношения, мы свои обязательства всегда выполняем. С этим мы не шутим, нам не надо никого обманывать. В одном из сел мы*

арендуем землю в основном у пенсионеров, уехавших из хозяйства. Председатель колхоза в их отношении себя повел неправильно: отказался платить арендную плату тем, кто уехал из села. Сегодня ведь не работают рыночные отношения на земле».

На наш взгляд, в столкновении изложенных взглядов отражается конфликт между «рыночным» восприятием земли как товара и российским толкованием обычного права на землю. Последнее подразумевает, что владеть землей в России может лишь тот, кто на ней работает, кто ее обрабатывает. Остальные – это «прихлебатели с ложками», независимо от того, получили ли они землю в наследство или же пришли сюда в качестве инвесторов-чужаков, озабоченных лишь максимизацией своих доходов. Руководители хозяйств пытаются оправдать свою позицию экономическими проблемами, но на деле такой подход оборачивается усилением зависимости «свободных» владельцев земли от руководства предприятий. Из интервью с руководителем хозяйства: *«Было бы производство рентабельным, была бы помощь от государства достаточной, тогда да, можно это было бы позволить. Тогда бы работали паи, были бы отчисления и за аренду, и в качестве дивидендов. Но сегодня мы концы с концами еле сводим. Если я отдам средства на дивиденды, то как я буду расплачиваться с работающими на предприятии? Вообще останемся без средств к существованию».*

Проведенная в селах приватизация жилищного фонда лишила руководство коллективных хозяйств возможности привлекать к себе на работу новых людей – молодежь, квалифицированных специалистов. Средств на строительство или покупку жилья ни у хозяйств, ни у потенциальных работников нет, поэтому кадровая проблема нередко становится неразрешимой. *«Молодежи в селе мало, потому что в хозяйстве нет хорошей зарплаты, жилье очень дорогое. Основной костяк специалистов находится в возрасте около 50 лет, им на замену практически никто не приходит».* Дома умирающих сельчан часто переходят наследникам-горожанам и либо превращаются в дачи, либо выставляются на продажу на внутреннем рынке жилья, что приводит к росту цен, не адекватным уровню местных заработков.

Семейные хозяйства сельских жителей: объекты внешней опеки

Симбиотические отношения между коллективными и семейными хозяйствами сохраняются⁶. В этом заинтересованы все участники данной коалиции. С одной стороны, от внешней помощи не намерены отказываться сельские жители, потому что неденежные выплаты и всевозможные услуги предприятия помогают им справиться с проблемой выживания, содержать и развивать личные подворья. С другой стороны, руководство коллективных хозяйств идет на помощь школе и детскому саду, занимается ремонтом дорог и благоустройством села, повинуюсь представлению о социальной ответственности и в то же время желая сохранить свою власть над всем селом. Хотя механизм передачи социальной инфраструктуры с баланса сельхозпредприятия на баланс сельской администрации запущен, и та, и другая сторона понимают, что еще долгое время они вынуждены все эти вопросы решать сообща. Пока же директора предприятий отмечают,

что на социальные программы они стали тратить больше денег, чем раньше. *«ЗАО содержит сельский водопровод, котельную, детей возим на своем автобусе в школу, чистим дороги. Скорой помощи в селе нет – так что мы вынуждены сами заботиться о доставке больных».*

Наше летнее обследование еще раз показало, что система поддержки сельских жителей со стороны коллективного хозяйства весьма многогранна. Помимо простой выдачи зерна, сена, оказания транспортных услуг она включает развитие внутри предприятия сети перерабатывающих производств, чтобы обогатить номенклатуру натуральных поставок сельским работникам и обеспечить их продовольствием по льготным ценам. Так, помимо пекарен, где выпекаемый хлеб и другие мучные изделия стоят в среднем в 2 раза дешевле среднерыночных цен, большую популярность во многих селах получило открытие цехов по производству пельменей и колбасных изделий, мукомольных производств, а иногда – и изготовление сгущенного молока, сливочного и растительного масла.

Важно подчеркнуть, что, если в начале и середине 90-х годов создание перерабатывающей базы внутри сельхозпредприятия было вызвано в первую очередь желанием повысить рентабельность сельхозпроизводства, уйти от монополии местных переработчиков, сейчас такого рода внутренняя сельская переработка все больше работает на нужды жителей конкретного села и не поставляет продукты на внешний рынок.

Нередко специалисты предприятий и местной администрации подключаются к проблеме реализации продукции ЛПХ, договариваются с переработчиками об организованном закупе продукции личных подворий, разбираются с проблемами задержки платежей индивидуальным сдатчикам. Ведут ветеринарную работу, оформляют все необходимые документы, свидетельствующие о санитарном состоянии мясной продукции. *«Мы давали корма населению, чтобы оно могло выращивать как можно больше продукции в своих хозяйствах. Ее сбыт - достаточно тяжелая проблема: сюда к нам приезжают перекупщики из Иркутска, Красноярска, т.е. из самых отдаленных мест, но продукция идет по бросовым ценам. Зоотехник ЗАО составляет список из жителей села, кто хотел бы сдать свинину, звонит в район, приглашает машину. Т.е. работает по запросам владельцев семейных подворий, хотя это напрямую не связано с его должностными обязанностями в ЗАО».*

Однако подобная забота зачастую рождает у сельчан излишний инфантилизм, с которым очень трудно бороться. Из интервью директора предприятия: *«Большинство владельцев подворий в нашем селе уже привыкли, что кормовую базу для их личного скота обеспечит им сельхозпредприятие. Люди палец о палец не ударят, чтобы что-то сделать своими силами. Будут кланяться, будут ждать, когда хозяйство для них все приготовит».* Этим объясняется распространенная среди председательского корпуса позиция: *«Сегодня людей баловать нельзя. Льготные цены мы, конечно, применяем при продаже зерна, выделении техники и стройматериалов, но бесплатно уже ничего не раздаем».*

По оценкам экспертов, в последние годы в селе зримо обозначилась люмпенизированная прослойка, состоящая из людей, не работающих ни на предприятии, ни на своем подворье, отказавшихся даже от выращивания картофеля «для себя». Эти люди перебиваются случайными заработками, надеются на помощь государства (в т.ч. так поступают некоторые многодетные семьи, живущие в основном на детские пособия). Спрос на таких людей в качестве временных работников предъявляют владельцы средних и крупных ЛПХ, заинтересованные в быстрой и относительно малозатратной уборке урожая (в первую очередь, картофеля), заготовке кормов и топлива. Проведенный при нашем участии опрос населения в трех западносибирских регионах (Алтайский край, Новосибирская область, республика Алтай) показал, что почти 9% владельцев ЛПХ нанимают работников из числа своих односельчан на разовые работы, связанные с обработкой земли и сбором урожая, причем доля таких семей в республике Алтай составила 25%.

К решению проблем развития сельских территорий и оказанию социальной помощи его жителям сейчас все чаще и чаще стали привлекаться сельские предприниматели. Буквально ни одно крупное культурно-массовое мероприятие, возведение церкви или другое строительство и ремонт, целевая поддержка незащищенных групп населения (детей, ветеранов, инвалидов) не обходится сегодня без спонсорских взносов со стороны частного бизнеса. Опрошенные нами сельские бизнесмены признают важность этого дела, готовы помогать, но при условии, что власти не будут постоянно использовать их в качестве «дойных коров», применяя к отказавшимся внести «свою лепту» разного рода административные наказания. Их требования неоспоримы и продиктованы привычкой ко всему относиться по-хозяйски: прозрачность целей расходования запрашиваемых средств, обязательное наличие сметы, возможность осуществлять контроль над расходами, в том числе с помощью создания специального фонда.

Из интервью с фермером: *«Глава администрации регулярно просит выделить средства на проведение всевозможных праздников, помощь школе, благоустройство села – я уж все и не припомню. Средства мы эти выделяем, но хотели бы свою благотворительность организовать по-другому. Нужно, чтобы предприниматели района учредили особый фонд и перечисляли бы туда определенные суммы денег, которые бы выделялись по общему решению на разные дела. Потому что когда власти просят купить банку краски, это выглядит очень несерьезно. Подкрадывается сомнение, может, им вообще наша помощь не нужна, а создается лишь какая-то видимость бурной деятельности перед вышестоящим руководством».*

Фермеры нередко выступают в качестве спонсоров социальных проектов села. Так, в средствах массовой информации прошли сообщения о том, что в одном из сел фермеры по договоренности с местной администрацией выплачивают особый налог в местную казну. С каждого гектара пашни они сдают по 10 кг зерна, которое затем передается

работникам школы и других социальных объектов села, лишенным земельного пая, но ведущим свое подсобное хозяйство и потому нуждающимся в кормах.

В селах с разорившимися коллективными хозяйствами фермеры взяли на себя заботу о семейных подворьях: за небольшую плату на своей технике они развозят по дворам корма, дрова и уголь. Причем фермер, хорошо чувствующий ситуацию, хочет остаться незаметным, ему не нужна слава хорошего хозяйственника или щедрого благотворителя. Ведь и в том, и в другом случае его тут же заподозрят и налоговые органы, и односельчане в том, что он слишком хорошо живет и должен еще больше делиться с государством и с народом. Здесь скрыта и другая опасность – опасность формирования в сельской среде иждивенческого отношения к предпринимателям, завышенных ожиданий спонсорства и, как следствие, – усиления социального бремени, которое должен нести на своих плечах сельский бизнес.

В заключении следует сказать, что сосуществование разных форм хозяйствования на земле порождает конкурентную среду, предоставляет владельцам земельных долей возможность выбора лучшего способа распоряжения своей собственностью. Кто-то предпочтет не разрывать родовых связей с коллективным хозяйством, ощущая в нем незыблемого защитника и покровителя. Другой намерен рискнуть и получить большие дивиденды, найти в лице фермера и сельского предпринимателя надежного партнера.

На новом витке приватизационной волны стала очевидной угроза интервенции «чужеродного» капитала и новых «правил игры» на деревенские просторы. Почти все сельские жители – и руководители предприятий, и фермеры, и рядовые работники – видят во включении земли в сферу рыночных отношений и в связанных с этим преобразованиях реальную угрозу их бытию. Зыбкая социальная стабильность, ставшая возможной благодаря сосуществованию и сотрудничеству разных хозяйственных укладов, в очередной раз будет подвергнута проверке на экономическую эффективность.

С этих позиций важно вовремя предугадать негативные последствия внешнего вмешательства - и сделать все, чтобы решение насущных проблем сельских сообществ было доверено в первую очередь тем, кто чувствует ответственность за будущее села и не способен в очередной раз «тяжелым катком» пройти по судьбам людей.

Литература:

1. Подробно об этом см.: Фадеева О.П. Способы адаптации сельских семей к изменениям экономической среды // Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. /Под ред. Т.Шанина, А.Никулина, В.Данилова. – М.: МВШСЭН, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. Сс.161-215; Артемов В.А. Факторы и последствия изменений повседневной деятельности сельского населения // Россия, которую мы обретаем / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. – Новосибирск: Наука, 2003. Сс.290-308.
2. Исследования стали возможны благодаря экспедиционному гранту Президиума СО РАН и финансовой поддержке РГНФ (проект № 02-03-18204).
3. В Новосибирской области доля прибыльных коллективных хозяйств в 1998 г. составляла 11%, в 1999 г. она увеличилась до 57%, а в 2000-2001 гг. поднялась и удержалась на уровне 70%.
4. Например, в хозяйствах обследуемого района НСО до 40% выращиваемого зерна – это фураж для собственного животноводства, причем руководители объясняли

такой высокий уровень внутреннего оборота низкими закупочными ценами на зерно.

5. Основные показатели развития крестьянских хозяйств Новосибирской области в 2001 году / Новосибирский областной комитет государственной статистики. Новосибирск, 2002. С.10-12.
6. О природе этих взаимоотношений см.: Фадеева О.П. Сельский труд: симбиоз формального и неформального // Россия, которую мы обретаем. Новосибирск: Наука, 2003. С. 222-252; Никулин А.М. Предприятия и семьи в России: социокультурный симбиоз / Заславская Т.И. (ред.) Куда идет Россия?.. Трансформация социальной сферы и социальная политика. М.: Дело, 1998. С.218-229; Родионова Г.А. Приватизация земли и реорганизация сельскохозяйственных предприятий в России: выживание против расширения. /[Обращение к документу: 18 мая 2003]. Доступ через <<http://www.ruralworlds.msses.ru>>; Нефедова Т. Сельская Россия на перепутье: географические очерки. М.: Новое издательство, 2003.

Начнется ли новый этап приватизации сельского хозяйства в России?

Л. Гранберг

Александровский институт
Университета Хельсинки
Хельсинки

Коллективное сельское хозяйство почти во всей Восточной Европе было уничтожено в 90-е годы XX века, но казалось, что эти события миновали Россию. Большая часть колхозов и совхозов оказалась в России в глубоком кризисе, и производство продовольственных товаров сократилось наполовину. Уже в начале 1990-х годов был создан ряд сельскохозяйственных предприятий семейного типа – фермерских хозяйств, но затем их развитие на многие годы остановилось, и сельское хозяйство, как и прежде, делало ставку на товары, производимые крупными сельхозпредприятиями, а также людьми, имеющими личные подсобные хозяйства и животноводческое производство в небольших размерах.

В Карелии летом 2003 года наша рабочая группа взяла интервью у руководителя сельскохозяйственного предприятия акционерного типа, который рассказал о новом распоряжении из Санкт-Петербурга, касающемся распределения акций. Акции предполагалось распределить между работниками совхоза. После этого акции могли уже быть пущены в оборот. До этого акции хранились в государственном учреждении, в ведение которого находился данный вопрос, а держатели акций имели на руках документ, подтверждавший их право собственности. На практике продать акции было очень затруднительно, это могли сделать по существу лишь те, кто собирался оставлять работу. Хотя хождение акций еще не было свободным, на стене сельского магазина и на заправке появилось объявление о продаже акций. Некоторые владельцы тогда и продали свои акции. Мы спрашивали, откуда мог появиться интерес извне к акциям сельскохозяйственного предприятия. В качестве примера руководитель привел одну петрозаводскую птицефабрику, внешнее управление которой перешло к московским акционерам, купившим контрольный пакет. Хотя это предприятие нельзя было назвать процветающим, оно все же имело в собственности осушенные поля и тысячи коров. Кроме того, предприятие владело некоторыми лесными и прибрежными площадями, которые могли бы быть использованы в Республике Карелия на переходном этапе к рыночной экономике, например, как это делается во всех приморских странах с рыночной экономикой.

Незавершенная приватизация в России

Первым шагом на пути к приватизации сельского хозяйства стала легализация аренды земли в 80-е годы XX века. В октябре 1993 года президент Б. Н. Ельцин подписал

указ, согласно которому физические лица могли продавать и покупать, правда с некоторыми ограничениями, участки на сельскохозяйственных территориях. В 90-е годы почти все сельскохозяйственные площади сдавались в аренду, после чего хозяева стали меняться один за другим. В январе 2003 года вступил в силу закон, разрешивший продажу сельскохозяйственных территорий, но сохранивший за органами местного управления право преимущественной покупки крупных площадей (O'Brien et. al. 2004, 263-4).

Реорганизация юридического статуса сельскохозяйственных земель началась в 1992 году. Тогда коллективным хозяйствам предлагалось четыре варианта изменения формы собственности. Первый вариант – распределение пахотных земель и прочей собственности между работниками хозяйства. Этот вариант нашел поддержку в тех хозяйствах, которые оказались на грани банкротства. Второй вариант – сохранение статуса коллективного хозяйства. Такой путь на первом этапе в 1992-1994 годах избрала примерно треть всех хозяйств. Третий вариант – открытое акционерное общество. В таком случае работники хозяйства получают определенное число акций в соответствии с отведенной им долей земли и собственности в общем хозяйстве. При этом акции разрешается продавать также лицам, не являющимся работниками данного хозяйства. Четвертый вариант – закрытое акционерное общество. Такую форму собственности избрали большинство хозяйств, что в 1994-1996 годах составляло 47 % бывших колхозов и совхозов.

Если сравнивать ее со странами Восточной Европы, то сельское хозяйство России делает только первые шаги на пути к рыночной экономике. По оценкам Всемирного Банка только около 10 % бывших совхозов распались на более мелкие хозяйственные единицы или каким-нибудь иным способом существенно увеличили объемы производства (Csaki 2002).

Основной показатель в российском сельском хозяйстве – соотношение объемов производства крупных хозяйств и продуктов, получаемых с участков работников этих хозяйств, что отчасти способствует сохранению традиций периода социализма. В 2001 году продукция частных хозяйств составила 51,1 % всего объема российского сельскохозяйственного производства, крупных предприятий – 45 %, фермерских хозяйств – 4 % (Россия в цифрах). Более важным в данной ситуации, нежели распределение производства, является налаживание взаимосвязей между крупными хозяйствами и частными. Традиционно работники колхозов могли покупать продукцию своего хозяйства по сниженным ценам, приобретать удобрения и корма без дополнительных затрат, арендовать для использования на своих участках колхозные трактора. Работникам хозяйств и членам их семей предоставлялись различные социальные льготы, в том числе право на бесплатный проезд на отдых раз в два года. Эти права и льготы сохраняются по сей день, но из-за сложной экономической ситуации они постоянно оказываются предметом споров, а их объем – бесконечной темой для обсуждения. В одном приватизированном совхозе подняли цены на питание работников на рабочем месте,

директор другого хозяйства запретил использование техники на частных участках даже за плату.

Статистика показывает, что многие приватизированные хозяйства являются безнадежно убыточными. Эту убыточность увеличивают оставшиеся в наследство с советских времен обязанности хозяйств по водопользованию, отведению сточных вод и содержанию дорог. Прибыль крупных хозяйств уходит на содержание муниципальной инфраструктуры, поддержку частных хозяйств и сферы социального обслуживания. Такое положение сохраняется годами, поскольку правительство Российской Федерации и местные власти поддерживают различными способами крупные приватизированные хозяйства. Это и понятно: если сельское хозяйство прекратит свое существование, это приведет не только к колоссальной безработице, но и по существу положит конец сфере обслуживания на селе. В этом смысле ситуация в России заметно отличается от ситуации в странах Восточной Европы, где процесс приватизации проходил быстрее и интенсивнее.

Так ожидает ли Россию радикальный перелом в сельском хозяйстве?

Спорные моменты

Держатели акций в принципе уже в течение десяти лет имеют право на продажу своих ценных бумаг. Право на землевладение они тоже имеют, однако только на бумаге. Сейчас появилась альтернатива. На Украине пахотные земли были распределены между работниками хозяйства, а затем их брали у работников в аренду сами хозяйства. На окраинных землях украинских сельских хозяйств выделялись участки всем желающим. В Республике Карелия землю можно арендовать лишь там, где она не используется для выращивания сельхозкультур, поэтому в некоторых случаях работники хозяйств получили в пользование участки пахотной земли размером в несколько гектаров. По нашим опросам работники хозяйств иногда желали получить дополнительные пахотные площади, но широкого распространения это не получило. Ситуация, однако, может измениться, поскольку фермерские хозяйства, согласно исследованиям, являются рентабельными: в 2001 году уровень доходов фермеров был выше, чем у директоров или представителей других групп сельского населения (O'Brien et. al. 2004, 274). Среди заметно преуспевающих хозяйств нам удалось обнаружить два новых частных предприятия. Одно из них – семейное предприятие, занимающееся разведением семенного картофеля. Другое – совместное предприятие, созданное четырьмя семьями, строило свой бизнес на выращивании и транспортировке сена.

Активизация продажи пахотных земель может привести к разрушению производственной базы даже сильного хозяйства. Именно так произошло в странах Балтии, во многом вопреки чаяниям большинства работников хозяйств (Alanen et. al. 2001). Особенно уязвимыми оказываются слабые хозяйства, работники которых могут продать свои акции, поскольку они небеспочвенно опасаются обесценивания бумаг из-за плохого состояния хозяйства. Так произошло с упомянутым выше хозяйством. Надой молока в образцовом некогда хозяйстве катастрофически снизились из-за нехватки

кормов, количество которых упало по причине плохого состояния уборочной техники, уже неспособной эффективно справляться с заготовкой. Из-за нехватки средств пропала возможность известкования кислые болотные почв и проведения необходимых мелиоративных работ. Ситуацию усложняло абсолютно нереальное стремление сохранить прежнее поголовье скота. Как следствие, при снижении производства сокращается объем государственной поддержки, которая напрямую зависит от цен, и таким образом порочный круг замыкается. Описанное хозяйство погрязло в долгах, и его включили в программу Республики Карелия по реструктуризации долгов. По словам директора, дотации государства почти целиком уходили на уплату долгов, так что для промышленного инвестирования не было никакой возможности.

Опыт стран Балтии показывает, что судьба приватизируемых хозяйств решается в совместной борьбе групп интересов. Что это за группы? Это работающие в хозяйстве руководители, специалисты, профессиональные рабочие и простые рабочие. При социализме положение профессиональных рабочих (трактористов, доярок и др.) было очень хорошим, уровень их заработной платы нередко превышал уровень доходов руководителей. Такой ситуация была в 1997 и 1999 годах и в России (O'Brien et. al. 2004, 274). В свою очередь, доход рабочих складывается из зарплаты и тех средств, которые они получают от своих участков. Для них разорение хозяйства представляет наибольшую опасность. Скачок от обычных сельхозработ, которые выполняет работник колхоза или совхоза, к семейному фермерству не представляется пока в России реальным, поскольку еще не создана необходимая для семейного фермерства инфраструктура (системы финансирования, консультирования), не налажено производство машин и оборудования, производство семян, линии по производству молока и т.д.

Проблему пенсионеров как в России, так и в других странах бывшего социалистического лагеря облегчает регулярность пенсионных выплат. Хотя зарплата иногда выплачивается не вовремя, пенсионеры свои деньги в последние годы получают в срок. Кроме того, пенсия во многих случаях оказывается по размеру больше, чем зарплата рабочих на слабых предприятиях. Пенсионеры оказывают значительную помощь семьям своих детей, помогают внукам с учебой. Тем не менее, пенсионеры несколько иначе зависят от крупных хозяйств. Пашенные и посевные работы на участках, заготовка дров и ремонт строений – так или иначе, но пенсионерам приходится все это делать.

В переходный период достойную работу специалистам может обеспечивать их образование и умение находить нужную информацию. Так, в Прибалтике специалисты объединили усилия и взялись за управление некоторыми сторонами крупного разваливающегося хозяйства. Они действовали и по модели управления мелким предприятием, и по модели хозяйства среднего размера. Упомянутый выше русский предприниматель, занимающийся разведением семенного картофеля, придерживается именно этой модели. В России фермерами часто становятся такие специалисты, которые имеют хорошее техническое образование. Положение управляющего дает прекрасную возможность получать разнообразную информацию и устанавливать серьезные контакты

за пределами хозяйства. В Прибалтике руководители выкупают контрольный пакет акций предприятия и таким образом достигают статуса распорядителя. Социальный капитал такого руководителя становится экономическим капиталом. Директор одного российского совхоза приобрел в собственность своей семьи несколько транспортных средств предприятия, которые изначально были конфискованы за неуплату долгов государству. Так техника, перешедшая в частную собственность, оказалась опционом, который сделал возможным создание собственного предприятия, если бы директор по той или иной причине утратил свое положение. Есть и другие альтернативные пути профессионального развития. Директор одного преуспевающего хозяйства был избран депутатом республиканского уровня. Социальный капитал этого руководителя превратился в политический капитал.

Но кто же те люди извне, которых интересует земельная собственность? Представителей пищевой промышленности интересует интеграция сырьевой базы и собственного производства; наряду с представителями промышленности агенты разбогатевших русских приезжают в сельскую местность в поисках объектов капиталовложений. У них есть средства, а сельская местность может, кроме земледелия, предложить и множество других возможностей для развития бизнеса.

Вторая волна приватизации

Если акции приведенного в качестве примера крупного сельскохозяйственного предприятия будут пущены в продажу, по всей видимости, это приведет к его разорению. В то же время производство на местах будет парализовано на многие годы. Это повлечет за собой большие проблемы для работников предприятия и пенсионеров. Так случилось в странах Балтии, где новая структура сельского хозяйства начала стабилизироваться только сейчас, спустя 15 лет с начала приватизации. Похожие предприятия есть в Республике Карелия и в России. Но есть также и другие.

Часть государственных предприятий в начале периода приватизации было решено оставить в государственной собственности, чтобы сохранить их целостность. Несложно представить, что они почти полностью приватизируются уже в этом десятилетии. Есть также довольно сильные хозяйства, работники или пенсионеры которых едва ли хотят продавать свои акции. Мы побывали в таком хозяйстве. Хотя это хозяйство работало в основном благодаря субвенциям, ему все же удалось наладить такие виды деятельности, которые поддерживали основное производство (звероводство), стабилизировать свои финансовые потоки и гарантировать регулярную зарплату. Это предприятие входило в группу лучших сельскохозяйственных предприятий России.

Развитие России не может идти по модели Восточной Европы. Реформация сельского хозяйства в Восточной Европе началась одновременно с промышленной приватизацией. В России процесс перехода земли в собственность и реорганизации сельского хозяйства при фиктивной приватизации был заморожен на десять лет. За это время произошло многое. Отдельные акционерные предприятия работают почти точно так

же, что и бывшие колхозы с совхозы, и их продолжают называть совхозами. Укрепление демократии и гражданского общества на местах могут помочь предотвратить негативные процессы развития и реорганизации. Появление «новых русских» и укрепление российской пищевой промышленности может привести к формированию вертикальных связей между промышленностью и сельским хозяйством. Самые богатые предприятия могли бы скупать кризисные хозяйства. Крупные хозяйства могут создавать цепочки предприятий, что как раз сейчас пытаются сделать российские предприятия лесного комплекса.

Есть и еще один вариант, о котором я пока не упомянул. Он, по мнению работников хозяйства, особенно драматичный. Преобразованные в акционерные общества крупные сельскохозяйственные предприятия могут быть объявлены банкротами. В этом случае работники-держатели акций утрачивают акционерный капитал. Такое хозяйство может быть куплено каким-нибудь инвестором, если таковой найдется. Мы побывали в одном таком хозяйстве, которое было куплено предприятием, занимающимся продажей сельскохозяйственной продукции. Хозяйство попало в сферу действия государственной инвестиционной программы, в результате чего его производственная база была полностью обновлена. Таким образом оно может стать эффективно работающим частным сельскохозяйственным предприятием. Новая форма собственности позволяет предприятию не опасаться дальнейшего разделения или утраты земельной собственности. С точки зрения предприятия, это благоприятная ситуация, при которой происходит контроль экономической деятельности. С точки зрения бывших акционеров, банкротство для них – большая потеря, поскольку они не имеют теперь своей доли на предприятии, не могут превратить ее в живые деньги или же развернуть свою собственную сельскохозяйственную или предпринимательскую деятельность. С точки зрения структуры сельского хозяйства, можно сказать, что вследствие банкротства фермерская система, во всяком случае, на территории данного хозяйства не будет сформирована в ближайшие годы, и вряд ли даже в ближайшие десятилетия.

Самые большие трудности Россия, наверное, преодолела. По крайней мере, сельские жители научились с ними жить. Но реформирование структуры сельского хозяйства еще не закончилось. Очевидно одно – новой волной приватизации накроет в этом десятилетии всю сельскую местность Северо-запада России.

Сельскохозяйственное производство в российской Карелии как залог сохранения сельского образа жизни

В.Г. Собинский,

министр сельского, рыбного хозяйства и продовольствия
Республики Карелия

Говоря о сельском предпринимательстве, мы должны исходить из одного момента, который объединяет Республику Карелия и вообще весь русский север с Финляндией и другими странами Северной Европы. Это тот факт, что сельское хозяйство в наших северных широтах — это не столько бизнес, сколько политика. Потому что если сельскохозяйственный бизнес у нас и возможен, то только при проведении определенной политики, при большой финансовой и организационной поддержке государства.

Для России это особенно актуально. Как известно, почти две трети территории нашей страны находятся в зоне вечной мерзлоты. Как и государства других северных стран, мы поддерживаем ведение сельского хозяйства в тех зонах, где оно заведомо не может быть рентабельным и конкурировать с хозяйством южных регионов. Потому что именно государство, в первую очередь, заинтересовано в том, чтобы северное село не умирало, чтобы люди там имели работу, чтобы действовали предприятия, школы, больницы, социальные и культурные учреждения. Чтобы сохранялся сам сельский образ жизни, преемственность поколений на селе, традиционный для этих мест уклад и культурная среда. Все это возможно, только если на территории действуют более или менее стабильные сельскохозяйственные предприятия.

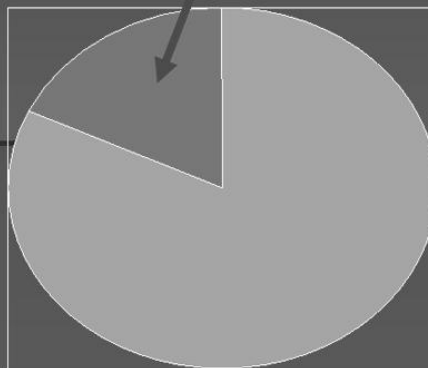
Республика Карелия в этом отношении — особенный регион. Потому что мы — на границе. И пусть сегодня эта граница дружественная, но все-таки российское государство не может допустить обезлюдения огромных приграничных территорий. Впрочем, я уверен, что и Европейский союз тоже совсем не заинтересован в том, чтобы на его северо-восточной границе появилась необитаемая и непредсказуемая пустыня с разрушенной инфраструктурой и множеством оставленных без присмотра экологически опасных объектов.

Сельское хозяйство для Карелии — это, безусловно, и вопрос занятости населения, и демографическая проблема. Сегодня в республике насчитывается 774 сельских населенных пункта. На селе проживают 175 тысяч человек, или 22 процента населения республики. Непосредственно в сельскохозяйственном производстве заняты 7,2 тысячи человек, а всего в агропромышленном комплексе работают более 16 тысяч человек.

**В республике насчитывается
774 сельских населенных пункта**

**На селе
проживают 175
тысяч человек,
или 22 %
населения
республики**

**22 % сельского
населения**

И для нас принципиально важно сохранение этих рабочих мест в сельской местности, хотя бы уже потому, что города не готовы ни принять к себе этих людей, ни обеспечить их социализацию.

В последние десятилетия мы наблюдали устойчивую тенденцию отрицательного

**В агропромышленном
комплексе Карелии заняты
более 16 тысяч человек**

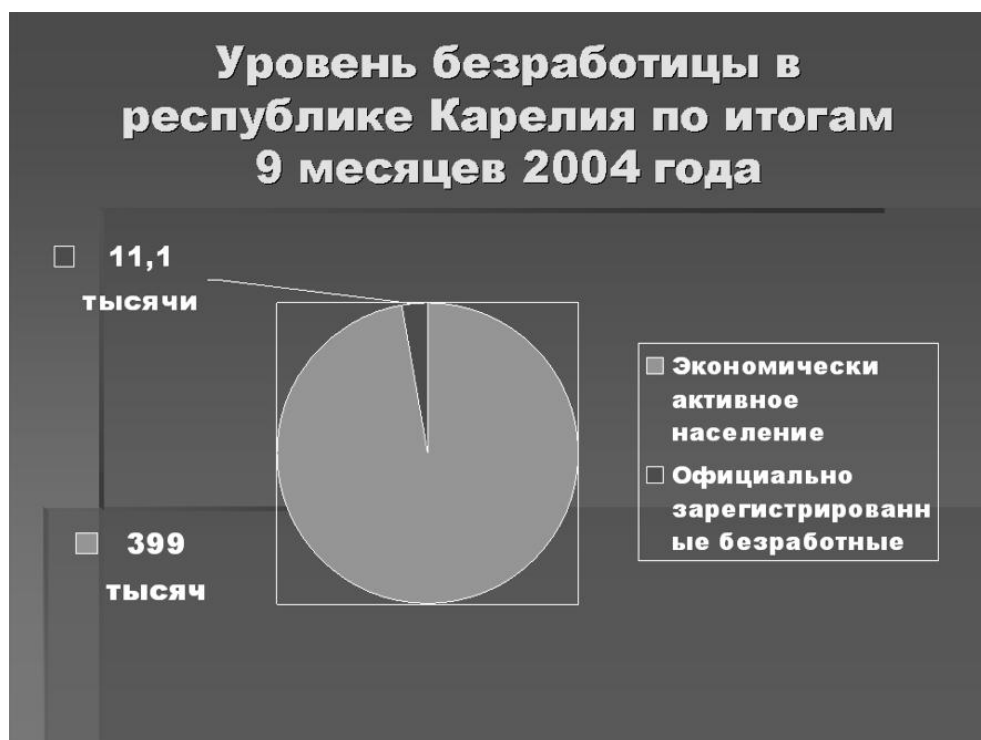

- Из них 7,2 тысячи человек заняты непосредственно в сельскохозяйственном производстве.

прироста сельского населения. В том числе и за счет миграции в города. И это негативно сказывается на общей структуре занятости в республике, хотя в целом ситуация в сфере занятости в республике относительно благополучная.

К концу августа 2004 года на учете в центрах занятости населения состояли 11,1 тысячи человек. При численности экономически активного населения 399 тысяч человек

официально регистрируемая безработица по итогам 9 месяцев 2004 года составила, таким образом, 2,5 процента. Коэффициент напряженности на регулируемом рынке труда (отношение числа ищущих работу граждан к числу имеющихся вакансий) на 1 сентября 2004 года составляет 2,0. Правда, существует еще и весьма солидный объем нерегистрируемой безработицы, высокий уровень которой характерен как раз для сельской местности. И в целом уровень безработицы имеет тенденцию пусть к небольшому, но росту. Но, тем не менее, напряженность в сфере занятости в сельской местности невысока, и тому есть причины, о которых я скажу позже.

Как информирует нас Карельский научный центр Российской академии наук, в 2004 году мы впервые за пятнадцать последних лет наблюдаем прекращение снижения численности сельского населения республики. И я вижу тут, в том числе, и заслугу сельского предпринимательства, которое вбирает в себя какую-то часть высвобождающегося населения, открывает людям новые возможности, дает им работу.

И, наконец, сельское предпринимательство для нас сегодня — это и проблема методологическая. Как его развивать, какими путями оно должно двигаться, что, как и в какой последовательности должно делать государство? Мы должны признать, что у Европы сегодня гораздо больший опыт в решении этих вопросов, чем у нас. По известным историческим причинам в России почти на 80 лет было ликвидировано всякое предпринимательство, и сегодня мы проходим те этапы его развития, которые, например, Финляндия прошла уже много десятилетий назад. Именно поэтому я считаю важным для нас внимательно присматриваться к европейскому опыту, чтобы взять все лучшее и полезное, но при этом не повторить их ошибок.

Мы приветствуем всяческие совместные проекты в сельском бизнесе, которые дают возможность нашим гражданам приобщиться к технологической культуре Запада. Мы активно идем на расширение межгосударственных контактов в области сельского хозяйства. Не так давно с этой целью я встречался с министром сельского хозяйства Финляндии господином Коркеаойя. Он произвел на меня впечатление опытного политика, мудрого человека, который ясно видит и интерес Финляндии в развитии отношений с Карелией. Мы договорились о реализации целого ряда совместных взаимовыгодных проектов. Состоялась и аналогичная встреча со шведским коллегой, с которым мы также нашли взаимопонимание.

Таковы в общих чертах наши подходы к развитию сельского предпринимательства. И теперь я попытаюсь более детально, хотя и по возможности коротко, дать вам представление о сельском предпринимательстве в Карелии, о его социальной роли.

По принадлежности к той или иной форме собственности в Карелии сегодня выделяются три группы хозяйств:

- государственные предприятия,
- акционерные и частные предприятия,
- семейные или индивидуальные малые предприятия и фермерские (крестьянские) хозяйства.

Этим формам собственности в основном соответствуют масштабы концентрации ресурсов и размеры хозяйств. Государственные и акционерные компании — это, как правило, сравнительно крупные хозяйства, семейные и фермерские — сравнительно небольшие, их еще принято называть субъектами малого агробизнеса.

Причем последние 15 лет мы наблюдаем отчетливую тенденцию изменения соотношения форм собственности в карельском селе. Идет уверенный рост как раз в небольших частно-семейных хозяйствах: с 15 процентов в 1990 году их количественная доля выросла до 45-50 процентов в наши дни. И, соответственно, сектор крупных предприятий с 85 процентов ужался до 50-55 процентов.

Сразу оговорюсь, что эта тенденция говорит отнюдь не о более высокой эффективности маленьких хозяйств. Скорее это — наглядная иллюстрация нежелания крупного капитала идти в сельское хозяйство, результат инвестиционного голода.

В каждой категории хозяйств мы сегодня видим как успешные, так и неуспешные. Среди крупных сельских предпринимателей есть процветающие, а есть умирающие. Аналогично и в мелком агробизнесе: кто-то достигает высоких результатов, а чье-то дело уверенно катится под откос. При примерно равных прочих условиях, я считаю, свою решающую роль тут играет качество управления, менеджмента, делового опыта.

Тем не менее, именно сектор малого сельского агробизнеса, сформировавшийся в Карелии за последние 10-12 лет, представляется наиболее динамичным, гибким, способным реагировать на рыночные условия и сравнительно быстро развиваться. Не случайно в последнее время проблемы малого бизнеса стали предметом внимания власти

и общества, поскольку без него сегодня уже нельзя представить себе экономику села, решение многих социальных вопросов.

В то же время, если в развитых странах малый и средний бизнес производит 50-70

757 малых предприятий занимающихся сельскохозяйственным производством

- В 2003 году они произвели продукции на 204 миллиона 742 тысячи рублей.
- Это менее 10% общего объема сельхозпроизводства

процентов валового внутреннего продукта, то у нас этот показатель не достиг пока и 10 процентов. Короче говоря, нам еще есть куда развиваться.

В соответствии с российским федеральным законом к субъектам малого предпринимательства на селе отнесены предприятия, в уставном капитале которых доля участия государства не превышает 25 процентов, а численность работников не превышает 60 человек. По нашему законодательству к субъектам малого предпринимательства относятся также физические лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица и крестьянские (фермерские) хозяйства.

Характеризуя малый бизнес на селе, надо, во-первых, сказать, что практически на сто процентов — это частный бизнес. На июнь 2004 года у нас зарегистрировано 757 малых предприятий, занимающихся сельскохозяйственным производством. В 2003 году малыми предприятиями на селе произведено продукции на 204 миллиона 742 тысячи рублей, что составляет немногим меньше 10 процентов в общем объеме сельскохозяйственного производства республики.

При этом привлекательность сельскохозяйственного бизнеса для людей по-прежнему остается весьма низкой. Хотя бы уже потому, что среднемесячная зарплата на одного в 2003 году здесь составила всего 3294 рублей (примерно 130 долларов). Практически это самый низкий показатель средней зарплаты среди малых предприятий, работающих в других отраслях экономики. Причем, по данным за 6 месяцев текущего года, роста зарплаты в сельском малом бизнесе практически нет. Тогда как, например, в торговле и общественном питании — рост в 1,7 раза.

Инвестиции в основной капитал малого сельского бизнеса, включая приобретение основных средств производства, колеблются по годам вокруг цифры 3 миллиона рублей

Зарегистрировано 467 фермерских хозяйств

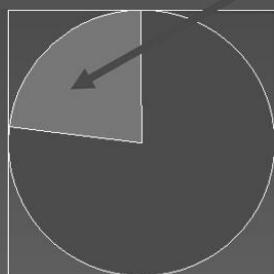
- В пользовании фермеров – 5,2 тыс. гектаров земли
- Посевная площадь 1,9 тысячи гектаров
- Это 3,4% посевной площади республики

(около 100 тысяч долларов на всю республику). Это в среднем в 8 раз ниже, чем торговле и общепите.

Чуть больше 30 процентов малых сельских предприятий — прибыльные. Остальные показывают убытки или нулевую рентабельность. Средняя рентабельность в этом бизнесе — 2,1 процента (в промышленности — 7,3 процента, в общекommerческой деятельности — 13,5 процента). И основная причина низкой рентабельности —

Немногим более 30% малых сельских предприятий прибыльные

- Средняя рентабельность в малом агробизнесе 2,1%

отсутствие современной техники и технологий, низкая производительность труда. В то же время мы констатируем, что этот сектор имеет тенденцию к саморазвитию. Растет доля малых сельхозпредприятий в отрасли. Происходит дифференциация семейных хозяйств по объемам производства. Часть личных подсобных хозяйств постепенно переходит в категорию товарных семейных хозяйств, где занятость на подворье и доход от подворья становятся основными.

Несколько особняком в структуре малого бизнеса на селе стоят крестьянские (фермерские) хозяйства.

На 1 января 2004 года в Карелии зарегистрировано 467 фермерских хозяйств. Правда, почти половина фермеров в своей деятельности не продвинулась дальше регистрации. И тут может показаться, что столь высокая доля зарегистрированных, но неработающих фермеров есть результат плохой поддержки со стороны государства. Но, как ни парадоксально, картина тут прямо противоположная. Дело в том, что на раннем этапе появления и становления фермерства в Карелии (начиная с конца 80-х годов прошлого века) наше государство — кстати, не без влияния финских специалистов! — существенно ошиблось в оценке перспектив и возможностей фермерства. И был обеспечен явно чрезмерный уровень государственной поддержки при очевидно недостаточном контроле за использованием средств. Достаточно было зарегистрировать фермерское хозяйство, чтобы получить беспроцентные, а иногда и безвозвратные, кредиты, субсидии на строительство, обзаведение, приобретение техники. Этим воспользовались и многие из тех, кто в принципе не собирался вести хозяйство, и значительная часть средств господдержки была израсходована неэффективно. В результате мы получили статистический всплеск числа фермеров, но реальную отдачу дали далеко не все.

В 2003 году фермеры Карелии произвели продукции на 42,8 млн рублей

■ 200 тонн мяса	■ В фермерских хозяйствах:
■ 1,3 тыс. тонн молока	■ 1000 голов крупного рогатого скота
■ 2,6 тыс. тонн картофеля	■ 600 свиней
■ 974 тонны овощей	■ 1200 голов птицы
■ 133 тыс. штук яиц	

Сегодня в пользовании фермеров в республике находятся 5,2 тысячи гектаров земли. Средний размер земельного участка 17 гектаров. Посевная площадь — 1,9 тысячи гектаров (3,4 процента общей посевной площади республики). Фермеры Карелии произвели в 2003 году продукции на 42,8 миллиона рублей. В том числе 200 тонн мяса, 1,3 тысячи тонн молока, более 2,6 тысячи тонн картофеля, 974 тонны овощей, 133 тысячи штук яиц. В фермерских хозяйствах содержится примерно 1000 голов крупного рогатого скота, в том числе 400 коров, а также до 600 свиней, около 1200 голов птицы, немного (около сотни) голов овец и коз.

Большинство фермеров специализируются на выращивании картофеля и овощей, мясном и молочном животноводстве, свиноводстве. Пять фермеров занимаются форелеводством, четыре — выращиванием садовых ягод. Одно специализируется на выращивании и реализации населению саженцев плодово-ягодных культур.

И, надо сказать, что мы имеем примеры очень даже успешного ведения хозяйства во всех этих направлениях. Например, фермер Федоренко в Кондопожском районе сегодня производит до 60 тонн товарной форели в год.

Фермер Концевой в Сортавале в прошлом году собрал более тысячи тонн картофеля и овощей.

Фермерское хозяйство Березкина в Прионежском районе специализируется на выращивании садовых ягод. В прошлом году он поставил на рынок около 9 тонн земляники, смородины и малины. Кроме того, откормил на мясо 35 голов крупного рогатого скота.

Фермер Шibaев в Прионежском районе имеет в хозяйстве коров, свиней и кроликов, ежегодно производит до 25 тонн молока и до 7 тонн мяса.

Фермер Андрей Сосункевич в Прионежском районе развернулся почти с нуля и построил замечательное, сбалансированное хозяйство. Я недавно побывал у него, посмотрел все своими глазами. Парень (в прошлом - простой тракторист в местном совхозе) несколько лет назад начал с четырех гектаров земли, а сегодня у него уже 30 гектаров. В прошлом году он собрал и реализовал более 400 тонн супер-раннего картофеля. Постоянно расширяется, занимается мелиорацией, вводом новой земли, строится, обзавелся собственным овощехранилищем. Обучился финскому опыту выращивания клубники, приобрел посадочный материал, разбил плантацию, второй год продает урожай. Такому и помогать хочется!

На выгодных условиях лизинга мы ему в этом году продали новый грузовой автомобиль стоимостью более 70 тысяч долларов. Кроме того, он в этом году за счет собственных средств купил две картофелесажалки, плуги, опрыскиватель, картофелеуборочную машину. И государство возместило ему 30 процентов затрат на их приобретение.

К сожалению, несмотря на существование таких вот ярких примеров удачного фермерского хозяйствования, общая картина в фермерстве отнюдь не такая благополучная.

В основной своей массе фермерские хозяйства малы и слабы. Более половины фермеров имеют в собственности или в аренде менее 5 гектаров земли. По существу, они работают не на рынок, а на удовлетворение собственных нужд. Но для нас они ценны даже и в таком виде, поскольку даже небольшие хозяйства все же дают работу, средства к существованию целым семьям. Дети в них приобщаются к сельскому труду, к сельскому образу жизни, закрепляются на селе. То есть решаются важные социальные задачи, проблема занятости.

И мы по-прежнему считаем, что малые формы сельского хозяйства и личные подсобные хозяйства граждан, товарные подворья могут в перспективе играть не только социальную, но и значительную производственно-экономическую роль. Однако, по нашему, мнению, это возможно лишь в том случае, если они станут нижним звеном, фундаментом вертикально организованных агропромышленных систем, в рамках которых они получают весь комплекс производственно-финансового обслуживания. Об этом говорит опыт и Финляндии, и большинства европейских стран. Разрозненные, лишенные агросервиса семейные хозяйства в современных условиях, как правило, не могут быть конкурентоспособными, вести расширенное производство. Эту проблему у нас осознают многие экономисты и политики. Но ее разрешение они видят по-разному.

Наша позиция состоит в следующем. О перспективе малых хозяйств в Карелии можно говорить только в том случае, если они будут жестко интегрироваться в состав вертикально выстроенных коммерческих корпораций, холдингов и агрофирм. Чтобы у фермера, производящего сельскохозяйственное сырье, не болела голова, куда девать продукцию. Чтобы он мог твердо знать, что в определенный срок придет машина и заберет у него молоко, произведенное за два дня. Чтобы ему не приходилось самому ехать на рынок и продавать выращенную клубнику, потому что в определенный срок весь урожай у него будет взят на переработку. И так далее. Это придаст малым хозяйствам стабильность, в том числе и финансовую, позволит думать о развитии.

В то же время и мировой, и российский опыт свидетельствуют, что сельхозпредприниматели фермерского типа сохраняют свою активность лишь там, где не лишаются собственности на свои фермы, не теряют относительную самостоятельность, не превращаются в наемных работников. Фермерам больше подходят кооперативные вертикальные организации, построенные по принципу "снизу вверх", а не корпоративно-акционерные организации, в которых идет экономический диктат "сверху вниз".

Но каким бы путем ни шло развитие фермерства, оно еще долго не сможет обойтись без помощи государства. И если образование кооперативных структур будет происходить только путем сложения скудных возможностей отдельных фермеров, то на это дело уйдут столетия. Тут необходимы инвестиции, нужна также систематическая финансовая подпитка со стороны государства. И мы активно работаем в этом направлении.

Правительство Республики Карелия в 2004 году оказало помощь 101 фермерскому хозяйству. Средства бюджета республики ограничены, поэтому у нас уже давно существует достаточно успешная практика выделения предпринимателям леса на корню.

Реализовав этот лес, они получают инвестиционные средства. В этом году им был выделен лесосечный фонд в объеме 26700 кубометров, в результате использования которого в хозяйства инвестировано более 4 миллионов рублей (около 150 тысяч долларов).

Фермерам оказывается активная поддержка в приобретении техники. Они покупают технику на условиях лизинга, а также получают возмещение 30 процентов стоимости сельхозмашин, если покупают их за собственные средства. Фермерам также оказывается государственная поддержка в виде безвозмездных субсидий на строительство или приобретение жилья в сельской местности. В 2004 году субсидии предоставлены четырем фермерам на общую сумму 800 тысяч рублей (приблизительно 27 тысяч долларов).

На селе есть и еще одна группа малого предпринимательства, которая занимается не сельскохозяйственным производством. Это торговля, бытовое обслуживание, закупка сельскохозяйственного сырья, дикорастущих ягод, грибов, народные промыслы, организация туризма и другая деятельность. Дать количественную оценку этой группы довольно трудно, поскольку наша статистика ведет учет по видам деятельности, а не по месту нахождения предприятий и предпринимателей. Вся эта деятельность находится вне сферы непосредственного внимания министерства сельского хозяйства, но мы отдаем себе отчет в том, насколько важно ее развитие. Ведь фермер, даже самый успешный, не может жить и работать в вакууме. Его должен кто-то снабжать всем необходимым, кто-то должен продать ему лекарства, кто-то должен его постричь, сделать его жене укладку и макияж, кто-то должен одеть-обуть семью, организовать их досуг и отдых... Короче, на селе нужна развитая бытовая инфраструктура, которая делает жизнь сельского жителя цивилизованной, позволяет по удобствам если не догнать город, то хотя бы приблизиться к нему. И эта бытовая сфера у нас сильно отстает, здесь — огромный потенциал развития сельского предпринимательства.

Безграничны возможности развития малого предпринимательства в сфере сельского туризма. Сегодня Карелию посещают до полутора миллионов туристов в год, и доходность этого бизнеса целиком зависит от развития инфраструктуры. А это — целиком частная инициатива. И в последние годы все большее число жителей сельской местности находит себя именно в этом деле.

Показателен в этом смысле Лахденпохский район и вообще северное Приладожье. Живописные шхеры, близость Финляндии и Санкт-Петербурга, богатое историко-культурное и природное наследие - отличные условия для развития туризма. Здесь процесс начался с реализации проекта Тасис. Местные жители открыли для себя возможности развития спортивной рыбалки на реке Хийтоланйоки, конного туризма, культурных и природных маршрутов. Сегодня решается вопрос о международном статусе для пункта пропуска "Сювяоро-Колмиканта", который открыл бы новые возможности для района в целом и увеличил пассажирские потоки с двух сторон границы.

Для развития сельского туризма в Карелии начата работа по обучению владельцев гостевых домов правилам приема туристов и реконструкции сельских усадеб. В этом направлении сегодня работают четыре международных проекта, охватывающих пять территорий: Калевальский, Лахденпохский, Пудожский, Медвежьегорский и Муезерский районы.

На примере Калевальского района, где реализуется проект Тасис "Четыре сезона в Калевале", можно говорить и о том, что во многих районах есть огромное желание местных жителей действовать в этом направлении. Необходимо не только создать предприятия туристского профиля, но и научить население работать в этой сфере. В рамках проекта создан первый в Карелии районный Информационный туристский центр в поселке Калевала, где не только будут предоставлять информацию о туристском потенциале Калевальского района, но и обучат местных жителей азам гостеприимства на базе сельского размещения. Создание аналогичного центра при поддержке Европейского Союза планируется в Пряже. В планах проекта создание уникальной туристской деревни сямозерских карелов в деревне Кинерма.

В настоящее время в республике реализуются еще два важных международных проекта:

"Неаграрное развитие сельской местности в Республике Карелия" (2000-2004 годы, Олонецкий, Пряжинский, Питкярантский районы). Источник финансирования - Общество сельского развития губернии Вестерботтен (Швеция).

"Развитие сельских территорий на юге Карелии" (2003-2005 годы, Олонецкий район). Источник финансирования - шведское отделение Фонда дикой природы.

Наряду с другими эти проекты решают проблему занятости сельского населения, которое по тем или иным причинам высвобождается с сельхозпредприятий. Особенно это касается сельских женщин. Потому что если мы посмотрим на половую структуру населения, занятого в малом бизнесе Карелии, то увидим, что женщин там на треть больше, чем мужчин. Мужчин — около 7 тысяч, а женщин - почти 10 тысяч. Кстати, по возрастному признаку в этой группе населения лидирует не молодежь, а граждане солидного возраста - от 45 до 49 лет. И это характерно. Именно сельские женщины и пожилые люди в первую очередь теряют работу в селе, если у сельхозпредприятий возникают проблемы, и именно им труднее всего найти себе новое применение. Поэтому развитие малого агробизнеса, сельской сферы бытового обслуживания, сельского туризма - реальный выход для этой категории населения.

Вообще же, говоря о занятости населения в сельской местности Карелии, мы можем констатировать, что проблемы занятости как таковой нет. То есть рабочих мест иногда даже больше, чем людей, реально ищущих работу. И тому — множество примеров. В среднем по республике у нас укомплектовано менее 50 процентов ставок механизаторов. И руководители хозяйств постоянно жалуются, что не могут найти работников.

В самом сельскохозяйственном районе республики, Олонецком, на 1 сентября этого года было зарегистрировано 470 безработных. При этом сельхозпредприятия района

заявили о желании нанять 150 человек, но так и не смогли заполнить вакансии: безработные не идут работать.

В селе Янишполе год назад обанкротилась и закрылась крупнейшая в Карелии птицефабрика, десятки людей оказались без работы. И в то же время частный предприниматель, энергичная женщина Любовь Площадная создала в селе животноводческое предприятие, которое быстро встало на ноги. Но сегодня она вынуждена автобусом возить к себе работников за 25 километров из села Кончезеро, поскольку местные жители не желают идти работать!

Поэтому главная проблема нашего села — не недостаток рабочих мест как таковых. А низкая престижность сельскохозяйственного труда, низкий уровень оплаты, тяжелые условия труда, низкая производительность, отсутствие современных технологий. Если государственное пособие, получаемое безработным, выше, чем заработок, который он может получить в сельхозпредприятии, то трудно ожидать от человека трудового энтузиазма. Соответственно, не хватает квалифицированных работников, специалистов. На обучение и переобучение сельские жители идут неохотно, иногда предпочитая жить натуральным хозяйством при помощи государственных пособий и пенсий. Поэтому сельское предпринимательство в будущем при развитии скорее столкнется с дефицитом рабочих рук, особенно квалифицированных работников, чем с очередью безработных за воротами предприятия.

Эта же проблема характерна и для относительно крупного сельскохозяйственного бизнеса, который в последние годы получил в Карелии хорошее развитие. В категории крупных частных и акционерных предприятий мы видим почти такую же картину, как и в мелком агробизнесе. Наряду с успешными, мощными хозяйствами, есть предприятия, влачащие жалкое существование на грани разорения. Тут на первый план выходит вопрос качества управления.

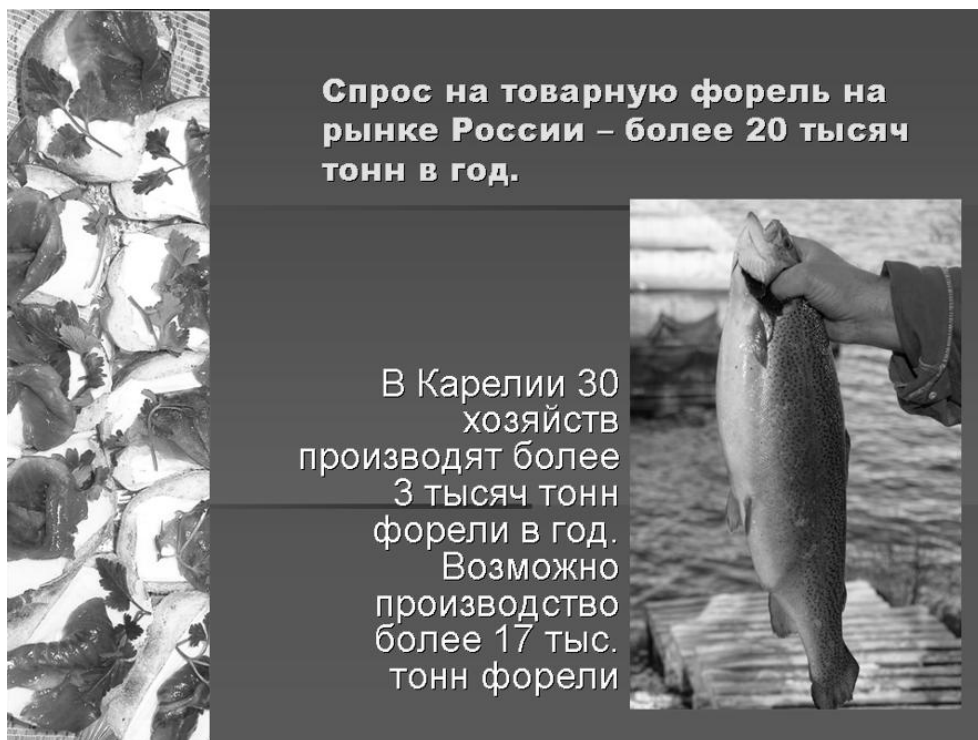
У нас есть негативный опыт прихода частных инвесторов, которые не имели никакого представления об агробизнесе и серьезного намерения вести сельское хозяйство. Такой "инвестор" выкачивает из предприятия все что можно, распродает имущество, скот, землю и оставляет государству решать: что делать с местным населением.

У нас есть и негативный опыт приватизации сельских предприятий. Например - "Маяк" в Прионежском районе. Бывший государственный совхоз, приватизированный на паях его работниками. Получилось общество с ограниченной ответственностью, построенное по забытому советскому принципу колхоза. Все - формальные собственники, но никто ни за что не отвечает, нормального менеджмента нет, зарплата - 1200 рублей в месяц, и ту задерживают, оборотных средств нет, капитальных вложений нет - и результат соответствующий. Хозяйство в предбанкротном состоянии, будущее старинного села Ладва под вопросом.

Но одновременно мы имеем и опыт очень успешного предпринимательства в селе, прихода грамотных инвесторов и управленцев.

Например, два года назад, в ноябре 2002 года, в Питкярантский район приехал частный предприниматель из Мурманска Виктор Фойда. Приобрел бывший государственный обанкротившийся совхоз в поселке Ряймяля. Очень быстро привел предприятие в порядок, превратил его в стабильное производство, специализирующееся на молочном животноводстве, выращивании картофеля, производстве кормов. И сегодня он имеет 2500 гектаров земель. 80 работников регулярно получают заработную плату. Причем заработок, например, механизатора в сезон достигает 1000 долларов в месяц. поголовье крупного рогатого скота — 384 головы, средний удой на фуражную корову составил в этом году уже 5000 килограммов (в 2002 году — 2700 килограммов). Этим летом заготовил 690 тонн сена и 2286 тонн силоса, вырастил 841 тонну картофеля.

А в начале 2004 года Виктор Фойда приобрел еще один обанкротившийся соседний совхоз в поселке Мийнала. И сейчас уверенно выводит его на хороший уровень. Дал работу и хорошую зарплату 83 работникам. За год удвоил удой на фуражную корову и довел его до 4300 килограммов. Произвел 300 тонн картофеля, 600 тонн сена, 2749 тонн силоса.

Спрос на товарную форель на рынке России – более 20 тысяч тонн в год.

В Карелии 30 хозяйств производят более 3 тысяч тонн форели в год. Возможно производство более 17 тыс. тонн форели

The infographic features two photographs: on the left, a pile of fresh vegetables including leafy greens and mushrooms; on the right, a person's hands holding a large, silvery rainbow trout against a background of water and a wooden pier.

В Карелии уже сегодня есть частные сельскохозяйственные предприятия, которые по объемам производства и по эффективности превосходят государственные. Яркий пример — хозяйство "Пряжинское", которым много лет бесменно руководит Валерий Колоушгин. Предприятие создано на базе старого советского звероводческого хозяйства в 40 километрах от Петрозаводска на трассе Санкт-Петербург-Мурманск. С момента приватизации хозяйство стало развиваться по пути максимальной автономии от внешней помощи. От узкой звероводческой специализации перешли к многопрофильному хозяйству.

Основное производственное направление, как и прежде, - производство и реализация меха норки, песца, лисицы, енота и так далее. До 50 процентов пушнины поставляется на экспорт. В этом году меха хозяйства были признаны лучшими в России. Производство гибко подстраивается под конъюнктуру рынка. Выращивается песец серебристый, вуалевый и шедоу, лисица серебристо-черная, норка темно-коричневая, серебристо-голубая, дикая и паломино. Идет большая селекционная работа. Сегодня "Пряжинское" производит в год 20 тысяч шкурок песца, 2 тысячи шкурок лисицы и 35 тысяч шкурок норки.

Попутно развиваются другие виды деятельности. "Пряжинское" занимается производством молока и мяса, кормопроизводством, хлебопечением, заготовкой и переработкой леса. Имеется животноводческий комплекс на 400 голов дойного стада. Удой на фуражную корову составляет 5000 килограммов в год. Для переработки молока в 2001 году запущен собственный мини-завод мощностью до 30 тонн переработки молока в сутки. Работает хлебопекарня производительностью до 5 тонн хлебобулочных изделий в сутки. Есть свой строительный цех, который выполняет строительно-монтажные работы на 2 миллиона рублей в год. Своя пилорама производит пиломатериалы и столярные изделия...

В общем, не будет большим преувеличением сказать, что если бы не частное хозяйство "Пряжинское", то, возможно, и поселка Пряжа сегодня уже не было бы на карте. Поскольку теперь уже не государство помогает частному предпринимателю, а предприниматель активно помогает власти и решает многие социальные задачи, которые не под силу муниципалитету.

Для чего я привожу эти позитивные примеры?

Для того, чтобы дать понять и увидеть, что сегодня в Республике Карелия можно и нужно заниматься сельскохозяйственным бизнесом, что это территория, весьма привлекательная для инвестирования. Чтобы и Финляндия, и Европейский союз увидели и осознали, что в Карелии произошли качественные изменения. Сегодня мы уже не просим у Запада гуманитарной помощи. Мы, разумеется, благодарны за оказанную в прошлом поддержку, но сегодня нам нужны совместные проекты, которые были бы взаимно выгодными, приносили бы прибыль инвестору. И все возможности и условия для этого есть. Российское государство до 2008 года планирует полностью уйти из реального сектора экономики. Будут приватизироваться все без исключения предприятия сельского хозяйства и пищевой промышленности. Мы заинтересованы в том, чтобы пришел частный инвестор, который будет продолжать и развивать существующее производство, модернизировать и усиливать наше сельское хозяйство. Это большое поле для инвестиций, в том числе иностранных. Или взять хотя бы форелеводство, которое сейчас в Карелии переживает бурный расцвет. Сегодня у нас более 30 форелеводческих частных предприятий, которые в этом году произвели более 3 тысяч тонн товарной форели. За полтора-два года мы намерены удвоить производство. Но уже сегодня на российском рынке имеется спрос на 20 и более тысяч тонн форели в год. Это огромное поле для

инвестиций, которые окупятся за полтора-два года. Специалистами нашего министерства разработана карта водоемов Карелии, на которых разведаны перспективные точки размещения новых форелеводческих хозяйств. Эту карту мы можем представить любому потенциальному инвестору. И только в этих разведанных точках можно произвести до 17 тысяч тонн форели в год — и это далеко не предел.

Поэтому сельскохозяйственный бизнес Карелии сегодня ждет заинтересованного, добросовестного инвестора. И мы гарантируем, что в Карелии он встретит столь же заинтересованное и доброжелательное отношение и будет долгие годы работать на наше общее благо!

Анализ изменений в сельскохозяйственном производстве Республики Карелия за 1991-2003 годы

О.У. Синцова

Министерство сельского, рыбного
хозяйства и продовольствия РК
Петрозаводск

Агропромышленный комплекс республики обладает определенным производственным потенциалом и вносит свою лепту в формирование регионального продукта, на долю его приходится 6,2 %.

На территории Республики Карелия находится 774 сельских населенных пункта, в которых проживает 175 тыс. человек. В тоже время, агропромышленный комплекс республики обеспечивает занятость работников в количестве 16 тыс. человек, из них 7,2 тыс. человек занято в сельскохозяйственном производстве. Кроме того, в республике зарегистрировано 474 крестьянских (фермерских) хозяйства в статусе юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

В структуре сельскохозяйственных организаций на долю государственной и муниципальной собственности приходится 48% всех сельскохозяйственных организаций, остальные – хозяйственные общества.

В 2003 году в бюджеты всех уровней Агропромышленным комплексом перечислено 187 млн. рублей платежей, в том числе сельхозтоваропроизводителями 125,4 млн. руб.

Валовая продукция сельского хозяйства по всем категориям хозяйств в 2003 году в текущих ценах по всем категориям хозяйств составила 2468 млн. руб., в том числе по сельскохозяйственным организациям 1203,4 млн. руб.

Произведено сельскохозяйственной продукции на душу населения:

	2003	% к 2002 году	для справки в России
Молока	104,5 кг	97	232,7 кг
Мяса в убойном весе	14,8 кг	164	53,8 кг
Яйцо	188, шт.	108	254 шт.
Картофеля	177 кг	95	254 шт.
Овощей	45,9	128	105 кг

Удельный вес сельхозпродукции собственного производства в структуре потребления основных продуктов питания составил в %:

	2003	2002 год
Молоко и молокопродукты	52,8	52,1
Мясо и мясопродукты	29	21,6
Яйца	91	91
Картофель	98	99,8
Овощи	58,8	55,3

За счет собственного производства республика полностью удовлетворяет себя в потреблении картофеля и яиц.

В расчете на душу населения в 2003 году к уровню 1991 года потребление мясных продуктов сократилось на четверть, молочной продукции наполовину, яиц на треть. Если в 1991 году потреблялось на душу населения мяса и мясопродуктов 57 кг, то в 2003 – 45 кг, молока и молокопродуктов 373 и 197 кг, яиц 319 и 196 шт. В рационе населения натуральные продукты подменяются суррогатными, что в общей сложности сказывается на здоровье населения.

Республика Карелия обладает достаточными земельными, трудовыми ресурсами и производственным потенциалом, чтобы полностью удовлетворять потребность населения в овощах (капуста, морковь, свеклы) и картофеле, а также потребность населения по молоку и молокопродуктам на 70-80 % , яйцу – 100 % , мясу и мясопродуктам – на 45 %.

По данным государственного учета земель общая площадь земель сельскохозяйственного назначения в республике составляет 160,5 тыс. га, или 1 % территории республики.

В составе земель сельскохозяйственного назначения преобладают сельскохозяйственные угодья, площадь которых составляет 121,6 тыс. га (75 %). В структуре сельскохозяйственных угодий на долю пашни приходится 68,7 тыс. га, или 56 %. Значительная часть сельскохозяйственных угодий республики 70,9 тыс. га или 58 % это осушенные земли.

Главными пользователями этих сельскохозяйственных земель являются хозяйственные общества, государственные и муниципальные сельскохозяйственные организации и прочие организации, которым предоставлено для производства сельскохозяйственной продукции 82,2 тыс. га, или 68 %.

В пользовании крестьянских (фермерских) хозяйств находится 5,2 тыс. га сельскохозяйственных угодий (4%), в пользовании граждан 34,2 тыс. га (28 %).

Земли сельскохозяйственного назначения, используемые в сельскохозяйственном производстве, имеют устойчивую тенденцию к сокращению. За последние 13 лет сельскохозяйственные угодья сельскохозяйственных организаций сократились в 2,1 раза. В среднем на 1 сельскохозяйственное предприятие приходится 2167 гектаров сельхозугодий. При этом треть хозяйств имеют в своем распоряжении менее 1000 га.

Сельскохозяйственные угодья республики не отличаются плодородием. Для эффективной работы на карельской земле требуются значительные затраты, направленные на повышение и поддержание необходимого для развития растений количества питательных веществ и уровню кислотности.

Анализ состояния сельскохозяйственных угодий в настоящее время, оценка динамики качественных показателей земель дают основание говорить о снижении плодородия почв. Если в 1991 году вносилось минеральных удобрений в действующем веществе 215 кг на 1 га, то в 2003 году лишь 37 кг на 1 га, органических удобрений 15 тонн на 1 га, в 2003 году 4 тонны на 1 га. Из-за недостатка собственных средств и недостаточно оказываемой финансовой поддержки, сельскохозяйственные организации в последние годы почти полностью отказались от химической мелиорации земель. Если в 1991 году известковалось 18,3 тыс. га кислых земель, то в 2003- лишь 1,3 тыс. га.

Продолжают действовать следующие негативные процессы:

сокращение площадей осушенных земель, ухудшение их мелиоративного состояния и хозяйственного использования

интенсивное зарастание осушенных каналов и земель древесно-кустарниковой растительностью, ухудшение состояния сенокосов и пастбищ

увеличение площадей с кислыми почвами, на которых ограничивается сельскохозяйственное производство

резкое снижение объемов применяемых удобрений

снижение энерговооруженности сельхозтоваропроизводителей.

Все это приводит к ухудшению водно-физических, физико - химических свойств почвы и снижению их плодородия и, соответственно, к сокращению используемых сельскохозяйственных угодий.

Ежегодные объемы мелиоративных работ в республике до 1990 года составляли 5,6 тыс. га, что позволяло практически все осушенные земли содержать в удовлетворительном состоянии. Аграрные реформы привели к резкому сокращению денежных средств, направляемых на сохранение и повышение плодородия почв. С 1996 года мелиоративные работы сократились до 400-500 га в год, а известкование кислых почв снизилось с 18 тыс.га до 1-1,5 тыс.га в год. Это привело к тому, что 32% осушенных площадей требуют улучшения технического состояния осушительных систем, а на площади 20 тыс. га требуется проведение работ по раскислению почв. На проведение указанных мероприятий требуется дополнительно вложить не менее 80 млн. руб.

Федеральной целевой программой «Повышение плодородия почв России на 2002-2005 годы» предусмотрено выделение средств на коренное улучшение земель из федерального, республиканского, местного бюджетов и внебюджетных источников. К сожалению, выделяемые средства не могут коренным образом изменить ситуацию с плодородием сельскохозяйственных земель в республике.

Кроме того, из федерального бюджета на мероприятия по повышению плодородия почв выделяются средства только на объекты, находящиеся в федеральной собственности

(ФГУП ОПХ «Вилга» и ФГУП «Племсовхоз Сортавальский»). Поэтому для увеличения объемов по мелиоративным и агрохимическим мероприятиям в государственных, муниципальных сельскохозяйственных организациях и хозяйственных обществах республики необходимо значительное увеличение средств.

В республике выполнением работ по мелиорации земель занимаются 4 специализированных ПМК. Объемы выполненных работ за 2003 год - 400га, сумма освоенных средств - 21,6 млн. руб. Силами данных ПМК возможно ежегодно проводить работы на 1 тыс.га, но из-за отсутствия денежных средств работы не проводятся.

Известкование почв выполняется силами 3 специализированных организаций (ГП «Олонецсельхозхимия», ОАО «Агрохимия», ОАО «Сортавалаагросервис». Объемы выполненных работ за 2003 год 1,0 тыс.га при потребности в 3 тыс.га. Производственные мощности организаций по повышению плодородия почв используются лишь на 30-50%.

Отрасль растениеводства

Удельный вес растениеводческой продукции в общем объеме сельскохозяйственного производства составляет 26,7 %, а в 1991 году на долю растениеводческой продукции приходилось 30 %. Растениеводческая продукция - это в основном выращивание картофеля, овощей и производство кормов для животноводческой отрасли. Основную часть посевов занимают кормовые культуры, доля которых сократилась по сравнению с 1991 годом с 85% до 79 %. Удельный вес площадей занятых картофелем увеличился за тот же период с 12% до 17%, доля овощных культур на уровне 3- 4%.

В текущем году перед сельскохозяйственными организациями республики стоит задача вырастить 21,6 тыс. тонн картофеля и 9,3 тыс. тонн овощей, а также заготовить 49,7 тыс. тонн кормовых единиц для общественного стада.

У картофелеводства имеются неплохие перспективы для развития. Если в 90-е годы урожайность в хозяйствах населения была выше, чем в сельскохозяйственных организациях, то в последние годы благодаря внедрению прогрессивных технологий возделывания картофеля, применению элитных высокопродуктивных семян позволили увеличить урожайность картофеля в сельскохозяйственных организациях на 30 % к уровню 1991 года. Урожайность картофеля в сельскохозяйственных организациях составила 143 ц/га, у населения республики 136 ц/га, в фермерских хозяйствах 131 ц/га.

По урожайности картофеля наша республика занимает одно из первых мест на Северо-Западе страны. Чтобы сохранить достигнутые позиции необходимо продолжить государственную поддержку первичного семеноводства картофеля.

Увеличение производства овощей и картофеля сдерживается следующими факторами:

- отсутствие овощехранилищ у основных производителей овощей (в основном Олонецком районе);
- морально и физически устаревшая сельскохозяйственная техника;

- отсутствие современных технологических комплексов, позволяющих выращивать культуры от сева до уборки (из-за чего сельхозтоваропроизводители вынуждены привлекать дополнительно на уборочные работы до 4 тыс. студентов и школьников);
- несоответствие цен на реализуемую растениеводческую продукцию и приобретаемые материально-технические ресурсы (удобрения, технику, запасные части, горюче-смазочные материалы, средства химической защиты).

Одной из основных задач отрасли растениеводства является обеспечение животноводства кормами. Под кормовыми культурами занято 46 тыс. га, в том числе многолетними травами посева прошлых лет 41 тыс. га.

В связи с негативными процессами, происходящими за последние годы в сельском хозяйстве, было ослаблено внимание и к выращиванию многолетних сеяных трав, практически запущенно семеноводство трав, в недостаточных объемах велось перезалужение трав. Это привело к тому, что на значительной площади идет процесс вырождения сеяных трав, происходит замена травостоя малоценным составом. Резко снизилась урожайность многолетних трав. В настоящее время перед сельскохозяйственными организациями поставлена задача восстановить семеноводство злаковых трав, перезалужить старовозрастные травы, площади под которыми составляют 60%, увеличить площади высокобелковых культур, в том числе расширить посевы клеверов.

Отрасль животноводства

Животноводство является основной отраслью сельскохозяйственного производства республики.

Данные учета скота на 1 января 2004 года показали, что по сравнению с 1991 годом поголовье крупного рогатого скота сократилось в республике в 3 раза, в том числе коров в 2,4 раза. В сельскохозяйственных организациях сокращение поголовья шло опережающими темпами по сравнению с хозяйствами населения, к началу 1991 года поголовье крупного рогатого скота сократилось в 3,5 раза.

В 2003 году валовое производство молока в сельскохозяйственных предприятиях всех форм собственности составило 53,2 тыс. тонн, (или 68% от всего произведенного в республике молока), что на 0,5 % превышает уровень 2002 года. Увеличение объёма производства достигнуто за счёт значительного роста продуктивности коров. В 2003 году на фуражную корову надоено 3756 кг молока, это на 354 кг (10 %) больше, чем в 2002 году.

В трех сельскохозяйственных предприятиях республики продуктивность коров превысила уровень 5000 кг молока: ЗАО «Пряжинское» (5598 кг), ГУСП «Ильинское» (5184 кг) и подсобное хозяйство АО «Кондопога» (5329 кг). Ещё 11 предприятий имеют продуктивность свыше 4000 кг молока на корову.

На 1 января 2004 г. в племенную базу молочного скотоводства республики входит 5 предприятий. Лицензии федерального значения, выданные Департаментом животноводства и племенного дела России, имеют племенной завод ФГУП «ОПХ «Вилга» и 4 репродуктора – ЗАО «Пряжинское», ГУСП «Ильинское», ГУП «Мегрега» и ФГУП «Сортавальский». Средняя продуктивность по племенным хозяйствам составила 4784 кг молока на фуражную корову (+760 кг к уровню 2003 года).

На 1 июня 2004 года к соответствующему периоду прошлого года отставание по производству молока составляет 1030 т. Продуктивность коров с начала года увеличилась на 95 кг (1597 в 2003 г. и 1692 в 2004 г.). Суточный удой на корову за последнюю пятидневку в среднем по РК составил 11,1 кг. Наибольшее снижение допущено в ЗАО «Эссоила» - 651 т, в ОАО «А/к им. Зайцева» -325 т.

Ожидаемый удой в среднем на корову по результатам 2004 г. должен составить 4000 кг. По статистическим данным Минсельхозпрода РФ животноводство Карелии занимает 7 место по надою молока на фуражную корову среди регионов России.

Важной отраслью животноводства в республике считалось пушное звероводство. Но в последние годы значительно сократилось количество организаций, занимающихся звероводством. На период 2003 г. сохранилось поголовье зверьков лишь в 5-ти хозяйствах, а в 1991 году таких хозяйств было 19. Доля звероводства в общем объеме сельскохозяйственного производства сократилась с 27% в 1991 году до 7,8 % в 2003 году. За 1990-2003 годы поголовье норки уменьшилось в 20 раз, песца в 1,8 раз, лисицы в 2,2 раза.

Всего в республике за 2003 год выращено 49128 голов молодняка норки, что составило 3,8 щенка на штатную самку, 61952 головы молодняка песца, выход на самку - 7,6 щенка (107 %), а также 4222 головы молодняка лисицы, выход на самку - 3,8 щенка (92,2 %).

В 2003 году закончилось действие «Программы развития звероводства на 2000-2003 гг.». Осуществление данной Программы позволило сохранить в республике производство пушнины, рабочие места. Для поддержки звероводства было выделено 44 674 тыс. руб. при плане 58 274 тыс. руб. (77 %). За четыре года хозяйствами выращено 402762 головы молодняка зверей всех видов, что составляет 100,1 % к плановым показателям Программы.

В пяти звероводческих предприятиях завершилось щенение лисицы, норки, песца. Началась отсадка молодняка зверей. Результаты щенения будут подведены на 1 июля. Руководителями предприятий принимаются необходимые меры для закупа кормов. В 2004 г. ожидается получить 66420 голов молодняка зверей всех видов.

В сложных условиях функционирует отрасль птицеводства. Развитие этого направления в республике во многом было определено быстрым производственным циклом, меньшей трудоемкостью и приближенностью птицеводств к городам и районным центрам. Интенсивное развитие этой отрасли происходило в 1986-1990 годы, в

среднем за год производилось 6 тыс. тонн мяса, 251 млн. шт. яиц. Необходимые ресурсы потребления этих видов продукции формировались в основном за счет собственного производства в республике. Однако, начиная с 1993 года, положение в отрасли ухудшилось. По ряду причин продукция местных птицевладельцев оказалась недостаточно конкурентоспособной. Основными причинами являлись - высокая стоимость концентрированных кормов, составляющих в себестоимости яиц 80%, значительный завоз птицеводческой продукции из-за пределов республики.

В 2003 году птицеводством в республике занимались пять предприятий. За год произведено 137,4 млн. штук яиц и 2,3 тыс. тонн мяса птицы, что превышает уровень прошлого года на 8 % и 4 % соответственно.

Основным производителем яйца в Карелии являлось предприятие ОАО «Сунское», производящее почти 65 % от общего валового производства. В 2003 году этим предприятием произведено 88,9 млн. штук яиц (113 % к уровню прошлого года). Увеличилось по сравнению с прошлым годом производство яйца в ГУСП «Приладожский» - на 6 % (24963 тыс. шт. яиц за год), в ГУП «Кондопожская» - на 16 % (17901 тыс. шт. яиц за год). На эти предприятия приходится соответственно 18 % и 13 % от валового производства яйца в республике.

Самый крупный производитель мяса птицы в республике - ОАО «Корм» (бывшее ГУП птицефабрика «Петрозаводская»). В 2003 году данное предприятие произвело 1691 т мяса (73 % от валового производства в республике), что выше уровня прошлого года на 23 %. Остальной объем произведённого мяса птицы (640 т) приходится на птицефабрики яичного направления от выбраковки птицы по возрасту.

Из-за резкого увеличения стоимости комбикормов в 2004 году складывается крайне неблагоприятная обстановка в птицеводстве. Необходимо решать вопрос о дополнительной поддержке отрасли. В настоящее время решается вопрос о передачи птицефабрики «Кондопожская» в собственность ОАО «Кондопога». За пять месяцев 2004 года произведено яйца 30,3 млн. штук, что составляет 53% к уровню прошлого года (в результате остановки ОАО «Сунское»). Реализовано мяса птицы 1584 тонны или 205% к соответствующему периоду 2003 года (за счет убоя птицы на ОАО «Сунское»). поголовье кур – несушек 179,7 тыс. голов (37,0 % к 2003 году). Ожидаемое валовое производство яиц в 2004 г. 58,1 млн. штук, мяса птицы 3,2 т.

Острой проблемой для всех сельскохозяйственных организаций остается снижающийся уровень технической оснащенности и высокий износ сельскохозяйственной техники и оборудования. Норматив на 1000 га пашни гусеничных тракторов составляет 26,2 шт., фактически имеем 3 трактора, по колесным норматив – 17,2 шт., фактически - 15 тракторов. При этом необходимо учесть то, что износ тракторного парка составляет 78%, в т.ч. трактора марок К-701, ЮМЗ-6, Т-130. Т-170 имеют 100 % износ, Т-150 К - 92 %. В целом более 80 % сельскохозяйственной техники и оборудования имеют сверхнормативный износ, что непосредственно отражается на уровне готовности техники. На 09.06.2004 г. количество исправных тракторов составляет 70%, кормозаготовительной

техники 50%. Низкая платежеспособность сельскохозяйственных предприятий, несопоставимый рост цен на технику и другие ресурсы не позволяют обновлять машинно-тракторный парк в необходимом количестве. За 2003 год из эксплуатации выбыло в 4,5 раза больше машин и оборудования, чем поступило новых, хотя темпы списания по сравнению с предшествующими годами замедлились. Основным источником обновления машинотракторного парка в 2003 году явилась поставка техники и технологического оборудования на условиях республиканского лизинга, на который из республиканского бюджета было выделено 7 млн. рублей. Большая часть данных средств была направлена на закупку технологического оборудования для животноводческих ферм, обновление которого в последние годы практически не производилось. Сельхозтоваропроизводители получили охладители молока, доильные установки, кормораздатчики. Также сельхозорганизациям и фермерским хозяйствам были поставлены различные сельскохозяйственные машины: косилки, грабли, пресс-подборщики, картофелекопатели. Всего с учетом возвратных платежей в 2003 году поставлено техники, оборудования на сумму 11,8 млн. руб. девятнадцати лизингополучателям. За четыре месяца текущего года за счет возвратных лизинговых средств сельхозтоваропроизводители получили трактора МТЗ, автомобили ГАЗ-САЗ, охладители молока и другую технику на сумму 2,9 млн. руб. Возвратные лизинговые средства работают, позволяя в сложных финансовых условиях обновлять машинно-тракторный парк сельхозпредприятиям и фермерским хозяйствам, не имеющим возможности приобретать за полную стоимость дорогостоящую технику и оборудование. В связи с этим считаем необходимым, все возвратные лизинговые средства в текущем году использовать на закупку новых объектов лизинга (а не перечислять 15 % в бюджет РК, как настаивает Минфин). Необходимо также внести изменения в действующий Порядок использования средств республиканского бюджета, направляемых на приобретение отечественной техники на условиях лизинга, предоставив возможность получать по лизингу технику мелиоративным организациям и предприятиям системы "Сельхозхимия", а также возможность приобретать импортную технику и оборудование. Министерством такие предложения подготовлены.

В текущем году впервые из бюджета РК сельскохозяйственным организациям выплачиваются субсидии на частичное возмещение расходов по приобретению сельскохозяйственной техники и оборудования. За четыре месяца 2004 года сельхозорганизации за счет собственных средств закупили техники и оборудования на 3,2 млн. руб. и получили субсидии из бюджета РК в размере 954,0 тыс. руб. Однако данные темпы обновления техники крайне не достаточны.

В условиях сложного финансового состояния, для формирования эффективно функционирующего парка сельскохозяйственной техники, использования передовых технологий объективно требуется государственная поддержка технического оснащения сельского хозяйства. В связи с этим считаем необходимым рациональное использование всех возможных источников для обновления машинно-тракторного парка сельскохозяйственных товаропроизводителей. Это и лизинг, и льготные кредиты, а также

субсидирование приобретения техники субсидирование лизинговых платежей. Все данные предложения нашли отражение в подготовленных изменениях в республиканскую целевую программу “Развитие агропромышленного комплекса Республики Карелия на период до 2006 года” и в подготавливаемый Министерством сельского, рыбного хозяйства и продовольствия Республике Карелия проект Закона РК “О поддержке АПК”.

Министерство работает с сельхозпредприятиями по привлечению инвестиций в сельское хозяйство. Агрофирмой “Тукса” разработан хороший инвестиционный проект по внедрению новых технологий в овощное производство, с объемом инвестиций 34 млн. рублей. Проект получил согласование ОИВ РК и был направлен в конкурсную комиссию на получение бюджетного кредита РК в объеме 15 млн. рублей. Однако перевесом в один голос комиссия отказала в кредите. Мы расцениваем это, как отказ в доверии и в поддержке сельского хозяйства! На первом примере с инвестиционным проектом Агрофирмы “Тукса” мы хотели привлечь к активной работе в этом направлении другие сельскохозяйственные предприятия. Но сложившаяся практика приводит к мысли, что в этом вопросе без поддержки республиканского Правительства эта инициатива может остаться лишь в виде проектной идеи.

Несмотря на оказываемую поддержку со стороны Правительства Республики Карелия, функционирование сельскохозяйственного производства в настоящее время осуществляется в крайне сложных экономических условиях. Сельскохозяйственные организации испытывают острый недостаток собственных оборотных средств на 01.01.2004 года на сумму 533,4 млн. руб., и 575,4 млн. руб. на 01.04.2004 г., кроме того, кредиторская задолженность составляет 283 млн. руб., из которой 29% задолженность по платежам в бюджеты и внебюджетные фонды.

По итогам работы за 2003 год сельскохозяйственными организациями получен убыток в размере 26,2 млн. руб., при 16,4 млн. прибыли за 2002 год.

По итогам работы за 1 квартал 2004 года также получен убыток в размере 28,8 млн. руб., что на 23,3 млн. рублей превышает уровень за соответствующий период прошлого года

Удельный вес убыточных сельскохозяйственных организаций увеличился в 1 квартале 2004 года на 6,2%. Анализ платежеспособности сельскохозяйственных организаций показывает, что 20 организаций относятся к группе платежеспособных организаций, 2 организации имеют тенденцию утраты платежеспособности, 4 организации утратили платежеспособность, но имеют тенденцию ее восстановить, а 21 организация не платежеспособна (45% от всего количества сельхозорганизаций). Эта же тенденция сохраняется и в 2004 году.

Коэффициент текущей ликвидности большинства организаций составляет от 0,5 до 1,5 при нормативном показателе не менее 2, т.е. сельхозтоваропроизводители не способны гасить долги по первому предъявлению кредиторов. А такой коэффициент как обеспеченность собственными средствами в основном составляет 0,05 при нормативном

показателе более 0,1, т.е. оборотные средства в сельскохозяйственных организациях практически отсутствуют.

Полученная выручка от производственно-хозяйственной деятельности даже с учетом предусмотренной финансовой поддержки не покрывает производимые затраты в целом по всем сельхозорганизациям.

Выручка от продажи сельскохозяйственной продукции в 2003 году выросла на 26,6%, в сравнении с 2002 годом. Однако, себестоимость реализуемой сельскохозяйственной продукции за этот же период увеличилась на 36,5%, а в 1 квартале текущего года затраты возросли в общей сложности на 22,4% к соответствующему уровню прошлого года, выручка от реализации – на 11,1%. Таким образом, темпы роста себестоимости реализуемой сельскохозяйственной продукции значительно опережают темпы роста выручки.

В структуре себестоимости животноводческой продукции наибольший удельный вес занимают затраты, связанные с приобретением кормов; по молоку - 47%, в звероводстве – 61%, птицеводстве – 67%, свиноводстве – 60%.

В периоды весенне - полевых работ, заготовки кормов в отрасли растениеводства наибольший удельный вес в структуре затрат занимают затраты на горюче-смазочные материалы – 45%, 18% - запасные части.

А такие затраты как расходы на оплату труда в животноводстве и растениеводстве составляют от 12 до 18 %.

В настоящее время уровень заработной платы в сельскохозяйственном производстве в 2 раза ниже, чем в промышленности, и составляет 3287 руб. на работающего, в то же время в промышленности 6440 руб., в пищевой отрасли – 5601 руб.

Несмотря на то, что ряд сельскохозяйственных организаций имеют высокие производственные показатели по продуктивности коров от 3,5 до 5,5 тыс.кг по надою на корову ежегодно, однако, хозяйственно - финансовая деятельность этих организаций поставлена в прямую зависимость от внешних условий, которые особенно отражаются на деятельности сельскохозяйственных организаций в текущем году.

Как показывают результаты работы сельскохозяйственных организаций в 2003 году, отрасль животноводства без субсидий в целом нерентабельна. Рентабельность животноводства по организациям без учета субсидий отрицательная - 20,6 %, с учетом субсидий отрицательная - 4,1%.

Безудержный рост цен не только на концентрированные корма, но и на горюче-смазочные материалы, тарифы на электроэнергию, минеральные удобрения и т.д., не дают возможности сельскохозяйственным предприятиям работать эффективно. Так стоимость концентрированных кормов для крупного рогатого скота в 1 квартале 2003 года составляла 3,38 руб. за килограмм, то в 1 квартале 2004 года - 5,07 руб. (рост на 50%); горюче-смазочные материалы в 1 квартале 2003 года - 9,09 руб. за килограмм, в 1 квартале 2004 года - 11,97 руб. за килограмм (рост 31,7%), что вызвало рост себестоимости молока на 35 %, привеса крс на 34 %, яиц на 36 %.

В тоже время, цена реализации на молоко, мясо и яйцо увеличилась лишь на 11,1%.

Сельскохозяйственное производство Республики Карелия, как и всё российское село, переживает системный кризис, выразившийся, прежде всего, в низкой конкурентоспособности и высоких издержках аграрного производства; в снижении почвенного плодородия и генетического потенциала сельскохозяйственных культур и животных.

Увеличение стоимости энергоносителей, концентрированных кормов, минеральных удобрений, семян, а также неспособность большинства сельскохозяйственных организаций работать в рыночных условиях, привели к диспаритету цен, ослаблению защиты отечественных потребителей от ввоза импортной и из-за пределов республики продукции, и не всегда качественной продукции.

При увеличении объемов сельскохозяйственного производства и незначительном повышении цен на реализуемую продукцию, выручка от реализации не восполняет производственные расходы, а лишь усугубляет кризис сельскохозяйственных организаций. Практически во всех сельскохозяйственных организациях республики производство животноводческой продукции не рентабельно. В сложившихся условиях сельхозтоваропроизводители не в состоянии вести даже простое воспроизводство, своевременно выплачивать заработную плату, налоговые, неналоговые платежи.

Республиканской целевой программой «Развитие агропромышленного комплекса Республики Карелия на период до 2006 года» сельхозтоваропроизводителями предусмотрено произвести сельскохозяйственной продукции:

молока	54 тыс. тонн
мяса всего в живом весе	6,5 тыс. тонн
яиц	141 млн.шт.
картофеля	25,4 тыс. тонн
овощей	17,0 тыс. тонн

Для выполнения данной программы предусмотрена поддержка за счет средств Республиканского бюджета в размере 170,9 млн. руб. Однако в связи с тем, что изменились внешние условия функционирования сельскохозяйственного производства, в частности ценовая политика, возникает дополнительная потребность вложений финансовых средств.

Минимальная дополнительная потребность на выполнение программных показателей в сложившихся на сегодняшний день условиях составляет 158,1 млн. руб. На выполнение программных показателей в 2005 году потребуется поддержка в размере 367 млн. руб.

В заключение необходимо отметить такую важную роль сельскохозяйственного производства, как социальную необходимость его функционирования, что позволяет трудоустроить сельское население, а также обеспечить развитие перерабатывающей промышленности и самое главное, обеспечить население республики качественной и экологически чистой продукцией.

Соотношение городского и сельского населения России: национальный – региональный - локальный уровни

И. Конотева

Александровский институт
Университета Хельсинки
Хельсинки

Национальный уровень

На протяжении почти всего XX века процессы эволюции системы расселения на территории России отличались значительной стабильностью. До 90-х годов в стране продолжалась экстенсивная урбанизация, выражавшаяся в постоянном увеличении численности и доли городского населения. Но в 90-е годы указанные тенденции резко изменились. Численность городского населения страны стала сокращаться, а сельского – расти (примерно до 1995 года). Соответственно, увеличивалась и доля сельского населения. Во второй половине 90-х годов численность сельского населения пошла тоже на убыль.

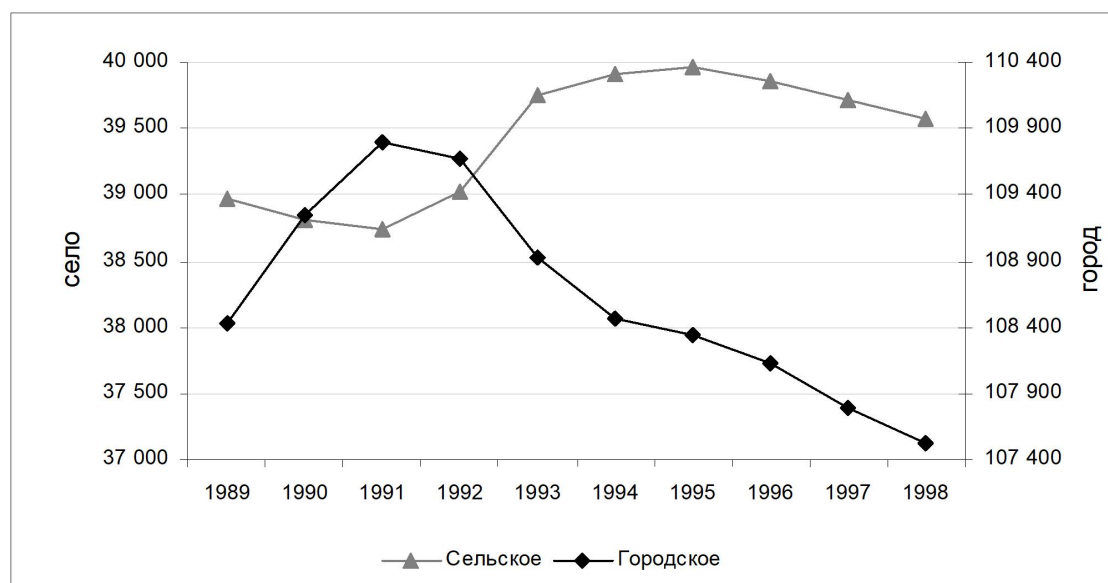

Рисунок 1. Население России, тыс. чел.

Как известно, численность городского или сельского населения может изменяться за счет трех компонентов: естественного движения населения, механического движения населения (миграций) и административно-территориальных преобразований городских населенных пунктов в сельские и наоборот.

Начиная с 1992 года в России наблюдается процесс естественной убыли населения, характерный как для городской, так и для сельской местности. Снижение демографического потенциала поселений вследствие естественной убыли населения

приводит к деформированию половозрастной структуры, особенно на селе, где преобладают женщины пенсионного возраста.

Миграционная подвижность населения также оказывает свое влияние на соотношение городского и сельского населения. В первые годы кризиса сельская местность, которая в то время была более устойчивой к социально-экономическим потрясениям, служила местом притяжения населения. Можно проследить два основных потока мигрантов. Первый - это переселение населения из города в село. Но миграции в данном случае чаще были межрайонными, чем внутрирайонными, например, с северных регионов европейской России, Сибири, Дальнего Востока в сельскую местность Центральной России. Второй поток - это переселение русскоязычного населения бывших республик Советского Союза. Будучи чаще горожанами, переселенцы селились в русских селах и малых городах, выбирая *жилье* вместо *работы* и *дешевизну* жизни вместо *заработка*.¹ Этому также способствовала нестабильность в городах и другие факторы.

Начиная с 1994 года основная часть переселенцев в Россию стала размещаться в городах. Исследования показывают, что те, кто ранее поселился в сельской местности и не смог адаптироваться там, стремятся найти возможности для переселения в город.² Отток городского населения в сельскую местность внутри России значительно сократился, так как люди начали постепенно адаптироваться к новым социально-экономическим условиям. Городские поселения вновь стали более привлекательными, чем сельская местность.

Административно-территориальные преобразования тоже оказали влияние на изменение соотношения городского и сельского населения России. В 90-е годы произошло уменьшение численности городского населения и увеличение сельского. На протяжении этого периода более 500 городских населенных пунктов России с людностью менее 3 тысяч жителей были преобразованы в сельские.

Таким образом, естественное движение населения и миграции приводят к депопуляции сельской местности. Несмотря на переход части городских поселений в ранг сельских, доля сельского населения увеличилась незначительно. В масштабах России это всего лишь 0,65 % населения страны.

Региональный уровень

Республика Карелия относится к типу регионов, характеризующихся сокращением населения вследствие естественной убыли и интенсивным оттоком населения, особенно из сельской местности. В Карелии, независимо от административных преобразований (о которых речь пойдет ниже), идет сокращение численности сельского населения на протяжении всех 90-х годов. Значительное снижение численности сельского населения наблюдались также и в 1959 – 1989 гг., главным образом за счет миграционной подвижности населения. За этот промежуток времени сельская местность потеряла около 154 тыс. человек (это вдвое превышает естественный прирост). Показатели естественного

движения населения Карелии отражают общую общероссийскую ситуацию. В 1992 году была впервые зарегистрирована естественная убыль населения; такая же ситуация сохранилась и по сей день. В сельской местности эти процессы проявляются более остро. Если в городских поселениях естественная убыль населения в 2000 году составила -6,5 %, то в сельской местности этот показатель почти в два раза выше (- 10,1 %).

Говоря о мобильности сельского населения можно отметить следующие особенности. Во-первых, мобильность сельского населения гораздо ниже, чем городского. Это связано с уменьшением интенсивности транспортных связей, особенно на периферии, что ведет к повышению территориальной обособленности поселений, автономизации населенных пунктов и территорий по отношению к другим территориям.

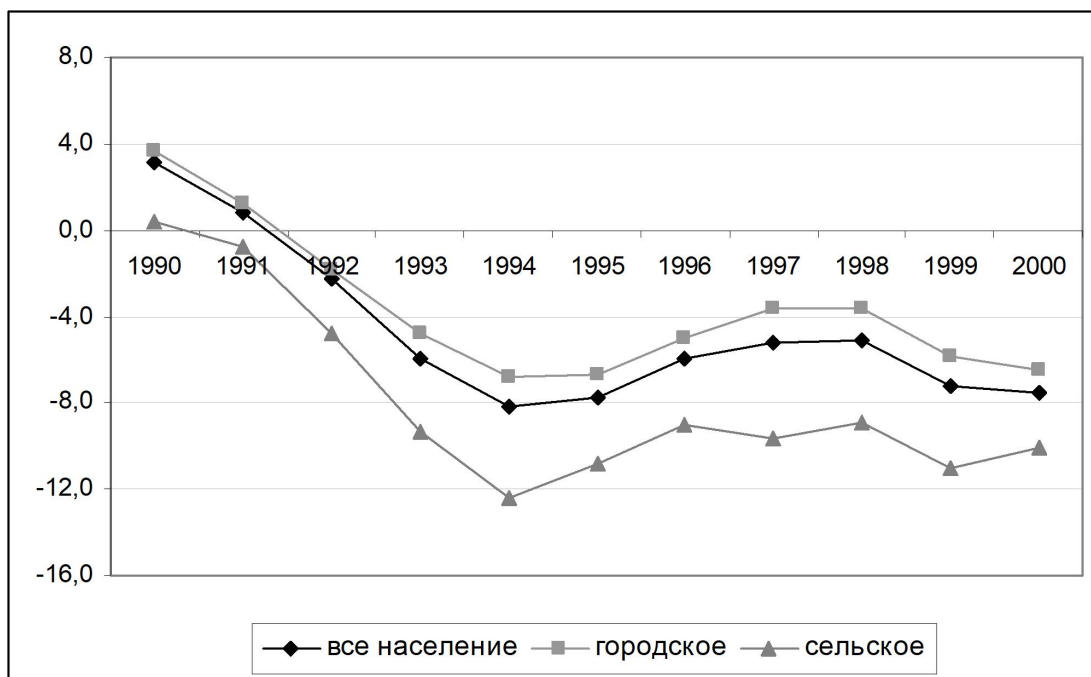

Рисунок 2. Естественный прирост/убыль населения Карелии на 1000 человек, %

Снижение уровня жизни, которое в сельской местности обусловлено, главным образом, резким снижением уровня зарплат, ведет к отсутствию средств на дальние поездки к родственникам, друзьям, к местам отдыха. Если в начале 90х годов уровень зарплат в сельском хозяйстве был сопоставим с уровнями зарплат в промышленности, торговле, на транспорте и даже был выше среднего показателя по Карелии, то к 2000 году ситуация резко изменилась. Сельское хозяйство «провалилось» за уровень средней зарплаты по Карелии и приблизилось к бюджетной сфере (медицине, культуре, образованию).

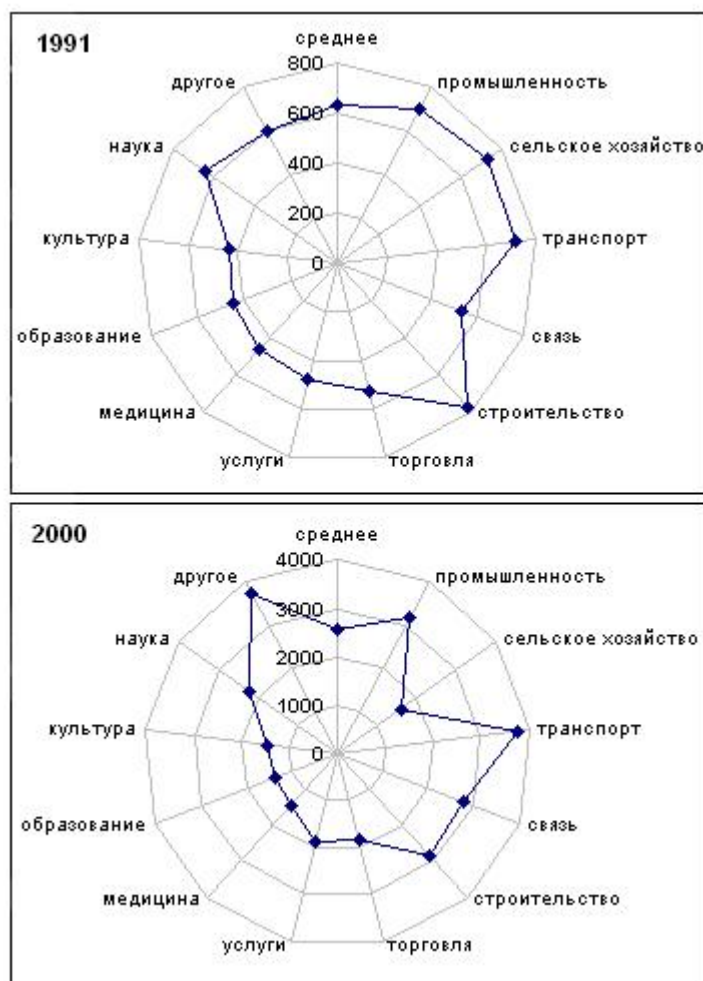

Рисунок 3. Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих в разрезе отраслей

Высокий уровень безработицы сказывается на уменьшении маятниковой миграции, сокращается количество поселений, для которых характерен данный тип миграции. Деградация социальной инфраструктуры (падение качества услуг, рост их стоимости) является фактором отсутствия мотивации посещения центров обслуживания.³ Объем бытовых услуг в общей структуре платных услуг в Карелии сократился с 31,5 % в 1991 году до 4,4 % в 2000 году. Например, в 8,5 раз сократились услуги по ремонту и строительству жилья, в 3,5 раза по ремонту и пошиву одежды, в 2,5 раза по ремонту бытовой аппаратуры. С другой стороны, в 2,4 раза увеличились расходы на ритуальные услуги (что связано с демографической ситуацией в России и Карелии), в 3 раза на транспортные (что связано не увеличением количества услуг, а с удорожанием транспортных расходов). Среди других причин ограничения миграционных потоков можно назвать изменения в половозрастной структуре населения, степень изолированности поселений и т.д.⁴

На региональном уровне нарастание контрастов между центром и периферией, между зонами депопуляции и роста становится видимыми. Происходит распад поля расселения на две части: жизнеспособную и деградирующую.

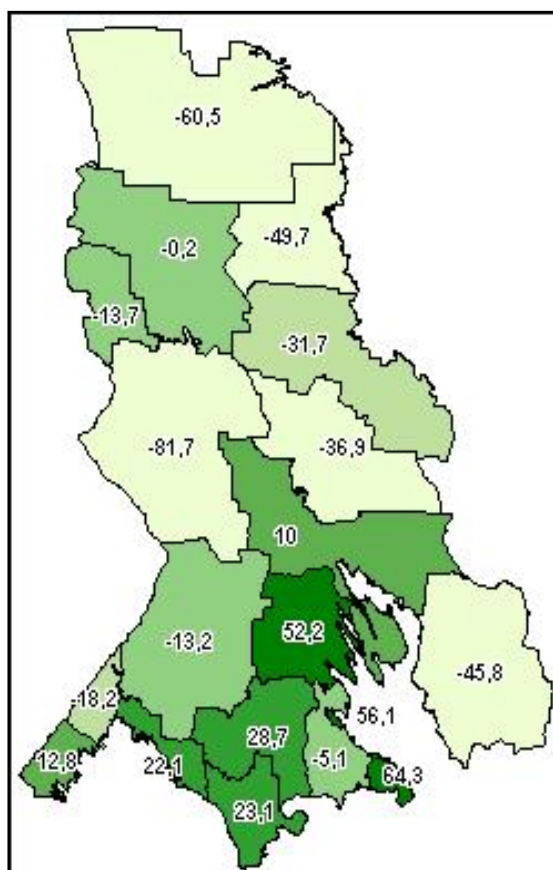

Рисунок 4. Коэффициент миграционного баланса в Республике Карелия, 1990 - 2000 гг., %

В 90е годы в Карелии прослеживаются те же тенденции, то и на протяжении предыдущих десятилетий: миграции населения из северных и западных районов республики (менее освоенных) в южные. Более привлекательными для мигрантов являются районы, расположенные в непосредственной близости к столице. Это Кондопожский, Пряжинский, Олонецкий районы и Веппская национальная волость. В этих районах наблюдается положительное сальдо миграции, как в городской, так и в сельской местности. Но миграции в целом не играют существенной роли в изменении численности населения в связи с незначительными показателями. В течение 11-летнего периода (1990-2000) миграционный баланс республики составил 10964 человека, из которых 15118 прибыли в городскую местность, 4154 – в сельскую.

В отличие от России, снижение численности сельского населения Карелии продолжалось на протяжении всего последнего десятилетия. Если на общероссийском уровне миграционный приток населения в середине 90-х превысил естественную убыль, то в Карелии эти оба фактора оказали влияние на снижении численности сельского населения. Только административные преобразования смогли снести вклад в увеличение его численности. В 1992 году 31 городское поселение (65,3 тыс. человек) перешло в разряд сельских. Позднее, в 1995, 1996 годах, еще два городских поселения поменяли свой статус. Для Карелии данный процесс имеет более значительный вес, чем в целом по

России (сравним, 0,65 % населения России и 9,5 % населения республики стало сельским). По всей видимости административные преобразования на территории Карелии еще будут иметь место.

Рисунок 5. Изменение численности сельского населения Карелии

В связи с этим для разграничения городских и сельских поселений в 1995 году в Карелии были выработаны дополнительные критерии отнесения населенных пунктов Республики Карелия к поселкам городского типа (см. табл. 1)⁵. Согласно этим критериям еще часть современных ПГТ может перейти в ранг сельских. Кроме того, разработано Положение о порядке отнесения населенных пунктов Республики Карелия к категории городских и сельских населенных пунктов.

Таблица 1. Нормативы (критерии) отнесения населенных пунктов РК к категории ПГТ

№ п/п	Нормативы (критерии)	Поселки городского типа
1.	Численность населения	<i>Основные факторы</i> От 3 до 10 тысяч человек
2.	Градообразующее население	Не менее 50 % трудоспособного населения заняты в промышленной, научной, коммунальной и несельскохозяйственной сферах.
3.	Инженерная инфраструктура (уровень коммунального благоустройства)	Не менее 30 % жилого фонда оборудовано централизованным водоснабжением, канализацией, теплоснабжением.
4.	Социальная инфраструктура	<i>Вспомогательные факторы</i> Не менее 10 % населения заняты в сфере обслуживания.

Разработанные Правительством Республики Карелия нормативы составлены не совсем корректно. Учитывая перечисленные в пункте 2 "сферы" занятости трудоспособного населения, непонятно, что подразумевается под несельскохозяйственной; вызывает сомнение наличие в поселках городского типа научной сферы. В пункте 4 смешиваются понятия социальной инфраструктуры и сферы обслуживания.

Локальный уровень (на примере Пряжинского района)

Нарастание контрастов между центром и периферией, между зонами депопуляции и роста хорошо видно и на локальном уровне. В системе расселения Карелии происходят необратимые процессы сокращения поля расселения, увеличения количества пустующих деревень. Только в течении нескольких лет (1996 – 1998) количество таких деревень в Карелии увеличилось с 87 до 92. Количество деревень с числом жителей от 1 до 5 увеличилось от 100 до 120. В Пряжинском районе по данным Госкомстата республики 7,3 % деревень от общего количества сельских поселений района являются пустующими, еще 15,8 % деревень – это деревни с численностью населения до 5 жителей. Оставшиеся жители таких деревень остались социально незащищенными, брошенными. Эту группу деревень можно назвать "переходные к пустующим". (Хотя если сравнивать сходные процессы с другими российскими регионами, то можно сказать, что в Центральной России эти проблемы более острые. Например, в Брянской области в течение 12 лет (с 1989 по 2001) количество сельских населенных пунктов сократилось на 8 %⁶.)

Деревни с численность населения от 6 до 50 жителей можно отнести к вымирающим. Таких в районе 33 (55,9 % от общего числа сельских поселений), из них 27 деревень имеют количество жителей менее 25. Чаще всего это однофункциональные поселения или поселения, являющиеся только селитебной территорией и не выполняющей никаких социальных или экономических функций; они полностью зависят от других населенных пунктов: крупных сельских или городских. Сельские поселения теряют социально-экономические функции, транспортные связи. Экономическая основа – самозанятость людей в личных подсобных хозяйствах. Низкий демографический потенциал продолжает снижаться вследствие естественной убыли, происходит деформирование половозрастной структуры населения.

Малые села (51 - 200 жителей, 17 % поселений) так же как и предыдущая категория теряют свои социально-экономические и организационные функции. Поселения этой группы являются источником пополнения предыдущей группы поселений. Средние (201 - 500 жителей, 10,9 %), большие (501 – 1000, 3,6 %) и крупные (более 1000, 4,8 %) села более устойчивы. Они являются узловыми элементами системы сельского расселения. Снижение численности населения в них сдерживается механическим притоком.

Таким образом, основным элементом системы расселения являются очень малые населенные пункты с численностью населения до 50 человек. Они составляют более 70 % поселений района и являются наиболее неустойчивыми элементами системы расселения. Главной причиной депопуляции сельской местности Пряжинского района является естественная убыль населения. Миграционная подвижность практически не влияет на снижение численности населения (см. таблицы 2-3).

Таблица 2. Миграционный баланс пгт Пряжа, человек

	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Численность населения		4500	4500	4500	4500	4400	4300	4300	4300	4300	4300
Прибыло	444	320	344	216	298	214	113	120	117	116	110
Выбыло	525	402	269	240	211	196	128	104	86	118	95
Миграционный баланс	-81	-82	75	-24	87	18	-15	16	31	-2	15

Таблица 3. Миграционный баланс сельского населения Пряжинского района, человек

	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Численность населения	13400	1320	13200	13000	12800	15500	15400	15100	15000	14800	14600
Прибыло	587	572	511	365	418	364	503	449	380	393	364
Выбыло	597	478	343	366	376	319	404	363	351	345	401
Миграционный баланс	-10	94	168	-1	42	45	99	86	29	48	-37

Но миграционная подвижность населения по-разному проявляется в разных типах поселений. Например, выход мигрантов из малолюдных деревень незначителен, поскольку там преобладает "маломобильные" пенсионеры. Не столь интенсивен отток населения и из ряда крупных сел, расположенных на основных автотрассах и сохранивших в значительной степени учреждения социальной инфраструктуры. С другой стороны, большой отток характерен для малых и средних населенных пунктов, потерявших часть своих административно-хозяйственных функций.

Но миграции оказывают и другое негативное влияние на жизнь села. Для сельских населенных пунктов характерен "промывной" миграционный поток. Местное население перемещается в города, а на их место приходит поток внешних мигрантов. В результате состав поселения постоянно меняется, что приводит к разобщенности сельского социума. В традиционном сельском обществе малое количество людей восполняет общее социальное поле человека. В настоящее время происходит разрушение этого поля.

Таким образом, одни и те же процессы: естественное и механическое движение населения, административные преобразования – оказывают разное влияние на соотношение городского и сельского населения, на формирование системы расселения на разных уровнях. На общероссийском уровне миграционные процессы оказывают более существенное влияние на демографическую ситуацию в стране, чем естественное движение. На региональном уровне (на примере Республики Карелия) более существенным фактором является естественное движение населения. За период с 1990 по 2000 год республика потеряла более 40 тыс. человек вследствие естественной убыли населения. На локальном уровне естественное движение населения также играет существенную роль в изменении численности населения, как и на региональном. Миграционные процессы не влияют на динамику численности населения, но приводят к разобщению сельского социума.

Литература

1. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Теория «дифференциальной урбанизации» и иерархия городов в России на рубеже XXI века. / Проблемы урбанизации на рубеже веков. Москва, 2002. С.80.
2. Миграции и урбанизация в СНГ и странах Балтии в 1990-е годы. Москва, 1999.
3. Филатов А.Н. Территориальная подвижность сельского населения некоторых районов Центральной России в 80-90е годы. Вестник Московского Университета, серия 5. География. 2002, №2, стр. 51-54.
4. Pacione M. Rural geography. London, 1984.
5. Основными критериями являются людность поселения и преобладающая занятость вне сельского хозяйства (85 % для городов).
6. Куница М.Н. Трансформация сельского расселения Брянской области. // Вестник Московского университета, серия 5. География. 2002, № 4, с. 56 – 61.

Малое и среднее предпринимательство в Карелии

Й. Никула

Александровский институт,
Университет г. Хельсинки

Введение

С самого начала 1990-х годов существовала твердая уверенность в позитивной роли частного предпринимательства в бывших социалистических странах. Наличие сильного среднего класса виделось предпосылкой для развития современного общества. Средний класс казался необходимым с политической, социальной и экономической точек зрения, т.к. он обеспечивает стабильность и преемственность во всех областях.

Много надежд, связанных с формированием прочного среднего класса, относилось к появлению частных предпринимателей и фермеров. И действительно, одним из наиболее заметных результатов преобразований постсоветского общества стал быстрый рост числа малых частных предприятий. Ожидания были велики с первых дней реформ, многочисленные исследования подтвердили, что значительная доля людей, желающих начать частный бизнес, также поддерживает процесс приватизации государственной собственности за исключением социальных услуг и других социально значимых областей, таких как энергетика. Правительства постсоветских государств также поддерживают возрождение частного предпринимательства, по крайней мере, концептуально.

Общим элементом представлений о предпринимательстве является довольно упрощенная вера в существование почти идеальных рынков и объективного, расчетливого предпринимателя: *«идеальный(ая) типичный(ая) предприниматель/фирма в центре модели неоклассического рынка - это не имеющий корней независимый субъект, производящий беспристрастно и обезличенно каждую рыночную операцию»* (McIntyre 2001, 3). МакИнтайр также заявляет, что такого рода теория представляет веру в *«своего рода автоматизм рынка, который ведет к массовому появлению успешных семейных малых и средних предприятий, прозрачной и конкурентной приватизации крупных предприятий, так что результатом всего этого будет система, которая появляется и функционирует в почти идеальных условиях конкуренции (которой нет нигде в Западной Европе)»*. В данной работе я представляю предварительный анализ положения и функций частного предпринимательства в сельской местности России, в особенности в Республике Карелия. В первой части работы дается краткий обзор исследований российского предпринимательства, проведенных за последнее десятилетие. Вторая часть работы посвящена анализу ключевых характеристик малых и средних предприятий Карелии, последняя часть содержит анализ социально-экономической роли данных предприятий в местной экономике.

1. Развитие частного предпринимательства в России

Радаев (2001) выделяет четыре стадии развития частного предпринимательства в России. Начальный период имел место в конце 1980-х, когда появились законы, позволяющие осуществлять разного рода негосударственную экономическую деятельность. Первым в ряду законов стал закон об «Индивидуальной трудовой деятельности» (1986), вторым – «Закон о кооперации СССР» (1988). Эти законы обеспечили быструю и спонтанную приватизацию государственной собственности, процессу, который Саймон Кларк и др. (1994) охарактеризовали как «перекачивание общей собственности». Результатом стал быстрый рост частных малых и средних предприятий¹, который поддерживался дефицитом частных услуг и потребительских товаров (Радаев 2001, 2).

Второй этап занимает период с 1992 по 1994 гг., когда основой развития была государственная программа приватизации муниципальной собственности, состоящей из объектов розничной торговли, общественного питания и т.д. Также были предприняты некоторые меры в законодательстве для поддержки сектора малого и среднего предпринимательства (МСП), например, введение налоговых льгот, значительно способствовавших росту сектора малого и среднего предпринимательства. Однако Радаев отмечает, что несмотря на многочисленные усилия создать институциональную инфраструктуру для поддержки МСП, результаты на федеральном и региональном уровнях были довольно ограниченными: *«система поддержки МСП создана не была»* (Радаев 2001). Быстрый рост остановился в конце 90-х годов после внедрения более жесткого финансового законодательства, которое увеличило налоги и затруднило получение МСП кредитов. Результатом этого процесса стал рост задолженностей и снижение инвестиций. Третий этап, с 1995 по 1997 г., характеризуется серией попыток федеральных и региональных властей создать систему поддержки этого сектора и законов, направленных на развитие малого и среднего бизнеса. С другой стороны, этот период ознаменован явным замедлением роста данного сектора. По мнению Радаева, это означало определенную стабилизацию МСП, которая имела место до последних лет (Радаев 2001, 3). Дефицит услуг и товаров, который ранее служил платформой роста сектора МСП, был преодолен к середине 1990-х гг. Наиболее быстро растущей деятельностью данного сектора стали финансовые спекуляции, *«сформировавшие группу посредников, которые осуществляли взаимные расчеты и поддерживали цепи бартерных сделок»* (Радаев, 2001, 4). Другую группу составляли фирмы, производившие товары и оказывавшие услуги, удовлетворявшие потребности на местном уровне. Значительная часть представителей этой группы была финансово неприбыльной и действовала в теневой экономике. Заключительной стадией становления МСП был 1998 год и последующий период, когда экономический кризис разбил надежды на устойчивый рост данного сектора и институциональную поддержку, которая необходима до сих пор. В настоящий момент

¹ Радаев пишет, что количество кооперативов выросло пятикратно в период между 1988 и 1991

количество МСП в России составляет около 900 000 – 1 миллиона, больше половины которых работают в сфере услуг, торговли и общественного питания; каждое пятое предприятие занимается строительством и около одной десятой – производством (Бархатова 2000, 1; Радаев 2001, 8). Данные цифры представляют собой грубую оценку, основанную на официальной статистике, которая не учитывает большую группу «неофициального предпринимательства». Эта группа занимается мелкой торговлей и выполнением сдельных заказов.

2. Конфликтующие тенденции в развитии МСП

Многие черты российского предпринимательства демонстрируют несостоятельность традиционных мнений о факторах, влияющих на развитие сектора МСП. Кратко, в соответствии с аргументами Радаева (2001), эти черты или тенденции включают в себя следующее.

- Неблагоприятная макроэкономическая обстановка и денежная политика оказали крайне слабое влияние на рост данного сектора, и наоборот, наиболее быстрый рост имел место как раз в том момент, когда предпосылки для этого были наихудшими, в 1992 – 1994 гг.
- Недостаток институциональной поддержки или ее отсутствие, не помешали быстрому росту сектора МСП, росту, который закончился, когда были созданы системы институциональной поддержки и сформирована соответствующая политика.

Обе эти черты означают, что многие малые и средние предприятия росли спонтанно на основе «частного» начального капитала или при использовании прорех законодательства о приватизации. В этом отношении процессы в России мало отличаются от аналогичных процессов, например, в странах Балтики. Роль институциональной поддержки, наверное, не имеет однозначной оценки: с одной стороны, структуры поддержки и политика используются теми предприятиями, которые отвечают определенным критериям с точки зрения платежеспособности и уровня организации их бизнеса. С другой стороны, также вполне может быть, что при ужесточении регулирования бизнеса часть из них ушла в тень, в то время как часть совсем покинула рынок. Присутствовали и другие факторы, влиявшие на рост сектора МСП. Среди них исчезновение ряда условий, благоприятствовавших МСП, таких как налоговые льготы, более либеральное регулирование цен и зарплат наряду с развитием масштабной приватизацией, - их исчезновение поглотило значительную часть финансовых и трудовых ресурсов сектора МСП (Радаев 2001, 6).

3. Малые и средние предприятия в российской экономике

Даже при том условии, что российская экономика стабилизировалась после финансового кризиса 1998 г. и росла в течение нескольких лет, социальная значимость малых и средних предприятий остается минимальной.

В течение предыдущего десятилетия, с 1994 г, количество МСП остается практически неизменным и периферийным² с точки зрения занятости населения. По результатам исследования Российского ресурсного центра МСП и USAID (Агентство США для международного развития), почти 55% работающего населения страны заняты на крупных предприятиях (с количеством работников более 500). В Европе и в США идентичный показатель лишь немного превышает одну треть. В России на средних предприятиях (250-300 работников) занято 23% работающего населения, а в малых предприятиях, включая ЧП, - 10%. (Роль и место малого и ... 2003, 19). Доля МСП от общего количества предприятий России не отличается от международного среднего уровня, и колеблется между 93 и 96 процентов в зависимости от основания расчетов. В структуре МСП частные предприятия занимают 55%, за ними следуют средние предприятия (25%) и малые предприятия (10%). Фермерские хозяйства представляют малую долю по стране, их наибольшее количество сосредоточено в южных регионах, и наименьшее – в центральной части страны. С точки зрения эффективности, измеряемой долей продаж-доходов, МСП в России работают хуже, чем их аналоги в западных странах: доля доходов МСП была 39 % в 2002 г., в то время как аналогичный показатель по Европе составил 57 %. Наибольшая доля приходится на крупные предприятия (61%), в секторе МСП на малые предприятия пришлось 21%, а на средние – около 16%. Частные предприятия получили наименьшую долю объемом в 2%. И наконец, с точки зрения рентабельности порядок остается таким же: крупные предприятия – самые рентабельные при расчете доходов от продаж на одного работника. Малые предприятия были почти настолько же рентабельны, как и крупные предприятия, и гораздо более рентабельны по сравнению со средними, не говоря уже о частных предприятиях, рентабельность которых в десять раз меньше по сравнению с малыми предприятиями (Роль и место малого и ... 2003, 19). По данным Госкомстата, прибыльность МСП в России резко упала с 1999, а прибыль на одного работника сократилась почти вдвое за период 1999-2001, но в то же время производительность вдвое возросла (Новости статистики МСП, декабрь 2002).

Проблемы развития МСП

Наиболее распространенные и типичные проблемы развития малого и среднего бизнеса широко исследованы, и по данному вопросу достигнут определенный консенсус. Например, Радаев (2003) отмечает тяжелое налоговое бремя, бюрократические препоны, частые проверки и другие формы притеснения. Бархатова (2000, 1) полагает, что «*в России вся система государственного регулирования представляет собой бесконечную лестницу, в которой каждая ступенька – это препятствие, подталкивающее малого предпринимателя бросить бизнес*». Проблемы получения кредитов и пробелы в законодательстве продолжают занимать высокое место в иерархии наиболее сложных проблем. Московский центр экономических и финансовых исследований совместно с

² По данным OECD (Организации экономического взаимодействия и развития), количество занятого население оставалось стабильным до конца 1990-х а впоследствии снизилось

Мировым банком и USAID провели два раунда мониторинга развития малого предпринимательства в России. Первый раунд был проведен весной 2002, а второй – осенью того же года³. Результаты показывают, что имеют место определенные улучшения в том, как с малым бизнесом обращаются чиновники. Главным образом это обусловлено новым законодательством по лицензированию и инспектированию. В любом случае, отчет о данном исследовании указывает, что несмотря на эти улучшения, административная нагрузка остается тяжелой по всем направлениям бюрократических процедур: регистрация, лицензирование, инспекция и сертификация. Основной причиной тяжести нагрузки является низкий уровень соблюдения законов, и положение разительно отличается по регионам. В общем, исследование выявило, что деловая среда за последние два года улучшилась, и растущая конкуренция заменяет административное регулирование.

Одним из наиболее часто упоминаемых препятствий для МСП называется кредитная политика большинства банков.

Исследования (Бархатова 2000, Косонен и др. 2003) и опросы представителей власти (Мелин и Никула 2004) показывают, что банки неохотно финансируют малый бизнес, а их требования к платежеспособности нереалистичны, что означает, что банки стараются избежать рисков всех уровней. Например, все ведущие политики и руководители в Карелии в один голос согласились с тем, что самой большой проблемой развития частного предпринимательства в Карелии является уже не налоговое бремя, а неадекватное отношение банков к малым и средним предприятиям. Процентная ставка для малых фирм обычно превышает 18%, что в большинстве случаев неприемлемо для предпринимателей. Бюрократические препоны представляют серьезную проблему и в Карелии, власти требуют 30 разных разрешений и лицензий до того, как предприятие может быть официально зарегистрировано (Мелин и Никула 2004).

Все эти факторы способствуют развитию полуправового «теневое» предпринимательства, которое выпадает за рамки юридического и финансового контроля. Типичным представителем такого предпринимательства является «челнок», человек, который торгует дешевой одеждой и другими товарами на рынках. Такие люди находятся за пределами административного контроля, а также вне любой формы защиты от преследования, например, от шантажа. Предпринимателю для выживания и функционирования его фирмы может потребоваться открытое или скрытое нарушение законов и норм. Это включает двойную бухгалтерию, «черную» зарплату, уклонение от уплаты налогов и пренебрежение правилами и нормами, касающимися, помимо прочего, труда. Можно найти многие причины этого феномена, но главным образом стоит вопрос

³ Исследования охватили 2000 фирм в 20 регионах страны

доверия любым властям. От властей ничего не ждут, кроме больших налогов, возрастающего груза правил и норм, которые только мешают развиваться⁴.

Предпринимательство в Республике Карелия

Республика Карелия стоит далеко не на последнем месте по развитию МСП в стране, здесь сектор МСП дает больше рабочих мест, и он более производителен по сравнению с аналогичными показателями по России в целом. Производительность высока в лесных и рыболовецких предприятиях. Экономическое положение сектора трудно оценить из-за процветающего уклонения от налогов и теневой экономики (Йууриккала и Кархунен, 2003). В среднем экономическая структура МСП соответствует общефедеральной.

Таблица 1. Доля МСП по направлениям деятельности (%)

	Торговля и общ. питание	Промыш- ленность	Строи- тельство	Транспорт	Другое
Карелия	46.7	17.6	11.1	3.3	21.3
Россия	47.1	13.2	13.1	2.4	24.2

(источник: Йууриккала и Кархунен, 2003)

Внутреннее деление МСП в Карелии также не сильно отличается от среднего по России, как видно из таблиц 1-3, представленных в приложении. Карельские малые предприятия более продуктивны по сравнению со среднероссийскими показателями, они также более продуктивны, чем крупные предприятия, в отличие от положения по России в целом.

И, наконец, карельские МСП не отличаются от МСП других регионов России, их деловая среда настолько же сложна и трудна. Как пишут Йууриккала и Кархунен (2003, с.6): *«институциональная среда МСП довольно слаба. Наибольшие проблемы для развития сектора вызывают административные барьеры, такие как сложный порядок регистрации, большое количество лицензий и разрешений, а также проблемы с таможней»*.

В списке препятствий для развития сектора они также упоминают несовершенную налоговую систему и нехватку кредитных средств. Для того, чтобы проиллюстрировать перечисленные выше проблемы и тенденции, я опишу четыре разных карельских МСП. Практически для всех из них общую важность имела структура общественных связей: с иностранными (финскими) партнерами или друзьями, или контакты с местной администрацией. Второй четко выраженный момент - это крайне незначительная роль, которую играют администрации любого уровня в бизнесе МСП. Как сказал один из опрошенных: *«они (администрация) обращают внимание только на крупные предприятия, у которых есть деньги, и которые, конечно же, могут взять кредиты»*. Местные администрации, однако, имеют какое-то значение, так как они могут способствовать или

⁴ Браун и др. (2004) полагают, что главный стимул роста МСП – это доступ к внешним кредитам, а не навыки предпринимательства или прочие факторы, связанные со средой бизнеса.

препятствовать развитию предпринимательства с помощью различных административных механизмов. Исследования также показали отсутствие необходимой институциональной инфраструктуры, такой как банки и услуги консультаций.

Малые и средние предприятия Карелии: материалы исследования

Исследование 1: Хозяин бара⁵

Александр чуть больше тридцати, он родом из Ленинградской области. Планы и мечты он вынашивал уже с советского периода, и его мечта осуществилась десять лет назад. Изначально у него и его жены был только придорожный фургон, и по мере того, как их точка становилась все более популярна среди туристов и водителей, предприятие расширилось до масштаба кафе, и теперь оно располагается в настоящем здании. Жена хозяина кафе имеет образование по специальности ресторанное дело, полученное в Санкт-Петербурге. Ниша этой семьи на рынке – блюда высокого качества: *«люди ждут хорошего обеда из трех блюд, наши люди в любом случае не привыкнут к пиццам»*.

Другой элемент их оригинальной бизнес-идеи – это сервировка блюд без какого-либо алкоголя. Они хотят сохранить свое заведение в виде респектабельного кафе и избежать риска превратиться в обычный пивной бар, в котором бы проводили время местные алкоголики. В этом кроется причина того, что у хозяина нет настоящих конкурентов на данной территории, так как у других баров противоположная стратегия: *«Некоторые люди обращают много внимания на дизайн, хотя качество пищи не очень высокое, в то время как другие хотят расслабиться вечером и чего-нибудь выпить»*.

Хозяин кафе не брал и не желает брать банковских кредитов (*«Никто здесь кредитов не берет! Получить кредит очень сложно»*), а финансировал свой бизнес из своих сбережений. В начале были предложения получить «крышу» от некоторых группировок, и было много серьезных ситуаций, когда приходилось вызывать милицию, но эти проблемы разрешались без ущерба, и хозяин убедил «гостей» охранять самих себя. В последнее время ситуация стала спокойной, потому что *«рэкетеры предпочитают тех, кто получает прибыль»*. Административные притеснения не представляли никакой серьезной проблемы для этого предпринимателя, так как, по его словам, в основном эта проблема стоит в городах, а не в сельской местности, где практически все знают друг друга. Он соглашается, что *«администрация не вмешивается в наш бизнес»*, но экономические условия были бы лучше, если бы снизились налоги на предприятия обслуживания, а существующая налоговая политика не оставляет шансов для развития бизнеса. Отношение Александра к государству и местной администрации очень типично для предпринимателей сектора МСП: *«нам не нужна ничья помощь, нам надо, чтобы государство оставило нас в покое... Правительство должно сформировать экономическую политику, которая бы давала определенные возможности, потому что если невозможно брать кредиты, то и налоги должны быть снижены»*.

Его мнение сходится с мнением другого предпринимателя, который заявил: *«В ситуации отсутствия финансовых ресурсов главный принцип местных администраций – не нарушать работу предприятий. Как местные власти могут помочь бизнесменам? Только советом. Приходишь, и никто в местной администрации, по-моему, не*

⁵ Все имена, данные в этом исследовании, вымышленные.

откажется тебе помочь. А финансово? Для таких целей нет средств. Как в такой ситуации мы можем оценить роль местных администраций в развитии малого бизнеса? По крайней мере, они нам не мешают!»

Без соответствующих финансовых ресурсов местные органы власти могут только помочь предприятиям подготовить и зарегистрировать бумаги или ускорить процесс подачи документов, а также выделить лесные ресурсы для населения и предприятий.

Исследование 2: Хозяин строительной фирмы

Вадиму почти 40. Он женат и имеет дочку подросткового возраста. Он родился в Туле и переехал, когда его жену отправили на работу по распределению после вуза. Он окончил профессиональное училище, затем учился на инженера в политехническом институте. По окончании вуза он несколько лет работал преподавателем в местном профессиональном училище. Из-за низкой преподавательской зарплаты он прекратил педагогическую карьеру и пошел на хлебозавод менеджером по продажам. Директор хлебозавода в то время открыл свою фирму по продаже одежды и обуви, импортируемой из Турции, и разместил ее в помещениях «головной компании». Это вызвало конфликты с директором ЦБК, который был владельцем хлебозавода. Директору хлебозавода пришлось уволиться и стать частным предпринимателем. Вадим ушел с ним и начал работу с продавца пиццы и выпечки. Очень скоро, когда фирма взяла на вооружение стратегию разносторонней деятельности, она расширилась по абсолютно новым направлениям: открылся спортзал, бар и выставочный зал для местных художников. Однако директор фирмы ушел сначала в местную, а потом и в государственную политику, и фирма осталась в руках его жены. Ее предпринимательские способности оставляли желать лучшего, и через два-три года фирма обанкротилась.

Это было и личной потерей для Вадима, который в то время был коммерческим менеджером фирмы. Он остался без работы на год. Так как он ранее сотрудничал с бывшим директором хлебозавода, его не пускали работать на ЦБК.

Первая попытка самому стать предпринимателем в области детской одежды не привела к успеху, так как банк отказал ему в предоставлении кредита. Вадим получил бы кредит, если бы организовал фирму, и они проработала какое-то время. Следующей идеей было основание бизнес-клуба для местных бизнесменов для их общения и оказания взаимопомощи. И эта идея потерпела фиаско по той же причине, что и первая. Затем Вадим устроился на работу на ферму на пару месяцев, после чего вернулся работать преподавателем в местную гимназию. В свободное время он делал ремонт для частных лиц и стал совладельцем небольшой фирмы, занимающейся ремонтом помещений. С 2001 г. он стал частным предпринимателем и занимается строительством, у него три работника и 2 уборщика по совместительству.

Своим работникам он платит зарплату в 2-3 раза выше, чем отражено в бумагах, официально он выплачивает зарплату только в течение трех летних месяцев. Его основная проблема – это нехватка фондов, он не может позволить себе купить или построить склад

для материалов, потому что банки не дают ему кредит, а городская администрация не хочет никак поддерживать малые предприятия. В интервью мэр города сказал: *«для нас самое важное – это ЦБК, малые предприятия не важны для города, они дают работу только своим хозяевам, никому больше».*

Исследование 3: Хозяин гостевого дома

Сергею за сорок, он женат и имеет двух детей. Он был директором муниципального туристического агентства, основанным местной администрацией. Бывший директор туристического агентства убедил Сергея самому стать директором и заняться развитием туристической отрасли в районе. Достаивать бывший Дом культуры было предложено одному предпринимателю, и агентство инвестировало все средства в реконструкцию здания. Ранее главным препятствием развития туризма было то, что туристическое агентство не могло предложить услуг по размещению туристов. Туристы размещались в семьях, и поэтому было принято решение строить жилое здание, и только потом заняться развитием туризма. Сергей стал директором в сентябре 2000 года, и в декабре агентство начало реконструкцию здания. В мае 2002 г. уже принималась первая группа из Швеции. Агентство сотрудничало с туристическим агентством из Петрозаводска, которое помогало находить клиентов и занять место на рынке.

Гостевой дом – это семейный бизнес, а местная администрация является только владельцем туристического офиса и не вкладывало никаких денежных средств в реконструкцию гостевого домика. Хозяин занимает двойную должность в местном туристическом бизнесе: как директор муниципального предприятия он находит клиентов. Затем он заключает контракт со своей женой, которая размещает клиентов в своем доме.

Предыдущий глава местной администрации не только попросил Сергея стать директором, но и помог с подготовкой многих бумаг, таких как разрешение на приватизацию, выдел земли и т.д. Сергей говорит, что процесс *«был не очень сложен, так как мы знали друг друга. Пожарники, СЭС, земельная служба, местные власти дают все разрешения. У меня не было никаких проблем. Сейчас, когда власти сменились и пришли новые люди, могло бы быть сложнее. Но они уже целый год работают. Они люди другие. Они на нас косо смотрят».*

Как говорилось и в предыдущем разделе исследования, местные администрации могут мало чего предложить с точки зрения финансов, но у них есть довольно много рычагов для решения административных вопросов. Поэтому очень важно иметь хорошие отношения с местными администрациями, потому что *«местная администрация может дать частным компаниям льготы на налоги на землю. Но они также могут выискивать и находить ошибки или что-нибудь еще, даже если работаешь нормально и по закону. Они могут начать тебя тревожить. Местные власти меняются каждые четыре года, приходят новые люди. Нужно устанавливать новые отношения. Нужно находить пути чтобы жить и работать с новыми властями».*

Исследование 4: Разнопрофильное предприятие

Изначально компания состояла из одного предприятия, основанного двумя братьями. Их отец ранее был директором лесхоза. Братья открыли компанию по лесозаготовке и лесопилению с восемью работниками. За десять лет энергичной работы они преуспели в расширении компании до группы из четырех отдельных предприятий, на которых в данный момент занято 200 человек. Одна из компаний, совместное предприятие с финским МСП, занимается экспортом и строительством. Другая компания была создана для строительства загородной базы отдыха, которая сейчас строится рядом с центральным поселком на берегу озера. Третья компания – это свиноферма, которая снабжает продуктами рабочих, а в будущем будет осуществлять поставки и на базу отдыха. Четвертая компания занимается лесозаготовками и лесопилением. Уже запланировано дальнейшее расширение группы компаний в направлении механической деревообработки и туризма. Взаимодействие между компаниями группы крайне важно. Например, 30 зданий базы отдыха были построены из древесины, заготовленной компанией на арендуемых лесных площадях. Эти здания стоят на холмистой местности в сосновом бору на берегу озера. Есть предложение построить теннисный корт, бизнес-центр с рестораном, сауну, причалы для лодок и, может быть, казино. Как это часто бывает в России, запланированное открытие базы пришлось отложить. По словам директора компании, отношения компании с государством и местной администрацией хорошие, фирма преуспевает и уже имеет определенное влияние. В ожидании закона о собственности на землю компания заключила краткосрочный договор аренды и намеревается выкупить землю или продлить аренду до 49 лет. База отдыха оказалась одной из первых компаний, которой удалось получить государственную ссуду в Республике Карелия. Свиноферма также получала финансовую поддержку в рамках программы ЕС Тасис.

Компания также заинтересована в местной политике. Интересы региона и его развитие важны для компании, и поэтому высказывались опасения, что собираемые налоги не используются в целях развития на местах. Участие в социальных мероприятиях воспринимается положительно, поэтому компания выступает главным спонсором деревенских фестивалей. Владельцы компании также внесли значительные пожертвования на нужды местного православного прихода, построив новую церковь и часовню. Особая гордость директора компании – это местные спортивные команды, что в какой-то степени отражает философию управления компанией: на работу принимаются только те работники, которые мотивированы и заинтересованы в саморазвитии до уровня специалистов самого высокого класса. Более того, молодые работники поощряются, и компания обеспечивает им образование. Работники получают явно больше, чем могло бы платить государство, а для продвижения здорового образа жизни компания проводит ежегодный конкурс на звание «самого здорового работника», используя такие критерии как некурение и самое маленькое количество рабочих дней, пропущенных по болезни.

Данная компания имеет ту же стратегическую черту, что и частные сельскохозяйственные компании региона: деятельность диверсифицирована по нескольким направлениям в целях снижения экономического риска. Компания не узко специализирована, и ее структура диверсифицирована. Предыдущие направления деятельности дополняются новыми, которые, по прогнозам, должны оказаться прибыльными, и при этом старые виды деятельности не ликвидируются. Одним из объектов инвестирования стал туризм. Факторами, поддерживающими рост туристического рынка, являются появление относительно обеспеченного среднего класса в России и стабилизация ситуации в российском обществе, что повышает безопасность путешествий, что, в свою очередь, может способствовать притоку иностранных туристов.

Выводы

В отчете российского ресурсного центра МСП за 2003 год (с. 3) в качестве вывода говорится: «Таким образом, существующее предположение о фундаментальном различии между Россией и развитыми странами с точки зрения уровня развития малых и средних предприятий ниже всякой критики, и мало основных показателей развития МСП показывают, что в России есть черты рыночной экономики». Конечно, если проводить оценку по цифровым параметрам и исходить из доли МСП от общего количества предприятий или от числа занятого населения, то данный сектор, несомненно, развивается довольно хорошо в течение последних лет. И, наверное, нет коренных отличий во мнениях, есть ли рыночная экономика в России, различия есть относительно определения, какого типа рыночная экономика построена в России: схожая с США или Аргентиной. Однако если посмотреть на внутреннее подразделение МСП по их типам и видам деятельности, то можно с уверенностью заявить, что Россия представляет нетипичный пример развития сектора МСП. Налицо явное «чрезмерное преобладание» частных предприятий, которые занимаются торговлей и общественным питанием. В этом отношении российская рыночная экономика во многом напоминает базарную экономику, в которой циркуляция товаров, а не их производство, служит основой экономики.

В этом отношении можно согласиться до определенной степени с Михаилом Буравым, который характеризует развитие России как инволюцию – эволюцию, направленную вовнутрь или назад. По его мнению, Россия представляет переход без экономической трансформации, что означает, что несмотря на приватизацию и либерализацию, мало что изменилось в экономике или социальных отношениях в сфере производства. Буравой даже заявляет, что «каждая реформа вела Россию вниз по тропе торгового капитала, еще более затрудняя переход к буржуазному капитализму ... (это) была динамичная экономика, но динамичная в сфере обмена, динамика пришла ценой производства» (С. 12). Результатом этого стало то, что Россия находится между двух миров, суперсовременным миром валютного обмена и международных потоков потребительских товаров и старым миром бартера, торговли, мелкого производства и крестьянства, работающего на собственное пропитание» (Буравой, 2001б 22). Таким

образом, намечается четкая тенденция к разобщенной экономике в России, при которой некоторые основные регионы и города (Москва, Санкт-Петербург, Северо-запад России и Центральная Россия) все больше интегрируются в глобальную экономику и современные технологии, в то время как огромные площади страны отстают, теряют промышленность и товары народного потребления и становятся более изолированными. На практике это означает, межрегиональные различия в экономическом и социальном развитии становятся все больше, и статистические данные о количестве МСП, доходах и некоторых других моментах не дают достаточно реалистичную картину положения вещей за территориями основных метрополий.

Если даже в России и имели место некоторые положительные изменения: экономический рост, совершенствование законодательства и институционального сектора, то все равно есть ряд препятствий к развитию предпринимательства. Первым в списке препятствий стоит пункт «административные препоны», - сложная бюрократическая система выдачи лицензий, разрешений, регистрации, не говоря уже о проблемах с таможней и налоговыми органами. В сельской местности отсутствуют консультативные, юридические, финансовые, учебные, маркетинговые и др. виды поддержки. Реструктуризация микроэкономики (новые инвестиции и капитал наряду с переобучением и реорганизацией профессионального состава работников) серьезно тормозится низким кредитным рейтингом, который не дает фирмам получать кредиты.

Широко распространенная бедность в сельских районах создает препятствия для предпринимателей: у сельских жителей низкая покупательная способность, и у предпринимателей нет рынка, даже внутреннего. Бедность – это только одна сторона многопрофильной социальной проблемы, которая переплетается с алкоголизмом, преступностью, низким уровнем здоровья населения наряду с развалом социальной и производственной инфраструктуры.

Местные администрации и общественные организации, партии и т.д. должны играть более важную роль в создании предпосылок для развития на местном уровне. Например, Макинтайр (2002) говорит, что местные администрации могут стать инкубаторами предпринимательства и (социального) развития через финансовую поддержку, обучение и консультационные услуги. Однако как показывают результаты, у местных администраций нет юридических или финансовых средств для поддержки местных предприятий, так как отсутствует финансовая база, на основании которой развивать политику на местном уровне.

Исследования, анализ и описание представленные выше, показывают, что несмотря на непостоянную и сложную деловую среду сельские предприятия научились корректировать свою деятельность соответственным образом. Как пишет Косонен (2004), советский период сформировал более или менее стройные организации на местном уровне, которые поддерживались неофициальными системами. Процесс формирования современных капиталистических отношений находится только в самом начале, и в России в целом и, в особенности, на таких периферийных территориях, как Карелия. С другой

стороны, как показывают некоторые элементы нашего исследования, сельские предприятия хорошо владеют информацией о современной практике управления, даже если они и скорректированы местной ситуацией. Карельские сельские предприятия больше не являются ни примерами зависящих от прошлого советских хозяйств, ни примерами субъектов рыночной экономики из учебников. Скорее они представляют гибридный тип экономики, гибкий и сочетающий элементы прошлого и настоящего.

Литература:

1. Analysis of the Role and Place of Small and Medium Sized Enterprises in Russia. Statistical reference. Moscow 2003. Russian SME Resource Center.
2. Barkhatova, N (2000): Russian Small Business, Authorities and the State. Europe-Asia Studies, June.
3. Brown, J.D; Earle, J.S; Lup, D (2004): What Makes Small Firms Grow? Finance, Human Capital, Technical Assistance and the Business Environment in Romania. William Davidson Institute Working Paper, Number 702. May 2004.
4. Burawoy, M (2001): Transition without transformation: Russia's involutory road to capitalism. East European Politics and Societies.
5. Center for Economic and Financial Research (2003): Monitoring of Administrative Barriers to Small Business Development in Russia. Round 2.
6. Juurikkala, T; Karhunen, P (2003): Northwest Regions of Russia in the first half of 2003. Biannual monitoring review. November 2003. <http://www.economicmonitoring.com/reports/>
7. Kolodko, G (2000.): Transition to a Market and Entrepreneurship. The systemic factors and Policy options. Communist and Post-communist studies, vol. 33, n:o 2 (June), pgs. 271-293.
8. Kosonen, R (2002): Governance, the Local Regulation Process, and Enterprise Adaptation in Post-Socialism. The Case of Vyborg. Helsingin Kauppakorkeakoulun julkaisu. A-199. HeSE –Print, Helsinki.
9. Kosonen, R (2004): Luoteis-Venäjän alueet muutoksessa. (The regions of North-West Russia in transition). A paper presented in a seminar "Lähi-Venäjä: tila ja talous". University of Tampere 18.03.2004.
10. Nikula, J (2004): Networks, skills and trust – the necessary ingredients of rural entrepreneurship in the Baltic countries? In Alanen (ed); Mapping Rural Transitions in the Baltic countries. Ashgate, Aldershot (forthcoming).
11. Nikula, J (2004): Constructing capitalist firms: former socialist industrial complexes and struggle for survival. In Alanen (ed); Mapping Rural Transitions in the Baltic countries. Ashgate, Aldershot (forthcoming).

12. Nikula, J & al (2004): Traditional in modern: enterprises and local community in Pryazha. In Melin (ed): Social Structure, Public Space and Civil Society in Karelia. Kikimora, Helsinki. (forthcoming)
13. OECD (2002): OECD Economic Surveys. Russian Federation. Volume 2002/5-February. Paris.
14. Radaev, V (2001): The Development of Small Entrepreneurship in Russia. UNU/Wider Discussion paper 2001/135
15. Scase, R (2000): Entrepreneurship and Proprietorship in Transition: Policy Implications for the Small and Medium-Size Enterprise Sector. Working Papers n:o 139. UNU/WIDER, Helsinki, August.

Приложение

Таблица 1. Доля разных типов предприятий в общем числе предприятий (%)

	Малые предприятия	Индивидуальные предприятия	Фермы	Средние предприятия	Крупные предприятия
Карелия	9.5	54.3	1.3	30.1	4.8
Россия	10.3	55.1	3.1	25.0	6.6

Таблица 2. Доля разных типов предприятий в занятости населения (%)

	Малые предприятия	Индивидуальные предприятия	Фермы	Средние предприятия	Крупные предприятия
Карелия	8.4	8.5	0.2	27.0	55.9
Россия	11.0	10.2	0.5	23.4	54.8

Таблица 3. Доходы от продаж на одного работающего, рублей

	Малые предприятия	Индивидуальные предприятия	Средние предприятия (< 250 работников)	Средние предприятия (>250 работников)	Крупные предприятия
Карелия	20,11 EUR	3,37 EUR	6,00 EUR	6,56 EUR	12,63 EUR
Россия	15,13 EUR	1,67 EUR	11,05 EUR	8,46 EUR	18,69 EUR

Таблицы 1-3 составлены автором на основе следующих источников: Analysis of the role and place of small and medium enterprises in Russia. Statistical reference. M., 2003. Russian SME Resource Center.; Economic monitoring. November 2003. www.hkkek.fi/ecomon

Таблица 4. Тенденции в развитии малых и средних предприятий в России

	1997	1998	1999	2000	Census 2000
Количество предприятий	861 100	868 000	890 600	879 300	631 400
Количество занятых, млн.	8.6	7.4	7.5	7.6	6.0
Выпуск продукции как % ВВП	12.2	9.6	8.9	8.7	12.3
Доля инвестиций в основной капитал	5.4	4.7	2.7	2.5	4.6

Источник: OECD Economic Surveys. Russian Federation. Volume 2002/5-February. Paris.

Приграничное положение как фактор влияния глобализации на развитие сельской местности

Н.Б. Полевицкова

Карельский государственный
Педагогический университет
Петрозаводск

Вступление

Глобализация – сложный и неоднородный процесс, затрагивающий всю систему отношений в экономической, социальной, политической и других сферах деятельности человека. Под влиянием процессов глобализации происходят изменения по горизонтали – между различными субъектами, связанными определёнными взаимоотношениями, например, странами и по вертикали – между различными иерархическими структурами на межстрановом и внутристрановом уровне (например, интеграционная группировка стран - страна - район).

Формирование Единого европейского экономического пространства связано непосредственно с усилением процессов глобализации. Усиление интеграционных связей сопровождается нарастанием финансовых, товарных, особенно информационных потоков внутри стран – участниц европейских интеграционных группировок. Государственные границы теряют свои барьерные функции и способствуют интернационализации хозяйства и формированию надгосударственных структур управления.

Территория Республики Карелия, непосредственно граничащая с Европейским Союзом, играет роль форпоста по отношению к инновациям, проникающим в Россию через внешние границы Европейского Союза. Процессы глобализации оказывают непосредственное воздействие на приграничное пространство и имеют свою региональную специфику. Интерес представляет влияние глобализации на сельскую местность, традиционно более инертную к социально – экономической трансформации.

Глобализация как фактор социально-экономического развития

Рубеж 20-21 веков характеризуется усилением процессов глобализации. «Глобализация» понимается как сложный процесс, затрагивающий различные процессы в современном мире. Дискуссии о глобализации, неоднозначность её восприятия позволяют остановиться на наиболее широком понимании этого термина. Глобализация – это формирование новой системы взаимоотношений между государствами, предусматривающей формирование надгосударственных структур, влияющих на социально – экономические процессы государств. Глобализация формирует новые связи и отношения, имеющие мировое значение.

Процессам глобализации способствует формирование нового временного пространства. По мнению Н.Б. Крандо: «Важной особенностью современного мира

является разрешение проблемы единого пространства – времени. В этом контексте особое значение имело развитие транспорта и средств коммуникации. Нововведение в данной сфере способны в огромной степени увеличить расстояния и пространства, на которые государство может распространять своё политическое, экономическое и военное влияние» (Крандо, 1999, с.81). Сила проникновения информации, вещества, технологий становится сильнее, чем любые границы.

Интернационализация экономик различных государств мира привела к изменению в международных отношениях. «Ограничения на суверенитет государств, налагаемые современным международным правом, означают приоритет общечеловеческих экономических и гуманитарных интересов над интересами конкретного государства, которые могут по-разному трактоваться различными политическими режимами» (Колосов, Вендина, Эккерт, 2003, с. 6).

Одним из проявлений глобализации является создание Всемирной торговой организации (ВТО). ВТО – международная организация, главной целью которой является развитие и либерализация мировой торговли через установление единых стандартов для мировой торговли, обязательных для всех стран, присоединившихся к ВТО. Организация была создана 1 января 1995 г. на базе ГАТТ – Генерального соглашения по тарифам и торговле, действовавшего в 1947-1995 гг. Если ГАТТ – система торговых соглашений, то ВТО – и система соглашений и официальная международная организация, имеющая статус специализированного учреждения ООН. Главными принципами являются: недискриминация, свободный доступ на рынок. Принцип недискриминации предполагает запрет одним странам давать приоритет в торговле, а другим создавать препятствия. Принцип свободного доступа предполагает, что страны – участники не должны создавать искусственных препятствий доступу на свой рынок товаров других стран.

Глобализация по-разному воздействует на социально – экономическую трансформацию стран и внутривосточного пространства. Вступление России в ВТО влечёт за собой значительные изменения на разных уровнях территориальной организации пространства. Значительная неоднородность природных, экономических, социальных условий России может значительно усилить существующую региональную дифференциацию. На дифференциацию социально – экономического пространства существенное влияние оказывает экономико – географическое положение. Приграничное положение регионов может рассматриваться как фактор, стимулирующий влияние глобализации.

Процессы глобализации и значение границы для Республики Карелия.

Уникальность географического положения Республики Карелия являющейся зоной контакта между Россией и Европейским Союзом, обуславливает значительный потенциал её социально-экономического развития.

Трансграничные связи с Финляндией, являющейся частью Европейского Союза, исторически сильны. Современная государственная граница рассекла некогда единое

социально-экономическое пространство. Поэтому сильное коммуникативное тяготение наблюдается на территориях, долгое время принадлежавших Финляндии.

С развитием процессов глобализации барьерная функция границы с Финляндией, её роль сильного ограничителя передвижения людей, товаров, капиталов, информации постепенно снижается и активизируется контактная функция: в приграничных районах формируются зоны взаимодействия в различных сферах: экономики, культуры и т.д. В современный период граница между Республикой Карелия и Финляндией выполняет функцию фильтра, через которую осуществляется взаимодействие, регулируемое определёнными ограничениями.

Примером формирования пространственных комплексов, обусловленных расширением контактных функций границ можно назвать трансграничные регионы, которые способствуют объединению пространства и формированию новой социально – экономической системы, охватывающей территорию двух или более стран (Полевщикова, 2004).

При формировании таких регионов уделяется значительное внимание соблюдению ряда условий. Особое внимание уделяется социально-культурным программам: укрепление контактов в образовании, здравоохранении, культуре, науке, религии и общественных неформальных движениях. Немаловажное значение придаётся личным контактам и формированию тесной социальной инфраструктуры (Межевич, 2002, с. 334-335).

Приграничное сотрудничество способствует открытию новых рынков при снижении негативных последствий конкуренции между регионами.

Первый российский Еврорегион – Еврорегион «Карелия» явился результатом стремления Республики Карелия и Финляндии к более тесному сотрудничеству (Шлямин, 2002). Среди главных целей создания Еврорегиона «Карелия» постепенное сглаживание различий в уровне и качестве жизни по обе стороны государственной границы.

Определённый интерес представляют социально – экономические изменения, происходящие под влиянием данных процессов в сельской местности.

Особенности сельской местности

Сельская местность – понятие значимое и неопределённое. Остаётся дискуссионным вопрос об определении данного понятия. Сельская местность чаще всего понимается как территория, находящаяся за пределами городов, «а к сельскому населению, что само по себе не очень корректно, относят всех живущих за пределами городских поселений. При этом необходимо учитывать, что сельское население, а соответственно ему и сельское расселение, не тождественно сельскохозяйственному» (Гладкий, Доброскок, Семёнов, 2001, с.338).

Категория сельских поселений неоднородна по размерам, внешней форме, своим функциям. В отечественной науке (Ковалёв, 2003) принято выделять сельские поселения сельскохозяйственные (где большая часть жителей связана с этой отраслью сельского

хозяйства) и специализированные на обслуживании других отраслей хозяйства или общегосударственных нужд (посёлки санаториев, научных станций, обслуживающие линии связей). В течение времени функциональная направленность сельских поселений может меняться, как и меняться окружающее экономическое пространство (возможен отвод сельскохозяйственных земель под застройку или лесной посёлок может превратиться в дачный и т.д.). Например, проявление изменений функциональной специфики лесного посёлка были исследованы в ходе российско – финского проекта «Тайга – модельный лес», субпроект «Социальная устойчивость», посвящённого изучению изменений лесных поселений на основе экспедиционных исследований (Piiponen,1999, Polevshikova,2000).

В Республике Карелия постоянно снижается численность сельского населения и его относительная доля ко всему населению Карелии (табл.1). Хотя некоторое увеличение численности сельского населения наблюдалось в 90-ые годы, но это было связано не с улучшением демографических процессов, а с административными изменениями, когда по инициативе местных органов власти, связанной с возможностями получения различных льгот. Поэтому 33 посёлка городского типа перешли в статус сельских, что и повлияло на рост числа сельских жителей.¹ Но после административных преобразований, число сельских жителей уменьшается .

Таблица 1

Численность сельского населения Республики Карелия и его доля в общей численности населения

год	Численность сельского населения	Доля сельского населения
1991	145,1	18,2
1998	205,3	26,5
1999	203,0	26,3
2000	200,1	26,2
2001	197,7	26,0
2002	194,4	25,7
2003	191,2	25,4

Составлено и рассчитано по данным: Республика, 2003 с.23, Демографический, 2002, с.6,8.

Снижение численности сельского населения зависит от естественного и механического движения населения. Естественная убыль населения связана с низкой рождаемостью и высокой смертностью. Преобладание на селе доли старших возрастов определяют картину естественного движения (Табл.2).

¹ В Республике Карелия принадлежность населённых пунктов к сельским или городским определяется Законодательством России и Республики. Постановление N 21/4 от 21.03.91. «Об отнесении территории рабочих посёлков КАССР к сельской местности» позволило изменить статус многих поселений. Согласно данному постановлению сельскими считаются рабочие посёлки с численностью более 3 тыс. человек, на территории которых находятся совхозы или предприятия по производству сельскохозяйственной продукции.

Таблица 2

Распределение населения по возрасту (на 2002 г.)

		Лица старше трудоспособного возраста	Доля в общей численности (%)
Сельская местность		41427	23,2
В среднем по Карелии		136978	19,1

Рассчитано по Основным, 2002, с.13,15

Механическое движение характеризуется оттоком населения из сельской местности и перераспределением населения, в основном, в пределах Карелии (табл.3). Можно предположить, что современная политика закрытия малокомплектных школ вызовет отток из сельских поселений или перераспределение между сельскими поселениями разной людности грамотного населения (поиск новых мест работы учителей) или населения, имеющего детей школьного возраста (выбор местожительства, где есть школа). Многие поселения потеряют трудоспособное население.

Неблагополучная демографическая ситуация в ряде сельских поселений может обостриться.

Таблица 3

Механическое движение сельского населения (на 2003г.)

	Число выбывших	% к итогу	Число прибывших	% к итогу
Всего	4019		3952	
В том числе: в пределах Республики Карелия	3228	80,3	2950	74,6

Источник: Миграция населения, 2004, с.5.

В Республике преобладают сельские населённые пункты людностью до 500 человек, наибольшее число населения проживает в населённых пунктах людностью от 1 тыс. до 2 тыс. человек (табл.4).

Таблица 4

**Распределение сельских населённых пунктов по числу жителей
на 1 янв.2003 г.**

Людность, (тыс. чел)	Число сельских населённых пунктов	Численность населения
Всего	775	191,2
Без населения	97	
До 0,49	559	45,2
0,5-0,99	62	45,5
1- 1,99	40	53,2
2,0-2,99	12	29,2
3,0 и более	5	18,1

Источник: Республика, 2003, с.28

О тенденциях изменения сельского хозяйства свидетельствует уменьшение поголовья скота и птицы, что приводит к сужению возможной занятости сельского жителя (Табл.5).

Таблица 5

Численность сельскохозяйственных животных и птицы (тыс.)

год	Поголовье крупного рогатого скота		свиньи	птица
	всего	В том числе коровы		
2000	57,1	27,6	18,8	1022,3
2001	55,3	26,2	13,3	1048,6
2002	52,5	24,4	12,2	1040,6
2003	48,4	21,7	11,4	855,2
2004	41,8	18,9	10,5	781

Источник: Республика, 2003, с. 30

В зависимости от основных функций сельских поселений и специфики окружающего экономического пространства наблюдается дифференциация в экономико – географическом положении, которое непосредственно определяет темпы и направления социально – экономических преобразований.

Влияние приграничного положения на сельскую местность

Экономико – географическое положение это «...отношение какого-либо места, района или города к вне его лежащим данностям, имеющим то или иное экономическое значение, всё равно, будут ли эти данности природного порядка или данности, созданные в процессе истории» (Баранский,1954, с.38). Как показали исследования, в том числе экспедиционные по изучению изменений в сельской местности, проводимые при руководстве и участии автора в рамках различных проектов², положение к границе

² Речь идёт о проектах по данной тематике, поддержанных российскими научными фондами: Российским Фондом Фундаментальных исследований («Приграничные регионы: проблемы социально – экономического развития»(1997-1999), «Проведение экономико – социологического обследования сельских домохозяйств приграничного региона»1997), Федеральной Целевой Программой «Интеграция» («Стратегия устойчивого развития лесосырьевых районов Республики Карелия» (1998 -2000); международными организациями (например, «Тайга – модельный лес»,

существенно влияет на социально –экономическое развитие сельских поселений. Так сельские поселения, прилегающие к границе имеют больше возможности к привлечению различных форм сотрудничества с прилегающими территориями Европейского Союза, особенно территории Финляндии, чем сельские поселения, расположенные в значительном отдалении от границы. С другой стороны, в ходе исследований диагностирован важный фактор – личное отношение руководителей территориальных и производственных структур к возможностям вовлечения в процессы сотрудничества и внедрения нововведений в различных сферах. Иногда смена руководителя резко сужает или наоборот, расширяет потенциал взаимодействия (Polevchshikova, Hallinon...2004).

На развитие самого приграничного пространства, на скорость преобразований влияет ряд факторов, назовём некоторые. Немаловажное значение имеет транспортно – географическое положение сельских населённых пунктов, близость их к основным транспортным потокам, густота транспортной сети. Неразвитость или напротив, развитость внутренней инфраструктуры может способствовать или тормозить этот процесс. Развитая дорожная сеть способствует формированию более длинных векторов инновационного проникновения и охватывает более широкий круг поселений. Неразвитая инфраструктура укорачивает вектор инновационного проникновения, замедляет или останавливает этот процесс. Особенности самой границы, её проницаемость, инфраструктура таможни, система пропускных пунктов также непосредственно определяет инновационные потоки, идущие из - вне. Наличие большого числа пропускных пунктов по всей длине границе способствует более равномерному распределению информационных, товарных и других потоков, идущих через границу.

Влияние глобализации на приграничное пространство

Влияние процессов глобализации возможно оценивать как объективный процесс и как вызов. Объективность процесса обусловлена интернационализацией мирохозяйственных связей, а вызов связан с возможными последствиями для конкретной страны и региона воздействия глобализации. Рыночная открытость разных по уровню социально – экономическому развитию стран с одной стороны может стимулировать внедрение новых более технологичных и прогрессивных форм производства различных видов продукции, в том числе, производимых в сельской местности. С другой стороны, современные процессы увеличения различных потоков из – вне происходят на фоне внутрироссийского спада производства и обеднения населения, и процессы глобализации могут усилить негативные процессы, особенно в сельской местности.

субпроект «Социальная устойчивость» (Taiga –model Forest. Sosial sustainability) (1998-2000), «Сотрудничество в области сельского хозяйства между Финляндией и Северо- Западом и государствами Балтии (Evaluation on Rural and Agricultural Co-operation between Finland and North-West Russia and the Baltic States) (1998); «Стратегии выживания сельской местности в странах переходной экономики» (Rural Survival Strategies in transitional countries) (1997 -1999); Приграничные исследования: Европейский Союз и Россия (Border research, EU & Russia) (2002 - 2004).

Приграничное положение, достаточно высокая «прозрачность» границы способствуют диффузному внедрению западного опыта на пространственном и организационном уровнях.

Наблюдаются уникальные процессы использования зарубежного опыта и влияние его на жизнь жителей Карелии. Примером могут служить инновационные процессы в лесной промышленности, в сельском хозяйстве, связанные с реализацией совместных проектов в различных направлениях.

Расширение культурных и дружеских обменов способствует познанию традиций и культуры, но как косвенное влияние - активизирует деятельность по созданию совместных проектов, основанных на личных контактах. Географическая близость или отдалённость от границы влияет на саму основу многих совместных мероприятий. В близлежащих к границе поселениях деловые связи основаны на родственных и дружеских связях, в отдалённых - преобладают связи, основанные на деловых контактах, которые могут приобретать с течением времени дружеский характер.

Возможности приграничного сотрудничества различаются в сельской местности и городах. В городах инновационные процессы проникают большей скоростью и коммуникативные проблемы менее выражены, чем в сельской местности. Отсутствие современных средств связи: телефонов, факсов, электронной почты; языковой барьер ограничивают возможности сельских жителей по реализации проектов и идей. Процессы распространения мобильной связи, компьютеризация сельских школ по территории Карелии во многом облегчают взаимодействие жителей разных стран.

Возможное влияние глобализации на сельскую местность

Основными формами глобализации принято считать (Зубаревич, 2004): трансграничный поток капиталов (иностранные инвестиции), рост открытости экономики (объёмы и роль внешней торговли), распространение глобальных информационных систем (прежде всего Интернета), общих стандартов потребления и др.

Республика Карелия имеет благоприятные предпосылки для размещения иностранных инвестиций. В отечественной литературе последние годы широко представлены попытки типологий приграничных регионов. Заслуживает внимание типология, предложенная Н.М. Межевичем, основанная на валовом региональном продукте (с учётом уровня покупательной способности) на душу населения, объёме внешнеторгового оборота (на душу населения), учитывающая специфику экономико-географического положения. По данной типологии Республика Карелия попадает в первую группу регионов, достаточно открытых для приграничного взаимодействия, имеющих сухопутную границу с другим государством и высокий, растущий объём внешнеторгового оборота, на который влияет прямой выход в Северную Европу, развитая транспортная инфраструктура (Межевич, 2002, с.246-274). Рост иностранных инвестиций способствует росту производственной и непроизводственной сферы. С другой стороны приход крупных импортёров постепенно вытесняет местных производителей.

Иностранные инвестиции в 2002 г. составили 20416 тыс. дол. США. Основная доля из них была направлена в промышленность (85,1%), из них в лесную, деревообрабатывающую и целлюлозно-бумажную составили 64,4 % , вложения в сельское хозяйство (в числе прочих) составили всего 7,4 % (Республика, 2003, с.219). О весомом вкладе иностранных инвестиций в сельское хозяйство Республики Карелия говорить рано.

Одно из проявлений глобализации – усиление поляризации жизненного уровня на межстрановом и внутристрановом уровне. На примере Республики Карелия как форпоста регионального (ЕС и СНГ) межстранового (Финляндия, Россия) отражается поляриность развития. Усиление поляризации на межрегиональном и межстрановом уровне по уровню социально – экономического развития вызывает дифференциацию населения внутри стран.

Существующие различия по уровню социально – экономического развития различных территориальных образований (сельская местность и городская) могут возрасти, вызвав тем самым усиление дифференциации различных территориальных сообществ. Вместе с тем, по мнению учёных: «Опыт подтверждает некоторые основополагающие истины: экономический рост представляет собой необходимое, хотя и недостаточное, условие сокращения масштабов нищеты и уменьшения неравенства в распределении доходов. Самый надёжный метод обеспечения экономического роста – это успешная интеграция с глобальной экономикой. Однако эта интеграция должна сочетаться с эффективной социальной политикой: повышение уровня образования, улучшение охраны здоровья и обеспечения равенства между мужчинами и женщинами» (Население, 2002, с.16).

Если рассматривать Республику Карелия как стыковую между различными социально-экономическими образованиями, то можно предположить несколько сценариев последствий влияния глобализации на сельскую местность:

Оптимистический сценарий, основанный на позитивных примерах внедрения новых технологий в промышленность и сельское хозяйство и, на взгляд автора, в современных условиях сельской местности может иметь спорадический характер и маловероятный для большей части сельских поселений:

- активизация социально- экономического развития при расширении зоны приграничного сотрудничества; появление новых эффективных производств – современных экономических моделей для сельской местности;
- повышение конкурентоспособности производств за счёт укрупнения, модернизации и т.д., что будет способствовать занятости на селе и появлению новых жизненных стандартов.

Пессимистический сценарий, основанный на внутренних процессах разрушения производственной и социальной структуры в сельской местности, которые могут быть усилены процессами глобализации и, на взгляд автора, может иметь ареальный характер на большей части республики:

- замедление социально-экономического развития сельской местности при расширении процессов глобализации, вытеснения с внутреннего рынка неконкурентоспособной продукции местных производителей;
- усиление поляризации во всех сферах деятельности между сельской и городской местностью.

Нейтральный сценарий, который может иметь место в удалённых от инновационных центров сельских поселениях:

- отсутствие влияния процессов глобализации, которые могут усилить или замедлить изменения в позитивную или негативную сторону и эволюционное развитие или деградация сельской местности в зависимости от существующих условий.

Заключение

Перспективы развития различных территорий являются предметом многих научных дискуссий. Особое значение приобретают исследования сельских приграничных территорий при изменении условий приграничного взаимодействия.

Региональные различия, неоднородность сельской среды, обуславливают специфику разных процессов, в том числе, ставшими реальностью современности – процессами глобализации. Совместные проекты в экономических, социальных, экологических и т.д. областях преобразуют экономическое пространство. Исследования показывают воздействие инновационных процессов на разные сферы жизнедеятельности. Изучение преобразований, происходящих на территории Республики Карелия как стыковой зоне влияния и проникновения процессов глобализации, которые неравномерны и вызывают и позитивные и негативные последствия, является важным объектом для дальнейших исследований.

Литература

1. Баранский Н.Н. Очерки по школьной методике экономической географии. Изд. 2-е. - М. Учпедгиз, 1954
2. Гладкий Ю.Н., Доброскок В.А., Семёнов С.П. Социально – экономическая география России: Учебник. – М.: Гардарики, 2001.-752 с.
3. Демографический ежегодник Республики Карелия: Статистический сборник/Госкомстат РК.-Петрозаводск, 2002.-84с.
4. Ковалёв С.А. Избранные труды. – Смоленск: «Ойкумена», 2003. – 438с.
5. Колосов В.А., Вендина О.И., Д.Эккерт Региональные центры в условиях глобализации: проблемы сравнительных исследований /Крупные города и вызовы цивилизации/ Под ред. Колосова В.А. и Эккерта Д.. – Смоленск: Ойкумена, 2003.- 280с., с.5-15.
6. Крандо Н.Б. Геополитика. М., 1999.
7. Межевич Н.М. Региональная экономическая политика Российской Федерации: влияние трансграничного сотрудничества на традиционные и новые механизмы реализации.- СПб.: Изд-во С.Петербург. ун-та, 2002.-354 с.
8. Основные показатели итогов Всероссийской переписи населения 2002 года по Республике Карелия: Статистический сборник III/Карелиястат, Петрозаводск, 2004.-38с.
9. Миграции населения Республики Карелия в 2003 году: Статистический сборник/Комстат РК, Петрозаводск, 2004 -60 с.
10. Население и глобализация /Н.М.Римашевская, В.Ф.Галецкий, А.А. Овсянников и др.-М.: Наука, 2002.-322с.
11. Полевщикова Н.Б. Трансграничные регионы и приграничное сотрудничество // Проблемы и перспективы развития транзитных территорий: Сборник статей/ КГПУ. - Петрозаводск, 2004, с 5-34.
12. Республика Карелия в цифрах. Статистический сборник/Комстат РК, Петрозаводск, 2003.-246с.
13. Шлямин В.А. Россия в «Северном измерении». ПетрГУ. Петрозаводск, 2002.- 192 с.
14. Polevshikova N. Socio-economic changes in the settlement of Matrosy University of Joensuu, Joensuu, Faculty of Forestry, 2000, N 104, 56 p.
15. Polevchshikova N. Hallinnon rooli rajayhteistyön kehityksessä//Rajayhteistyö, EU ja Venäjä, Joensuun yliopisto? Fkarjalan tutkimuslaitoksen raportteja University of Joensuu, Reports of the Karelian Institute N: o 11/2004, p.98-114.
16. Pipponen M., Karkinen K., Rlementev E.Oksa J., Romanov G., Saatamoinen O., Varis. E, Polevshikova N. Socio-economic Household and living conditions in the forest village of Matrosy, Russian Karelia, University of Joensuu, Joensuu, Faculty of Forestry, 1999, N 99, 52 p.

Эволюционный характер трансформации хозяйственных отношений в сельских сообществах Карелии

Л.И.Розанова.

Институт экономики КарНЦ РАН
Петрозаводск

Главной задачей становится обеспечение максимальной адаптивности общества. Обеспечение адаптивности общества предполагает раскрытие творческой активности, проявление инициативы, что становится важнейшей предпосылкой успешного вхождения в рыночную экономику. Экономическая реформа и была изначально нацелена на раскрепощение частной инициативы как главного фактора экономического роста. Однако исходные позиции различных групп населения оказались неравными. Политический расклад сил дал одним возможность безвозмездно получить собственность, другим пришлось начинать с постепенного накопления имущественного потенциала.

Естественно, возникает проблема принятия или отторжения рыночных преобразований абсолютным большинством. Без общественного согласия не будет движения вперед. При этом особый подход должен бы быть в реформировании аграрного сектора экономики, поскольку сельский социум – гораздо более тесное сообщество, нежели разобщенные городские жители. В первую очередь реформы должны касаться хозяйственных связей как необходимого инструмента обеспечения жизнедеятельности. В этой связи необходимо ответить на вопросы: какие формы организации хозяйственной жизни полнее отвечают интересам населения? Чем вызываются и под воздействием каких обстоятельств, сил, условий возникают конфликтные ситуации в различных сферах общественной жизни и хозяйственной деятельности сельского сообщества? Что препятствует нормальной жизнедеятельности хозяйствующих субъектов?

Структуры власти, ответственные за распределение ресурсов, попадая под контроль определенных, сравнительно небольших групп людей, могут монопольно распространять право принятия решений из области политики в сферу экономики. Ситуация усугубляется тем, что менее активные социальные группы, имеющие низкий уровень образования, здоровья, позиций во власти, не могут наравне отстаивать свои интересы и цели, отстраняются от доступа к ресурсам. Это отчетливо просматривается даже при распределении кредитных ресурсов: фактически новый для села слой частного предпринимательства – фермеры – отстранены от системы государственного кредитования, и кредиты идут на поддержку коллективных хозяйств (частных с долевой собственностью или государственных)¹. *Неравное распределение ресурсов*, к тому же неэффективное с точки зрения стабильного развития общества, порождает множество социальных проблем, которые провоцируют различные формы социального неравенства и

¹ Л.И.Розанова Какие реформы ждет село // Карелия, 30 марта 2004г.

структурные конфликты. Поэтому изменение общественных отношений при несовместимости интересов различных социальных групп может носить как эволюционный, так и революционный характер [1].

Порождаемые переходным состоянием общества конфликты обладают также и потенциальной ценностью и помогают:

- поиску новых, более совершенных путей решения проблем;
- установлению прочных и долговременных взаимоотношений между людьми;
- воспроизведению объединяющего эффекта в группе или в организации, способствующего их сплочению и целостности, а также стабильности ситуации.

Единственными надежными и эффективными способами и средствами, совпадающими с задачами трансформации общественных процессов и отношений в цивилизованные рамки, становятся внимательное изучение и оценка настроений и поведения населения, устремлений его различных групп и слоев и соответственное отражение социальных потребностей в законодательных актах, управленческих решениях и политических действиях, призванных и соотнести и согласовать интересы.

Довольно многогранным представляется конфликт интересов в аграрно-продовольственном комплексе (АПК), где обнаруживается самая тесная связь субъектов предпринимательства с проблемами земельной собственности, взаимоотношений производителей сельскохозяйственной продукции с владельцами перерабатывающих предприятий по поводу перераспределения дохода, с экологией и охраной окружающей среды, с защитой прав потребителей, которые должны получать качественные продукты питания. АПК всегда являлся объектом пристального внимания ученых, результатам исследования которого посвящены многочисленные труды. Наиболее интересным для изучения он представляется и в настоящее время.

Институциональные изменения, связанные с переходом к рыночным отношениям, развитием частного предпринимательства, становлением института частной собственности, накладывают свой отпечаток на *характер партнерских отношений* субъектов аграрного бизнеса. Хозяйственные связи формируются с учетом экономической выгоды. *Для первого этапа реформирования* в Карелии, как и в России, было характерно стремление к обособлению хозяйственных единиц, самостоятельному ведению дел. Это было обусловлено существенной потерей рыночной ниши местными товаропроизводителями вследствие экспансии импортного продовольствия на российский рынок. Предполагалось, что отдельному предприятию без внешнего давления легче найти свое место, легче выживать, работая только на свой интерес и для себя. Наиболее существенным фактором, безусловно, был материальный интерес: в первые годы реформ явно обозначился перекося в сторону ущемления прав сельских товаропроизводителей в пользу перерабатывающих отраслей и розничной торговли, чем и объяснялся в первую очередь распад интеграционных связей. Прекратили свою деятельность прежние специализированные объединения, соединявшие в единую технологическую цепь производителей и переработчиков сельскохозяйственной продукции.

Интеграционные отношения начинают укрепляться в условиях подъема рыночной конъюнктуры, когда усиливается взаимозависимость поставщиков сырья и производителей конечной продукции. Это обусловлено взаимным стремлением к завоеванию надежной позиции на рынке: одним необходим гарантированный доступ к источникам сырья, другим - обеспечение его сбыта. *Второй этап реформирования* можно соотнести со степенью адаптации хозяйствующих субъектов к рыночным условиям, закреплением их позиций на рынке. Однако до сих пор основным препятствием для объединения остается *проблема партнерских отношений*. Какие организационно-правовые формы в большей степени сглаживают конфликт интересов? Хозяйствующие субъекты приходят к пониманию того, что нужны новые формы взаимодействия.

Институциональное регулирование структурных изменений в аграрном секторе, прежде всего, должно заключаться в поиске таких организационно-хозяйственных форм, которые наиболее полно отвечают требованиям социально ориентированной рыночной экономики. Распад хозяйственных связей, повлекший за собой деструктивные явления в сельском хозяйстве региона, хаотичный характер самих аграрных реформ нацелили на поиск разрешения данной проблемы, на что и была направлена исследовательская работа, поддержанная Российским гуманитарным научным фондом.² Одним из предметов исследований был процесс интеграции субъектов агробизнеса.

Используя сравнительно-исторический метод, на основе документальных сведений была предпринята попытка найти более рациональные организационно-правовые формы хозяйствования в примерно равных социально-экономических условиях функционирования хозяйствующих единиц. Исследования, направленные на поиск оптимальных форм взаимодействия хозяйствующих субъектов, показали, что кооперативы как форма партнерства и могут в определенной степени изменить ситуацию в формирующейся институциональной среде. Была обнаружена некая институциональная аналогия установления хозяйственных связей в сходных условиях, отчасти подтвердившая выдвинутую изначально гипотезу, что имеет место существование *«весьма сходных институтов права в разных странах, в разные времена, у разных народов, но при сходных хозяйственных условиях»* [2]. Правовое поле, причем предсказуемое, безусловно, является необходимым условием развития товарно-денежных отношений. Несмотря на то, что в хозяйственных отношениях преобладают неформальные связи. Идентификация внешней среды велась в направлении исследования переходных состояний общественных отношений, а с точки зрения географической адекватности рассматривался аграрный сектор Финляндии. Выделены два блока:

Развитие рыночных отношений в России в конце 19 - начале 20 века.

Выход аграрного сектора экономики из кризисного состояния в России в 20-е годы (период НЭПа) и соседней Финляндии в послевоенные 50-е годы прошлого столетия.

² Исследовательский проект РГНФ №00-02-00320а на тему «Совершенствование хозяйственных связей на основе кооперации (на примере агропромышленного комплекса Республики Карелия)», научный руководитель Л.И.Розанова.

И в том и в другом случае обнаружился эволюционный характер развития хозяйственных отношений: единичные хозяйства, увеличивая товарность, переходили к новой форме организации – кооперации (с последующей специализацией деятельности). Причем кредитная кооперация становилась в центре товарно-денежных отношений [7]. Не хотелось бы напоминать, что эволюционный ход развития в России прервался революцией по причине того, что *на слабые места в реформируемой экономике* редко считают нужным *обращать внимания*. Однако, русская пословица гласит о том, что там где тонко, там и рвется. Вместе с тем, после политических катаклизмов в годы НЭПа кооперация, а не коммуна (в худшем ее проявлении в России периода военного коммунизма), вновь показала свою эффективность и устойчивость. Поддержка кооперативного сектора могла бы и сейчас стать способом решения социальных задач, прежде всего, в снижении уровня безработицы, в замедлении темпов социального расслоения населения и создания крепкого слоя среднего класса.

В хозяйственных отношениях важной становится проблема сохранения прав собственности на результаты труда. Эффективность труда в определенной мере связана с проблемой доминирования факторов труда или капитала (собственности): часто кто владеет собственностью, тот и диктует условия. Характер имущественных отношений должен *гарантировать право собственности на результаты труда*. Как показывает опыт, в акционерных обществах (АО) – основной формы, в которую были преобразованы совхозы - остро проявился конфликт интересов простых акционеров и управленческого аппарата. Невозможность рядовых акционеров АО (в том числе и сельскохозяйственных предприятий, владеющих небольшим пакетом акций крупных перерабатывающих предприятий) оказывать влияние на принятие решений часто приводит к злоупотреблениям управляющих акционерной собственностью. Результатом становится банкротство сельскохозяйственных предприятий или возврат к государственной форме собственности. Эффективность вновь введенного института (АО) оказалась низкой (новые собственники не могли обеспечить достойного уровня заработной платы рядовых акционеров, достаточного дохода как стимула работать на интересы своего предприятия и пр.), поскольку игнорировались интересы большинства и данная форма хозяйствования не получила широкомасштабной поддержки. Таким образом, *изменение формы собственности* становится более приоритетным направлением реформирования, чем *смена собственника* – государства или частного владельца.

Фермерские хозяйства на первом этапе реформ также в большинстве своем оказались мало приспособленными к рынку, особенно в отдаленных районах Карелии, откуда доставка продукции на рынок связана с большими издержками, что не под силу мелким хозяйствам. Вот эти отличия, преимущества и недостатки организационно-правовых форм (единоличное владение, партнерства, акционерные общества), которые четко прописаны в учебниках по экономике, мы не учли на этапе приватизации. Таким образом, и рывок к самостоятельности в аграрном секторе в форме возникновения фермерского движения и трансформация государственной собственности в акционерную

не привели к успеху. Единоличное владение в большинстве своем обнаружило свою непригодность к рынку ввиду малых объемов производства и недостатка собственного капитала, что не способствовало выходу на рынок в условиях его быстрой монополизации более сильными структурами. Преобразование в акционерные общества бывшей государственной или народной собственности, стало тормозом в эффективном ее использовании, при таком явлении, когда невозможно заменить ведущих менеджеров, которые успели захватить контрольный пакет акций, но при этом обнаружили свою полную несостоятельность как руководители трудовых коллективов в условиях рынка. Акционерная форма привела в ряде случаев к таким злоупотреблениям, что доверие к ней было подорвано. В то время как доверие – необходимый элемент любой работоспособной институциональной системы.

В ходе исследования современного состояния интеграционных процессов в агробизнесе были выявлены факторы, влияющие на распад кооперативных связей и препятствующие развитию кооперативных форм хозяйствования в условиях нестабильной внешней среды [4,5]. Исторический экскурс показал, что преимущественное положение в структуре кооперативных объединений занимает сфера обращения. Причем кредитная кооперация является ядром в системе кооперативных связей, поскольку благодаря объединению финансов создаются условия для образования кооперативов в других сферах хозяйствования: чаще всего, это закупочно-сбытовая и торговая деятельность. Исходя из полученных выводов, в практическом применении результатов исследования основным направлением было выбрано развитие кредитной кооперации, поскольку именно денежный импульс придает динамичность предпринимательским инициативам.

Почему в кредитных кооперативных объединениях легче разрешить проблему ненадежности партнерских отношений? Во-первых, привлекательность кооперативного сектора заключается в демократических принципах организации и управления, что позволяет членам кооператива участвовать в его деятельности, контролировать действия правления. Во-вторых, кооперативы способны соединить небольшие капиталы единоличных владельцев в фонды взаимопомощи и дать возможность получения кредитов членам кооператива. В-третьих, некоммерческий характер кредитного кооператива обеспечивает невмешательство в предпринимательскую деятельность пайщиков. Таким образом, не лишая самостоятельности субъекта в его коммерческих делах (соответственно, в распределении и назначении полученной им прибыли), вместе с тем кооперация помогает в хозяйственной жизни и рационализирует ее. В-четвертых, участие в управлении и субсидиарная ответственность усиливают самоконтроль за деятельностью кооператива, повышает доверие, чем и определяют устойчивость кооперативной формы. Именно соединение этих составляющих и привлекло к ней внимание малого бизнеса. Эти факторы способствуют усилению позиций мелких предпринимателей на рынке, созданию конкурентной среды, в которой ослабевает монопольная власть крупных предприятий. Также, благодаря членству в кооперативе, повышается социальный статус и гражданская активность: ведь известно, что люди более склонны что-то изменять или

осуществлять намеченные планы, если сами играют главную роль в принятии решений о каких-либо действиях и сами же их решают, выполняя запланированное. Мотивация – один из важных вопросов социальной политики.

Кроме того, особую значимость приобретает *фактор сохранения имущественных прав*, поскольку многие формы хозяйствования вступают в противоречие с правами частной собственности и наследственным правом. В первую очередь это касается сельского хозяйства и жителей сельской местности, так как труд здесь менее мобильный и то, что создается иногда не одним поколением желательно передать по наследству, обеспечив условия жизни следующему поколению. К примеру, в акционерных обществах часто даже земельный пай не имеет физического наполнения: не выделен конкретный участок, не обозначены географические границы, и в случае неумелого управления наследовать практически нечего, если эта натуральная доля была вложена в АО. Во всем мире доминируют семейные фермы, что упрощает право наследования, закрепляет права собственности. И при кооперации такое крестьянское хозяйство является стабилизирующим звеном, поскольку в кризисные периоды, когда речь идет об элементарном выживании и сохранении накопленного потенциала, оно может ограничить свою экономическую деятельность до уровня самообеспечения. Но в периоды подъема конъюнктуры снова может быстро возобновить свою товарную направленность по той причине, что в крестьянском хозяйстве не происходят такие разрушительные процессы, какие мы наблюдали в отношении коллективных хозяйств. Потому кооперативные формы быстро возрождались после любых исторических катаклизмов, что сохранялась их основа – крестьянское хозяйство.

Также следует обратить внимание на определенные закономерности, которые были выявлены при исследовании развития кооперативных форм, чтобы оценить наши возможности: что и как мы будем развивать в дальнейшем. Как показали исследования, в первую очередь после распада хозяйственных связей воссоздавались кредитные кооперативы (в частности, в годы НЭПа). На то были объективные причины: нехватка собственных средств при существенной потребности в приобретении средств производства, семян, и пр. Когда же требовался выход на рынки, особенно на дальние, возникала необходимость в создании закупочно-сбытовых кооперативов. При этом кредитный кооператив становился центром кооперативных связей и стимулировал развитие других видов кооперации, обеспечивая движение товарно-денежных потоков. Ведь главнейшая цель кооперации – установить стабильные связи мелкотоварных хозяйств с рынком. Об этом свидетельствует структура кооперативных объединений, которая была у нас в России в начале прошлого столетия в годы наивысшего подъема кооперации - именно сфера обращения (деньги, кредиты, торговля) занимали весомую долю. В настоящее время кооперативная форма довольно широко распространена в европейских странах, особенно в Скандинавии. *Сбыт* на кооперативной основе в Норвегии, Швеции и Финляндии по продукции животноводства достигает 100%.

Входя в кооператив, хозяйства остаются самостоятельными, но сами выбирают: в каком кооперативе они объединяются и с какой целью. *Самостоятельность побуждает инициативу*. Ограничения для них лишь в плане возможностей кооператива и своего собственного потенциала. При этом существует обоюдная заинтересованность: кооператив ищет рынки сбыта, устанавливает связи с потенциальными покупателями, а хозяйства уже ориентируются на то, сколько продукции они могут реализовать через кооператив. В Вологде в отдельных районах, где организованы сбытовые кооперативы, поголовье коров в хозяйствах населения (и фермерских в том числе) выросло за год в 10-20 раз. Налаживаются сбытовые каналы – будет и рост производства.

Почему в Карелии мы только сейчас так плотно подошли к проблемам развития кооперации? Безусловно, любые перемены приводят к расстройству прежние системы. Эволюционные этапы проходят через стадии разрушения, стагнации, вызревания и адаптации новых хозяйственных отношений, затем подъема. Эти явления мы наблюдаем и в отношении возрождения в республике кооперативных форм хозяйствования. Если еще в конце 90-х годов кооперация воспринималась многими скептически, то после переломных 2000-2001 годов можно отметить заметный подъем в кооперативном движении: хозяйствующие субъекты «вызрели» для восприятия этой формы, пройдя по эволюционным ступеням. С одной стороны, кооперация выступает и как способ выживания на месте разрушенных хозяйств; с другой стороны, даже самодостаточные фермерские хозяйства, выходя на более масштабные объемы производства, ощущают необходимость в объединении в силу большей потребности в ресурсах, прежде всего финансовых, для расширения хозяйственной деятельности.

В настоящее время все больший акцент в кооперативном движении делается на его роли в *снижении уровня бедности*, в формировании среднего класса. В то же время следует отметить, что и при сравнительно-историческом анализе, и при эволюционном подходе в анализе современного состояния обнаружено, что группы более состоятельных хозяйств демонстрируют большую склонность к кооперации. Прежде всего, это средний слой крестьянства. То есть, объединялись те, кому было что объединять. К тому же, прежде всего, *кредитная кооперация* объединяла большую часть хозяйств, чем другие формы кооперации. Хозяйственные связи формируются, исходя из коммерческой целесообразности. Таким образом, *борьба с бедностью* (если мы и ее ставим целью развития кооперации) заключается не в благотворительности в пользу бедных со стороны кооператива, а в активизации деловой жизни. С бедностью можно бороться, если люди сами стремятся выйти из нее, а не тогда, когда она для определенных социальных групп становится привычным образом жизни, который уже не хотят менять. Следует отметить, что учредителями и более активными членами первого сельскохозяйственного кооператива в Карелии стали фермеры и сельские предприниматели, накопившие определенный собственный капитал и показавшие свою состоятельность в условиях развития рыночных отношений.

Еще одним важным аспектом в пользу развития кооперативных форм хозяйствования является *новое территориальное устройство*. Сейчас, когда встает вопрос о развитии местного самоуправления, следует также задуматься о создании адекватной рыночной инфраструктуры. В первую очередь, необходимо развивать рынок финансовых услуг. Для малых территориальных образований в наших условиях наиболее приемлемой формой является кредитная кооперация [6]. Проблема территориального развития усугубляется, если местная структура экономики не обладает инвестиционной привлекательностью. В частности, именно поэтому в селах закрылись филиалы банков как неэффективные. Но даже и при наличии банковских структур *средства местного населения* в виде привлеченных сбережений *уходят с территории, так как инвестируются они в другой местности*, где можно получить гораздо большую прибыль на вложенный капитал и с меньшими рисками.

Взаимозависимость трех основополагающих факторов хозяйственного развития – труда, земли и капитала – очевидна. *Уходит капитал*, начинают *деградировать* и остальные факторы производства - *труд и земля*. Ухудшаются и показатели их эффективности: падает производительность, а, следовательно, и стоимость. В результате снижается налоговый потенциал, поскольку нельзя получить достаточных бюджетных доходов ни от сдачи в аренду или продажи земли, ни с низкой заработной платы. Ведь необходимую *базу налогообложения обеспечивает реальный доход*. К тому же при низком материальном достатке населения на бюджет ложатся дополнительные нагрузки по поддержанию минимальных социальных стандартов.

Пространственное неравенство, которое усиливается под действием рыночных сил (ресурсные потоки устремляются туда, где имеют выгодное размещение), также нельзя не учитывать. Когда мы говорим о свободе рыночных отношений, следует остановиться и на том, что фактически у нас в условиях либерализации абсолютно не защищены интересы региональных финансовых институтов. Нет государственной политики в отношении местных банков. Кстати, в США уроки Великой депрессии 1929-30-х гг. заставили регулировать финансовый рынок. Длительное время сохранялись ограничения на деятельность коммерческих банков штатов: они не могли открывать филиалы даже в границах своего штата, а если и получали такое разрешение, то функции филиалов ограничивались предоставлением кредитов, но *им запрещалось привлекать депозиты местного населения*. Банки располагались в пределах города или округа, чтобы избежать «эффекта пылесоса», когда сбережения местного населения «высасываются» и инвестируются в другой местности. Также сложилась практика, что банки находятся в собственности и под контролем лиц, проживающих в данной местности [3].

Кредитные кооперативы как раз и могут в определенной мере претендовать на роль местных банков. Конечно же, их функции ограничены по сравнению с банками. Как правило, они предоставляют краткосрочные кредиты. Вместе с тем, этот институт финансовых посредников более эффективно работает с денежными средствами, чем, к примеру, местные банки, которые, как правило, являются лишь проводниками

финансовых ресурсов из бюджета субъектам хозяйствования, а сами не заинтересованы в поиске иных кредитных ресурсов.

На основании вышеизложенного, кредитное кооперативное движение на региональном уровне следует оценивать по следующим критериям, которые определяют его социальную значимость:

- формирование альтернативной коммерческим банкам системы кредитования, снижающей возможности потерь и улучшающей управление рисками;
- формирование конкурентного рынка финансовых услуг;
- освоение рынка финансовых услуг в сельской местности на освободившемся сегменте в связи с ликвидацией там банковских структур;
- совершенствование на этой основе рыночной инфраструктуры на селе;
- частичное перераспределения между банковской и небанковской сферой добавленной стоимости, создаваемой оборотом финансовых услуг, в пользу действующих в интересах местного населения кредитных кооперативов;
- увеличение доходов населения, получаемых в виде компенсаций за использование сбережений;
- усиление рыночных позиций сельского малого бизнеса благодаря оказанию взаимной финансовой помощи при членстве в кооперативе;
- активизация потребительского спроса в условиях доступности кредитных ресурсов;
- повышение социального статуса граждан с невысоким уровнем доходов;
- усиление адаптивного потенциала общества в рыночных условиях.

Безусловно, на уровне отдельного кооператива не рассматриваются эти общественные задачи, выполняемые кредитной кооперацией, но их нельзя не учитывать в условиях переустройства общественных отношений, вызванных рыночной экономикой. Гражданская активность, выраженная в стремлении за счет собственных средств и возможностей обеспечить условия жизнедеятельности, позволит сформировать устойчивые социальные связи и механизмы социального партнерства. Локальный характер деятельности определяет автономность рынка финансовых услуг, которая способствует самостоятельности и независимости как непосредственно потребителей этих услуг, так и, в конечном счете, самостоятельности в развитии новых территориальных образований, поскольку обменные операции в сфере финансовых услуг происходят в их границах, стимулируя деловую активность на конкретной территории. Таким образом, можно констатировать, что адаптация сельского населения к рыночным условиям будет тем успешнее, чем быстрее осознается роль интеграционных процессов в социально-экономическом развитии.

На данном этапе развития следует активизировать процесс кооперативного движения в сельской местности. Несмотря на то, что действующие кооперативы в последние два года демонстрируют 2-х - 5-ти кратные темпы увеличения активов (к примеру, сельскохозяйственный кооператив «Содействие +» увеличил выдачу займов с 328,7 тыс. рублей в 2003 г. до 2 226 тыс. руб. в 2004 г. при росте численности членов

кооператива за данный период с 76 до 194 человек), остается проблема продвижения кооперативного сектора в отдаленные сельские населенные пункты. Более активны жители районных центров при безусловном лидерстве г. Петрозаводска и Прионежского района. Но брать на себя обслуживание сельских жителей для районных кооперативов обременительно, поскольку превышение оптимального радиуса действия из-за чрезмерной удаленности и разбросанности сел увеличивает накладные расходы.

Решение проблемы подготовки лидеров может повлиять на организационный процесс. По утверждению исполнительного директора республиканского кооператива «Содействие+» Т.А. Гоцалюк, большую роль в повышении ее квалификации и приобретении лидерских качеств сыграла программа ТАСИС, в частности шведский проект «Общественное движение сельских женщин России», профинансированный Европейским Союзом. Обучение в рамках данного проекта по программам «Женщина – лидер общественного движения» и «Межфермерская кооперация» позволило изучить опыт Скандинавских стран, что сейчас с успехом применяется в управлении кооперативом.

Популяризация знаний о кооперации – это тоже одно из звеньев активизации кооперативного движения. Можно считать успехом и тот факт, что результаты указанной выше научно-исследовательской работы востребованы практикой. Главным преимуществом в успешном продвижении идеи кооперативного движения в республике оказалось соединение интересов практических деятелей и науки, что в настоящее время немаловажно, поскольку, даже имея общий стратегический интерес, до сих пор приходится преодолевать возникающие тактические разногласия: хозяйствующие субъекты не всегда адекватно оценивают функции науки, которые стоят над их личными интересами и не являются PR-акциями.

В 2001 и 2003 гг. в г. Петрозаводске Институтом экономики КарНЦ РАН совместно с Ассоциацией кредитных союзов Карелии были организованы научно-практические конференции (при финансовой поддержке Фонда международного развития Ирландской Лиги кредитных союзов), на которые приглашались практические деятели успешно функционирующих кооперативов из разных регионов России, научные работники, представители местных органов власти, что способствовало обмену знаниями, информацией, организационными технологиями. Проведены обучающие семинары в ряде отдаленных районов Карелии совместно с администрацией местного самоуправления. Для организации образовательных семинаров, проведенных в конце 2001–начале 2002 гг. в рамках проекта TACIS FDRUS 9801 «Стратегия развития сельской кредитной кооперации и пилотные проекты», привлекались как российские, так и иностранные эксперты и специалисты в области сельской кредитной кооперации. Последние послужили импульсом в развитии сельской кооперации – первый кооператив был организован по их окончании в июне 2002 г. Данный факт свидетельствует о необходимости постановки планомерного образовательного процесса. Образовательная база для этой цели в Карелии достаточно развита.

Таким образом, в настоящее время область применения полученных результатов исследования расширена: анализируются не только проблемы развития кредитной кооперации как формы, дополняющей инфраструктуру финансового рынка, но и возможности распространения данной формы внебанковских финансовых услуг для улучшения состояния внутреннего потребительского рынка, развития аграрно-продовольственного комплекса, малого бизнеса; на развитие института местного самоуправления через создание автономной системы микрокредитования в отдаленных сельских территориях и ряда других проблем, включая становление активного гражданского общества. То есть в тех сферах жизнедеятельности, где кредитная кооперация органически вписывается как эффективный финансовый инструмент или системообразующий элемент сетевого межфирменного взаимодействия, а также институционализации общественных отношений.

Кооперативная организационно-правовая форма становится весьма привлекательной в разных сферах экономики региона. Реализацией гражданских инициатив стал 1-ый Карельский кооперативный форум «Сущность и роль кооперации в социально-экономическом развитии Республики Карелия», состоявшийся в декабре 2003 г., в котором приняли участие не только сельские и городские кредитные кооперативы, организации потребительской кооперации, но товарищества собственников жилья. На форуме было поддержано предложение участников о создании Карельского кооперативного альянса. Повысилась и заинтересованность государственной власти к развитию кооперативного сектора экономики. При Министерстве экономического развития РК действует Совет по вопросам развития кредитной потребительской кооперации в Республике Карелия. Распоряжением Правительства РК от 30 января 2004 г. №44р-П признана целесообразной разработка республиканскую целевую программу «Развитие системы кредитной кооперации Республики Карелия на 2005-2007 гг.»

На федеральном уровне проблеме развития кооперативного движения в России. 21 декабря 2004 г. Совет по вопросам агропромышленного комплекса России при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания РФ (Совет по вопросам АПК) на своем заседании рассматривал вопрос «О состоянии законодательства по регулированию кооперативного движения в России и предложениях по его совершенствованию». Представляя интересы кооперативного сектора региона на заседании Совета, автором данной статьи было сделано сообщение о состоянии кооперативного движения в Карелии и сформулированы предложения по совершенствованию законодательства в кооперативном секторе для построения многоуровневой системы кредитной кооперации на региональном уровне. В то же время многие участники выразили свои сомнения, подо что формировать законодательство, не имея стратегических целей. Пока нет концепции, трудно создать законодательную оболочку. Эта проблема волновала и других участников. До сих пор нет единого мнения в отношении института кредитной кооперации: строить ли единую национальную систему или сделать как в США – отпустить в «свободное плавание» кредитные кооперативы: в США они функционируют абсолютно

самостоятельно. Поэтому в решении было принято, что Концепция по развитию кооперации в России необходима. Рекомендовано всем национальным кооперативным организациям принять активное участие в ее разработке. Также на заседании Совета поднималась проблема, волнующая специалистов сельского хозяйства – это, прежде всего, отсутствие четкой аграрной политики со стороны верховной власти. Соответственно и проблема развития кооперации не может быть отстранена от всего комплекса задач, которые нужно решать в отношении сельского хозяйства. Таким образом, можно сделать вывод, что развитие института кооперации может происходить лишь в адекватном институциональном окружении, но не в отрыве от целостной аграрной политики.

Литература:

1. Конфликты современной России: Проблемы анализа и регулирования / РАН Центр конфликтологии, Инст-т социологии; под ред. Е.И.Степанова. – М.:Эдиториал УРСС, 1999. – 341 с.
2. Булгаков С.Н. Труды по социологии и теологии: В 2-х т. Том 1.: От марксизма к идеализму / Ин-т социологии. – М.: Наука, 1997. – (Социологическое наследие) – 336 с.
3. Долан Э.Дж. и др. Деньги, банковское дело и денежно-кредитная политика / Пер. с англ. В.Лукашевича и др.; под общ. ред. В.Лукашевича, М.Ярцева.- СПб., 1994.– 496 с.
4. Розанова Л.И. Особенности развития кооперации в Карелии // Аграрная Россия, 2003 №2, с. 49-54
5. Розанова Л.И. Проблемы интеграции в агропромышленном комплексе // Институт экономики КарНЦ РАН. Петрозаводск. 2001. - 31 с. Библиогр. 21 назв. Рукопись депонирована в ИНИОН РАН №56259
6. Розанова Л.И. Автономия региональных рынков финансовых услуг в условиях либерализации: проблемы и их решение // Ресурсы регионов России 2004. № 3, с.11-19.
7. Розанова Л.И. Эволюционная трансформация форм хозяйствования в аграрно-продовольственном комплексе // ИЭ КарНЦ РАН. Петрозаводск. 2000. - 190с.- Библ.120 назв.- Рукопись депонирована в ИНИОН РАН №56069

Институциональные вопросы развития лесных поселений Карелии

Г.Б. Козырева

Институт экономики КарНЦ РАН
Петрозаводск

Лесные поселки являются одним из основных элементов структуры поселений сельской местности Карелии. Современное состояние лесных поселков – это следствие широкомасштабной государственной лесной политики 30-50х гг. 20 века, нацеленной на максимальное использование лесосырьевых запасов региона вахтовым методом. Такая политика обусловила слабое развитие социальной инфраструктуры, что в свою очередь лишало население лесных поселков многих благ, которые были доступны горожанам и жителям аграрных поселений. Вместе с тем труд в лесу был высокооплачиваемым и поэтому привлекательным, несмотря на недостатки сферы жизнеобеспечения и обслуживания. В 70-80-е гг. социальное состояние лесных поселков постепенно ухудшалось, а к началу 90-х гг., что совпало с началом экономических реформ в России, достигло своей критической точки.

Следует сказать, что с начала реформ лесные поселки были вовлечены в несколько институциональных процессов, в результате которых начали менять свой экономический и социальный облик. Акционирование лесных предприятий (лесозаготовительных, лесопильных и деревообрабатывающих), либерализация внешнеэкономической деятельности и реформа лесного законодательства изменили не только формальные регуляторы жизни в лесных поселках, но и существенным образом повлияли на поведение их социальных групп и акторов: домохозяйств, хозяйствующих субъектов, местной власти и общественности.

Изменившиеся институциональные условия, обусловленные экономической либерализацией, предоставили субъектам хозяйствования самостоятельность. Лесные предприятия, которым удалось удержаться «на плаву», начали приобретать новый социальный статус. Если раньше социальная функция (поддержание социальной сферы) была обязательна для градообразующих предприятий, то в новых условиях она возложена на местные власти. Сильное предприятие может обеспечить стабильность территории не только посредством налоговых отчислений для пополнения бюджета. Здесь возможны варианты. Если это традиционный субъект хозяйствования, как правило, отношения с органами местной власти сохраняются в привычном русле, но уже имеют неформальный характер. Такое предприятие, выполняя патронажную функцию, обеспечивает территории некоторую социальную стабильность: это энергоснабжение поселков, помощь пенсионерам, школам, детским учреждениям и т.п. Нестабильные предприятия сами ищут поддержки у власти, хотя она мало что может. Если собственником предприятия становится «чужак», его функция по поддержанию территории в основном

ограничивается бюджетными отчислениями. В данной ситуации местной власти значительно труднее – переговоры о помощи не всегда заканчиваются в пользу поселка.

Изменение форм собственности на средства производства предприятий после приватизации повлекло изменение основ хозяйствования производственных структур на территории. В большинстве случаев, они стали разрушительными для хозяйствования градообразующих предприятий и некоторым образом “подтолкнули” к кризисному состоянию, так как экономический механизм, формы управления предприятий, складывающиеся долгие годы, оказались не готовыми к работе в новых условиях. Одновременно, они не привели к позитивным изменениям в образе жизни большей части населения поселков. Такие проблемы, как потеря работы, многомесячные задержки заработной платы, а в результате резкое снижение уровня жизни, характерны почти для всех лесных поселков Карелии.

Вместе с тем на фоне таких негативных социально-экономических процессов наблюдаются некоторые позитивные тенденции. Появились качественно новые социальные типы населения, организующие свой образ жизни и сферу занятий. В данном контексте можно выделить две тенденции. Первая тенденция связана с изменением социальной роли предприятия. Оно теперь не ответственно за обеспечение основной группы трудоспособного населения рабочими местами. Следствием этого, на первый взгляд, деструктивного процесса стало, появление определенной социальной группы населения с высоким уровнем мобильности и мотивации к труду. В эту группу, как правило, входят специалисты и рабочие высокой квалификации, в том числе руководители предприятий. Представители данной социальной группы достаточно прочно закрепились на предприятиях, составляя, по сути, их костяк, и многие из них, несмотря на нестабильность, не собираются покидать место работы.

Такая ситуация особенно характерна для тех предприятий, где руководители попытались сохранить старые кадры. Здесь можно выделить два типа руководителей. К первому типу относятся старые, дореформенные – хорошо знающие работников, которые, как правило, сохраняют проверенных, опытных, на кого можно положиться, даже с более низкой квалификацией. Второй тип представлен новыми руководителями, которые отбирают работников по формальным параметрам с квалификацией и образованием, но тоже стремятся сохранить старые кадры.

Вторая тенденция: в процессе институциональных изменений, связанных с формированием принципиально новых лесных и земельных отношений, начинает проявляться экономическая активность домохозяйств лесных поселений Карелии. Такое поведение домохозяйств обусловлено поиском дополнительных, а иногда и основных источников доходов в условиях острейшего экономического кризиса градообразующих предприятий, что заставляет население расширять производство сельскохозяйственных продуктов в личном подсобном хозяйстве и использовать лесные ресурсы в процессе побочного лесопользования. Следует отметить, что жители лесных поселков Карелии в силу специфических особенностей тяжелейшего труда в суровых климатических условиях

долгое время не занимались личным подсобным хозяйством. Это было связано еще и с тем, что места для поселков выбирались без учета удобств для занятия даже элементарным огородничеством.

Проявление активности в личном подсобном хозяйстве и побочном пользовании обычно связано со стремлением населения в условиях ухудшения материального положения сохранить и улучшить структуру питания семьи. С другой стороны, начинает формироваться предпринимательская инициатива, носителями которой являются фермеры, представители малого бизнеса, которые хотят и умеют организовать самостоятельную сферу приложения труда, обеспечить рабочими местами членов своих домохозяйств (Морозова, Гурова, Козырева, 2004).

В настоящее время устойчивость таких типов поведения в сельском социуме, в том числе в лесных поселках, зависит в большей степени от сохранения и развития его мотивационно-адаптационного потенциала, нежели от качества формальных институтов, регулирующих социальную жизнь в лесных поселках. Вместе с тем формирующиеся рыночные институты, которые "пришли" в село с экономическими реформами, столкнулись с некоторым противостоянием социальной среды. Рассогласование формальных и неформальных институтов обусловило формирование неэффективных моделей поведения, их закрепление в практике социально-экономической жизни. Причем, различные социальные группы (от домохозяйств и предприятий до местных и муниципальных органов власти), имея разные возможности и интересы, по-разному трактуют и корректируют формальные институты.

В Карелии лесные ресурсы являются сырьевой базой основного сектора экономики. Его современное состояние, проблемы и перспективы развития в решающей степени определяют экономическую ситуацию республики. Приграничное положение Карелии практически определяет одностороннюю ориентацию предприятий лесного сектора на иностранного потребителя. В экспорте предприятий преобладает круглая древесина. Это вносит свою специфику в процессы, связанные с формирующейся системой отношений собственности на лесные ресурсы. На лесной арене наблюдается столкновение многосторонних интересов. Бизнес стремится получить лесосырьевую базу и "выжать" из нее максимальную прибыль любыми средствами без учета общественных интересов. Региональная власть проводит политику давления на бизнес через "шантаж" не дать лесосырьевую базу. Лесная служба пытается проводить политику рационального лесопользования через тот же "шантаж" бизнеса штрафными санкциями. И только местное сообщество питает иллюзии по поводу перспектив повышения своего благосостояния от лесного богатства республики (Козырева, 2003).

Следует сказать, что лесной сектор, являясь основным в экономике Карелии, не способен в настоящее время обеспечить достойную жизнь местному населению. В настоящее время основными социальными проблемами лесных поселков являются: низкий уровень жизни населения, отсутствие работы, ограниченные возможности реализовать свой потенциал, отсутствие благоустройства, плохое жилье, отсутствие

социального обслуживания, отсутствие всякой перспективы для молодежи и подростков, отсутствие досуга, плохое транспортное сообщение. Лесные поселки в большинстве своем стали непригодными для жизни людей. И если учесть, что тяжелый труд в лесу, к которому привыкли жители лесных поселков, не способствовал развитию личного подсобного хозяйства, а если быть точнее, вообще отбил всякую охоту работать на земле, то причины маргинализации целых лесных поселков становятся более ясными.

Острые социальные проблемы лесных поселков объясняются многими обстоятельствами. Во-первых, само экономическое положение градообразующих предприятий: многие из них прошли через полосу банкротств, а некоторые до сих пор не восстановились после кризиса. Во-вторых, несформированная институциональная среда: отсутствие адекватного законодательства не обеспечивает социальной ответственности бизнеса. Даже в поселках, где социально-экономическое положение лесных предприятий стабильно, уровень жизни жителей остается крайне низким. Руководители многих успешных предприятий проводят антисоциальную политику: проводятся незаконные увольнения, шантажируются работники предприятий, нарушаются права акционеров, обманном путем скупаются акции и т.п. Жители лесных поселков становятся заложниками такой политики.

Руководители таких лесных предприятий, как правило, из новых, предъявляют очень жесткие требования к работникам, заведомо зная, что они не выполнимы. «Будет диплом – пожалуйста, работай. Освоишь профессию – возьму на работу». Таким руководителям, как они говорят, не нужны эти кадры, они не хотят вкладывать средства в повышение их квалификации, они вообще собираются всех уволить и пригласить новых специалистов из какого-нибудь Брянска или выписать бригаду из Молдавии, чтобы она работала в лесу вахтовым способом.

Такая политика привела к снижению «жизненного тонуса» целых поселков. И это относится не только к маргинальным слоям. Люди теряют ориентации, теряют веру и надежду на какие-либо перспективы. Их обманули – они всю жизнь “по грудь в снегу зарабатывали богатство для своей родины (лес – это зеленое золото)”, и теперь их бросили без средств к существованию и без единого шанса что-то изменить в этой жизни. Здесь наблюдается явное противоречие принципам устойчивости, тем принципам, которые лежат в основе Конвенции об устойчивом лесопользовании, которая подписана Россией еще в конце 90-х гг.

Нарушение данной конвенции влечет за собой негативные последствия, вплоть до бойкотов на мировых лесных рынках. В контексте перспектив вступления в ВТО такие противоречия только усугубляют ситуацию. Следует также вспомнить о пресловутой лесной сертификации, которая пока только продекларирована в Лесном кодексе, да и то в по обязательной схеме. Ее введение в схему отношений России с западными фирмами будет являться серьезным препятствием для развития карельских предприятий. Кроме того, монофункциональное использование лесных экосистем также противоречит принципам устойчивости. В настоящее время в Карелии встала проблема экономической

недоступности лесных ресурсов. Так называемая маргинальная ситуация в системе лесопользования требует поиска новых как финансовых, так и институциональных ресурсов (Козырева Г.Б., 2000).

В настоящее время поиск институциональных ресурсов для решения данных проблем происходит на государственном уровне. Вопрос собственности на лесные ресурсы является здесь отправной точкой. Институт собственности на лесные ресурсы является одним из важнейших формальных институтов, изменивших за последнее десятилетие жизнь лесных поселков. Его формирование происходило в рамках Лесного законодательства, которое претерпело серьезную трансформацию. Это связано со многими обстоятельствами.

Процесс формирования института собственности на лесные ресурсы в Республике Карелия связан с борьбой за экономическую власть. Данные выводы нашли подтверждение в исследованиях, реализованных творческим коллективом Института экономики КарНЦ РАН в рамках проекта ФЦП Интеграция «Стратегия устойчивого развития лесосырьевых районов Республики Карелия» (1997-2000, № К0985, руководитель Морозова Т.В.), институционального проекта МОНФ «Создание независимого аналитического центра Социо-Логос» (2001, № 036/1-01-ТК руководитель Морозова Т.В.), проектов РФФИ «Проблемы и предпосылки формирования институтов рынка в условиях переходной экономики» (2002-2004, №02-06-80482, руководитель Козырева Г.Б.) и «Организация и проведение экономико-социологического обследования экономического поведения предприятий Республики Карелия» (2003, 03-06-88036, руководитель Козырева Г.Б.). В данных проектах исследовались процессы формирования рыночных институтов в российском обществе на примере системы лесопользования Республики Карелия.

Ключевым вопросом является правовое обеспечение формирующегося института собственности на лесные ресурсы, определяющего развитие других рыночных институтов. В данном контексте актуализируется разработка спецификации прав собственности на лесные ресурсы, так как от ее решения зависит степень успешности рынка в лесных отношениях. Вместе с тем, очевидно, что данный вопрос выходит за рамки чисто законодательного (формального) поля. Большое значение начинает приобретать социальный (неформальный) фактор, который особенно усиливает свое влияние в условиях несовершенной институциональной среды (Козырева, 2001).

Получает особое значение место и роль различных социальных субъектов лесных поселений. Наши представления о развитии сельского социума связаны с его устойчивостью, основанной на балансе экономических, экологических и социальных критериев. Согласно критериев устойчивости, предприятия в процессе своего хозяйствования ни в коей мере не должны ущемлять интересы местного населения, которое живет и работает на лесных территориях. То есть о соблюдении социальной устойчивости будет свидетельствовать действие на конкретной территории механизма

социальной ответственности бизнеса. Такого механизма в России нет, и его даже не начали разрабатывать.

В ходе экспедиционных исследований сельских и лесных территорий Карелии (Медвежьегорский, Пудожский, Сегежский, Беломорский, Лахденпохский, Сортавальский, Питкярантский, Пудожский районы – экспедиции 1997, 1998, 1999, 2004 гг.) удалось получить некоторое представление о социальной позиции различных социальных групп к процессу лесопользования, их отношению к новым экономическим правилам.

Принятый в 1997 году Лесной кодекс обозначил основных субъектов права собственности на лесные ресурсы: право владения закреплено за Российской Федерацией (то есть, установлена государственная форма собственности на лес), право распоряжения отдано субъектам Российской Федерации, одним из которых является Карелия, право пользования предоставляется на правах аренды лесным предприятиям и другим коммерческим структурам. Одной из главных проблем действующего лесного законодательства стала размытость самого понятия право собственности на лесные ресурсы, отсутствие его спецификации: ни один из обозначенных субъектов права не имеет полной информации о количестве отпущенного ему права.

В настоящее время в российском обществе активно лоббируется инициатива приватизации лесных ресурсов. В начале 2004 г. Правительство РФ уже выходило с новым законопроектом, в котором частная собственность на лес выступает ключевой позицией. Следует отметить, что проект нового лесного кодекса вызвал мощный общественный резонанс. Те дискурсы, которые можно было наблюдать не только на страницах СМИ, но и в научных изданиях, свидетельствуют о наличии в обществе полярных позиций по вопросу собственности на лес.

В связи с этим представляется очень важным отразить позиции, которые занимают социальные группы – непосредственные участники процесса лесопользования и лесопользования. В ходе экспедиционных исследований эти вопросы изучались через анкетирование жителей лесных поселков и интервьюирование руководителей и специалистов лесных предприятий и лесхозов, а также представителей местной власти и общественности (Козырева Г.Б., 2001). Наиболее важными были следующие вопросы.

Какая форма собственности на лес должна быть в России?

В 1997 г. полученные ответы на этот вопрос распределились следующим образом: преобладающее большинство опрошенных жителей лесных поселков (65%) склонялись к государственной форме собственности, 6% респондентов считали наиболее приемлемой частную собственность на лес, 17% респондентов затруднились дать свою оценку. В 2004 г. позиция жителей лесных поселков еще более утвердилась: за государственную собственность выступили 80% респондентов, частную - отметили менее 2%, затруднились ответить 12% респондентов. Таким образом, по прошествии семи лет на уровне населения лесных поселков произошло отторжение идеи частной собственности на лес, что может быть связано с ее дискредитацией в обществе. Процессы, связанные с борьбой за лесные

ресурсы, свидетелями которых они стали, снизили итак низкие социальные параметры жизни.

В контексте данных позиций и предстоящей лесной реформы в 2004 г. жителям лесных поселков был задан вопрос: ***Какие изменения Вы видите с реализацией новой лесной реформы?***

Ответы респондентов в большинстве своем отражают опасения по поводу новых политических инициатив. Почти одинаковые доли ответов приходятся на ответы: лес будет не доступен простым людям (33%); лес будет вырублен и распродан частником (34%). Только 5% опрошенных думают, что, может быть, появится настоящий хозяин, и лес перестанут хищнически уничтожать, а 18% - затруднились что-либо сказать по этому поводу. Следует сказать, что были и другие, более резкие суждения, характеризующие высокую степень социальной напряженности в поселках. Один из жителей прямо сказал: «У нас у многих оружие, если не пустят в лес – начнется стрельба». Такие высказывания – не просто эмоции. Люди в некоторых поселках живут исключительно за счет сбора и продажи ягод и грибов, другого занятия просто нет. В некоторых районах Карелии есть поселки, где кроме продавца магазина никто не работает. В такой ситуации новые политические решения в лесных отношениях должны быть не только научно обоснованы, но и учитывать реальные условия каждого жителя лесных поселков, права которого могут быть вольно или не вольно ущемлены.

Следующий вопрос, который задавался в ходе анкетирования населения лесных поселков и в 1997, и в 2004 гг., был связан с оценкой его реальных шансов участвовать в управлении лесами. ***В западных странах распространена практика участия населения в управлении лесами, которое заключается в отношении собственности, участия в общественном движении, гражданской инициативе. Считаете ли Вы возможным управление лесами Карелии со стороны населения?***

Задавая этот вопрос в 1997 г., мы предполагали выявить социальную позицию населения в вопросах лесопользования и выделить институциональный (состояние законодательной базы, особенности управления) и социально-субъектный (наличие или отсутствие инициативы у населения) факторы, определяющие данную позицию. Как показали результаты исследования, 36% опрошенных респондентов ответили отрицательно, причем 25% видели основную причину невозможности местного населения участвовать в процессе лесопользования в несовершенстве законодательства (нет условий и предпосылок для подобных акций – не готова институциональная основа), а 11% - в безынициативности населения (у населения отсутствуют мотивы для участия в лесопользовании – не готов индивид). Положительные ответы на данный вопрос имеют следующее распределение: 13% респондентов, которые считают, что население Карелии может принять участие в лесопользовании, связывают свои надежды с адекватной правовой базой, а 17% - надеются на инициативу самого населения. Более глубокий анализ позволяет увидеть тенденцию, аналогичную отрицательным вариантам ответов: население не проявит инициативы в большей степени из-за несовершенства лесного

законодательства, консерватизма системы лесопользования, нежели из-за собственного нежелания, отсутствия мотивов.

В анкете 2004 г. наблюдается следующее распределение ответов: 40% респондентов не видят реальной возможности управлять лесами со стороны населения, причем 16% - потому что при существующих законах это невозможно, 10% - так как население безграмотно, 14% - так как население пассивно. Таким образом, респондент 2004 г. несколько изменил мнение: в том, что население не участвует в лесопользовании, в большей степени виновато оно само, нежели существующие законы. Те, кто ответил положительно на этот вопрос (их доля составляет 30%), основаниями для этого участия видят в наличии соответствующего образования (16%), наличия акций (8%), а также наличия связей (6%).

Следует сказать, что ответы, полученные на данный вопрос, позволяют судить об уровне гражданского самосознания жителей лесных поселков, их ориентаций в формирующейся институциональной среде. Смена акцентов, произошедшая за 7 лет, может свидетельствовать о повышении этого уровня: люди стали позиционировать себя не только на уровне местного сообщества, но и в более широком формате.

Таким образом, попытка оценить представления жителей лесных поселков об их возможной роли в лесопользовании, их сопричастности к новым процессам, происходящим в сельских сообществах, связанных с институциональным переустройством экономики, позволила обозначить как позитивные, так и негативные тенденции. Позитивные процессы включают активность некоторой части населения, ориентированной на признание рыночных правил, интерес и соучастие к происходящему. Негативные тенденции свидетельствуют о слабой включенности сельского социума в проблемы, определяющие его будущее, потерей доверия не только к государству, но и к ближайшему окружению. Стоит оговориться, что все-таки в целом проблемы развития лесных поселков связываются их жителями с перспективами в лесных отношениях. В ходе опроса, который не всегда укладывался в обозначенные рамки, стало понятно, что люди хотят понять, смогут ли они вписаться в новые правила игры. В данном контексте государственная лесная политика должна рассматриваться как основной механизм согласования интересов каждого участника лесных отношений. Причем, в состав таких участников должны быть включены конкретные люди с их проблемами и шансами на будущее.

В настоящее время активизировалась позиция по отношению к лесопользованию со стороны предприятий, занимающихся лесопользованием, а также территориальных органов исполнительной и законодательной власти. Данные вопросы выяснялись в процессе качественных интервью. Среди директоров и специалистов лесхозов преобладает мнение об исключительно единственной форме собственности на лесные ресурсы – государственной, причем некоторые из них даже арендные отношения считают не вполне корректными в современных условиях. По поводу участия населения в лесовладении лесохозяйственниками были высказаны вполне однозначные негативные мнения.

Из интервью директора лесхоза (экспедиция 1998 г.)

Как Вы относитесь к частной собственности на лес?

Лесхоз в таких условиях останется государственным органом, будет контролировать, но условия диктовать не сможет.

Какие Вы видите преимущества в частной собственности?

Хозяин - барин, основа - это отношение человека к своему. У нас ничего не получается с рынком, потому что сознание наше не готово к нему. Надо было сначала изменить отношение к собственности, а уж потом приватизировать предприятия.

Вы бы хотели быть хозяином леса?

Конечно, только не в этой стране. Пока не изменилось отношение к лесу у людей, ничего не добьешься. Сейчас начался морошечный сезон, слава богу, дожди, иначе с пожарами замучаешься. У нас очень пожароопасный район из-за сильных ветров от моря. Скорость распространения пожара по болоту 30 км в час. За неделю может выгореть 10 тыс. га. Некоторые по неосторожности устраивают пожары, а некоторые специально поджигают. Считаю, что население должно сначала осознать, что такое частная собственность.

Вы как профессионал, можете выделить группу людей, которая бы могла взять лес в частную собственность и хотела этого?

Сейчас вряд ли это возможно. Ведь нужно будет обустривать лес, платить за него, нанимать специалистов. Государство должно помогать таким, чтобы лес не просто так рос, а чтобы улучшались его характеристики. А государство не в состоянии это делать. Но думаю, что сертификация нас заставит придти к этому.

Из интервью специалиста лесхоза (экспедиция 1999 г.)

Как Вы относитесь к различным формам хозяйствования в лесу? Сейчас это аренда. Как Вы думаете, каким образом в дальнейшем эти формы будут преобразовываться?

Я к аренде леса отношусь очень скептически. Аренда леса должна работать минимум 80 лет, то есть возраст спелости древесины. По своей психологии человек не может загадывать так далеко. У нас нестабильное общество. Законы меняются очень часто. Поэтому аренда не может быть эффективной. Вся аренда сводится к тому, чтобы взять побольше и сделать вид, что делается очень много. Строительство дорог осуществляется чисто символически.

Ваше руководство не откажется от такой аренды?

Я не совсем знаю и понимаю механизм аренды. На мой взгляд, она состоит в сиюминутной выгоде. Никто никогда не будет работать неизвестно на кого.

Как Вы думаете, если не аренда на 50 лет, то какая форма лесопользования наиболее оптимальна?

Государственная собственность на лес - ближе нашей психологии. Уходящая форма распределения лесосечного фонда по лимитам, на мой взгляд, очень удачна.

Раньше лесосырьевая база закреплялась за леспромхозами. Была уверенность, что на какой-то период предприятие будет обеспечено сырьем. Это работало на стабильность. Сейчас при распределении лесосечного фонда необходимо доказывать свои потребности и возможности (конец интервью).

Как следует из ответов представителей лесного хозяйства, наше общество не готово к серьезным реформам в лесных отношениях. Для них частная собственность на лес – из области фантастики. Лесная служба как агент государства стремится в вопросах собственности на лес защитить интересы узаконенного на сегодня владельца.

Представители территориальной лесной службы хотели бы видеть себя в основном звене лесопользования, но вместе с тем они осознают, что сам процесс лесопользования без участия хозяйствующих субъектов не состоится, поэтому необходимы компромиссные формы лесопользования, которые бы примирили лесохозяйственников и лесозаготовителей. То есть необходимость формирования институциональных предпосылок для такого консенсуса весьма актуальна в настоящее время.

Вместе с тем лесохозяйственники обеспокоены теми угрозами для общества, которые могут сопровождать новую лесную реформу. Неподготовленная реформа в неподготовленном для этого обществе может вызвать социальный кризис. Наиболее остро встанут следующие проблемы:

- новый криминальный передел лесных ресурсов;
- ослабление природоохранной роли леса;
- разрушение местных органов управления лесами – лесхозов;
- повышение социальной ренты высших чиновников;
- в ситуации несформированного института социальной ответственности получение собственником права запрета посещения гражданами леса.

Таким образом, среди специалистов лесного хозяйства в вопросах формы собственности на лесные ресурсы наиболее распространенными дискурсами являются:

- государственная форма собственности на лес ближе психологии нашего человека
- к частной собственности на лес российское общество не готово

Несколько отличное мнение по данным вопросам в ходе качественных интервью было получено со стороны директоров леспромхозов. Они также понимают, что условия для введения радикальных правил не созрели, но считают, что арендные отношения должны совершенствоваться, предоставляя больше свободы лесопользователям. Некоторые полагают, что оптимальный срок аренды совпадает с периодом лесовыращивания, что только при таких условиях лесопользователь способен максимально вложить и максимально получить.

Из интервью директора ЛПХ (экспедиция 1999 г.)

Кто у нас в Карелии является хозяином леса?

Тот, кто выделяет лесфонд. Это не Госкомлес, это правительство. У них свои интересы, они регулируют конкуренцию за право получить лесосырьевую базу. Многие

правительственные структуры подати не платят, имеют огромные долги, а заготовкой занимаются. Если у предприятия или частного есть выход на правительство, они могут свободно работать, ничего не оплачивая (конец интервью).

Результаты качественных интервью показали, что директора наиболее успешных акционированных леспромхозов отводят себе существенную роль в процессе лесоуправления. Поэтому достаточно обосновано звучит их мнение о целесообразности наделения их преимущественным правом лесовладения (имеется в виду специфицированное право собственности – право использования). Первоначальный отрыв от государственной зависимости в определенной степени освободил их от некоторых обязательств, позволил вырабатывать самостоятельную стратегию, поэтому снова попадать в жесткие регламентированные рамки им бы не очень хотелось. С другой стороны, они прекрасно понимают, что в настоящее время без четко сформированной структуры управления лесной комплекс не выживет. На их взгляд, их интерес должен быть обязательно зафиксирован законодательно. Многие директора леспромхозов, которые попали в поле нашего внимания, убеждены, что лесосечный фонд должен выделяться в первую очередь традиционным лесопользователям. Такая не совсем рыночная позиция проявляется не только у руководства нестабильных предприятий. Директора достаточно сильных леспромхозов также не против ослабления конкурентной среды.

Вместе с тем предпосылки для революционных преобразований многие из директоров леспромхозов восприняли не однозначно. Основными преимуществами новой лесной реформы они видят в следующих направлениях:

- осуществление права на аренду через аукционы, а не через решение администрации регионов;
- создание лесного кадастра (прописаны виды лесов, пользователи лесных ресурсов, их права, категории защиты лесов);
- получение дополнительных финансовых средств в государственном бюджете;
- заключение соглашений о передаче функций распоряжения лесными ресурсами с каждым регионом (функции проведения аукционов на предоставление прав аренды);
- возможность приватизации лесов.

Таким образом, для лесопользователя создаются на первый взгляд условия для того, чтобы стать собственником сырьевой базы или, по крайней мере, арендатором с устойчивым положением. В рыночном обществе такое изменение правил, наверное, прошло бы без серьезных социальных напряжений. Но если внимательно разобраться с каждым из указанных направлений реформы, то можно увидеть в каждом из них “подводные камни”.

Ни одно из направлений не имеет разработанных механизмов реализации. Ни одна из указанных позиций не имела апробации через общественную дискуссию. В России вообще не принято советоваться с обществом. Именно поэтому столь высока социальная

цена многих преобразований. Кроме того, снова встает проблема соответствия принципам устойчивости государственной лесной политики, что влечет за собой трудно разрешимые последствия. Основные проблемы начнутся в первую очередь у жителей лесных поселков, тех людей, которые сегодня живут в состоянии постоянного эксперимента. Но и лесопользователи при неразработанных механизмах реформы попадут в ножницы противостояния регионального и федерального уровней власти. На фоне обнищания “добытчиков богатства” страны борьба за лесные ресурсы продолжается. Кто же будет победителем? Пока вопрос открыт.

В новой редакции Лесного кодекса определяются новые условия лесных отношений. В проекте закона вполне однозначно читается организованный интерес крупного капитала. В условиях ужесточения правил в системе лесопользования обостряется вопрос социальной устойчивости лесных поселений. Сможет ли население лесных поселков пережить вторую волну реформ и адаптироваться? Поможет ли ему зарождающаяся социальная активность? Ведь в отличие от исконных крестьян, жители лесных поселков не имеют таких глубоких корней и жизнеутверждающих традиций.

Литература

1. Морозова Т.В., Гурова С.А., Козырева Г.Б. Сельские сообщества Карелии: традиции, современность, перспективы, Петрозаводск 2004
2. Козырева Г.Б. Социальные факторы устойчивого общества (на примере системы лесопользования Республики Карелия) / Социально-экономическое, духовное и культурное возрождение Карелии, Петрозаводск, 2000 (материалы международной научно-практической конференции Вторые Арсеньевские чтения)
3. Kozyreva C. Opinions of Karelians concerning participatory forest management and private forest ownnrship / Social sustainability of forestry in northern Europe: research and education. Tema Nord Helsinki, 2001

Состояние поселенческой среды Карелии

С.А. Гурова

Институт экономики КарНЦ РАН

Петрозаводск

Процессы социально-экономического развития происходящие в сельской местности достаточно полно характеризуют эволюцию различных территориальных систем: поселений, районов. Она может быть охарактеризована различными состояниями - формирования, развития, кризиса и др.

В процессе анализа состояния сельской среды Карелии выделим основные особенности ее развития, обозначим проблемы и перспективы.

Основные исторические и экономические вехи развития России: довоенный, послевоенный, дореформенный, реформенный периоды оказали существенное влияние на развитие сельской среды Карелии. Во-первых на формирование пространственно-территориальной системы расселения, во-вторых на развитие функциональной структуры поселений, и в третьих, в целом, на становление новой социальной и экономической среды Карелии.

Формирование поселения – это эволюционный процесс, детерминированный множеством факторов, в частности, особенностями использования природного потенциала территории и спецификой хозяйственной деятельности, социальной структурой населения и др. Следует отметить, что «внешние формы расселения – конфигурации сети населенных пунктов, исторически меняются, но сравнительно устойчивы, как всякие материальные формы в создание которых вложено много труда и средств» (С.А. Ковалев, 1963). Социально-экономическая среда, функциональная структура поселений, как показывает исторический опыт, более подвержены изменениям, самые заметные из которых подвержены воздействиям внешних факторов, в частности, как показывает недавний российский опыт, проводимой экономической политикой.

Довоенный период характеризуется началом развития промышленности, строительством крупных предприятий, развитием городов и поселков городского типа - Петрозаводск, Сорока, Кондопога, Кемь, Медвежья Гора. В этих населенных пунктах отмечался механический прирост населения. Другие населенные пункты - Олонец, Пудож, Сумский Посад и др. утрачивали значение каких-либо экономических центров, но сохранили за собой значение административных или местных центров [7]. Население подобных населенных пунктов продолжало расти за счет естественного движения.

Наиболее многочисленные группы мигрантов переезжали в городскую местность, численность населения которой за период 1930-40 гг. увеличилась в два раза. Несмотря на это, основная часть жителей – более 70% населения Карелии проживала в сельской местности [7].

В Карелии в рамках традиционного промыслового и сельскохозяйственного расселения сложилась гнездовая форма расселения населения. Она является одной из

самых распространенных старинных форм кучевого расселения, представляющей скопления населенных пунктов на расстоянии 0,5 - 2 км. друг от друга. Подобное расположение, в большинстве случаев, предполагает самые благоприятные условия для селитьбы и дальнейшего развития населенных пунктов [4].

Послевоенные годы ознаменованы активным развитием лесного сектора экономики Карелии, притоком мигрантов для работы на предприятиях лесной отрасли. Стали активно осваиваться западные и восточные районы Карелии. Размещение в западных районах было обусловлено в первую очередь строительством Западно-Карельской железной дороги и освоением прилегающих к ней лесных массивов, в восточных - легкодоступной транспортировкой древесины водным транспортом. С развитием лесозаготовок стал неуклонно повышаться удельный вес несельскохозяйственного населения в структуре населения.

Развитие лесозаготовок, способствовало быстрому строительству и стягиванию населения в лесные поселки. С возникновением лесных поселков стала формироваться по существу новая система расселения, которая в значительной мере стала разрушать традиционную гнездовую. На смену групповому размещению поселений приходило иное пространственное рассредоточение населенных мест – линейная форма расселения, расположение населенных пунктов вдоль транспортных путей. Она свойственна аграрно-индустриальному типу расселения, наиболее благоприятному для хозяйственного освоения территории. Независимо от того, что одни лесные поселки возникали в непосредственной близости от деревни или группы деревень, другие на слабо освоенной или вообще незаселенной территории, в обоих случаях они превращались в своеобразные центры, стягивающие население. Если многолюдный лесной поселок появлялся в обжитой зоне, в сферу его влияния вовлекались окружающие деревни, начинавшие интенсивно терять население. К 1960-м гг. в лесных поселках концентрировалось почти 40 % всего сельского занятого населения республики [4].

На территории Карелии сформировался местный тип очагового лесопромышленно-сельскохозяйственного заселения с единичными городами-центрами, с невысокой общей плотностью населения и неравномерным распределением его по территории.

Расширение сети промышленных поселков положило начало качественно новому этапу – этапу быстро нарастающего (до определенных пределов) укрупнения поселений. Количество и параметры поселений определялись факторами экономического порядка, в частности производственными мощностями леспромпхозов.

Таким образом, к 1960-м гг. в связи с преобразованием сельскохозяйственных артелей в совхозы, укрупнением деревень, районов, строительством лесных поселков, социально-экономические функции сельских поселений существенно трансформировались:

4. Уменьшился удельный вес проживающих в сельскохозяйственных поселениях административно-управленческого типа. Самыми крупными по числу жителей

поселениями стали новые центры сельсоветов, выполняющие чаще лесопромышленные и социально-культурные функции.

5. Изменилась отраслевая структура деревни, снизился удельный вес занятых в сельском хозяйстве. Менее трети всех сельских населенных пунктов составляли поселения, жители которых были заняты в сельском хозяйстве. Как правило, это были мелкие сельские поселения с числом жителей до 100 чел.
6. Появился новый тип поселений – аграрно-индустриальные. За 10 лет, к 1960-м гг. число проживающих в них возросло в два раза.

Эти процессы повлияли на трансформацию социально-территориальной структуры Карелии, основными результатами которой стали сокращение сельскохозяйственных поселений, формирование нового типа расселения сельского населения – несельскохозяйственного и аграрно-индустриального, формирование разнородной этнодемографической структуры, особенно в районах лесопромышленного освоения [6].

На территории республики сокращение происходило по-разному. С середины 1950-х гг. начался этап сокращения населения Карельского Беломорья. Решающую роль в данном процессе сыграла миграция людей в другие районы республики и за ее пределы, вызванная в значительной мере замедлением темпов хозяйственной деятельности поморских территорий, а также малоблагоприятными условиями жизни, несовершенной системой северных льгот.

Наряду с этим, увеличилось количество населения в центральных, приграничных и юго-западных районах Карелии. Только в Суоярвском, Пудожском, Сегежском и Муезерском районах от 70-90% населения проживало в лесных поселениях.

Результаты анализа структуры населения сельской местности показали, что население занимающееся сельскохозяйственным производством сократилось с 1960-х гг. в три раза. По темпам снижения сельского населения Карелия превзошла Россию. Внутри республики наибольшее сокращение отмечалось в Северной зоне. Следует отметить, что за период между переписями 1959 и 1989 гг. наибольшие сокращения сельского населения (почти вдвое) отмечено в Карельском Беломорье, темпы снижения были выше общереспубликанских.

Начиная с конца 1970-х годов, миграционный отток сменился миграционным притоком. Рост населения республики происходил как за счет естественного, так и миграционного прироста, который, как правило, не превышал пятой части общего прироста.

Дореформенный период связан с изменениями комплексного характера – на фоне истощения лесосырьевой базы происходило закрытие подразделений леспромхозов, а затем и сокращение населения, количества самих лесных поселений. К 1990-м гг. лесных поселений в Карелии стало в 3 раза меньше, чем в начале 1960-х. Это произошло за счет уменьшения небольших лесных поселений, расположенных в лесных массивах, или их объединения в более крупные на основании начавшейся районной перепланировки.

В республике было отмечено сокращение численности населения, в основном из-за естественной убыли населения, обусловленной режимом воспроизводства населения сложившемся к 1960-м годам, а также миграционным оттоком населения за пределы Карелии [7]. Тем не менее, несмотря на снижение, именно естественный прирост, вплоть до 1990-х годов, в основном, обеспечивал рост населения Республики Карелия.

Происходил так называемый процесс урбанизации – в республике с 1959 по 1989 гг. доля горожан во всем населении выросла с 63% до 81% [2].

Период преобразований реформ связан с существенными изменениями экономической и социальной структуры Карелии. С начала 1990-х гг. в Карелии наблюдается устойчивое сокращение населения, что обусловлено, в основном, естественной убылью населения. С 1990 по 2003 гг. численность населения сократилась на 53 тыс. человек, или на 7% [2], уменьшение жителей было отмечено практически на всех территориях. Исключение составляют города Петрозаводск, Костомукша. В Пряжинском, Пудожском, Муезерском, Беломорском и Медвежьегорском районах число умерших превысило число родившихся практически в 3 раза [3].

Миграционные процессы в 1990-е годы практически не оказывали существенного влияния на изменение количества населения в республике. Начиная с 2000 г. миграционный приток населения, преимущественно из стран СНГ и Балтии, отчасти компенсировал потери, обусловленные превышением смертности над рождаемостью. Замещение естественной убыли положительным миграционным приростом в 2001 г. составляло 27%, в 2002 г. – 31%. В 2003 г. миграционный прирост был несущественным – составил всего 22 человека [2].

На начало 2004 г. численность населения республики составила, по предварительной оценке, 745,3 тыс. человек [2].

Сложившиеся соотношения возрастных групп сохраняют высокую экономическую нагрузку на трудоспособное население, особенно в сельской местности. На 1000 сельских жителей трудоспособного возраста приходится 622 человека в молодом и старше трудоспособном возрастах (2003 г.) [3].

Начиная с 1993 г. в результате административно-территориальных изменений, связанных с переводом более 30 городских населенных пунктов в категорию сельских, численность городского населения автоматически сократилась более чем на 65 тыс. человек, а сельское – увеличилось на это же число. Из общего числа населения 75% проживало в городской местности и 25% – в сельской [2].

До преобразования поселков городского типа в сельские населенные пункты, сельское население постоянно уменьшалось. В связи с реорганизацией к началу 1993 г. численность жителей села увеличилась до 209,7 тыс. человек (на 43%), но уже с середины 1990-х гг. сельское население вновь стало ежегодно снижаться в среднем на 1,5 - 2% [2].

Наиболее заметные сокращения городского населения произошли в поселках городского типа - Повенце, Пиндушах, Чупе, а также в других, перешедших в категорию сельских, и городах Беломорске, Кеми, Лахденпохья, Олонце. Удельный вес городских

жителей снизился до 74%. Однако, с 2001 г. доля городского населения вновь стала расти [3].

Таблица 1.

**Административно-территориальное деление республики
(на момент переписей населения)**

Территориальные образования	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.
Районы	13	15	15	15	16
Города	12	12	12	13	13
Поселки городского типа	37	40	44	44	11
Сельские (поселковые) администрации	130	112	105	103	131

Административно-территориальное устройство Карелии количественно сохранялось на протяжении всех этапов развития (табл. 1). Однако их функциональные характеристики территориальных образований менялись.

По данным Всероссийской переписи населения 2002 г. в Республике Карелия насчитывался 681 сельский населенный пункт, в которых проживало 178,9 тыс. человек населения. За период, прошедший после переписи населения 1989 г., число сельских населенных пунктов увеличилось на 13 (на 2%), а численность населения – на 32,2 тыс. человек (на 22%) [3].

Указанные выше административно-территориальные изменения повлияли и на показатель людности сельских населенных пунктов.

В 1989 г. число жителей, приходящихся в среднем на один населенный пункт, составляло 220 человек, в 2002 г. – 263 человека. Самое большое число жителей, приходящихся в среднем на один населенный пункт, как и по переписи 1989 г., проживает в Калевальском (721 человек), Прионежском (641), Муезерском (598), Суоярвском (518), Питкярантском (420) и Кемском (357) районах; самое низкое – в Медвежьегорском (124), Кондопожском (154) и Лахденпохском (174) районах [2].

Из общего числа сельских населенных пунктов 352 (51,7%) относится к категории мелких, число жителей которых не превышает 50 человек. В мелких населенных пунктах проживает 3% сельского населения республики. Наибольшее количество мелких населенных пунктов в Пряжинском, Медвежьегорском и Кондопожском районах. По сравнению с 1989 годом число мелких населенных пунктов увеличилось на 4% [2].

Основная часть сельского населения - 73% проживает в больших и крупных населенных пунктах, где число жителей составляет 500 и более человек. По сравнению с 1989 г. количество указанных населенных пунктов увеличилось на 5%, а численность населения – на 31%. Их доля в республике увеличилась практически в два раза [2].

Наибольший удельный вес в общем количестве населенных пунктов (39%) составляют сельские населенные пункты, в которых проживают от 50 до 200 человек, их число за межпереписной период несколько сократилось (на 6%). Основная часть

населенных пунктов, где проживает более 500 человек, находится в Олонецком, Пудожском и Прионежском районах [2].

Перепись населения позволила выявить еще одну новую тенденцию: часть городских жителей проживает в сельской местности, одни после выхода на пенсию, предпочитают проживать на селе, другие выезжают на дачный сезон и т.п. Особенно это явление характерно для Прионежского, Пряжинского, Кондопожского и др., территориально расположенных вблизи Петрозаводска.

В настоящее время мы можем говорить о начале формирования новой формы расселения населения – звездообразной, связанной с несельскохозяйственным или смешанным расселением, представленной цепочками населенных пунктов (дачных поселков, поселений вдоль ж/д магистралей, автомобильных трасс) [4]. Сложившаяся система расселения является результатом взаимосвязи и влияния исторических и экономических факторов на развитие сельской среды Карелии. Обозначенная система расселения развивается на основе административно-экономических центров-городов, крупных поселений, а также через вовлечение в их пространство других сельских населенных пунктов.

В период 1997-2004 г. творческим коллективом Института экономики КарНЦ РАН проведен ряд экономико-социологических обследований 11 сельских населенных пунктов Карелии, охватившие 10% домохозяйств. Обследования носили комплексный характер, охватывали различные аспекты жизнедеятельности поселений.

Анализ эмпирической базы данных обследований позволяет охарактеризовать социально-демографическую структуру сельской местности, образ жизни сельского населения, перспективы развития сельских поселений.

Таким образом, результаты экономико-социологических опросов сельского населения Карелии 1997-2004 гг. показали:

Достаточно однородную социально-демографическую структуру сельских домохозяйств как лесных, так и сельскохозяйственных поселений. Домохозяйства представлены преимущественно супружескими парами, проживающих с 1-2 детьми (35-40%%); супружеским парами без детей и родственников (20-22%%) и одиночками старше трудоспособного возраста (14-16%%).

Среди социальных типов домохозяйств преобладает группа неработающего населения, представленная семьями пенсионного возраста – 30-38%%, а также социальные группы вышеупомянутых демографических типов, где работающих и иждивенцев одинаковое количество – 20-22%%.

Выявлены и социально неблагополучные типы домохозяйств. К ним можно отнести следующие: семьи, в которых все члены - иждивенцы и нет ни одного работника; семьи, где на одного работника приходится несколько иждивенцев. Эти две группы составили около 60% опрошенных. Около четверти опрошенного населения представлены лицами, не достигшими трудоспособного возраста - школьниками и дошкольниками.

Практически такая же доля лиц старших возрастов – пенсионеров. Именно эти две категории и определяют основную демографическую нагрузку на работающее население.

В сельской местности отмечен также ряд социальных процессов деструктивного порядка – закрытие производств, что приводит к появлению отдельных социальных групп населения, необратимо попавших в состояние социальной эксклюзии. Это прежде всего безработные в сельскохозяйственных поселениях – 8%, в лесных – 11%. Эта группа населения представляет как работников, лишившихся места работы в связи с ликвидацией, реорганизацией предприятия, так и тех, кто никогда не имел работу, что особенно проблематично в условиях формирования социальной среды лесных поселений, где данная группа населения составляет 16%.

Практически в составе каждого пятого обследованного домохозяйства сельской местности, или в 19% семей имеется, по крайней мере, один безработный. Наблюдаются случаи, когда в одном домохозяйстве несколько безработных (максимальное количество – 3 – зафиксировано в одной семье). Еще одна категория населения – молодежь испытывает существенные затруднения в трудоустройстве.

Большое количество населения уволившегося по собственному желанию и не имеющего работу вызвано, как показано результатами анкетирования, возможностями получить доходы в неформальном секторе. По результатам анкетного опроса основными источниками доходов населения являются – заработная плата у трудоспособной части населения и пенсии пенсионеров. Несмотря на то, что зарплата – практически основной источник доходов работающего населения, основной проблемой стала существенная разница между начисленными суммами и полученными реально. Эта распространенная тенденция приводит к тому, что респонденты, осознавая важность этого источника доходов, ориентируются на поиск других источников, осознавая их непостоянный или сезонный характер. В ряде случаев работники сами отказываются от постоянного места работы.

Особенностями адаптации сельского населения к рыночным условиям и функционированию в новой институциональной среде являются развитие личных подсобных хозяйств, фермерства и мелкотоварного сельскохозяйственного производства, предпринимательской инициативы, связанной с торговлей, транспортными, бытовыми услугами.

В связи с этим, можно говорить предположить определенную трансформацию сельского образа жизни, типичного для аграрно-индустриальной сельской местности Карелии.

По результатам опроса сельских домохозяйств 2003 г. более трети респондируемых в качестве наиболее ценностно-значимых сторон жизни в сельской местности отметили – привычку, 19% – «спокойную жизнь», 16% – «легче прожить материально», 12% – «проще отношения между людьми».

Оценивая степень урбанизированности образа жизни преимущественно аграрно-индустриальной сельской среды, следует отметить, что сельские жители, отдадут

преимущество привычке к сельскому образу жизни – это достаточно комплексный показатель, включающий все другие выделенные.

Такие показатели как наличие просторной жилплощади, свободного времени, характеризующие более высокое качество жизни, в оценках респондентов практически отсутствуют, в ответах их выделили не более 1% респондентов. В большинстве случаев это говорит о том, что наличие просторной жилплощади и свободное время не свойственны сельскому образу жизни, хотя они являются одними из вариантов удовлетворения бытовых и досуговых потребностей сельчан.

Мобильность в сельской местности, традиционно связывали с одним ее видом – маятниковой – с поездками сельского населения в город, другие населенные пункты. В настоящее время, среди экономически активного населения, преобладает трудовая мобильность. Маятниковая мобильность осталась присуще только населению пенсионного возраста – это поездки в город, административный центр в целях реализации необходимых социальных потребностей (оформление пенсий, льгот, получение медицинской помощи).

При опросе сельских домохозяйств Заонежья (Медвежьегорский и Пудожский районы) 2004 г. 76% респондентов отметили, что в других населенных пунктах, районах не работают. Однако более 20% уже работают на других территориях (табл. 2).

Таблица 2.

**Территории,
на которых сельское население имеет сферу приложения своего труда.**

Территории	% ответов
в ближайшем населенном пункте	8,5
в другом районе Карелии	4,3
в Петрозаводске	0,9
в Финляндии	0,9
другое	9,4

По результатам опроса 2003 г. 42% респондентов отметили, что вариант занятости на других территориях не привлекателен для них (табл. 3).

Таблица 3.

**Территории,
которые являются привлекательными для трудоустройства сельского
населения**

Территории	% ответов
в ближайшем населенном пункте	2,5
на территории района	2,5
в Карелии	16,9
в России	12,7
затрудняюсь ответить	11,9
другое	11,0

Посредством трудовой мобильности сельское население «включается» в различные виды интеграционных связей, и попадает под воздействие других социальных систем, некоторым образом меняя свои представления об образе жизни в сельской местности, будущем поселений, жизнедеятельности своих детей. Существующие контакты и связи сельского населения могут быть сгруппированы следующим образом:

Эндогенно-инициированные, в которых активность проявляется со стороны представителей сельских сообществ. В процессе формально зарегистрированной и незарегистрированной предпринимательской деятельности (торговля, транспортные перевозки, предоставление гостиничных услуг) сельчане самостоятельно организует сферу приложения своему труду, как в пределах своего населенного пункта, так и за его пределами. Официальные документы не фиксирует незарегистрированное предпринимательство. Оно относится к так называемой теневой экономике. Одной из особенностей подобной нелегальной экономической деятельности является формирование уже постоянной сферы приложения труда для отдельных социальных групп и на протяжении ряда лет уклонение от налогообложения. Данный процесс особенно актуален для «предпринимателей» г. Сортавала, г. Костомукша и отнесенных к ним населенных пунктов, что обусловлено близким расположением международных пунктов пропуска. Он является «пропуском» в приграничную торговлю, посредническую деятельность и для «предпринимателей» близлежащих территорий Питкярантского, Олонецкого районов, соединенных автомобильной магистралью.

Следует отметить, что проблемы «нерегистрируемой» приграничной торговли свойственны многим развивающимся странам. Отличает ее лишь контингент населения, развивающий подобную квазизанятость. В Карелии – это достаточно квалифицированная (в других секторах экономики), экономически активная и мобильная часть населения, а не неквалифицированные асоциальные слои общества.

Другим видом трудовой мобильности является периодическая занятость квалифицированных рабочих не только приграничных, но и многих других территорий Карелии - Муезерского, Лахденпохского, Медвежьегорского районов. Преимущественно

это территории, на которых произошли процессы высвобождения населения с предприятий по причине их реорганизации, закрытия. После реорганизации предприятий рабочие отправляются периодически «на заработки» в Санкт-Петербург, Ленинградскую область. Данная периодичность, вахтовость труда уже становится одной из постоянных форм занятости определенных групп экономически активного населения сельской местности.

Экзогенно-инициированные, в которых формирование экономической и социальной среды села, и в частности, структуры занятости, происходит под влиянием «внешнего заказчика». Им являются российские или зарубежные предприниматели, которые открывают новые производства на основе использования природных ресурсов, приобретают предприятия. Привлекательным, в большинстве случаев, является «территориальный ресурс» - лесные, горные, рекреационные ресурсы, в ряде случаев - дешевая рабочая сила селян.

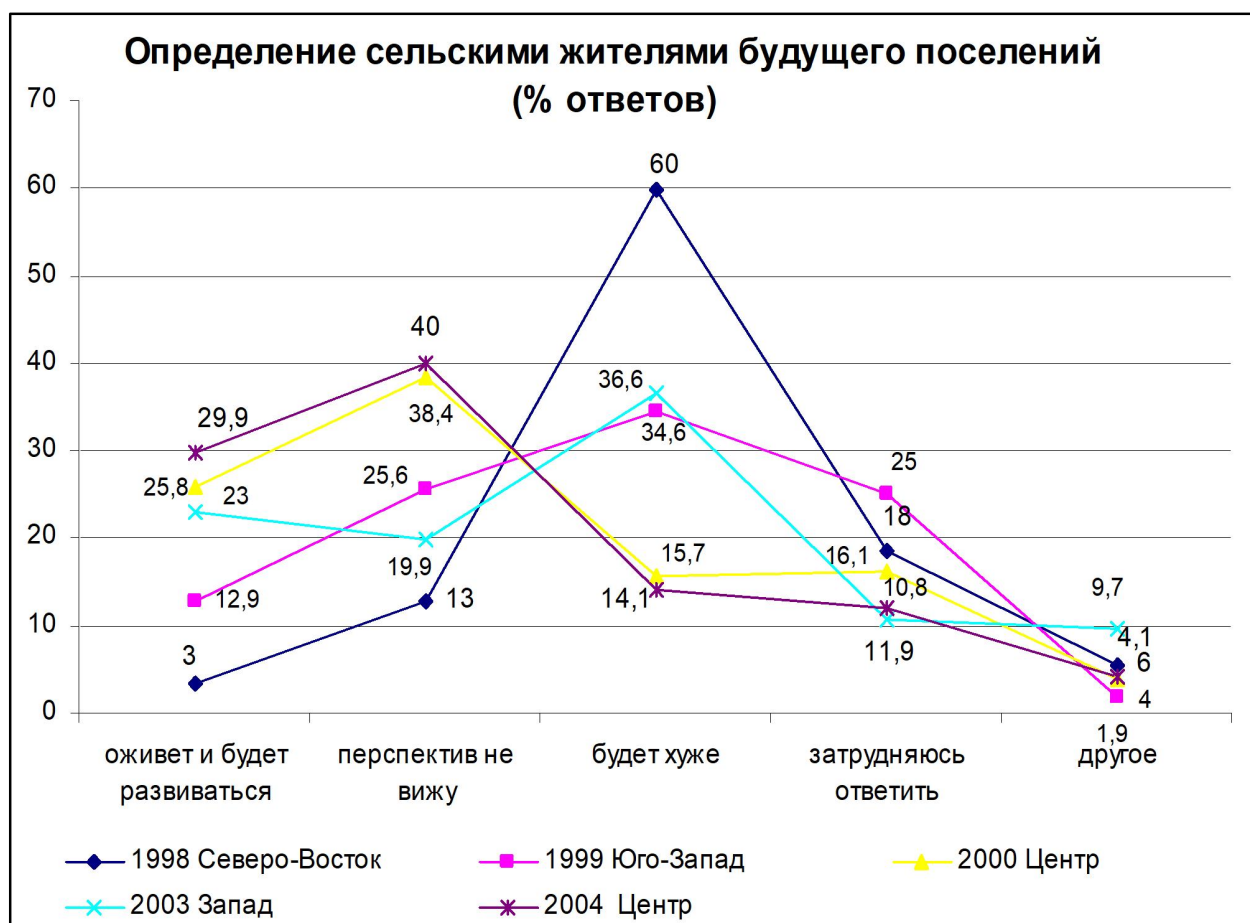

Рис. 1.

Будущее своих поселений в оценках респондентов представлено достаточно плачевно. Наиболее многочисленные группы респондентов не видят перспектив развития и возможных существенных изменений социально-экономического положения поселений.

Доминирование подобных мнений отмечено среди респондентов всех обследуемых поселений различных сельских территорий Карелии (рис. 1).

В территориальном разрезе, более половины сельских респондентов Карельского Беломорья (опрос 1998 г. Северо-Восток) считают, что в перспективе можно ожидать только ухудшение социально-экономического положения. В основном, это мнение сложилось у сельских жителей обследованных центров промышленного освоения - поселений вдоль Беломоро-Балтийского канала – п. Валдай, п. Сумский Посад, п. Сосновец и др. Можно отметить, что на территории Беломорья продолжается тенденция потери населения и начавшееся еще в начале реформенного периода в связи с угасанием хозяйственной деятельности на территории, связанной со снижением пропускной способности ББК, угасанием рыбохозяйственной деятельности в Белом море, банкротством градообразующих предприятий лесного сектора.

Мнения сельских респондентов Приладожья более дифференцированы в оценках будущего поселений. Треть опрошенных респондентов сельских поселений (1999 г. Юго-Запад) перспективы развития связывают с ухудшением положения, четверть - «перспектив не видят», другая часть населения затруднились ответить на данный вопрос. Следует отметить, что территории Приладожья обладают богатым рекреационным потенциалом, уже представленным в местной экономике. В связи с выгодным геополитическим и транспортным положением, возможности альтернативных сценариев развития территории, в частности, уже популярного туризма на основе использования рекреационного ресурса, оказались более доступными для вовлечения в экономический кругооборот, нежели территории Карельского Беломорья.

Респонденты сельских территорий центральных районов – 26% (2000 г.) и 30% (2004 г.), считают, что социально-экономическое положение в поселениях измениться «оживет и будет развиваться». Сравнивая результаты опроса 2000 г. и 2004 г., можно отметить, что распределение мнений по предложенным позициям сохранилось (рис. 1).

В оценках сельского населения относительно устроенности жизни, преобладают две оценки «жизнь скорее устроена» и «скорее нет, чем да», «совершенно не устроена». Тенденция пессимистического восприятия жизни преобладает до начала 2000 г. сменяясь более оптимистичной «да, вполне» (рис. 2) .

Самые многочисленные группы опрошенного сельского населения в 1998 г. (83%) и в 2003 г. (75%) не намерены изменить место жительства. На фоне прогрессирующей динамики сокращения сельского населения за 5-летний период, произошло увеличение количества сельских жителей, которые размышляют на предмет изменения места жительства и затрудняются с характеристикой своих миграционных настроений.

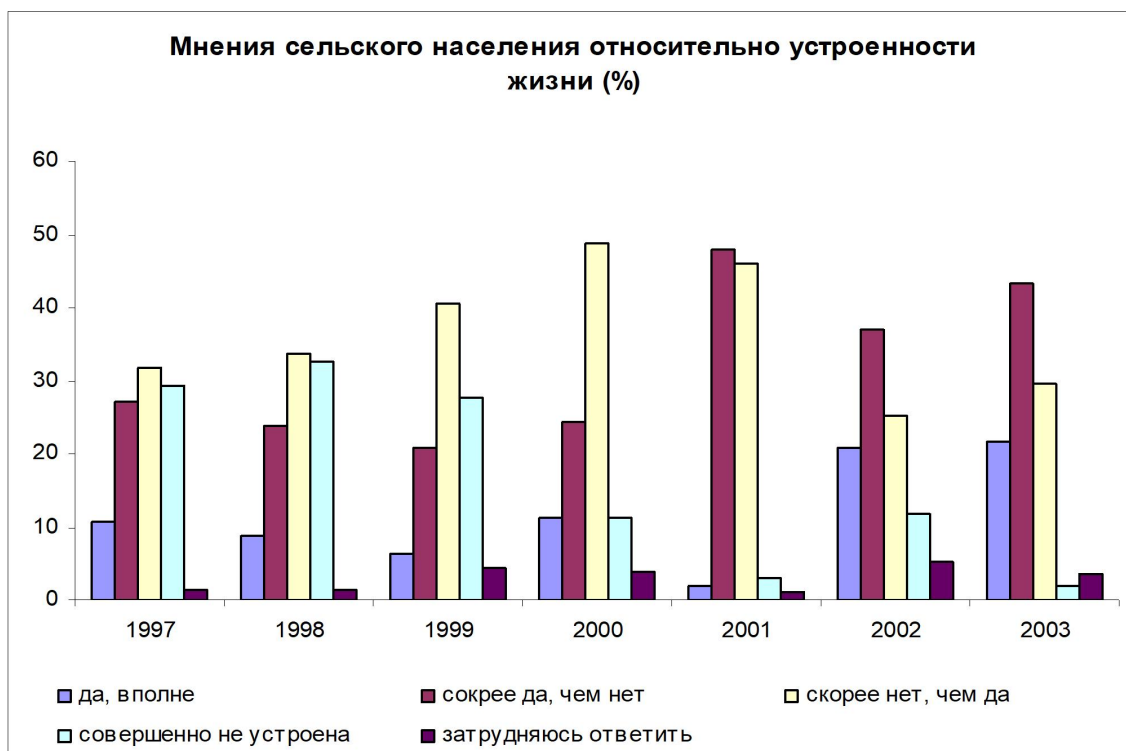

Рис. 2

На основании вышепредставленного анализа, можно говорить о том, что образ сельской среды региона, сформировавшийся к началу 1990-х гг. утрачивает свои характерные особенности.

На фоне демографо-административных преобразований, в селе происходят существенные изменения институциональной среды. Устойчивая некогда система расселения меняет внешние формы конфигурации, структурно-функциональная система поселений претерпевает изменения в зависимости от трансформации внутренних элементов системы – производственной подсистемы поселений. Ценностные предпочтения сельских жителей остаются относительно устойчивыми, но ориентации молодого поколения связаны с жизнью в более урбанизированных условиях. Появляются новые для сельской среды Карелии формы трудовой мобильности для отдельных социальных групп экономически активного населения это – «периодическая» занятость (выезд на работу в другие населенные пункты).

Литература

1. Рывкина Р.В. Образ жизни сельского населения. Новосибирск: Издательство “Наука”, 1979. - 352 с.
2. Издания Комитета гос. статистики РК / Статистика населения / Аналитические работы / 15401. Об изменении численности населения между переписями населения 1989 и 2002 годами.

3. Издания Комитета гос. статистики РК / Статистика населения / Аналитические работы / 15081. О демографической ситуации в Республике Карелия: состояния и перспективы.
4. Ковалев С.А. Сельское расселение (Географическое исследование). – М. Издательство московского университета, 1963. – 372 с.
5. Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Сельская среда и население Карелии. 1945 – 1960 гг. историко-социологические очерки. Ленинград: «Наука». 1988. - 212 с.
6. Морозова Т.В., Гурова С.А., Козырева Г.Б. Сельские сообщества Карелии: традиции, современность, перспективы. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2004. - 252 с.
7. Покровская И.П. Население Карелии. Петрозаводск, «Карелия», 1978. – 172 с.

Адаптация сельской молодежи Карелии к рынку

М.В. Дьяконова

Институт экономики КарНЦ РАН

г. Петрозаводск

Молодежь в современной России испытывает особое давление общественных проблем, а следовательно, обладает наименьшей социальной и психологической защищенностью. Особенно это относится к сельской молодежи. Жизненная перспектива сельской молодежи, понимаемая в социологии как образ (идеал) желаемого будущего, способы и планы его осуществления, является важной областью воспроизводственных процессов в сельском сообществе как в плане адаптации социальных групп к рынку, так и в связи с формированием у молодежи истинного смысла жизни.

Неравенство возможностей социальной мобильности молодежи в различных регионах - явление в России не новое, но в последние годы оно приобрело новые формы в условиях суверенизации регионов и введения платного обучения. С каждым годом возрастает взаимодействие поселенческих и образовательных структур, изменение в одной из этих структур все в большей степени сказывается на другой.

Рассмотрим социальные проблемы молодежи по данным социально-экономических обследований сел Республики Карелия проводимых отделом Социально-экономических систем и их институциональных преобразований под руководством Морозовой Т.В. в 1998-2004 гг.

Если рассмотреть распределение молодежи по видам занятий то можно отметить увеличение числа учащейся молодежи в 2004 г. по сравнению с 1998 г. на 28,6%, что составило 36,9% от общего числа опрошенной молодежи. Отчасти это можно объяснить возросшим интересом молодежи к высшему образованию. Значительно снизился процент неучащейся и неработающей молодежи на 15,3% по сравнению с уровнем 1998 г. (11,5% - 2004 г.). Здесь 1998 г. можно взять как индикатор, так как в эти годы в стране наблюдался значительный рост безработицы и не только среди молодежи, но и среди всего населения. На селе это проявилось более ярко, были закрыты основные градообразующие предприятия. Также можно отметить следующую группу - незанятые. К этой категории относятся лица находящиеся в отпуске по уходу за ребенком, домохозяйки. Достаточно высокий процент рассматриваемой группы можно объяснить следующей демографической особенностью на возраст от 16-30 лет наиболее высокий удельный вес первых рождений (рис. 1).

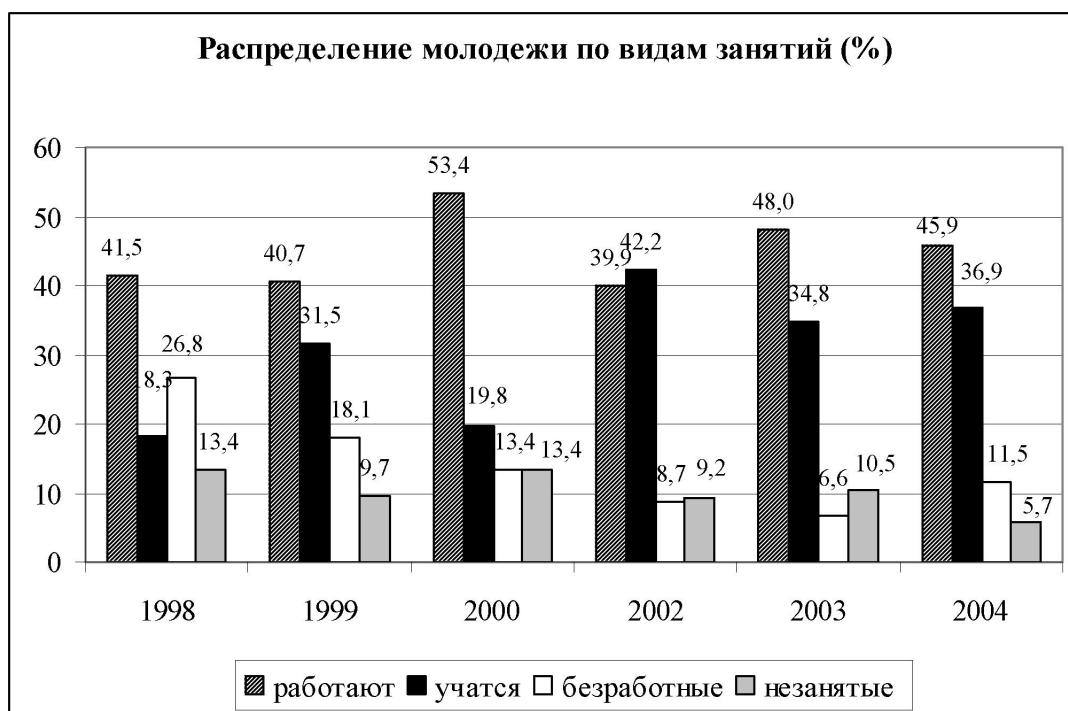

Рис. 1

В настоящее время выпускники сельских школ, где учебная подготовка традиционно ниже, оказались в более трудных условиях, по сравнению с выпускниками городских школ.

Для обеспечения равных возможностей сельских школьников в получении полноценного общего образования необходимо осуществить специальные межведомственные меры по развитию сельской школы, ее модернизации, которая должна быть направлена на повышение роли школы в социальном развитии села и поселка, в подготовке трудовых ресурсов страны. Реструктуризация школы на селе не должна определяться задачей экономии бюджетных средств, поскольку во множестве сельских местностей именно школа выполняет функции основного центра социокультурной жизни.

Для сохранения и развития сельских школ необходимо:

- сохранять и поддерживать малокомплектные школы и обеспечить в каждом населенном пункте условия для реализации программ дошкольного и начального образования;
- создать на селе образовательные и социокультурные комплексы, учебно-консультационные пункты;
- осуществить организацию системы «школьных автобусов», развитие дистанционного образования и др.;
- создать на базе образовательных учреждений культурно-образовательные, учебно-производственные, детские медико-оздоровительные центры;
- осуществлять всестороннюю поддержку сельских и поселковых школ (информатизация и обеспечение учебным оборудованием, совершенствование образовательного процесса и материально-технической базы, оптимизация сетевой

координации на базе образовательно-производственных и социально-культурных комплексов) [1].

По оценке, возможность получить высшее образование у сельской молодежи в 4 раза ниже, чем у горожан. Поступление в вузы многие сельские школьники воспринимают как большую неопределенность: нет веры в свои силы, чтобы поступать на конкурсной основе, и нет у семьи денег, чтобы оплатить коммерческую форму обучения. Отсюда возникает неравенство возможностей жизненного самоопределения молодежи не только между селом и городом, но и между крупными и небольшими, территориально удаленными городами.

Представляется, что профориентация в школе должна начинаться как можно раньше. Но особенно важное значение она имеет в старших классах, поскольку именно в этот период проблема выбора профессии становится наиболее острой. Если воспроизводство социально-профессиональных групп специалистов можно организовать путем изменения условий приема и обучения сельской молодежи в вузах, то статус настоящего хозяина земли добывается всем строем трудовой жизни селянина. В этой связи становится понятной роль ранней сельской социализации, когда молодой человек, где бы он не получал образование, не отрывается от земли, помогая вначале старшим, а, затем, беря на свои плечи нелегкую ношу аграрного труда. Вот почему важны и формы специального сельскохозяйственного всеобуча и рабочие места, где выпускнику сельской школы представилась бы возможность неспешно разобраться в самом себе, чтобы понять ценности своей жизненной перспективы и самореализоваться с наименьшими издержками [1].

В современных условиях система профессиональной ориентации должна играть более активную роль в формировании будущего работника. Многие страны с развитой рыночной экономикой имеют такую систему. Период профессиональной ориентации в странах Западной Европы: (Голландии, Германии) занимает от двух до четырех лет. Одновременно работают центры практического обучения, где молодые люди выбирают и практически осваивают специальность, слушают лекции, проходят тестирование. В итоге молодежь вступает в трудовую деятельность более сознательно и с хорошими трудовыми навыками, что значительно повышает уровень их адаптации к жизни.

Для нашей страны очень важно, чтобы подобные системы были сформированы, прежде всего, на уровне предприятий и районов, т.е. именно там, где живет и учится молодежь. В каждом сельском районе должен быть создан профориентационный совет или центр. Основными направлениями работы которого, должны стать профессиональное просвещение, профконсультация, профотбор [2].

При советской системе условия выхода молодежи на рынок труда были жестко регламентированы законодательством. Существовала централизованная система распределения по специальности с трудоустройством на работу в течение первых (наиболее неустойчивых) трех лет. Однако Постановлением Совета Министров СССР в конце 1990 г. централизованное распределение выпускников учебных заведений было

отменено. С одной стороны это позволило молодежи самой выбирать интересное место работы. С другой стороны всеобщее сокращение рабочих мест, произошедшее при переходе к рынку и отсутствие разработанных целевых государственных программ содействия занятости молодежи, привело к росту безработицы среди молодежи [3]. Для улучшения данной ситуации в Правительстве Республики Карелия, по сообщению Председателя ЗС РК Николая Левина, обсуждается возможность возвращения к практике распределения выпускников педагогических вузов на работу в село, где они должны обязательно отработать три года – в качестве платы за полученное образование.

Проблема дисбаланса спроса и предложения рабочей силы, актуальная для республики в целом, не менее остро стоит и в сельской местности. Одной из ее причин является подготовка кадров в учреждениях профессионального образования без учета реальных потребностей экономики и упразднение системы распределения выпускников. Это оборачивается разрывом цепи (прямой и обратной связи) между рынком профессионально-квалификационных услуг и запросами работодателей. Сегодня молодые дипломированные специалисты не стремятся пополнить ряды квалифицированных кадров в сельской местности. Об этом красноречиво свидетельствуют итоги проведения ярмарок вакансий “Карьера”, организованных для выпускников учреждений профессионального образования. Предложения со стороны сельских работодателей не привлекают молодых претендентов, любой ценой стремящихся остаться в городе, с которым связывают свои перспективы и профессиональный рост. Так, может случиться, что на селе в скором времени нечем будет заменить стареющие кадры [4].

То, что большинство проблем, возникающих у молодежи при трудоустройстве, являются следствием неприспособленности системы профессионального образования к рыночным условиям, подтверждают и данные наших обследований. По данным обследования 2004 г. 70,3% молодежи отметили необходимость получения новой специальности. Потребность в переподготовке особенно велика у респондентов имеющих среднее общее и неполное среднее образование. Среди основных причин можно выделить желание получать более высокую зарплату и стремление реализовать свой потенциал 49% и 27% соответственно.

Сельская местность отличается неблагоприятными, по сравнению с городскими, условиями жизни, более напряженной ситуацией на рынке труда и соответственно более глубоким проявлением социальных эксклюзий, при существенно меньшем влиянии региональных и муниципальных органов управления в регулировании рынка труда.

С началом реформ и преобразований форм собственности жизнь сельских жителей в Республике Карелия резко ухудшилась. Произошла явная утрата положительного экономического и социально-культурного наследия советского периода. В сельской местности заметно упал объем услуг социальной инфраструктуры. Снижился уровень электрификации, газификации, дорожно-транспортного сообщения, информационного обслуживания, телекоммуникации и т.д. Прекращение деятельности основных работодателей, вызванное банкротством предприятий лесопромышленного комплекса,

закрытием сельскохозяйственных предприятий и социальных учреждений, в том числе детских садов, школ, домов быта, клубов, фельдшерско-акушерских пунктов, оставили без работы сотни и тысячи людей [4].

В советские годы при поступлении на работу работникам села предоставлялся ряд социальных льгот (в том числе жилье, места в детских дошкольных учреждениях, помощь в ведении ЛПХ), регулярно оплачивался труд. В настоящее время бедственное экономическое положение большинства сельскохозяйственных предприятий привело к свертыванию социальных программ и несоблюдению элементарных социальных гарантий. Таким образом, можно констатировать, что на формирующемся сельском рынке труда еще не действуют рыночные механизмы найма рабочей силы, инфраструктура рынка труда слабо развита и удалена от сельских поселений на значительные расстояния [5].

На рубеже 1992-1993 гг. стало ясно, что дальнейшее развитие рыночных отношений в России невозможно без приватизации крупных и средних промышленных предприятий. «Рыночная» реорганизация коллективных хозяйств (бывших колхозов и совхозов) закончилась для многих из них фактическим банкротством, произошло резкое падение объемов производства, рост безработицы и как следствие беспрецедентное снижение жизненного уровня населения. Особенно тяжелая ситуация сложилась с занятостью молодежи. Обвальное сокращение рабочих мест на селе совпало с периодом выхода на рынок труда значительного контингента работников.

Главным работодателем для многих сельских жителей является крупное сельскохозяйственное предприятие (бывший колхоз или совхоз, а ныне открытое или закрытое акционерное общество, кооператив, товарищество) или если это лесной поселок – леспромхоз. По данным наших обследований в 2004 г. в данном секторе было занято 46,4% молодежи. Помимо специфической чисто сельскохозяйственной или лесозаготовительной занятости имеются рабочие места в перерабатывающих цехах, транспортных и строительных подразделениях, в торговле и пошивочных мастерских, других подразделениях, относящихся к социальной сфере села, но находящихся на балансе предприятия.

Некоторое число рабочих мест обеспечивают объекты социальной сферы села: школы и детские дошкольные учреждения, медицинские, культурные и спортивные учреждения, предприятия сферы услуг и торговли (но в последнее время количество этих рабочих мест сократилось). Рабочие места в этой сфере занятости принадлежат к разряду дефицитных в силу относительно стабильного (хотя и весьма скромного) бюджетного финансирования, обеспечивающего занятым здесь людям достаточно регулярное получение наличных денег. По нашим данным в 2004 г. около 50% всей работающей молодежи приходится на этот сектор.

Передача объектов социальной сферы с баланса сельскохозяйственных предприятий на баланс местных администраций, не располагающих достаточными финансовыми и материально-техническими ресурсами на их содержание и развитие, привела к сокращению деятельности и закрытию в ряде поселков учреждений культуры,

образования, здравоохранения; резко сократилось новое строительство объектов социальной сферы.

Экономические преобразования в нашей стране привели к появлению новых форм собственности и хозяйствования, перераспределению рабочего потенциала и безработице. Вместе с тем новые реалии подтолкнули людей к поискам путей самосохранения: через самообеспечение, главным образом, в виде вторичной занятости, к переходу в частный сектор, более интенсивному, чем прежде, ведению личного подсобного хозяйства [5]. К числу традиционных работодателей на селе добавился новый субъект - частный предприниматель (коммерсант, фермер). Как видно по нашим данным в 2004 г. 2,0% молодежи было занято в частном и семейном хозяйстве. Как правило, занятость в крестьянском (фермерском) хозяйстве имеет кратковременный сезонный характер (табл.1). Индивидуальной трудовой деятельностью был занят 1,6% от общего число занятой опрошенной молодежи

Таблица 1

**Характеристики занятости сельской молодежи (от 15-30 лет) на предприятиях
различных форм собственности (100% в строке)**

	Государственное, бюджетное предприятие	АО, ТОО	Частное, семейное хозяйство	Совместное, иностранное предприятие	Индивидуально- трудовая деятельность
1998	77,9	22,1	-	-	-
1999	65,9	32,9	1,2	-	-
2000	43,9	45,5	3,0	3,8	3,8
2002	67,2	23,9	4,5	1,5	2,9
2003	55,2	33,9	4,1	1,4	5,4
2004	50,0	46,4	2,0	-	1,6

*) Рассчитано по материалам выборочных обследований сельских жителей 1998¹, 1999², 2000³, 2001⁴, 2002⁵, 2003⁶, 2004⁷ гг.

По методике МОТ и согласно закону «О занятости населения в РФ» занятые только в ЛПХ производством продукции для собственного конечного потребления, а также занятые в ЛПХ для дальнейшей реализации произведенной продукции не признаются занятыми. В результате владельцы ЛПХ лишены социальных гарантий.

¹ «Стратегия устойчивого развития лесосырьевых районов Республики Карелия», 1997-2000, проект ФЦП «Интеграция» (№ K0985), руководитель Морозова Т.В.

² «Трансформация социального потребления населения как фактор социально-экономического расслоения общества (региональные особенности)», проект ФЦП «Интеграция» (№ M0268), руководитель Морозова Т.В.

³ «Основные стратегические направления социально-экономического развития города Сортавала на 2001-2005 г.г.», 2000, заказчик – администрация МО г. Сортавала, руководитель Морозова Т.В.

«Экономическая активность населения и социальные стандарты потребления в период экономических реформ», 1999-2000 гг., проект МОНФ (№ SP-99-3-20), руководитель Морозова Т.В.

⁴ «Трансформация социального потребления населения как фактор социально-экономического расслоения общества (региональные особенности)», проект ФЦП «Интеграция» (№ M0268), руководитель Т.В. Морозова.

⁵ «Проблемы и предпосылки формирования институтов рынка в условиях переходной экономики», 2002-2004 г.г., проект РФФИ (№02-06-80482), руководитель Козырева Г.Б.

⁶ «Экологический туризм на службе развития Муезерского района и усиления охраны природы (TSPF/0302/0062)», 2003–2004 гг., проект TACIS CBC Small Project Facility.

«Основные стратегические направления социально-экономического развития муниципального образования «Олонецкий район», 2002-2003 гг., заказчик – администрация муниципального образования г. Олонец, руководитель Шишкин А.И.

⁷ «Социальное партнерство как инновационный механизм формирования социально-ориентированной политики занятости региона», 2003-2005 гг., проект РГНФ (№ 03-0200385а), руководитель Морозова Т.В.

⁸ «Организация и проведение экономико-социологического обследования экономического поведения предприятий Республики Карелия», проект РФФИ (№03-06-88036), руководитель Козырева Г.Б.

⁹ Проект Nebex- "network of border expertise" ("NEBEX- сеть приграничной экспертной деятельности"), Interreg III A Karjala , «Рынок труда и рынок образовательных услуг». 2003г., Финляндия-Россия.

В настоящее время личные хозяйства перестали быть подсобными и превратились в основной источник доходов сельского населения и важнейший сектор аграрной экономики. Несмотря на явную архаичность хозяйств данного типа, они в условиях аграрного кризиса играют огромную стабилизирующую роль на селе и в обществе в целом. Во-первых, они обеспечивают себя, свою семью и некоторую часть сельских жителей продовольствием; во-вторых, в результате реализации произведенной продукции формируется хотя бы минимальный бюджет сельских семей, часто остающихся в современных условиях без других источников существования. Доходы от личного подсобного хозяйства составляют свыше 40% в бюджете среднестатистической сельской семьи. Наконец, приусадебные хозяйства существенно смягчают последствия нарастающей безработицы на селе в связи с упразднением, банкротством или самоликвидацией крупных сельскохозяйственных предприятий. Развитие таких хозяйств исполняет роль демпфера, в некоторой степени смягчая социальные проблемы села.

В настоящее время жители села больше всего заинтересованы в развитии бытовых кооперативов, которые могли бы собирать молоко, мясо с подсобных хозяйств, формировать оптовые партии этой продукции и доставлять ее на перерабатывающие заводы и рынки.

Как показывает мировой опыт, самый эффективный способ борьбы с сельской бедностью - это неуклонное сокращение численности занятых в сельскохозяйственном производстве и максимальное расширение количества рабочих мест вне аграрной сферы. В некоторых регионах постепенно накапливается положительный опыт программно-целевого, дифференцированного подхода к поддержке занятости и доходов сельских жителей на основе развития эффективной кооперации мелкого товарного производства с крупным. Заслуживает внимания опыт Белгородской и Орловской областей, где меры по привлечению инвестиций в АПК разумно сочетаются с поддержкой мелкотоварного производства и сельского предпринимательства на кооперативных принципах. Многообещающим может стать эксперимент, проводимый Фондом поддержки аграрных реформ и сельского развития (Росагрофонд), Фондом поддержки аграрной реформы "АГРОМир" и Всероссийским институтом аграрных проблем и информатики РАСХН. Он связан, в частности, с развитием самозанятости и увеличением доходов сельского населения в депрессивных регионах путем повышения товарности ЛПХ. Важная роль в этом процессе отводится фонду поддержки сельского развития района (ФПСР) или сельскому кредитному потребительскому кооперативу (СКПК). Данный проект осуществляется в Лодейнопольском районе Ленинградской области, где крупнотоварное сельскохозяйственное производство, по существу, разрушено, а также в Новосильском районе и двух (средних по уровню развития) хозяйствах Болховского и Должанского районов Орловской области [6].

Большинство молодых людей, которые трудятся на рабочих должностях, имеют среднее специальное образование (35,7%) и среднее общее образование (69,2%), по данным обследования 2004 г. Среди молодежи получившей высшее образование,

наибольший процент специалисты (66,7%), руководители (16,7%), на рабочих должностях работает всего около 16%. Молодежь не очень стремится с получением образования оставаться на рабочих должностях. В связи с этим может возникнуть ситуация, что при оживлении промышленного производства вновь возникнет потребность в высококвалифицированных кадрах, а таковых на рынке труда может оказаться недостаточно (рис. 2).

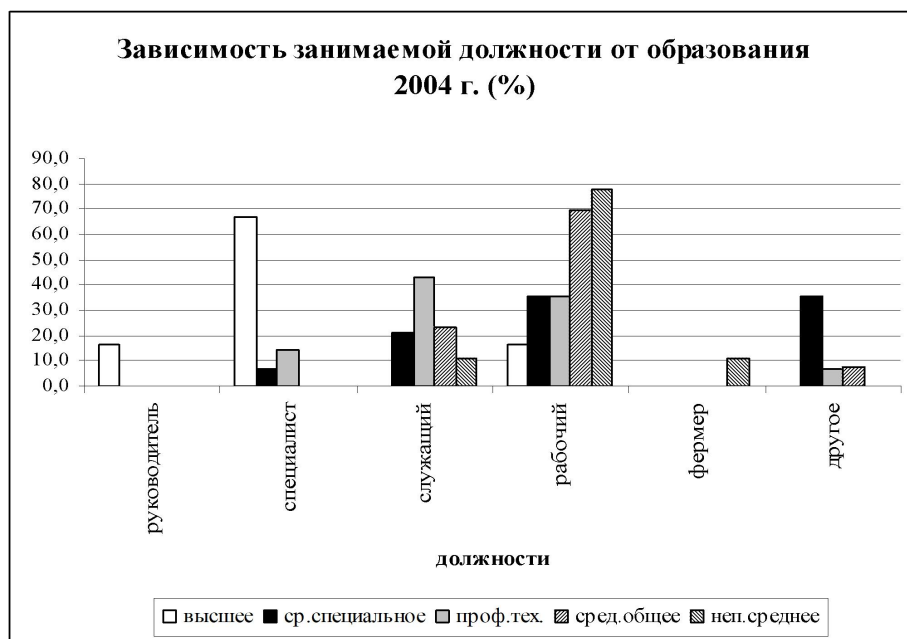

Рис. 2

Сельский рынок труда, как и общероссийский, в целом, характеризовался падением экономической активности населения, появлением новых видов и форм занятости, невысоким уровнем официально зарегистрированной безработицы при значительных размерах реальной и скрытой безработицы, распространением неформальных трудовых отношений. К особенностям сельского рынка труда относятся более низкий уровень экономической активности и занятости населения, здесь выше показатели безработицы, наблюдаются значительные сезонные колебания, хуже качественные характеристики рабочей силы и ниже ее цена, более массовое распространение получили натуроплата и неоплачиваемая занятость. Характерными чертами являются небольшое число формальных посредников в трудоустройстве сельских жителей, крайне ограниченные возможности альтернативного выбора рабочих мест [5].

Низкий уровень и нестабильность заработной платы заставляют работников диверсифицировать свою трудовую активность, прибегая к дополнительной занятости.

Из-за экономического кризиса на многих сельхозпредприятиях, полной или частичной ликвидации предприятий социально-бытовой сферы на селе и, как следствие, недоступности для сельских жителей многих услуг вырос спрос на неформальные виды обслуживания. В результате этого в последние годы увеличилось число работников оказывающих платные услуги населению в свободное от основной работы время. Речь

идет о выполнении сельскохозяйственных (обработка земли и сбор урожая), ремонте, оказании транспортных услуг и др. [5]. Дополнительную занятость без оформления среди всех опрошенных жителей в 2004 г. имели около 14%. Подавляющее большинство подрабатывает в своем населенном пункте, только около 11% имеют дополнительную занятость за пределами поселка, как правило, в ближайшем населенном пункте. Среди способов подработки можно выделить сбор грибов, ягод (38%) среди всего населения и среди молодежи 33%, ловля рыбы на продажу 21% (33%) соответственно. Также среди всех опрошенных высока доля тех, кто нанимаются обрабатывать огород – 14,3%, среди молодежи можно отметить достаточно высокий процент тех, кто нанимаются на лесозаготовки – 16,7%. Одной из главных причин дополнительной занятости молодежи можно назвать недостаточную зарплату на основном месте работы – 50%, 24% отметили наличие свободного времени и интерес – 12%.

Молодые люди более мобильны, способны прислушиваться к советам, пробовать себя в различных сферах деятельности. Именно поэтому они наиболее часто меняют место работы, стремятся заняться предпринимательством, открыть свое собственное дело. Данные наших обследований подтверждают этот факт. По данным обследования 2003 г. 53,0% уже сменили место работы. Среди основных причин смены места работы можно отметить переход на более высокооплачиваемую работу – 33%, 15% отметили получение новой специальности, 11% - переход на более интересную работу, и только 6% отметили, что сменили место работы из-за реорганизации предприятия или сокращения.

Реформирование сельского хозяйства отрицательно отразилось на состоянии социально-трудовой сферы села. Проблемы, возникшие при переходе к рынку, в частности проблему повышения конкурентоспособности, предприятия решали за счет сокращения расходов на рабочую силу. Уменьшение численности занятых на предприятиях, коснулось, в первую очередь, молодежи, как наименее конкурентоспособной группы населения, что ограничило ее возможности самореализации на рынке труда.

По данным статистики, доля молодежи среди безработных сельских жителей составляет 37%. По данным наших обследований доля безработной молодежи также составляет около 39%. Из общего количества сельских безработных 32,3% составляют молодые в возрасте от 18 до 29 лет. В рядах безработных молодых людей около 70% имеют высшее и среднее профессиональное образование; 15,5% – начальное профессиональное; 12,6% – общее среднее. На рынок труда поступают в основном три категории молодых людей: выпускники общеобразовательных школ; выпускники высших и средних профессиональных учебных заведений; лица, окончившие срочную и контрактную службу в армии [7].

По республике Карелия уровень общей безработицы на селе превышает общереспубликанский показатель. На начало 2004 г. он составил 10,9% (по республике – 8,2%). В ряде населенных пунктов данный показатель достигал 30%. Уровень регистрируемой безработицы здесь также выше - 5,5% (по республике – 3,0%).

Государственная служба занятости населения (ГСЗН) реализовала мероприятия по содействию занятости сельской рабочей силы. Однако в условиях массового спада производства, закрытия основных предприятий-работодателей, отсутствия рабочих мест на селе ее усилия не могли кардинально изменить положение на рынке труда [4]. По данным наших обследований в 2004 г. доля безработной молодежи в возрасте от 15-30 лет составляла 28,2% от общего числа безработных.

Увеличение численности безработных среди молодых людей, невостребованность их на сельском рынке труда обуславливаются рядом объективных и субъективных причин. Во-первых, ростом общей численности безработных в связи с уже состоявшимся и предстоящим банкротством значительной части сельскохозяйственных предприятий. Во-вторых, тем, что в последние годы деятельность промышленных предприятий в основном направлена на самосохранение и выживание, а не на развитие и расширение производства. В-третьих, отсутствием у молодых людей достаточного опыта, в связи с чем, их в последнюю очередь принимают на работу при наличии вакантных должностей, и первыми сокращают при снижении объемов производства. В-четвертых, рост числа безработных среди молодых селян в значительной степени связан с несоответствием их профессиональной подготовки требованиям рынка труда и отсутствием соответствующей современным требованиям профориентационной работы среди молодежи [7].

Образовательный уровень сельских безработных был значительно ниже, чем в целом по республике. Удельный вес лиц имеющих профессиональное образование на 01.01.2004 г. составлял 43,6% (по республике - 50,5%). Особенно велик был разрыв между долей безработных граждан с высшим образованием в сельской местности и по республике в целом. Соотношение этих показателей составило на 01.01.2004 г. – 2,3% и 5,4% соответственно. Если в целом по республике перевес наблюдался в пользу лиц, владеющих профессией, то на селе доля незанятых граждан со средним общим образованием или вовсе не имеющих такового, доминировала. Опасение вызывает сравнительно высокий процент необразованных (без среднего общего образования) безработных (на 01.01.2004 г. – 26,4% , по республике - 21,2%).

Как отмечалось выше, молодые специалисты после окончания профессионального учебного заведения не стремятся работать на селе. Поэтому в составе сельских безработных доля выпускников учреждений профессионального образования, особенно выпускников ВУЗов, ниже республиканского показателя: на 1.01.2004 г. – 2,0% (3,5% соответственно). Профессиональные навыки тех, кто все-таки вернулся в село, оставались без применения, что отчасти вело к безработице среди выпускников [4]. По нашим данным в 2004 г. по 30,8% безработной молодежи имели среднее специальное и неполное среднее образование, 13,5% среднее общее образование.

По данным наших обследований среди основных причин незанятости молодежи можно отметить тех, кто покинули последнее место в связи сокращением, реорганизацией или ликвидацией предприятия - 5% в 2003 г., однако можно отметить, что этот процент значительно уменьшился по сравнению с 1998 г. – 25,7%, что можно объяснить пиком

закрытия предприятий, в том числе государственной формы собственности пришедшимся

на середину 90-х годов. Снижение этого процента можно объяснить некоторой стабилизацией ситуации в экономике. Увеличился процент уволившихся по собственному желанию, с 7% в 1998 г. до 20% в 2003 г., что можно объяснить существованием определенного разрыва между завышенными требованиями молодых людей к рабочему месту и оплате труда. Уменьшается число тех, кто никогда не имели работы с 41% в 1998 г. до 15% в 2003 г. (рис. 3).

Рис. 3

Так как молодежь не имеет четких социально-трудовых ориентиров, сроки безработицы играют очень серьезную роль. В сельской местности в связи с

ограниченными сферами приложения труда безработица имеет затяжные формы. Средняя продолжительность незанятости на селе выше, чем по республике в целом (2003 г. - 4,34 мес., по республике – 3,48 мес.) [7]. По данным наших обследований в 2000 г. удельный вес лиц, не работающих от полугода до двух составил 40%. В 2002-2004 он снизился до

20%, в то же время повысилась до 32% доля лиц с меньшей продолжительностью безработицы со сроками от одного до трех месяцев.

Рис.4

В способах поиска работы, можно отметить достаточно высокий процент тех, кто обращается на предприятие 46% в 2003 г. Примерно такой же процент вообще не предпринимал никаких действий для поиска работы. Снизился процент тех, кто обращаются к друзьям, родственникам с 17,6% в 2000 г. до 7,7% в 2003 г. Необходимо также отметить, что увеличилось число тех, кто обращался в Службу занятости с 11,8% в 2000 г. до 30,8% в 2003 г. (рис. 4).

Поскольку несельскохозяйственные виды деятельности на селе в большинстве регионов практически отсутствуют, есть все основания прогнозировать еще более социально опасную вторую "волну" сельской безработицы. Отчасти она может быть обусловлена проникновением в АПК промышленного и торгового капитала с его жесткой политикой занятости (организация крупных холдингов и агрофирм), а также формированием земельного рынка. В связи с вступлением России в ВТО возникают серьезные опасения, что рост безработицы будет, подхлестнут банкротством значительной части сельскохозяйственных предприятий.

Безработица приводит к потере молодыми людьми трудовых навыков, к утрате способности к интенсивной работе, в ряде случаев она ведет к деградации личности, отрицательно влияет на демографическую ситуацию на селе. Происходит массовый отток молодых людей из сельской местности. Численность выбывших из села в 2002 г. по сравнению с 1998 г. увеличилась почти в четыре раза. Молодежь тянется в город, где намного больше возможностей получить образование и профессию, востребованную на рынке труда, а так же реализовать стремление к самостоятельному заработку. В основе этого лежат, прежде всего, социально-экономические (размер заработной платы, условия труда, проблемы жилья, быта и культуры) и социально-психологические факторы (престиж работы). Экономический кризис в сельском хозяйстве практически остановил создание для тружеников села, необходимых производственных, жилищных и социальных гарантий.

С целью определения основных тенденций и точек зрения относительно процесса трудовой миграции в Республике Карелия в 2003 г. в рамках проекта были проведены качественные интервью с руководителями и специалистами Министерства образования и по делам молодежи РК, Министерства труда и социального развития РК, Министерства экономики РК, профессиональных образовательных учреждений, профсоюзных организаций, Миграционная Служба РК, Департамента Федеральной Государственной службы занятости населения РК (далее Департамент занятости РК), Центра занятости г. Петрозаводска и Центров занятости приграничных территорий (Лахденпохья, Сортавала и Питкяранта).

Что касается трудовой миграции российских граждан, то с точки зрения опрошиваемых, эта проблема считается крайне актуальной. Среди категорий мигрирующих, на первый план выдвигается проблема трудовой миграции молодежи. Со временем молодежная миграция должна усилиться, поскольку мало что делается, чтобы ее остановить. Для молодежи трудно найти свое место на рынке труда, и молодых специалистов не устраивает, прежде всего, уровень заработной платы.

Особое беспокойство вызывает миграция молодежи из села. В основном уезжает молодежь, которая не обременена семьей. Уехав из села в город на учебу, молодые люди, как правило, не возвращаются обратно. Приезд молодых специалистов в сельскую местность сдерживает отсутствие нормальных бытовых условий, жилья, низкая заработная плата. Процесс молодежной миграции будет усиливаться, если никаких радикальных мер не будет принято в ближайшие годы по развитию села. Необходима разработка программы по закреплению молодежи на селе, которая включала бы, в том числе и меры по поднятию статуса учителя, решение жилищного вопроса (например, выделяя лес и участок под застройку для молодой семьи).

Проблема закрепления молодежи на селе волнует Министерство образования РК и Профсоюз работников образования РК. Эта проблема тесно связана с вопросами кадровой политики в сфере образования и является предметом дискуссий не только на региональном, но и на российском уровне. В сентябре 2003 года состоялся 4-й всероссийский съезд профсоюзов работников образования, посвященный этой проблеме.

Кроме того, начиная с конца 80-х годов сальдо миграции в сельскую местность было положительным, в результате чего напряженность на рынке труда усилилась. В ближайшей перспективе российское село будет испытывать мощное давление со стороны других государств Содружества, мобильность населения которых подхлестнется продолжающимся развалом крупнотоварного аграрного сектора. В настоящее время отечественные сельхоз и особенно лесные предприятия, фермеры интенсивно используют сезонную рабочую силу из Украины, Молдавии, Белоруссии и других стран Содружества на не требующих квалификации трудоемких работах. Работодатель повернулся лицом к дешевой рабочей силе, работающей в основном вахтовым методом, не обремененной семейными проблемами. Низкий профессионально-квалификационный уровень местной рабочей силы, проблемы с трудовой дисциплиной и усиливающаяся деградация местного трудоспособного населения, особенно в лесных поселках, заставляет работодателя решать кадровые проблемы за счет привлечения иностранной рабочей силы.

Результаты исследования позволили выявить такие проявления социальных эксклюзий на сельском рынке труда – как безработица, низкая заработная плата, ограничение свободы профессионального выбора и выбора сферы занятости [8].

Первостепенную роль в решении молодежных, как и в целом проблем села, играет восстановление и дальнейшее развитие социальной инфраструктуры села, материально-техническое оснащение сельскохозяйственного производства, его агрономическое и

зоотехническое сопровождение, финансовая и моральная поддержка сельских тружеников [4].

Необходимо развивать систему социального партнерства на селе. Особое внимание следует уделить подготовке молодых специалистов, использовать различные механизмы закрепления на селе (в том числе контрактную систему обучения, выделение жилья, установление достойной заработной платы).

Учитывая накопившиеся на сельском рынке труда серьезные деформации, наладить его эффективное регулирование и обеспечить надежную социальную защиту безработных в короткие сроки вряд ли возможно. Тем более что в последние годы интерес властей, как федеральных, так и региональных, к теме сельской занятости явно упал. Об этом свидетельствует, в частности, упразднение федеральной целевой программы содействия занятости населения и "замена" ее отдельными мероприятиями Минтруда России, в которых вопросы сельского рынка труда практически игнорируются. В настоящее время сельский рынок труда как никогда нуждается в разумной государственной поддержке, в активных действиях и четкой координации усилий ведущих министерств, ведомств и других организаций, разрабатывающих и реализующих политику занятости в аграрной сфере (Минтруда РФ, Минсельхоза, Госстроя, Роспотребсоюза, ЦК профсоюзов работников АПК).

Требуются серьезные научные проработки социальных и экономических последствий "открытия" сельского рынка труда для иностранной рабочей силы. Особо важен региональный аспект этой проблемы - с точки зрения приоритетности создания и сохранения эффективных рабочих мест в сельском хозяйстве и альтернативных несельскохозяйственных сферах занятости, в первую очередь для безработной коренной молодежи. Определенную роль здесь может сыграть возрождение национальных, художественных и народных промыслов, развитие туризма в сельских районах [6].

Без решения этих сложнейших задач карельское село в скором времени может стать инкубатором безграмотной молодежи, хронических безработных, маргинальных элементов и, в конечном счете, будет обречено, в лучшем случае, на существование в рамках натурального подсобного хозяйства для обеспечения минимальных физиологических потребностей, в худшем – на вымирание [4].

Литература

1. Великий П., Заикина А. Ценности жизненной перспективы / Высшее образование в России, №2, 1999.
2. Федотова М.Ю. Кадровый потенциал села / Социс, №2, 2001. стр. 120-121.
3. Дунаева Н. Молодежь на рынке труда / Вопросы экономики, №1, 1998. стр. 81-91.
4. Анненков М.В., Заводовский Г.А., Фролова Е.Е. Обзор регистрируемого рынка труда сельских населенных пунктов Республики Карелия за период 2001-2003 годов / Спрос и предложение на рынке труда и рынке образовательных услуг в регионах России: Сб. докладов по материалам Всероссийской научно-практической Интернет-конференции с международным участием, в 2 книгах / ПетрГУ. – Петрозаводск, 2004. – 248 с. Книга 2. Стр. 3-13.
5. Сергиенко А.М., Калугина З.И., Родионова Л.В., Фадеева О.П., Муронова И.Ю. (Новосибирск, Барнаул) Экономическое поведение населения и социальные эксклюзии на сельском рынке труда / социальная политика: реалии XXI века. Выпуск 2: GP/2004/2005/ Независимый институт социальной политики. М.: Поматур, 2004.
6. Панков Б. Сельская занятость: нужны не столько деньги, сколько оригинальные решения / Человек и труд, №8, 2002.
7. Ельчанинов П.М. Проблемы трудовой занятости сельской молодежи / Социс, №2, 2004.
8. Белая Р.В. Дьяконова М.В. Трудовая миграция и региональный рынок труда: мнения, взгляды, перспективы / Спрос и предложение на рынке труда и рынке образовательных услуг в регионах России: Сб. докладов по материалам Всероссийской научно-практической Интернет-конференции с международным участием, в 2 книгах / ПетрГУ. – Петрозаводск, 2004. – 248 с. Книга 2. Стр. 13-21.

Изменение режима воспроизводства сельского населения Карелии

Н.В. Маслякова

Институт экономики КарНЦ РАН
Петрозаводск

Республика Карелия принадлежит к числу малозаселенных регионов России. По численности населения она занимает 67 место среди субъектов федерации и 9 – в Северо-западном федеральном округе. На территории республики проживает только 0,5% населения Российской Федерации. На 1 января 2003 г. население Республики составило 715,2 тыс. человек (табл. 1).

Таблица 1

Динамика постоянного населения Республики Карелия за 1990-2003 гг.

(на начало года, тыс. человек)

	19 90	19 91	19 92	19 93	19 94	19 95	19 96	19 97	19 98	19 99	20 00	20 01	20 02	20 03
Всего	79 4,8	79 8,2	79 9,2	79 8,4	79 3,0	78 8,1	78 3,8	77 9,1	77 5,2	77 1,1	76 5,1	76 0,6	75 6,4	71 5,2
в том числе:														
городс кое	64 8,7	65 3,1	65 4,9	58 8,7	58 6,0	58 4,1	57 8,3	57 1,3	56 9,9	56 8,0	56 5,0	56 2,9	56 2,0	53 7,4
сельск ое	14 6,1	14 5,1	14 4,3	20 9,7	20 7,0	20 4,0	20 5,5	20 7,8	20 5,3	20 3,1	20 0,1	19 7,7	19 4,4	17 7,8

Основная часть населения сосредоточена в городах и поселках городского типа - 537,4 тыс. человек и 177,8тыс. человек проживает в сельской местности. Удельный вес сельских жителей составил в 2003 г. 24,9% (рис.1).

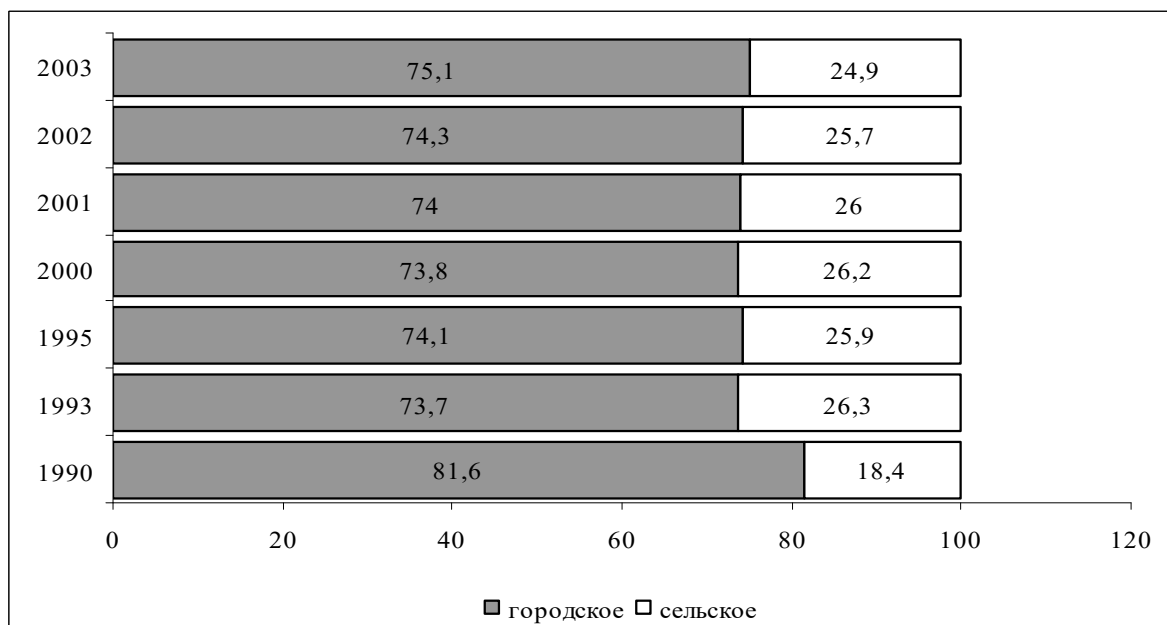

Рис. 1. Соотношение городского и сельского населения (%)

Перепись населения 2002 г. выявила новую тенденцию – часть городского населения постоянно проживает в сельской местности. В частности это отмечено в районах, территориально расположенных вблизи города Петрозаводска.

Анализируя динамику численности сельского населения, можно отметить сокращение селян на протяжении уже многих лет. Главной причиной увеличения численности сельского населения Карелии в 1992 г. являлись административно-территориальные преобразования: 33 поселка городского типа с общей численность 65,3 тыс. человек стали сельскими населенными пунктами. Однако, несмотря на искусственное увеличение «сел», численность сельских жителей, начиная с 1994 г., вновь стало ежегодно уменьшаться в среднем на 1,5-2%: с 208,3 тыс. человек на начало 1993 г. до 177,8 тыс. человек на начало 2003 г (2).

В Карелии 774 сельских населенных пунктов, из них 109 (14%) – без населения. Из общего числа сельских населенных пунктов – 359 (46%) относится к категории мелких, число жителей которых не превышает 50 человек, в 196 число жителей не превышает 10 человек, в них проживает 3% сельского населения республики.

Основная часть сельского населения проживает в больших и крупных населенных пунктах (73%), где число жителей составляет 500 и более человек.

Таблица 2.

**Распределение сельских населенных пунктов по численности
жителей на 1 января 2004 г.**

	Число сельских населенных пунктов	Численность постоянного населения, тыс. человек
Сельские населенные пункты – всего	774	174,8
из них с числом жителей, тыс. человек		
Без населения	109	-
до 0,49	555	44,7
0,5 - 0,99	60	42,6
1,0 - 1,99	35	47,1
2,0 - 2,99	11	26,7
3,0 и более	4	13,7

Изменилась структура сельских населенных пунктов. В период проведения переписи населения 1989 г. в Карелии отсутствовали сельские населенные пункты с численностью населения свыше 3 тыс. человек. В настоящее время их 4. Уменьшение численности сельского населения республики вызвано главным образом его естественной убылью (превышением числа умерших над числом родившихся). Смертность составила в 2002 г. 23,2 на 1000 человек населения, в то время как уровень рождаемости всего 9,9. Естественная убыль составила в 2002 г. 13,3 на 1000 человек населения, что более чем в 2 раза выше, чем в городе (- 6,4). Процесс естественной убыли населения сохраняет устойчивый характер (рис 2.). Небольшой позитивный сдвиг в последнее время в показателе рождаемости вызван вступлением в детородный возраст поколения женщин, родившихся в середине 70-х, начале 80-х годов, когда рождаемость в республике была высокой. Это поколение и обеспечивает некоторое повышение числа новорожденных и общего коэффициента рождаемости. Суммарный показатель рождаемости (число рождений на одну женщину в течение жизни) сохраняется на уровне прежних лет и составляет 1,39 рождений на одну женщину в возрасте 15-49 лет, тогда как для простого численного замещения родителей нужно 2,14-2,15.

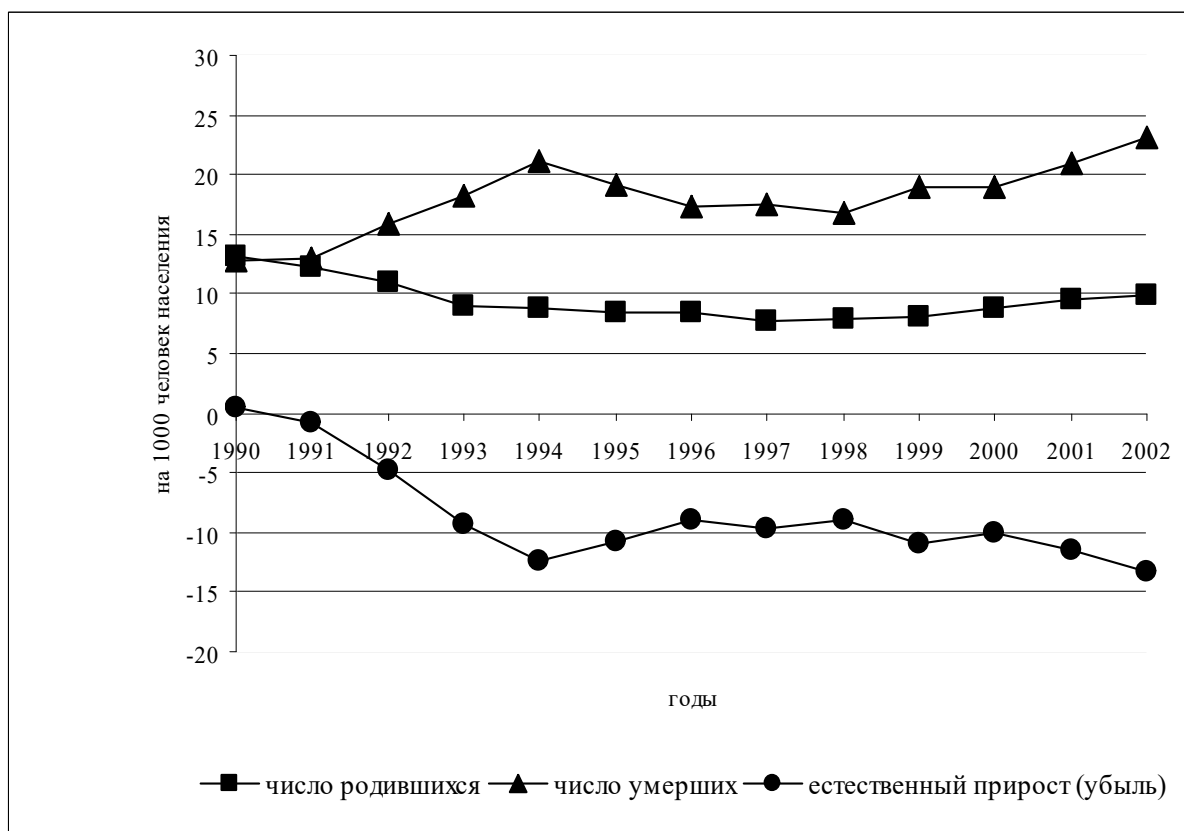

Рис. 2. Естественное движение сельского населения Республики Карелия

По данным переписи населения 2002 г., в Республике Карелия насчитывается 280 тыс. частных домохозяйств¹: 208 тыс. – в городской местности и 72 тыс. – в сельской. Средний размер сельского домохозяйства составляет 2,4 человека. В сельской местности доминируют домохозяйства состоящие из 2 человек – 22,4 тыс., 1 – 19,2 и 3 – 16,0. Это свидетельствует о распространении на селе малодетной семьи (чуть больше одного ребенка на семью) (1).

Ситуация с воспроизводством населения осложняется из-за неблагоприятного развития брачно-семейных отношений. Они характеризуются двумя противоположными процессами: ростом количества разводов и увеличением числа зарегистрированных браков. В тоже время необходимо отметить, что молодые люди зачастую отказываются от регистрации брачных отношений, распространяются добрачные сожителства и не оформленные юридически браки. Это ведет к дополнительному росту внебрачных рождений, удельный вес детей, рожденных женщинами в незарегистрированном браке, в общем числе родившихся составил в 2002 г. 40,3%. Наибольшее число внебрачных рождений у матерей в возрасте до 20 лет более 53,4%. Пиковое значение приходится на самые молодые возраста от 15 до 17 лет, которые сами еще являются детьми и не могут

¹ Частные домохозяйства - это домохозяйства, проживающие в индивидуальных домах, отдельных и коммунальных квартирах, общежитиях, гостиницах, традиционных жилищах (чумах, ярангах, юртах и т.п.) и других помещениях, приспособленных для жилья. Впервые после переписи 1897г. за учетную единицу переписи была принята не семья, а домохозяйство. В отличие от семьи, домохозяйство может включать не родственников и состоять из одного человека.

дать ребенку даже самого необходимого, что отражает снижение возраста начала половой жизни, рост добрачных беременностей.

В сельской местности сохраняется высокая смертность населения. Основными причинами смерти населения являются болезни системы кровообращения, несчастные случаи, отравления и травмы и новообразования. В 1993 г. несчастные случаи, отравления и травмы в структуре причин смерти переместились с третьего места на второе.

Главной проблемой остается смертность трудоспособного населения. Особенно критическая ситуация сложилась у мужчин. Смертность у них в 3,4 раза выше, чем у женщин. Основными причинами смертности в трудоспособном возрасте являются травмы, несчастные случаи, в т.ч. суициды, отравления. Здесь смертность мужчин в сельской местности намного выше, чем у горожан.

При низком уровне рождаемости значительная смертность в трудоспособном возрасте ведет к быстрому старению населения. Сегодня возрастная структура населения на селе более "старая", чем в городе. Средний возраст жителей села на начало 2002 г. составил 37,6 лет (мужчины 35,0 лет, женщины – 40,1 год), в городе соответственно – 36,8 лет (34,4 и 39,0).

Половозрастная структура сельского населения республики характеризуется:

- сокращением доли детских возрастных групп;
- сохранением высокого удельного веса женщин, что характерно не только для населения республики, но и для всей России.

В сельской местности значительное превышение численности женщин над численностью мужчин наблюдается преимущественно в старших возрастных группах, начиная с 50-летнего возраста.

В итоге это отражается на ухудшении пропорции между трудоспособными и нетрудоспособными возрастами населения (табл.2).

Таблица 2

Возрастная структура населения, %

Структура населения	2001 г.	2002 г.
Численность населения в возрасте		
Моложе трудоспособного (0-15 лет)	19,9	19,2
Трудоспособном	59,7	60,5
Старше трудоспособного	20,4	20,3

Увеличивается численность населения в трудоспособном возрасте, т.к. в данную возрастную группу входят лица 80-х годов рождения, когда рождаемость в республике была высокой.

Все это существенно сказывается на величине показателя продолжительности жизни населения, который не превышает у мужчин 55,9 лет, у женщин – 69,7 лет. Это целом по Республике Карелия. В сельской местности в 2002 г. он составил еще меньше – 52,3 года у мужчин и 67,4 года у женщин.

Литература

1. Основные итоги Всесоюзной переписи населения 2002 г. – М., 2003.
2. Демографический ежегодник Республики Карелия: Стат. сб. / Госкомстат РК. Петрозаводск, 2003.

Особенности социально-экономической дифференциации районов Республики Карелия

Т.В. Морозова., Р.В. Белая

Институт экономики КарНЦ РАН

В.Н. Харин

Институт прикладных математических исследований

Петрозаводск

Период экономических реформ, проводимых в России, сопровождается неравномерностью социально-экономического развития регионов России и территорий муниципальных образований в рамках региона. Для управления территориями внутри региона, при принятии решений важно знать особенности социально-экономического развития территорий.

В рамках исследовательской программы центра «Социо-Логос» по построению региональной панели домохозяйств и предприятий (проект № 036/1-01-ТК "Создание независимого аналитического центра социального анализа и реконструкции") была поставлена задача выделения конгломератов регионов по степени их социально-экономического развития с учетом существующего административно-территориального деления Республики Карелия. В настоящее время административно-территориальное деление Республики Карелия представлено 19 муниципальными образованиями (районами): Петрозаводск, Кондопога, Беломорский, Калевальский, Лахденпохский, Лоухский, Медвежьегорский, Муезерский, Олонецкий, Питкяранта, Прионежский, Пряжинский, Сегежа, Суоярвский, Сортавала, Кемь, Пудожский, Костомукша, Вепская волость.

Для выявления степени дифференциации социально-экономического развития территорий Республики Карелия в качестве дифференцирующих параметров был выбран 21 показатель, характеризующий состояние территориального образования. Показатели были отобраны из предположения, что территория Республики неоднородна по некоторым экономическим и социально-демографическим параметрам и может быть представлена несколькими однородными группами районов.

В состав анализируемых параметров включены несколько блоков показателей. В блок параметров, характеризующих социально-демографическую структуру населения включены: число родившихся на 1000 человек населения (РОДИЛ.), число умерших на 1000 человек населения (УМЕРШ.), доля городского населения от общей численности населения района (УД.В Г.Н).

Следующий блок представляют параметры, характеризующие состояние формирующегося рынка труда районов Республики Карелия. Параметры занятости и безработицы характеризуют специфику современного экономического развития

территории, отражают уровень социальной напряженности и включают следующие вопросы:

- доля занятых на промышленных предприятиях от общего числа занятых в районе (ЗАНПРОМ);
- доля занятых на сельскохозяйственных предприятиях от общего числа занятых в районе (ЗАНСХ);
- напряженность на рынке труда Карелии (НАПРЯЖ) (количество человек, претендующих на одну вакансию);
- доля безработных женщин в общем числе безработных (ЖЕНЩ.БЕЗ);
- доля безработной молодежи в общем числе безработных (МОЛ.БЕЗ);
- продолжительность безработицы (ПРОД.БЕЗ);
- уровень безработицы (УРОВБЕЗ).

На наш взгляд интерес представляет также блок показателей, характеризующих развитие районов с точки зрения освоенности территории:

- количество населённых пунктов на 100 кв.км (КНП100);
- среднелюдность (СР.ЛЮДН) (наличное население /число населённых пунктов);
- плотность населения в районе (ПЛТ.НАС)
- степень освоенности территории (общая протяженность дорог на 100 кв. км) (СТОСВ);
- количество средних и крупных предприятий на 100 кв. км. (КПРЕД100);
- общий товарооборот розничной торговли на 100 чел. (ОТРТОРГ).

В Республике развиты отрасли сельского хозяйства и промышленности. Предполагалось, что существует дифференциация районов в развитии этих отраслей и потому в исследование включены следующие показатели, характеризующие экономическое развитие регионов:

- посевные площади сельскохозяйственных культур (ППСХКД) (га на 1000 чел.);
- вес производимой продукции растениеводства (УВСХП) (тонн на 1000 чел.);
- доля посевных площадей сельскохозяйственных культур в общей площади района (ДППСХК);
- объём производства промышленной продукции (ОПППД) (крупных и средних предприятий) на 1000чел.;

В список анализируемых показателей был включен показатель, отражающий уровень криминальной обстановки и социальной безопасности – число зарегистрированных преступлений на 10 тыс. жителей (ПРЕСТУПН). Этот параметр чувствителен к изменению социально-экономической ситуации территории, достаточно хорошо отражает степень её сложности в регионе.

Предполагая наличие взаимосвязи между выбранными показателями для их анализа были привлечены методы математической классификации (факторный анализ) (1). Методом главных компонент из матрицы взаимосвязи (матрицы парных коэффициентов корреляции) 21 показателя было выделено 6 факторов (F1 – F6). Результаты факторного

анализа позволили по знакам и величинам факторных нагрузок выделить 12 линейных комбинаций исходных показателей: 6 - по положительным и 6 - по отрицательным высоким факторным нагрузкам. Каждая из комбинаций отражает определенное сочетание социальных, экономических и территориальных показателей.

Из внешних взаимосвязей между исходными показателями (матрицы парных коэффициентов корреляции) было извлечено 6 новых интегральных показателей-факторов (Таблица 1).

Таблица 1

**Результаты факторного анализа
(факторные нагрузки на исходные показатели)¹**

№	Исходные показатели	Факторы					
		F1	F2	F3	F4	F5	F6
1	2	3	4	5	6	7	8
1	НАПРЯЖ	-0.260	0.058	-0.240	<u>-0.508</u>	<u>0.501</u>	-0.028
2	УРОВБЕЗ	-0.338	-0.015	-0.296	<u>-0.589</u>	0.380	-0.362
3	ЖЕНЩ.БЕЗ	0.002	0.063	-0.243	<u>0.883</u>	0.061	-0.064
4	МОЛ.БЕЗ	-0.292	<u>-0.727</u>	0.328	0.344	0.112	0.260
5	ПРОД.БЕЗ	0.381	0.066	0.020	-0.025	<u>0.782</u>	0.179
6	ПРЕСТУПН	-0.025	0.110	-0.005	-0.059	0.069	<u>0.865</u>
7	ЗАНПРОМ	-0.268	-0.334	<u>0.811</u>	0.074	0.068	-0.180
8	ЗАНСХ	-0.054	<u>0.942</u>	-0.139	0.001	0.051	0.185
9	РОДИЛ.	-0.374	-0.110	0.260	<u>0.552</u>	-0.094	-0.353
10	УМЕРШ.	-0.227	0.330	<u>-0.630</u>	-0.385	0.157	0.027
11	УД.В Г.Н.	0.343	<u>-0.737</u>	0.286	0.031	-0.166	0.375
12	КНП100	<u>0.936</u>	0.210	-0.119	-0.074	-0.087	0.173
13	КПРЕД100	<u>0.970</u>	-0.159	-0.042	0.031	0.130	-0.039
14	СР.ЛЮДН	<u>0.967</u>	-0.178	-0.013	0.044	0.141	-0.025
15	СТОСВ	<u>0.944</u>	0.107	-0.004	0.039	-0.232	0.031
16	ОПППД	-0.083	-0.250	<u>0.887</u>	-0.220	-0.016	0.135
17	ППСХКД	-0.060	<u>0.857</u>	-0.305	0.026	-0.207	0.093
18	УВСХП	-0.123	<u>0.904</u>	-0.061	0.060	0.179	0.124
19	ДППСХК	0.124	<u>0.619</u>	-0.252	0.069	<u>-0.532</u>	0.336
20	ОТРТОРГ	<u>0.630</u>	-0.480	0.447	0.231	0.132	0.116
21	ПЛТ.НАС	<u>0.969</u>	-0.159	-0.042	0.033	0.132	-0.040

Первый интегральный показатель F1 сформирован в основном из шести исходных показателей: количество населённых пунктов на 100 кв.км, количество предприятий на 100 кв. км, средняя людность, степень освоенности, общий товарооборот розничной торговли на душу населения, плотность населения. Исходя из исходных компонент он отражает степень экономической освоенности района.

Второй интегральный показатель F2 включает следующие исходные показатели: вес производимой продукции растениеводства (тонн на 1000чел.), безработная молодежь, доля занятых в сельскохозяйственных предприятиях, удельный вес городского населения, посевные площади сельскохозяйственных культур (га на 1000 чел.), удельный вес сельхозпродукции, доля посевных площадей сельскохозяйственных культур в общей

¹ Высокие факторные нагрузки (свыше 0.5 по модулю) - подчеркнуты.

площади района. Он отражает степень ориентации района к сельскохозяйственной деятельности.

Третий интегральный показатель F3 составляет комбинация исходных показателей: доля занятых в отраслях экономики на промышленных предприятиях (от района), число умерших на 1000 человек населения, объём производства промышленной продукции млрд. руб. (крупные и средние предприятия) на 1000чел. В основном этот показатель отражает ориентацию района на промышленную деятельность.

Четвёртый интегральный показатель F4 сформирован из взаимосвязи следующих исходных показателей: напряженность на рынке труда, уровень безработицы, доля безработных женщин в общем числе безработных, число родившихся на 1000 чел. В целом, эта комбинация параметров отражает степень безработицы в районах.

Пятый интегральный показатель сформирован из таких исходных показателей как продолжительность безработицы и доля посевных площадей сельскохозяйственных культур в общей площади района. Он отражает степень продолжительности безработицы с учетом ориентации района к сельскохозяйственной деятельности.

Полученный в результате факторного анализа **шестой** интегральный показатель, включающий число зарегистрированных преступлений на 10 тыс. жителей и долю городского населения от общей численности населения района отражает степень криминальной обстановки в районах

Для дальнейшего исследования были выбраны только два фактора - интегральных показателя: первый (F1) и четвертый (F4), поскольку они имеют наибольшее число высоких положительных и отрицательных нагрузок. Эти факторы использовались при построении 2-мерной диаграммы с целью проведения группировки районов в двухфакторном пространстве. По значениям двух выбранных факторов $F2_j$ и $F4_j$ ($j=1-19$) строилась диаграмма и осуществлялась группировка районов в факторном пространстве.

Значения выбранных факторов использовались также при построении карт (рис.1, рис.2) с целью оценить характер и степень выраженности выявленных линейных комбинаций исходных показателей в каждом из районов РК.

Расположение районов на факторной диаграмме (рис.1) в пространстве двух факторов (F2 – ось абсцисс, F4 – ось ординат) позволило выделить группу районов с сельскохозяйственной ориентацией:

Лахденпохский (8), Олонецкий (12), Прионежский (13), Пряжинский (14), Вепская (19), Питкярантский (9), Кондопожский (17).

В этих районах наиболее выражена комбинация показателей, характеризующих сельскохозяйственную ориентацию района:

- x_8 (доля занятых на сельскохозяйственных предприятиях);
- x_{17} (посевные площади сельскохозяйственных культур (га на 1000 чел.));
- x_{18} (удельный вес сельхозпродукции (тонн на 1000чел.));
- x_{19} (доля посевных площадей сельскохозяйственных культур в общей площади района).

Используя карту (рис.2), характеризующую степень выраженности комбинации показателей (x8, x18, x17, x19) в каждом районе, среди районов этой группы можно выделить три подгруппы районов по степени сельскохозяйственной ориентации (в порядке убывания):

3. высокая степень: Олонецкий (12), Прионежский (13), Пряжинский (14), Вепская волость (19),
4. средняя степень: Лахденпохский (8)
5. низкая степень: Питкярантский (9), Кондопожский (17).

В районах Лахденпохский (8), Прионежский (13), Пряжинский (14), Олонецкий (12) преобладает женская безработица. Причем в районах Прионежский (13) и Лахденпохский (8) высокая степень выраженности комбинации показателей (рис.3): уровень женской безработицы (x3) и рождаемость (x9). В этих районах доля безработных женщин значительно выше, чем в других районах РК и составляет свыше 70%.

Среди районов сельскохозяйственной ориентации высока выраженность комбинации показателей: уровень безработицы (x2) и напряженность на рынке труда (x1) в районе Вепская волость (19) (рис.3). Вепская волость отличается крайне высоким уровнем напряженности на рынке труда (в 4 раза больше среднего по РК) и самым высоким уровнем безработицы (в 3 раза выше, чем в среднем по РК).

Для районов Питкяранта (9) и Кондопога (17) характерны высокая степень выраженности комбинации параметров: напряженность на рынке труда (x1) и уровень безработицы (x2). В данных районах самый низкий уровень официальной женской безработицы (ниже среднего по РК) и низкая рождаемость (ниже среднего по РК). Особенно низка доля женской безработицы в районе Кондопога (около 40%).

Таким образом, результаты факторного анализа показывают, что среди районов РК с сельскохозяйственной ориентацией, а это в основном районы, где преобладает сельское население, существуют особенности на официальных рынках труда. Вызывают беспокойство районы с крайне высокими показателями напряженности на рынке труда и уровня безработицы. В этой связи актуализируются вопросы проведения политики содействия занятости населения в сельской местности с учетом особенностей безработицы в населенных пунктах.

К сожалению, в настоящее время российская политика содействия занятости населения учитывает только среднестатистические данные рынка труда. Сворачиваются федеральные программы занятости, прекращается целевое финансирование. Сокращены программы по интеграции выпускников в рынок труда: могут быть вовлечены только выпускники начального профессионального образования в возрасте 18-20 лет. Сократились программы по содействию занятости слаботзащищенных категорий граждан через : инвалидов, молодежи и др.

Специалисты Службы занятости РК бьют тревогу, обращаясь к руководителям РК и РФ. «В Карелии в течение 10 лет идет развал сельского хозяйства,

это приводит к очень тяжелым последствиям. В сельской местности ситуация очень тяжелая. В 200 населенных пунктах Карелии, где проживают около 5000 тыс. чел. нет ни одного работодателя. Мы вынуждены платить этим людям пособие, пытаемся организовать общественные работы, но на большее ресурсов не хватает. В отдельных населенных пунктах уровень безработицы достигает 50%. В целом по Республике на сегодняшний день 2,5%. В Пудожском районе не осталось ни одного сельскохозяйственного производства, а было 8 и 1500 чел., которые там работали, сейчас нигде не пристроены» (2). В тоже время федеральные расходы по развитию самозанятости населения определены только на консультацию и на компенсацию затрат по оформлению деятельности (3 тыс. на чел.). Практически нет финансирования на обучение взрослого населения новым профессиям.

Нетрудно предугадать последствия проводимой государственной политики содействия занятости. Постоянная напряженность на рынке труда и безработица в районе ведут к деградации населения. В этот процесс деградации, к сожалению, втягивается молодежь. «Население спивается. И его уже невозможно включить в производство, даже если будут созданы рабочие места. Сейчас в Вепсской национальной волости много рабочих мест, но местное население спилось настолько, что даже если их берут на работу, то при первых деньгах рабочий процесс останавливается. В других районах дело доходит до смешного: Беломорскому району понадобилось два рыбака и они их с Украины выписывали» (2).

Таким образом, политика содействия занятости населения, призванная содействовать занятости населения, снятию социально-экономической напряженности в районах, нуждается в серьезной корректировке. Сокращение расходов на проведение такой политики грозит значительному увеличению средств на преодоление негативных последствий в будущем. Кроме того, немаловажное значение для решения проблем безработицы и занятости имеет совместная деятельность специалистов Службы занятости с муниципальными властями, представителями бизнеса, общественных организаций, образовательных учреждений, специалистами культуры, здравоохранения и правоохранительных органов в рамках местных социальных партнерств.

Литература

1. Харин В. Н. Факторный анализ (подход с использованием ЭВМ). Петрозаводск, 1992.
2. Из доклада специалиста Департамента государственной службы занятости населения РК, ноябрь 2004 г.

Доля населения, проживающего в сельской местности, резко снизилась за последние два века. Например, в 1897 году в Карелии в сельской местности проживали 97% населения [Покровская, 1978], а в 2002 – 25% [Регионы России, 2003]. В наиболее развитых странах, например, в США, сельское население составляет уже менее 5%.

Следует сразу оговориться, что вовсе не каждый сельский житель занят в сельскохозяйственном производстве, причем (хотя найти такую статистику нелегко) тем не менее очевидно, что в прошлом (например, в 18 веке) процент проживающих в сельской местности и не занятых сельским хозяйством, был много ниже, чем сегодня.

Радикальное изменение соотношения численности людей, занятых в сельском хозяйстве, создающем львиную долю необходимых во все времена продуктов питания, к численности занятых другими социальными функциями, очень знаменательно но, тем не менее, недостаточно осмыслено. Если прибегнуть к органическим аналогиям, то это подобно тому, как если бы голова, вес которой около 7% веса тела, в процессе эволюции некого вида организмов за короткое время стала весить 90%.

Рост энерговооруженности в сельском хозяйстве

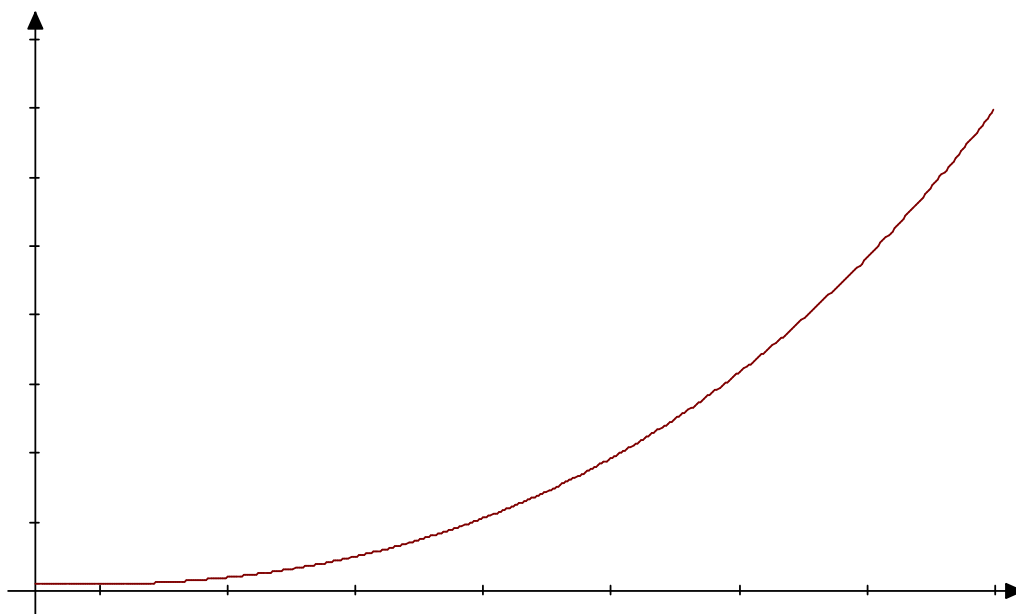

Рис. 1.

Приблизительная кривая роста энерговооруженности (на одного работника) в сельском хозяйстве России

Одной из причин является развитие техники. Действительно, за XIX и XX века во много раз увеличилась энерговооруженность труда как в экономике, так и в домашнем хозяйстве (см. Рис. 1, Рис. 2). Крестьянина, в лучшем случае управляющего лошадью, сменил тракторист, управляющий трактором мощностью в сто и даже триста лошадиных сил. Механизированы практически все операции сельхозтруда. За счет этого один человек может выполнять многократно большую работу, чем без применения техники.

Но таким же образом, если не большим, увеличилась энерговооруженность рабочих в промышленности. Так почему же численность промышленных рабочих росла, невзирая на рост энерговооруженности, а численность занятых в сельском хозяйстве падала, и очень значительно?

Рост энерговооруженности в домохозяйствах США

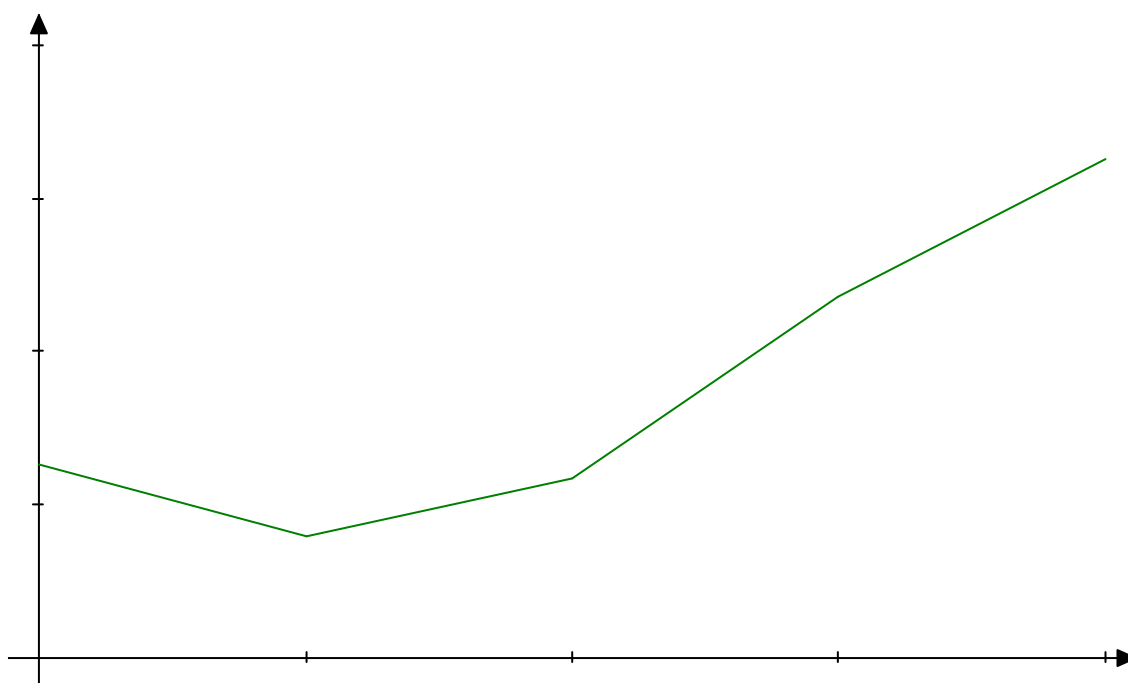

Рис. 2

График, построенный по данным, приведенным в работе [Buckminster Fuller, 1963], где подсчитано количество «условных рабов», то есть, средних человеческих сил в домохозяйствах США. Некоторый спад в 1940 году объясняется сокращением среднего количества людей в одном домохозяйстве.

Если возвратиться намного дальше в прошлое, то можно вспомнить еще одно подобное изменение органического строения общества, связанное с исчезновением самого массового класса, занятого поставкой продуктов питания. До возникновения земледелия самой массовой «профессией» и основным видом «экономической» (а, почему, собственно, не экономической?) деятельности была профессия охотника. С возникновением земледелия и животноводства соотношение численности земледельцев к численности охотников изменялось, скорее всего, по закону, очень похожему на

изменение соотношения занятых в промышленном производстве к числу занятых на селе в XIX – XX веках, только в сотни раз растянутому по времени. В конечном счете, профессиональные охотники стали составлять весьма незначительную часть занятых, а охота превратилась из вида экономической деятельности в хобби. Может ли подобная участь ожидать в будущем сельское хозяйство? И не окажется ли это будущее не столь уж отдаленным? Ведь, если охота замещалась сельским хозяйством многие тысячи лет, то село сократилось с 90% до уровня менее 10% за какие-то 150 лет.

Чтобы ответить на этот вопрос, придется рассмотреть очень общие вопросы о том, что такое «труд» и какова его роль в существовании общества в целом. Определенные ключи к такому рассмотрению дает нам системный подход [Берталанфи, 1976].

Рассмотрим следующий вопрос: если человеческое сообщество на данной территории является целостной (холической) системой, то что является ее элементами? Считая общество аутопойэтической системой, по У. Матуране, следует считать элементами общества те объекты, которые создаются обществом и не могут существовать вне циклов общественного воспроизводства. Кроме того, что они создаются обществом, все эти объекты являются элементами социосистемы (социально-экономической системы), без которых она не могла бы существовать в прежнем качестве. С этой точки зрения элементами социосистемы являются орудия труда, здания и сооружения, информационные системы и так далее. В том, что касается сельского хозяйства, то домашние животные, культурные растения, поля, являются частью социосистемы. Труд, в самом общем смысле – это человеческая деятельность по воспроизводству социосистемы и ее элементов, включая самого человека.

Интересно отметить, что человеческое общество (если смотреть на него, как на организм) при этом перешло от гетеротрофного образа питания к автотрофному. Если до возникновения сельского хозяйства общество для возобновления своих биологических элементов (людей) употребляет органическую материю, создаваемую природой вне общества, то с развитием сельского хозяйства производство органической материи из неорганической (углекислый газ, почва) вносится внутрь общества. Общество как бы поглощает, вбирает в себя некоторую часть природы – окультуренные растения и одомашненных животных. Но в дальнейшем эта поглощенная часть становится системной частью общества, которая воспроизводится обществом и не может самостоятельно воспроизводиться вне общества (растения и животные гибнут или вырождаются). И само общество не может больше существовать, не изменяя своего качества, без сельскохозяйственной подсистемы, поскольку все устройство общества связано со способом его питания. Промежуточной формой между охотой и сельским хозяйством является кочевое скотоводство, в котором общество включает в свою систему питания одомашненных животных, но еще не включает культурные растения. В результате возникает совершенно особенное общество – кочевые племена, вынужденные кочевать с места на место в поисках растительной пищи для своих животных [Гумилев].

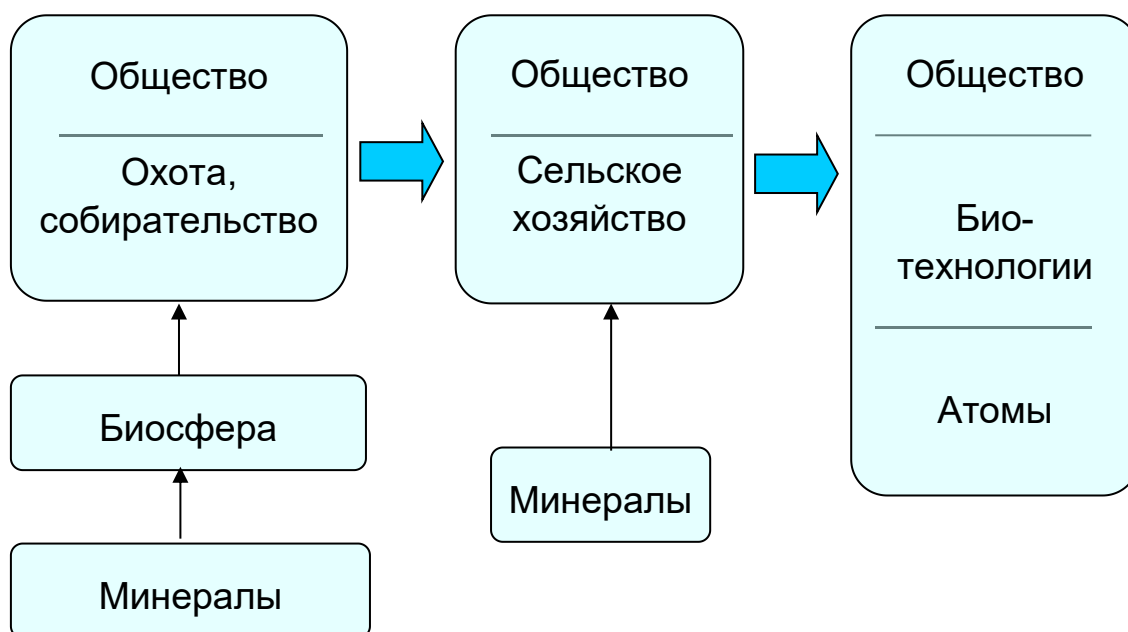

Рис. 3

Изменение органического строения общества на протяжении его исторической эволюции в отношении пирамиды питания

Экстраполируя тенденцию углубления пирамиды питания, встроенной в экономику, можно предположить, что в дальнейшем общество сможет использовать для самовоспроизводства материю даже более низких интегративных структурных уровней, чем минеральный мир - непосредственно атомы и даже элементарные частицы. Об этом же говорят современные тенденции развития физических, химических и биологических технологий.

Итак, история человеческого общества показывает, что вполне возможны радикальные изменения органического строения человеческого общества, исчезновение и возникновение всеобщих видов деятельности, социальных групп и целых классов. В исторической перспективе может исчезнуть и сельское хозяйство. Учитывая то, что темпы социальных процессов ускорились в десятки раз по сравнению с началом христианской эры, это может случиться в не столь отдаленной перспективе.

Рассмотрим соотношение затрат энергии на производство продукта труда и сложности его изготовления. В самом общем случае, изготовление некоего продукта, нужного обществу, состоит в придании определенной организации необходимому количеству материи. Этот процесс требует применения некоторого количества энергии. Материя (природные богатства), как это давно выяснено экономикой, не представляет собой самостоятельной стоимости. Уголь и даже золото не стоят ничего, пока лежат в земле, причем неизвестно где. Стоимость они приобретают, когда к ним прикладывается труд – сначала труд поиска и определения запасов, затем труд извлечения и доставки. При этом материя перестает быть просто материей – она вступает в определенные

взаимодействия, отношения с обществом, превращается из «материи в себе» в «материю для нас».

Чем сложнее организация изготавливаемого предмета (сравним, например, каменный топор и микропроцессор), тем большее количество информации должен использовать изготовитель. Эта информация направляет каждое действие в процессе изготовления. Например, чтобы сделать деревянный брусок нужно сделать всего шесть плоских пропилов. Но для создания гравюры требуются прорезать тысячи канавок сложной формы. Эта работа может быть физически легкой (как работа писца-каллиграфа, такого, какие писали старинные книги), но требовать большого количества рабочего времени, причем общественно-необходимого, что подтверждается в процессах обмена.

Следовательно, стоимость создается комплексным применением к материи двух элементов – физической работы и сложности, пропорциональной количеству информации, которую необходимо внедрить в продукт труда. Имеется в виду, конечно, общественно необходимый труд – воспроизводство предметов, необходимых для функционирования социальной системы и с затратами труда, характерными для данного общества. Это ясно видно и на конкретных примерах.

Рабочий, совершающий большую физическую работу (например, грузчик), может получать оплату, равную оплате рабочего, затрачивающего незначительное количество энергии, но создающего сложные изделия (например, ювелирные изделия). Мастер-кузнец, указывающий легким молоточком, куда ударить, оплачивается выше, чем подмастерье, который бьет в указанную точку тяжелым молотом.

Наша гипотеза состоит в том, что потребность любого производства в человеческом труде имеет две компоненты – это потребность в физической силе, в механической работе и потребность в организации материи с целью ее использования человеческим обществом, с целью включения организованной по-новому материи в тело общества. Чем более сложные преобразования материи в процессе человеческого труда требуется совершить, тем больше организационная компонента в общем количестве труда.

Что происходит с появлением механической энергии, замещающей физическую работу? Естественно, в рыночном обществе падает стоимость соответствующего по количеству физического руда. Нанимать для подъема кирпичей на небоскреб сотни человек, которым нужно питаться дорогой органической пищей, невозможно, если существуют краны, совершающие ту же работу с помощью дешевого электричества. Физический труд вытесняется и перемещается туда, где он связан с одновременным требованием некоторой сложности, недоступной примитивным механизмам. Например, даже работа грузчика на складе недоступна простым машинам из-за того, что содержит определенный компонент сложности. Нужно взять не какой попало ящик или мешок, а определенный, и переместить его в определенное место зачастую по сложной траектории. Если бы нужно было просто разом переместить все содержимое склада, то с этим справился бы и бульдозер.

Одновременно рационализируется и внесение сложности в продукт труда – например, сложные по форме изделия, которые ранее требовали бы часов и дней квалифицированного труда, изготавливаются моментально с помощью штамповки и прецизионного литья. Так почему же количество занятых в промышленности возрастало быстрыми темпами на протяжении длительного времени?

Дело в том, что в промышленности сложность продукта за XX век значительно возросла, в то время, как в сельском хозяйстве она не изменилась. Сложность автомобиля конца XX века в десятки раз выше, чем автомобиля начала века. Кроме того, промышленное развитие создает множество новых товаров и новых потребностей, а возможности сельского хозяйства в этом направлении ограничены естественными биологическими потребностями человека. Человек не может потребить неограниченное количество традиционной промышленной продукции (одежды, посуды и т.п.), но промышленность, в отличие от сельского хозяйства, способна создать практически неограниченное количество принципиально новых потребностей и продуктов – например, телевизоров, компьютеров, мобильных телефонов и так далее.

В процессе труда человек участвует в воспроизводстве общества в целом. Но органическое строение общества технологического типа постоянно изменяется в сторону роста искусственной части общественно-экономической системы, что выражается и в изменении пропорции материи и энергии, затраченной на воспроизводство артефактов и непосредственно человека. Если целостная система общества в давние времена почти полностью состояла из людей, даже если брать во внимание только по массу вещества, с небольшой частью искусственных предметов (примитивных орудий, одежды), то в настоящее время масса искусственной части социосистемы во много раз превышает массу собственно человеческую. Пропорционально растут и расходы труда на расширенное воспроизводство этой искусственной части. Значительно больше энергии и информации используется сегодня на создание машин, домов, дорог, коммуникаций современного города, чем непосредственно на поддержание жизни небольшого биологического организма вида *homo sapiens*. Сельское же хозяйство в основном ориентировано на удовлетворение биологических потребностей человека (в том числе, и не связанные с питанием – лен, хлопок, кожа и т.д. используются, в основном, для производства одежды и белья); поэтому, вместе с сокращением доли людей в социосистеме, сокращается и доля сельского хозяйства в экономике.

Именно поэтому рост энерговооруженности ведет к сокращению потребности в рабочих руках в сельском хозяйстве и к сохранению и даже росту потребной численности занятых в промышленности, управлении и производстве знаний, до тех пор, пока развитие техники, особенно вычислительной, не приводит к автоматизации все большей части процесса внесения сложности в продукты труда.

В заключение можно сформулировать несколько тезисов, касающихся оценки стоимости труда с позиций самовоспроизводства общества, как системы и количества необходимых для этого энергии и информации.

- Труд – это деятельность по обеспечению воспроизводства социальности общества, то есть, всего, что «надстроено» над его биологической основой – орудий, институтов, знаний, предметов потребления;
- Труд имеет две основные компоненты – физическую работу и организацию материи (внесение информации в материю);
- Стоимость труда пропорциональна некой функции от физической работы и количества информации, внесенной в материю $V = Kt * F(E, I)$, причем функция V монотонно зависит и от E , и от I ;
- В линейном приближении $V = Kt * (k_1 * E + k_2 * I)$, где V – стоимость, Kt , k_1 , k_2 – коэффициенты, причем Kt сам является монотонно уменьшающейся функцией от времени, то есть, стоимость труда, требующего одного и того же количества информации и энергии, становится все меньше со временем; E – энергия, I – информация;
- Следует отметить, что вблизи $E = 0$ и $I = 0$ линейное приближение несправедливо; не может быть создана никакая общественно полезная вещь одной энергией без информации (читая энергия – это энергия, приложенная случайным образом; даже взрыв, применяемый для сноса здания или ледяного затора на реке, применяется в определенное время в определенном месте, то есть, энергия направляется некоторой информацией); в свою очередь, никакая информация не может быть перемещена с места на место без применения энергии;
- Общее количество энергии (точнее, мощности) и информации, используемых в воспроизводстве цивилизации, постоянно и быстро возрастают в цивилизациях технологического типа;
- При этом возрастает как количество людей, задействованных в одной цивилизации, так и количество энергии и информации, которые приходятся на каждого человека;
- Существует типичная для данной цивилизации стоимость единицы труда, связанная со средним, приходящимся на одного человека, количеством энергии и информации, которые расходуются с его участием в единицу времени (за год, например) в процессе общественного воспроизводства. Эта общественно необходимая стоимость труда и выявляется в процессах обмена в рыночном обществе. Из нее вытекает среднее количество физического труда и информации, связанных функцией $V(E, I)$, приходящихся на одного человека $J_m = F(E, I)$. Общество в среднем требует от человека этого вклада в свое воспроизводство;
- Поскольку численность населения в технологически развитых странах стабилизировалась, а в России даже сокращается, а биологические потребности человека фиксированы, то потребный объем сельхозпродукции не может возрасти очень сильно (в разы). Следовательно, общее количество энергии и информации, которые необходимо вкладывать в сельское хозяйство, так же не будут быстро возрастать. Следовательно, количество людей, занятых в сельском хозяйстве будет сокращаться обратно пропорционально характерному для развивающейся

цивилизации количеству энергии и информации на одного человека $J_m : N = M/J_m$, где M – это общее количество энергии и информации, необходимых для работы сельского хозяйства.

Из всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

- численность населения, занятого в российском сельском хозяйстве, будет продолжать сокращаться, тем более быстро, что Россия со вступлением в мировое разделение труда вынуждена воспринимать новейшие технологии сельскохозяйственного производства, от конкуренции с которыми ранее она была защищена монополией внешней торговли;
- замедлить сокращение занятости в сельском хозяйстве можно, прежде всего, за счет усложнения продукции, то есть, ее разнообразия (новые виды), повышения качества (экологическая продукция), а также за счет развития экспорта сельхозпродукции, который сталкивается со сложностью выхода на мировые рынки и требует государственной поддержки;
- сохранение сельских поселений необходимо для сохранения устойчивости всего общества России;
- сельское население – это не обязательно население, занятое в сельском хозяйстве; все большая часть населения сел занято другими видами деятельности, сохраняя при том многие социокультурные особенности сельских жителей;
- сохранить численность сельского населения возможно, диверсифицируя хозяйственную деятельность на селе, перенося туда новые виды деятельности – туризм, различные виды производства и обслуживания, в том числе высокотехнологичного, включая переработку сельхозпродукции и новые для села виды деятельности, вплоть до программирования, что становится возможно благодаря развитию средств коммуникации, особенно сети Интернет.

Литература:

- 1 **Регионы России.** Социально-экономические показатели. М.: Госкомстат России, 2003. - 895 с.
- 2 **Buckminster Fuller, J.** Inventory of World Resources, Human Trends and Needs. Carbondale: Southern Illinois University, 1963. - 68 с.
- 3 **Берталанфи, Л.ф.** Общая теория систем - обзор проблем и результатов // Системные исследования. - Москва: Наука, -1976- вып. 1976. - С. 29 - 54
- 4 **Гумилев, Л.Н.** В поисках вымышленного царства. М.:Наука, 1970. - 387 с.
- 5 **Покровская, И.П.** Население Карелии. Петрозаводск: Изд-во "Карелия", 1978. - 192 с.

Проблемы формирования института собственности на землю

Л. М. Кулакова

Институт экономики КарНЦ РАН
Петрозаводск

Основные принципы земельной реформы

Составной частью начавшихся в России в конце девяностых годов коренных преобразований было создание новых эффективных субъектов хозяйствования на основе частной собственности на землю и имущество. Предполагалось создать частный конкурентоспособный сектор экономики, заинтересовать работающих в результатах своего труда. Однако, переход аграрной сферы экономики на рыночные отношения, многомерные институциональные преобразования сопровождались практически повсеместным спадом производства продукции в агросфере и понижением уровня жизни сельского населения.

Земельная реформа началась еще в рамках Союза ССР. Верховным Советом СССР были приняты "Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о земле". Основным принцип, пожалуй, был близок по своей идеологии к чаяновской теории (А.В. Чаянов). Земля признавалась достоянием проживающего на ней народа, она передавалась в пожизненное владение с правом наследования, допускалась ограниченная аренда земли. Этот закон стал базой для республиканских законов и земельных кодексов. Восточные республики бывшего Союза после его распада дальше и не ушли. В России, государствах Балтии и некоторых других пошли дальше, признали право частной собственности на землю со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однако законотворчество в области земельного права продолжается. Вокруг этих проектов идет острая политическая дискуссия. Земельная реформа продолжает своё становление¹.

В принятой на референдуме гражданами Российской Федерации 12 декабря 1993 г. Конституции Статья 36 гласит:

«1. Граждане и их объединения вправе иметь в частной собственности землю.

2. Владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляется их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц.

3. Условия и порядок пользования землей определяются на основе федерального закона»².

Земельная реформа рассматривается как процесс целенаправленного изменения системы земельных отношений и структуры землепользования, включая: преобразование земельной собственности и перераспределение земли; освоение экономического механизма регулирования земельных отношений; разработку и овладение

профессиональными методами землеустройства; создание экологически безопасного земледелия"³.

Преобразование собственности и перераспределение земли занимают в реформе ключевое место. Дело в том, что долгие десятилетия единственным собственником земли было государство. Суть перераспределения состоит в том, чтобы наряду с государственной появилась частная собственность и различные формы совместно долевой, или коллективной, где бы был конкретный ответственный хозяин. Если появилась частная собственность со всеми ее атрибутами, то есть арендой, залогом, наследованием, дарением и куплей-продажей, то должен быть четкий и строгий механизм ее регулирования. Это чрезвычайно важно в переходный период. Нельзя допустить утечки земель, особенно ценных, сельскохозяйственного назначения, в руки случайных людей, спекулянтов и ростовщиков.

Опыт приватизации земли

В отличие от стран Балтии и Восточной Европы, в России не было реституции — возвращения земель прежним собственникам.

В 1989 году было введено право граждан на пожизненное наследуемое владение. С 1990 года земля могла быть передана в собственность фактических и новых пользователей участков для личного подсобного хозяйства (ЛПХ), крестьянского (фермерского) хозяйства (КФХ), коллективного садоводства и животноводства, жилищного и дачного строительства. Участки для выращивания овощных культур (огороды) могли быть переданы в собственность объединений граждан.

Земельная реформа в России активизировалась после Указа Президента РФ от 27 декабря 1991 г. "О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР"⁴. Этим указом устанавливалось, что приватизация находящихся в государственной собственности земель осуществляется органами местной администрации по представлению комитетов по земельной реформе и земельным ресурсам. В течение 1992 г. коллективным хозяйствам было предложено провести реорганизацию и привести свой статус в соответствие с Законом "О предприятиях и предпринимательской деятельности..." Коллективам сельскохозяйственных предприятий, использующих землю на праве бессрочного (постоянного) пользования, до 1 марта 1992 г. рекомендовано принять решение о переходе к частной, коллективно-долевой и другим формам собственности в соответствии с Земельным кодексом. Руководители хозяйств обязываются в течение одного месяца со дня подачи заявления о создании крестьянского (фермерского) хозяйства выделить земельную долю работнику и членам его семьи в натуре. Разрешается аренда, обмен и залог земельных участков.

Продажа земельного участка, находящегося в собственности, разрешается только при выходе собственника на пенсию по старости и за выслугу лет, при получении земли по наследству, при переселении с целью организации крестьянского хозяйства на свободных землях фонда перераспределения и при вложении вырученных средств от

продажи земли в перерабатывающие, торговые, строительные и обслуживающие предприятия на селе. Иные сделки купли-продажи не допускаются. Разрешается продажа земельных долей или земельных акций работникам своего предприятия или самому хозяйству по свободным ценам. Те земельные участки, которые выделены для личного подсобного хозяйства, садоводства и жилищного строительства в сельской местности, предоставляются в собственность бесплатно. Главам администраций предложено создать при комитетах по земельной реформе и земельным ресурсам общественные советы по реформе из представителей общественных организаций и крестьянского самоуправления.

В развитие упомянутого Указа было принято постановление Правительства Российской Федерации "О порядке реорганизации колхозов и совхозов"⁵. Эти меры были нацелены на изменение организационно-правового статуса коллективных хозяйств, на реализацию права свободного выбора формы предпринимательства с закреплением за работниками имущественных паёв и земельных долей с правом свободного выхода из состава коллективного хозяйства. Реорганизации подлежали все коллективные хозяйства независимо от эффективности их деятельности. На их базе могли быть созданы товарищества, акционерные общества, сельскохозяйственные производственные кооперативы, крестьянские фермерские хозяйства. Все члены коллективных хозяйств, включая пенсионеров, бесплатно получают право на земельный и имущественный пай. По решению коллектива земельный пай может предоставляться работникам социальной сферы, занятых на территории хозяйства. Трудовым коллективам также предоставлялось право сохранить прежнюю форму хозяйствования.

Как было сказано выше, с 27 декабря 1991 года началась приватизация земель, находящихся в пользовании сельскохозяйственных организаций. Государство сохраняло за собой право собственности на земли, находящиеся в пользовании сельскохозяйственных предприятий и организаций, занятых селекцией, семеноводством, племенным делом, другой научной работой и обучением. Среди земель остальных сельскохозяйственных организаций различались земли, передаваемые в собственность коллектива работников и пенсионеров сельскохозяйственных организаций, работников социальной сферы, расположенной на территории хозяйства, и прочие земли. К первой группе относились только сельскохозяйственные угодья, ко второй — часть сельскохозяйственных угодий и все другие земли, ранее закрепленные за сельскохозяйственными организациями. Эти земли оставались государственными. Часть таких земель передавалась сельским администрациям для нужд поселений, другая часть — в так называемый районный фонд перераспределения земель. Земля под постройками оставалась в пользовании собственников строений и могла быть приватизирована. В дальнейшем из фонда перераспределения получали землю в собственность и пользование фермеры, другие землепользователи.

Земли, передававшиеся коллективам работников и пенсионеров сельскохозяйственных организаций, работников социальной сферы, расположенной на территории хозяйства, поступали в общую собственность. Каждый член трудового

коллектива получал земельную долю в праве общей собственности на земельный массив. Доли были равными для всех. Приватизация земель не сопровождалась их дроблением, выделение отдельных участков в счет долей происходило сравнительно редко. Сотни граждан стали собственниками огромных массивов в тысячи гектаров. Приватизация сельскохозяйственной земли была социально ориентированной, она предоставляла равные права большей части сельского населения. Однако было ясно, что обрабатывать участок самостоятельно смогут далеко не все, — к моменту передачи земли в общую собственность около 50 процентов собственников земельных долей составляли пенсионеры. Но благодаря разрешению сделок открывалась возможность перераспределения земельных долей, которые переходили от собственников к новым собственникам и пользователям. Как следствие, один собственник или пользователь мог сосредоточить в своих руках сколь угодно много земельных долей, выделив их в единый земельный массив. Этот путь (наделение долями, а не участками) существенно сокращал издержки по проведению землеустройства, способствовал формированию крупных земельных массивов, учтенных как отдельные участки недвижимости без дробления.

Таким образом, особый подход к приватизации земель, находящихся в пользовании бывших колхозов и совхозов, предопределил возникновение рынка не только участков земли, но и земельных долей — долей в праве общей собственности на один земельный массив. В ходе приватизации 11,9 миллиона граждан в счет земельных долей получили 117,6 миллиона гектаров из 209,8 миллиона гектаров сельскохозяйственных угодий, которые находились в пользовании сельхозорганизаций накануне реформы⁶.

Значительная часть земли в первые годы реформы передавалась гражданам в пожизненное наследуемое владение и, так же как сельскохозяйственным организациям, в постоянное (бессрочное) пользование. После введения в действие нового Земельного кодекса РФ граждане могут получить такие земли в собственность бесплатно, а организации могут выкупить или арендовать их.

Ограничения размеров участков, передаваемых в собственность бесплатно

Земельные участки передавались в собственность бесплатно и за плату. Бесплатно передавались участки:

в общую собственность коллектива — исходя из нормы бесплатной передачи земли на эти цели и количества членов коллектива. Норма устанавливалась решением властей каждого района. В среднем по стране размер доли составил 7–10 гектаров. Если в пользовании организации до приватизации земли было больше земли, чем приходилось по расчету, то излишки передавались в районный фонд перераспределения земель; если меньше — то доля устанавливалась исходя из наличия земель;

крестьянским (фермерским) хозяйствам — в пределах норм передачи земли в собственность для КФХ. В одних регионах норма устанавливалась в расчете на хозяйство, в других — в расчете на члена крестьянского хозяйства. В средней полосе России эта

норма составляла обычно 30–50 гектаров, в Республике Карелия – 15-20 гектаров. Норма устанавливалась решением региональных властей и была единой на территории этого региона. Кроме того, КФХ могли получить землю в пожизненное наследуемое владение. При этом площадь не ограничивалась. Фактически эти два способа — предоставление в собственность и владение — мало чем отличались: собственник не мог распоряжаться своей землей из-за моратория на продажу, а владелец мог только пользоваться землей, но не имел права ею распоряжаться;

личным подсобным хозяйствам — в пределах норм, установленных муниципальными администрациями в расчете на одно ЛПХ. Обычно — до половины гектара в пределах населенного пункта и одного гектара — за пределами села, в поле. Позднее Указом Президента РФ (1996 г.) было разрешено увеличить размер ЛПХ до размера земельной доли, если кто-либо из членов ЛПХ ее имел;

для индивидуального жилищного строительства, садоводства — в пределах нормы, установленной решением региональных властей. В среднем она составляла 0,1 гектара для жилищного строительства и 0,06–0,08 гектара для садовых участков⁷.

Как видим, предельные размеры участков, которые передавались гражданам для ЛПХ, садоводства, огородничества, жилищного строительства, обычно не отличались от нормативов, в соответствии с которыми происходило наделение в дореформенный период. Участки сверх этих размеров могли быть переданы в аренду или выкуплены пользователем. Однако эта логика бесплатного наделения землей была нарушена принятием Федерального Закона от 25 октября 2001 г. №137-ФЗ «О введении в действие Земельного Кодекса Российской Федерации». Что дало в практическом плане гражданам России принятие Земельного кодекса? В соответствии с ним все граждане, которым ранее земля была передана в постоянное (бессрочное) пользование или пожизненное наследуемое владение, могут получить землю в собственность бесплатно. Это означает, что в начале земельной реформы одни фермеры получали в собственность бесплатно, как правило, не более 50 гектаров, другие же, получившие не одну тысячу гектаров в пожизненное наследуемое владение, теперь могут стать их собственниками. На стадии обсуждения проекта Земельного кодекса рассматривались предложения о передаче земли бесплатно в пределах норм, а сверх того — за плату или в аренду. Однако в принятом Земельном кодексе таких ограничений нет.

Бесплатная приватизация земель сельскохозяйственного назначения обеспечила наделение сельскохозяйственными угодьями только граждан. Организации, созданные на базе бывших колхозов и совхозов, оказались без земли. Они должны были сформировать земельные ресурсы заново, привлекая участки и земельные доли, находящиеся в собственности граждан и государства⁸.

Перераспределение государственной собственности на землю в период реформ

В ходе приватизации земли существенно сократилась доля государственной собственности. Введение нового Земельного кодекса РФ ускорило этот процесс: уменьшается площадь земли, находящейся в собственности государства (федеральной собственности, собственности субъектов РФ, собственности муниципалитетов) и юридических лиц, увеличивается площадь земли, находящейся в собственности граждан.

Площадь земель сельскохозяйственного назначения, находящихся в государственной собственности, также уменьшается. Но доля государственных земель сельскохозяйственного назначения остается большой в коллективных сельскохозяйственных предприятиях.

Это наглядно можно продемонстрировать на примере данных по структуре землепользователей сельскохозяйственных угодий в Республике Карелия (табл.1)

Таблица 1

Структура сельскохозяйственных угодий в РК по категориям землепользователей* (на конец года, в процентах к итогу)

Категории землепользователей	1991	2000	2001	2002	2003
Все землепользователи, занимающиеся сельскохозяйственным производством, в том числе:	100	100	100	100	100
сельскохозяйственные предприятия	94	78	71	70	68
крестьянские (фермерские) хозяйства	-	4	3	4	4
граждане	6	18	19	19	22
прочие землепользователи	-	-	7	7	6

* Данные приведены по крупным и средним сельскохозяйственным предприятиям

В структуре землепользователей сельскохозяйственных угодий лидирующие позиции занимают коллективные предприятия (68%), второе место – граждане, чья доля ежегодно увеличивается. За период реформ их доля увеличилась с 8% до 22%.

Доминирующей формой собственности сельскохозяйственных предприятий в Республике Карелия является государственная форма собственности (табл. 2).

Таблица 2

Распределение сельскохозяйственных предприятий по формам собственности*
(на начало года)

	1998	1999	2000	2001 **	2002	2003
Все предприятия, в том числе:	56	65	60	48	42	40
Государственная, из неё:	28	29	30	29	25	19
- федеральная	2	2	2	2	2	2
- субъектов Российской Федерации	26	27	28	27	23	17
Муниципальная	5	8	6	7	6	8
Частная	5	8	13	7	7	9
Смешанная	18	20	11	5	4	4

*Данные приведены по крупным и средним сельскохозяйственным предприятиям

**Включая малые предприятия

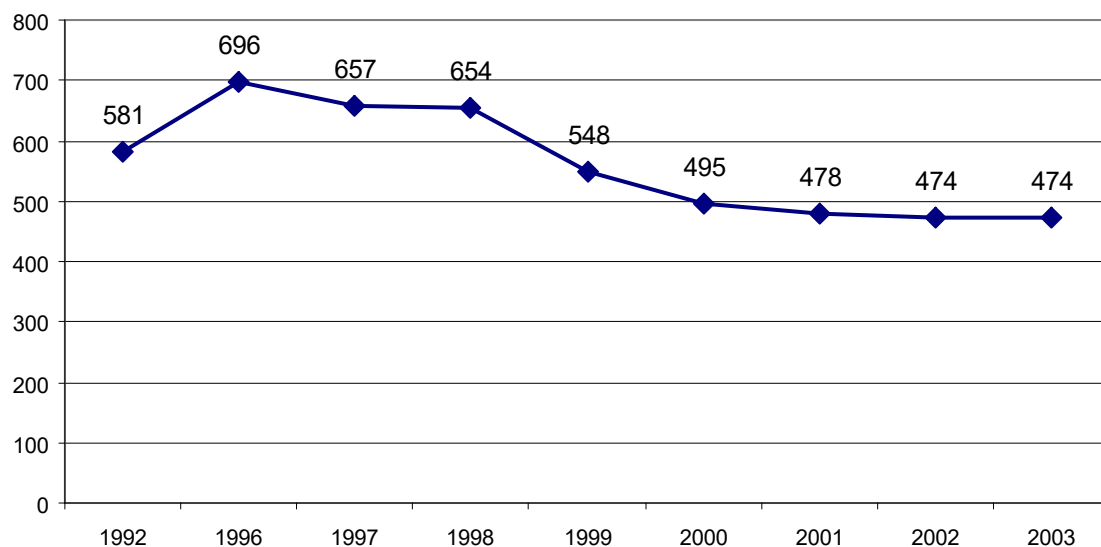
По всей видимости, недостаточная подвижность распределения собственности обусловлена неразвитостью рынка инвестиционного капитала в агросфере РК.

Неразвитость оборота сельскохозяйственной земли руководители наиболее часто объясняют тем, что в земле для сельскохозяйственного производства “нет потребности” ни со стороны внутреннего, ни со стороны внешнего потребителя, кроме того, при оформлении сделок их участники сталкиваются с большими трудностями.

Действительно, большинство сельскохозяйственных организаций не имеют финансовых возможностей для того, чтобы подготовить карты земельных участков, оплатить работу по оформлению сделок с собственниками земельных долей и участков. Гораздо чаще такие траты могут себе позволить те, кто планирует вести на этих землях строительство. Формально сельскохозяйственные земли защищены от использования для строительства, но на практике можно наблюдать многочисленные случаи их перевода в земли поселений. Пока такой перевод возможен, пока затраты на него ниже, чем выгоды, которые можно получить от строительства, земля будет выводиться из сельскохозяйственного оборота.

Важным направлением аграрных преобразований в России является развитие крестьянских /фермерских/ хозяйств. Фермерское движение в Республике Карелия получило развитие в девяностые годы прошедшего столетия. Первые крестьянские хозяйства в республике были зарегистрированы после принятия в 1990 году закона Российской Федерации “О крестьянском /фермерском/ хозяйстве”. По количеству образованных фермерских хозяйств республика Карелия среди республик и областей Северного района в 2001 году занимала третье место.

Число зарегистрированных крестьянских /фермерских/ хозяйств
(на начало года)

Изменения количества и размера зарегистрированных крестьянских /фермерских/ хозяйств в Республике Карелия за период реформ представлены на графике.

Рост числа фермерских хозяйств в республике наблюдался в 1992 году, только за этот год образовалось 282 хозяйства. Наибольшее количество зарегистрированных хозяйств наблюдалось в 1996-1998 годах, затем был спад и сокращение их числа (табл.3)

Таблица 3

**Крестьянские (фермерские) хозяйства
(на 01 января, единиц)**

Показатели	1992	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Число зарегистрированных хозяйств	581	696	657	654	548	495	478	474	474
Площадь предоставленных им земельных участков, тыс. га	-	11,5	10,8	10,4	8,6	7,6	7,1	7,2	7,5
Средний размер земельного участка, га	-	16,6	16,4	15,9	15,6	14,9	14,8	15,1	15,9

По данным Госкомстата РК на 01 января 2004 года в республике насчитывается 474 хозяйства⁹. Только за 1998 год прекратило свою деятельность 142 хозяйства. Основными причинами распада хозяйств являются: практика неплатежей за сданную продукцию, высокие банковские кредитные ставки и цены на сельскохозяйственную технику, энергоресурсы, и как следствие - нерентабельность сельскохозяйственного производства. Тем не менее, часть фермерских хозяйств продолжает производить сельскохозяйственную продукцию и даже расширяется за счёт аренды земель.

Но производственная деятельность крестьянских /фермерских/ хозяйств не внушает пока особого оптимизма. Объёмы производства сельхозпродукции более чем скромные, их удельный вес в общем объёме производства отдельных видов сельскохозяйственной продукции в Республике Карелия составляет около 2%.

На продовольственном рынке Карелии фермеры пока не играют какой-либо заметной роли. Между тем, с развитием экономического кризиса и усилением инфляции, население Карелии, не надеясь ни на государство, ни на коллективные хозяйства, ни на фермеров в деле продовольственного недорогого снабжения, активно начало заботиться само о себе, о производстве продуктов питания собственными силами¹⁰.

Особенностью адаптации сельского населения к рыночным условиям является развитие личных подсобных хозяйств (ЛПХ). Поскольку денежные поступления из официальных источников (доля заработной платы, социальных трансфертов), составляют всё меньшую и меньшую часть в совокупных располагаемых ресурсах сельской семьи, а поддержание достойного уровня жизни зависит в основном от экономической активности её взрослых членов, сельские домохозяйства всё больше уходят в сферу неформальных отношений и неформальной семейной экономики. Сегодня их можно рассматривать уже не столько как потребительскую, а в основном как производственную единицу, функционирующую по законам семейной экономики. Для такого хозяйства характерны не погоня за прибылью, а поддержание жизнедеятельности семьи, использование при этом всех доступных ресурсов, которые делают её независимой от нестабильной внешней экономической среды, помогают сохранить материальный и социальный статус.

Т. Шанин отмечал, что при упадке государственной экономики, включение в неформальную экономику для большинства населения, особенно на селе, является единственной стратегией самозащиты. Значительное место в ней занимает семейная экономика, основными чертами которой являются:

- желание обеспечить себе хоть какую-то занятость, а не максимизировать среднюю прибыль
- трудоёмкие работы на нерегулируемых рынках с высокой степенью риска
- семейный труд (а не наёмный)
- взаимная поддержка и кредитование¹¹

Переход к рыночным формам хозяйствования значительно повысил экономическое значение ЛПХ. В этом просматривается роль нескольких факторов:

3. личное подсобное хозяйство для большей части населения республики стало основной моделью преодоления риска бедности, сохранения своего социального статуса
4. низкая заработная плата в сельском хозяйстве, её невыплаты, определили ЛПХ как основной источник доходов сельского населения
5. в ЛПХ переместился центр трудовой активности населения

6. домохозяйства, занимающиеся производством продукции сельского хозяйства, являются фактором социальной и политической стабильности в регионах.

Так как оценка эффективности домашних хозяйств измеряется не производством и получением прибыли, а созданием условий для возможности выживания и развития, т.е. получением необходимых товаров и услуг для поддержания жизнедеятельности семьи, а эти процессы трудно измерить и оценить традиционными методами, требуется проведение специальных исследований, обращение к методам опросной статистики. Это было достигнуто в ходе экономико-социологических исследований в 2002 г. - 2004 г., проводимых творческим коллективом сотрудников *Отдела исследования социально-экономических систем и их институциональных преобразований* Института экономики КарНЦ РАН в рамках панельного обследования предприятий и домохозяйств Республики Карелия при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда¹² и Российского фонда фундаментальных исследований¹³.

Данные исследований показывают, что практически каждое домохозяйство комбинирует в своей повседневной деятельности черты товарного, натурально-потребительского и традиционного хозяйства по видам занятости и источникам поступления доходов и задействует все имеющиеся в его распоряжении ресурсы, дающие возможность избежать бедности.

По данным исследований 97,3% сельских жителей имеют личные подсобные хозяйства и без устали трудятся в них. На вопрос *«Какую долю в структуре питания вашей семьи составляют продукты из личного подсобного хозяйства?»* ответы распределились следующим образом: *«1/3»* – ответили 26,3 %, *«основную часть»* - 24,2%, *«1/2»* - 21,5%, *«меньше 1/3»* - 25,3%. Очевидно, что для большей доли опрошенных респондентов производство продукции в ЛПХ является важным источником в обеспечении питанием семьи. И не только. Для 71,1% респондентов продажа заготовленной продукции своими силами является дополнительным источником дохода, а 24,4% опрошенных находятся в трудном материальном положении и продают продукцию для того, чтобы прокормить семью. Но, тем не менее, немаловажен тот факт, что 31,2% опрошенных сельских жителей отметили улучшение своего материального положения за период реформ. По мнению респондентов это было возможным благодаря непосильному труду в личных подворьях. Как видно по данным опросов, для большинства семей ЛПХ является очень значимым, а для некоторых и основным источником существования.

В ходе исследования селянам был задан вопрос *«Не приходила ли Вам мысль официально зарегистрировать хозяйство?»*, на что положительных ответов не было. Размышляют на эту тему 5,9% селян, 62,4% не задумывались, 26,3% респондентов затруднились ответить.

Не безызвестно, что юридическое закрепление сложившейся практики ведения хозяйственной деятельности даёт возможность для расширения своих прав (*возможность участвовать в программах поддержки малого сельскохозяйственного бизнеса*), для

получения социальных гарантий за свой труд (*трудовой стаж, пенсия, больничные и т.п.*). В связи с таким утверждением в ходе опроса сельским жителям был задан вопрос «*Нужно ли юридически оформлять ЛПХ?*». И вот какие ответы были получены: «да» – считают 34,8% респондентов, «скорее да, чем нет» - 18,5%, «скорее нет, чем да» - 16,8%, «нет»- 29,9%. Те сельские жители, которые ответили отрицательно, мотивировали свои опасения следующими доводами – “*крестьян «задушат» налогами, контролирующие организации осложнят жизнь, будет много бумажной волокиты, без юридического оформления мелким сельхозпроизводством заниматься проще и т.п.*”

Таким образом, данные официальной статистики и итоги наших исследований говорят о том, что большинство сельских домохозяйств, приспособившись к новым условиям хозяйствования, стремятся всеми доступными способами обеспечить себе приемлемый уровень существования, личное подворье при этом становится центром деловой активности на селе. Земельная реформа, несмотря на оглушительную критику, которой она подверглась, была социально ориентированной — многие российские семьи бесплатно получили в собственность земельный участок для личного подсобного хозяйства, садоводства, огородничества, дачного отдыха. Практически каждый взрослый сельский житель стал собственником земельной доли.

В заключение можно сказать, что собственность, в особенности земельная, была и остаётся основой системы аграрных отношений, теоретическим базисом понимания и, применительно к конкретным историческим условиям, решения так называемого крестьянского вопроса. Каковы отношения собственности в деревне, таков весь экономический фундамент аграрного строя, его социальная структура и, соответственно, таковы материальные условия и предпосылки реализации главной мотивации производства – личного интереса и вообще всех гражданских прав тех, кто непосредственно трудиться на земле.

-
1. Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII-XX в.в.). М.: Энциклопедия российских деревень, 1995.с.445
 2. Конституция Российской Федерации. М.: Юридическая литература, 1993. с. 14-15
 3. Концепция аграрной реформы Российской Федерации. Земля Росси, 1993. №12. с.32
 4. Аграрная реформа в России. Документы и материалы. М.: Республика, 1992. с.23-27.
 5. О порядке реорганизации колхозов и совхозов. Постановление Правительства РФ. 1992, №1-2. ст. 9.
 6. Шагайда Н. Формирование рынка земель сельскохозяйственного назначения \ Отечественные записки. 2004, с.264

-
7. Шагайда Н. Формирование рынка земель сельскохозяйственного назначения \ Отечественные записки. 2004. с.266
 8. Шагайда Н. Земельный рынок // Рынки факторов производства в АПК России: перспективы анализа. М.: АЭП, 2000. с. 86
 9. Статистический сборник: Статистика сельского хозяйства и продовольствия / Госкомстат РК, 2004г.
 10. Кулакова Л.М. Влияние институциональных преобразований в агросфере на социально-экономическое развитие сельских территорий (на примере Республики Карелия) / Сборник научных статей по материалам Международной конференции. Петрозаводск, 2004. с. 77
 11. Шанин Т. Неформальная экономика//Вопросы философии. 1990. №8. с. 114
 12. Проект № 03-0200385а «Социальное партнерство как инновационный механизм формирования социально-ориентированной политики занятости региона, руководитель к.э.н. Морозова Т.В.
 13. Проект №02-06-80482 «Проблемы и предпосылки формирования институтов рынка в условиях переходной экономики», руководитель к.э.н. Г.Б. Козырева

Регулирование трудовых отношений в сельских территориях: интеграционный аспект*

О.С. Крутова

Институт экономики КарНЦ РАН
Петрозаводск

За последнее десятилетие экономическая система Российской Федерации претерпела кардинальные изменения, что коренным образом сказалось как на политике занятости государства, так и на формировании нового социально-ориентированного рынка труда.

Становление и развитие социально-ориентированной рыночной экономики предполагает формирование рынка труда нового западного типа. Однако на данном этапе в период формирования рыночных отношений деятельность экономистов и органов власти фокусируется на отслеживании и регулировании важных макроэкономических процессов, в то время как трудовые ресурсы рассматриваются как вторичный элемент функционирования экономической системы.

Помимо указанных тенденций на развитие региональных рынков труда влияет смена экономического и политического курса государства (перестройка и переход от командно – административной к рыночной экономике), реструктуризация народного хозяйства, появление частной собственности.

Формирование новой административно-территориальной структуры в 1990-х годах, развитие регионального рынка труда происходит под влиянием определенного набора факторов. Один из них связан с общим экономическим положением и потенциалом региона, который включает в себя развитие внутреннего хозяйства, его структуры, влияющей на формирование спроса на труд. Второй фактор предполагает состояние и перспективы региональных связей, как на территориальном уровне разделения труда, так и на уровне движения численности населения и трудовых ресурсов.

Инфраструктура рынка труда формируется также благодаря таким группам факторов как природно-ресурсный, демографический и социально-экономический (общая экономическая динамика, изменения в формах собственности, структурные изменения и изменения в сфере трудовых доходов населения) потенциал региона.

Политика занятости российского переходного общества более сориентирована на решение проблем безработицы, тогда как сфера защиты прав работающего населения остается практически за рамками государственного регулирования.

Качество занятости в России в силу характера проведенных реформ в экономике и политике остается на низком уровне, так как не сформирован рынок труда западного типа,

* Статья подготовлена в рамках проектов: «Социальное партнерство как инновационный механизм формирования социально-ориентированной политики занятости региона», (№ 03-0200385а), 2002, проект поддержан РГНФ на 2003-2004. Руководитель Морозова Т.В.; «Проблемы и предпосылки формирования институтов рынка в условиях переходной экономики», (№02-06-80482), 2002-2004 г.г., проект РФФИ. Руководитель Козырева Г.Б.

в России функционирует не рыночная, а смешанная экономика, продолжается процесс урбанизации и индустриализации, остается низким качество жизни, существует резкая дифференциация между городом и селом.

Дифференциация между городом и селом, появившаяся в России за последнее десятилетие, усугубляется уровнем технологической оснащенности, которая на селе практически отсутствует, характером проводимой реформы лесного сектора, а также характером деятельности органов местного самоуправления, которое на селе осуществляет функции иного рода, чем в городских поселениях.

Среди важнейших факторов, способствующих реструктуризации рынка труда на селе, наиболее значимым остается фактор миграции по линии «село-город». Если раньше численность сельского населения постоянно уменьшалась, что является одним из следствий индустриального развития экономики, то с начала 1990-х годов по России отмечено увеличение числа мигрирующих на село.

Однако увеличение численности на селе не является лишь положительным признаком проводимых в стране реформ. Чаще всего такими переселенцами становятся беженцы из стран Ближнего Зарубежья, которым легче приспособиться к жизни на селе, имея для этого лучшие возможности, чем, если бы это было в городе.

Примечательна и другая тенденция, характеризующая мобильность сельских жителей. Если раньше сельскому жителю было относительно несложно приспособиться к жизни в городе (найти работу и жилье), то теперь такая возможность практически отсутствует, в особенности, у людей среднего и пожилого возраста.

Указанные тенденции способствуют формированию иного типа рабочей силы на селе. Во-первых, специфика сельского уклада жизни не всегда однозначно воспринимается прибывающей из города рабочей силой. Кроме того, не всегда вновь прибывшая рабочая сила может найти применение своих образовательных и профессиональных возможностей на селе.

Применительно к селу можно говорить о двух близких по сути рынков труда¹. Первый рынок труда охватывает всех проживающих в сельской местности работников несельскохозяйственной сферы. Второй рынок труда представляет собой непосредственно рынок труда сельскохозяйственного профиля («аграрный рынок труда»).

Схожесть этих рынков труда состоит в том, что рациональная структура спроса и предложения рабочей силы пока не сформировалась в полной мере. На селе практически отсутствует спрос на рабочую силу (кроме некоторых категорий специальностей, по которым найти специалистов на селе невозможно), а также предложение рабочей силы (так как практически отсутствует мобильность коренного населения, кроме уезжающей молодежи).

¹ Михайлов О. Формирование рынка труда и занятость сельского населения // Российский экономический журнал. 1995. №7. С.41-43.

Одна из важнейших особенностей, присущих в большей степени именно сельскому рынку труда – распространение безработицы. Именно распространение безработицы является на сегодняшний день одним из факторов стагнации и упадка ряда сельских территорий. Распространению безработицы способствует и ситуация, когда в сельской территории практически отсутствуют градообразующие предприятия, предприятия промышленного производства.

Однако распространение безработицы зачастую не связано с дефицитом рабочей силы. Есть на микрорынках труда в сельских территориях и трудоизбыточные работники. Если на таких территориях не произошло значительного спада сельскохозяйственного производства, не отмечается значительного роста безработицы, так как большая часть работников сконцентрирована именно в сельском хозяйстве.

В большинстве сельских территорий рост безработицы, как правило, сопровождается сокращением численности занятых в сельском хозяйстве. Примечательно, что в странах Запад такое сокращение происходит эволюционно (на основе внедрения в сельское хозяйство достижений научно-технического прогресса), однако, российская специфика накладывает отпечаток на этот процесс. В России реформирование отношений собственности не сопровождается развитием производительных сил. Следовательно, научно-технический прогресс влияет на реструктуризацию рынка труда только в городских поселениях, благодаря чему усиливается дифференциация между городом и селом.

Указанные тенденции и факторы становления нового, адаптированного рынка труда на селе способствуют формированию новых социально-трудовых отношений, отличных от аналогичного типа отношений в городских территориях. На данном этапе рынок труда на селе характеризуется, скорее, негативными тенденциями, чем положительными.

Действующим механизмом предотвращения негативных явлений в социально-трудовой сфере является социальное партнерство как интеграционный элемент стратегического достижения согласия в обществе. С тех пор, как система социального партнерства в России стала последовательно и целенаправленно формироваться, проблемы его развития широко освещаются в деятельности различных органов власти.

На сегодняшний день, очевидно, что неэффективная социальная политика, проводимая государством, неэффективное взаимодействие между работниками, органами власти и экономическими структурами (работодателями) тормозит формирование структур и элементов социального государства. Сложившиеся здесь модели социального партнерства далеки от оптимальных, особенно это касается сельских поселений.

Не менее значимы и другие препятствия, наиболее часто имеющие место именно в сельских территориях:

- отсутствие представлений об устройстве социальной сферы, о направлениях и моделях ее реформы;
- неравные возможности организаций трех секторов;

- недостаточная информированность организаций одного сектора о возможностях, сильных сторонах и проблемах других;
- взаимное недоверие, предвзятость оценок (каждый сектор отличается определенной степенью закрытости);
- низкий уровень проектной культуры, особенно в государственном секторе;
- очень слабо развитая законодательная база для регулирования взаимоотношений сторон в социальном партнерстве, общий низкий уровень правосознания.

На сегодняшний день трудно говорить о сложившейся той или иной модели социального партнерства на селе. Если в городских территориях такая практика уже получает распространение, то на селе чаще практикуются отдельные программы действий, направленных на решение той или иной проблемы в сфере трудовых отношений.

По результатам проведенных в 2004 г. полуформализованных интервью с представителями предприятий, органов местного самоуправления, других структур на сельских территориях были сделаны выводы о характере формирования и признаках социального партнерства на селе.

В статье использованы материалы полуформализованных интервью (2004 г.):

1. 8.07.2004 г. с. Великая Губа (Медвежьегорский район), управляющий Великогубской сельской администрацией, Тихонов Николай Иванович
2. 13.07.2004 г. с. Толвуя (Медвежьегорский район), ОАО НПК «Карбон-Шунгит», начальник карьера Блюдник Юрий Владиславович
3. 19.07.2004 г., д. Пяльма, Поташев Петр Алексеевич
4. 16.07.2004 г., п. Пяльма (Пудожский район), Администрация МСУ, управляющий - Зиновкин Владимир Павлович
5. 16.07.2004 г., п. Пяльма (Пудожский район), ОАО «Пяльмский леспромхоз», Генеральный директор – Сидоренко Николай Григорьевич
6. 18.07.2004 г. п. Пяльма (Пудожский район), семинар
7. 15.07.2004 г. с. Толвуя (Медвежьегорский район), семинар
8. 13.07.2004 г. с. Толвуя (Медвежьегорский район), совхоз «Толвуйский», Вера Геннадьевна – начальник отдела кадров.
9. 14.07.2004 г. п. Толвуя (Медвежьегорский район), ГУП Совхоз Толвуйский, директор - Ткачук Иван Иванович
10. 12.07.2004 г. с. Толвуя (Медвежьегорский район, управляющий Толвуйской сельской администрацией, Евтюков Евгений Иванович
11. с. Толвуя (Медвежьегорский район), фермеры

В частности, респондентами отмечаются самые разнообразные проблемы, связанные с формированием рынков труда. Как наиболее значимая, респондентами отмечается проблема безработицы на селе. Как правило, продолжительность безработицы приобретает затяжной характер, так как трудоспособное безработное население не имеет физической и психологической возможности противостоять сложившейся ситуации. В

качестве решения этой проблемы руководителями предприятий, представителями органов местного самоуправления называются разного рода акции.

В частности, органы местного самоуправления участвуют в совместной работе, организованной Службой занятости, по предотвращению распространению безработицы на селе. Посредством организации дополнительных рабочих мест проблема безработицы решается на местных уровнях.

Обеспечением занятости безработных граждан занимаются службы занятости, в том числе привлекая безработных на общественные работы. Примечательно, что средний возраст безработных граждан составляет 35-40 лет, что, в принципе, отвечает общероссийским тенденциям. Так же как и большинство российских безработных, большинство безработных на селе имеет среднее общее или среднее специальное образование.

Рынок труда на селе характеризуется отсутствием потенциальной рабочей силы. Например, некоторые предприятия решают проблему отсутствия подготовленных кадров следующим образом. Посредством целевого набора такие предприятия обучают студентов. По окончании обучения предприятие, оплачивающее учебу таких студентов, принимает на работу молодых специалистов, тем самым, обеспечивая преемственность кадров на предприятии.

Однако возникает новая проблема, так как подготовленные специалисты не хотят возвращаться в родное село вследствие отсутствия жилья и достойной оплаты труда. Некоторые предприятия пытаются привлечь молодых специалистов посредством обеспечения социальных гарантий и обеспечения контрактной занятостью, однако, такая практика, скорее, редкость в сельских территориях.

Респонденты отмечают, что отсутствует механизм согласования такого рода интересов со стороны предприятий и органов власти. Проблема заключается в том, что нет должного бюджетного финансирования со стороны органов власти, благодаря чему могли бы быть реализованы программы по организации дополнительных рабочих мест.

Хотя респонденты и отмечают, что существует необходимое количество профессиональных работников, однако, существует потребность со стороны предприятий в специалистах сельского хозяйства и горно - промышленного комплекса. Реформирование экономики требует реформирования качества и уровня рабочей силы, однако, в сельских территориях сохраняется старый состав рабочей силы, не пополняемый новыми квалифицированными, обученными по новому стандарту, кадрами.

Для решения целого ряда проблем, существующих на селе, различными структурами предпринимаются разного рода акции. В частности, обеспечению полной занятости сельского населения способствуют создаваемые на селе частные предприятия (фермерские хозяйства).

Примечательно, что на специально созданных фермерских хозяйствах работает лишь малая часть всех трудоспособных работников. Остальная часть трудоспособного населения, не имея возможности получить работу, вынуждена уезжать в крупные

городские поселения. В частности, часть населения мигрирует в Петрозаводск, Кондопогу, Санкт-Петербург. Так как в данном вопросе отсутствует согласованность между предприятиями, органами местного самоуправления и трудоспособными работниками, население вынуждено собственными силами искать пути выхода из сложившихся ситуаций.

Что касается воспроизводства рабочей силы, то в сельских территориях преобладают, скорее, негативные тенденции. Большинство из выпускников школ предпочитают уезжать в город ради получения образования и последующего обустройства в городе.

Мигрируют из села не только выпускники школ, но и сельские жители более старшего возраста, не нашедшие применения своих профессиональных возможностей в своем селе. Помимо миграции в крупные города, трудоспособное население вынуждено соглашаться на работу, связанную со сверхзанятостью (например, вахтенный метод). Кроме того, такая работа зачастую связана с выполнением физической работы, а не работы интеллектуального характера.

Чтобы как-то заработать, население ищет дополнительные возможности. Сельский уклад жизни предполагает наличие личного приусадебного хозяйства, посредством которого население может прокормить себя, а также обеспечить себе дополнительный заработок. Трудоспособное население, не имея официальной возможности заработать деньги, вынуждено организовывать регулярные продажи продукции, полученной посредством ведения личного подсобного хозяйства.

Помимо продажи продукции, собранной с собственной земли, часть населения занимается неофициальным извозом. Данный вид деятельности также является примером распространения неформальной занятости, зачастую приобретающей характер сверхзанятости.

Несмотря на то, что сельское хозяйство – практически единственная сфера деятельности на селе, некоторые жители сельских территорий организуют собственные предприятия, занимающиеся гостевым туризмом (хотя таких предпринимателей единицы).

В целом рынок труда на селе носит стихийный характер, так как имеет своей целью удовлетворение спроса населения на работу, независимо от профессионального статуса работника. Потребность в заработке вынуждает жителей села идти на разного рода меры. Как правило, фактор образования в таком случае не играет существенной роли.

Социальное партнерство, как механизм, способствующий улучшению положения работников на рынке труда, на селе присутствует, но имеет иной характер, чем аналогичное в городе. В некоторых населенных пунктах организуются территориальные общественные советы, реализующие интересы своих граждан посредством взаимодействия с органами власти и предприятиями. Однако такие советы не занимаются преимущественно защитой прав работников. Их цель состоит в удовлетворении иного рода потребностей.

Данное обстоятельство объясняется как причинами объективного характера (отсутствие большой сложно организованной социально-экономической структуры), так и факторами индивидуального характера (психологическая неудовлетворенность жизнью на селе, стремление реализовать личностный потенциал).

В данном случае можно говорить лишь о наличии интеграционного поля взаимодействия между жителями села и официальными структурами. Такое взаимодействие возникает по поводу удовлетворения частных потребностей, либо решения каких-либо проблем. Население вынуждено само заботиться о собственной занятости посредством совершения миграции в городские территории, организации частного предприятия или ведения личного подсобного хозяйства.

Однако существуют примеры организации социального партнерства нового типа. Если в городах социальное партнерство существует при взаимодействии органов власти, предприятий, профессиональных союзов, то на селе такое взаимодействие возможно в ином виде. Чаше инициатива социального партнерства исходит от населения, что представляет собой пример зарождающегося нового коммуникативного взаимодействия, способного принести реально ощутимую пользу в будущем.

Литература

1. Борисов В. Есть ли в России социальное партнерство? // Человек и труд. 1999. Вып.11. С.68-73.
2. Гайнулина Ф.И. От социальной напряженности к социальному партнерству.//Социально-политический журнал. 1998. №4. С.33-48.
3. Зубкова А. Становление социального партнерства.//Российский экономический журнал. 1995. №10. С. 47-51.
4. Кириченко О.А. Первые шаги социального партнерства в России.//Полис. 2003. №1. С.130-136.
5. Кнаак Р. Социальное партнерство: западный опыт.//Вопросы экономики. 1994. №5. С. 90-96.
6. Комаровский В. Система социального партнерства в России.//Общественные науки и современность. 1998. №2. С. 21-31.
7. Маслова И. Формирование системы социального партнерства в России: проблемы и противоречия.//Вопросы экономики. 1994. №5. С. 79-83.
8. Михайлов О. Формирование рынка труда и занятость сельского населения // Российский экономический журнал. 1995. №7. С.41-43.
9. Ракитская Г. Взаимоотношения работников и работодателей в современной России (1987-2001). // Вопросы экономики. 2002. №11. С.46-58.
10. Рудык Э. Труд и реформа предприятий. // Вопросы экономики. 1993. №4. С.57-63.

11. Чепуренко А., Обыденнова Т. Трудовые отношения на российских малых предприятиях (по материалам социологических обследований). // Вопросы экономики. 2001. №4. С.110-122.
12. Щеглова С.Н. Социальное партнерство в сфере трудовых отношений. - М.: Профиздат, 1995. - 111 с.

Annotations

N. M. Rimashevskaya

Development of human potential in Russia

In the article role of human potential and one of its basic components - a demographic resource - in the general potential of the state development is considered. Value of the human capital into which the educational level and health of the population are included for adaptation to a stream of innovations, which have recently become more and more tight is emphasized, life cycle of knowledge, skills and trades is reduced. Value of the concepts of «basic needs» and switching of innovative growth of incomes for the needs of poor population is discussed. One of the main problems of modern Russia is depopulation. Natural decline in population for 90s years of the XX century has been reduced on 9 million people. Health of the population worsens; the number of people suffering from chronic diseases and invalids has grown. Education and public health care in a village is especially in bad state. In conclusion the main point was made to the necessity of making urgently new effective programs aimed at radical crisis of negative tendencies and positive transformation qualitative components of the population in the country.

V. V. Patsiorkovsky, D. O'Brien

Rural Settlements, Family and Household in time of Transition

This paper describes changes in rural families and households that are occurring in Russia today. In our research we have identified various aspects of change in the everyday life of families in the Russian countryside, including: family structure (demography); the structure of employment, sources and structure of income, differentiation of income between households and level of poverty (economy); the social relations and social networks of rural residents (sociology); the motivation and mental health of rural residents (social psychology). The authors do not propose to explain all varieties of rural life in Russia. The basic task, in our view, is to identify how, in a relatively short period of time, from 1991 to 2003, an increase in the production function of the household has produced other changes in its structure and functions.

There are two main foundations upon which this paper is based. The first is a conceptual approach that focuses on the role of household human and social capital in the adaptation of rural Russian households to the challenges of economic reforms at the end of the twentieth and beginning of the twenty-first centuries. This approach draws upon the growing research literature in the New Institutionalism in Sociology and Economics, which concentrates on the way in which institutional changes affect the behavior of individuals and vice-versa. This means that not only are households acted upon, but in the process of adapting to macro-level changes they create new institutional arrangements at the local level.

The second foundation of this paper is a series of surveys of the behavioral and attitudinal adaptation of rural Russian households to the reform initiatives of the Russian central government in the 1990s. Our focus is on micro-level changes, which contrasts with the much

more widely known macro-level studies of rural areas, and which produces a more hopeful view of social change in the Russian countryside. While politicians and economic experts were debating the direction of Russian agriculture, ordinary households were gradually making adjustments, first in their behavior and then in their attitudes, which eventually began to add up to some substantial changes over a relatively brief period of time. Recording these incremental changes is the main purpose of our research and the main goal of this paper.

This paper has three sections. The first describes changes in rural settlements between the 1989 and 2002 Russian censuses. The second section describes changes in the structure of rural families and households from 1991 to 2003. The third section discusses problems of income differentiation and poverty.

T. V. Morozova

Modern social-economic potential and prospects of rural communities development of the Nordic border region of Russia.

The article contains results of a series of complex economic - sociological researches of rural communities since 1996 which are mainly located in settlements of agrarian type and wood settlements of Karelia. Considering rural community as the triune system «population - economy - territory», the author shows modern features of village functioning and activity of rural citizens, using interdisciplinary research approaches. The special attention is given to transformation of an economic and social map of rural communities which is understood as a socially economic structure and system of social communications.

Z.I. Kalugina

Agriculture labor market situation as indicator of rural sector changes in Russia

The paper is devoted to transformations in the rural labor market. The analysis of the situation in the labor market is made on the following parameters: dynamics and structure of employment, duration and rate of unemployment, tightness of the labor market, qualitative makeup of labor. Special attention is paid to analysis of institutional changes in the agrarian sector that have a great effect on the sphere of labor, revealing specific features in the rural labor market as well as the dominant behavioral models.

The author refers to the following negative features of the rural labor market: high employment in the informal sector, poor job choice; low quality of available jobs and of labor; high real and hidden unemployment; immature infrastructure; enclavization; inadequate and non-cash payments; low legal culture; lack of experience in bargaining and contract relations; non-punishable breaches of labor legislation. The author makes conclusion that the transformations of the Russian agrarian sector had adversary consequences for the rural community: they aggravated the rural-urban gap; increased social exclusion from labor and from livelihood, declined competitiveness, increased non-punishable violations of labor laws, gave rise to work by the day, or to “peonage”, increased informal and self-employment. For the future, the vector of the agrarian transformations must be radically changed and be focused on

the conditions of life and work of the rural people, who are the keepers of the country's national traditions and moral values.

O.P. Fadeeva

Multistructural nature of Siberian rural economics: alternative between social stability and economic efficiency.

This paper describes changes in the structure of rural economy in transient period in Russia. In the research various aspects of changes in economic types of agriculture enterprises and household producers have identified. Discussed and analyzed different forms of producers, which exists now in Siberian rural territories – households, farmers, and big enterprises.

L. Granberg

A New Phase in Privatisation of Agriculture in Russia?

Privatization of agriculture has taken place in Russia differently than in the most East European countries. Family farming gained only marginal role after 1992, when restricted agricultural land market was allowed by President Yeltsin. Three different types of large scale farming developed and also plot farming made success in small gardens and animal shelters of workers for those large scale estates. This article discusses various new features emerging after 10 years of privatization, on the bases of field research done in Russian Karelia. Both family farms and small scale enterprises are profitable and successful in some cases but private sovkhozes and stockholding companies form still the main structure for food production. State farms are disappearing rapidly, but some cases prove that stockholding companies may strengthen their position compared with small scale food producers, if they manage to co-operate with public authorities.

I. Kopoteva

Urban and rural population balance in Russia: national-regional-local levels

During the XX century the processes of evolution of settling system were very stable on the territory of Russia. Until 1990th the process of intensive urbanisation, expressed by permanent increase of urban population and growth of cities, took place in Russia. The situation has changed in the beginning of 90th when share of urban population started to reduce and share of rural increased.

This article presents analyses of processes of changes of number of population, which take place in Russia during transition period. It is known that changes of population depend on natural increase / decrease, migrations and administrative reorganisations of urban settlements into rural one and vice versa. These processes play different role on the different level – federal, regional and local.

J. Nikula

Small and medium sized enterprises in Karelia

Ever since the early 1990s there has existed a firm belief in the blessing effects of private entrepreneurship in the post-socialist countries. The existence of strong middle class (es) has been seen as a precondition of the modern society. Much of the hopes of the development of solid middle class have been placed on the evolvement of class private entrepreneurs and farmers. And indeed, one of the most visible results of the transformation in post-socialist societies has been the rapid increase of private, small enterprises. This article presents a preliminary analysis on the position and functions of the private entrepreneurship in rural Russia – especially in Russian Karelia. The first part of the paper makes a short review of the research on the Russian entrepreneurship during the previous decade. The second part of the paper then makes an analysis of the central features of small and medium sized enterprises in Karelia and in the final, conclusive part I evaluate the social and economic role of these enterprises in local economy.

When measured by the numbers or shares of SMEs from total number of enterprises or of total employment, there is no doubt that the sector has been developed quite well in Russia during past years. However, if one looks the internal division of SMEs according to their type and profiles of action, it can be rather safely argued, that Russia does not represent a typical case in the SME-sector development. There is a clear “overrepresentation” of individual enterprises, which operate in trade and catering. In this respect the Russian market economy resembles a lot a variation of a bazaar-economy, where circulation, not the production, is the basis of the economy. There are a number of obstacles in the development of entrepreneurship. On the top of the list of obstacles are the “administrative hindrances” – complicated bureaucracy in attaining licences, permits and in registration, not to mention the problems with customs and tax officials. Rural areas also lack advisory, legal, financial, training, and marketing and many other forms of support. The microeconomic restructuring (new investments and capital, together with re-training and rearranging the skills structures) is substantially hindered by low credit rating, which prevents credit granting to firms. Also the wide-spread rural poverty creates obstacles for entrepreneurs: rural residents lack purchasing power and enterprises lack markets, even domestic.

N. B. Polevshchikova

Trans-border location as globalization influence factor on the development of rural areas

Globalization is a complicated and non-homogeneous process that corresponds to the whole inter-relation system of economic, social, political and other spheres of human life. Influenced by the globalization processes are the horizontal changes – between different subjects tied with definite relations, for instance, countries; and vertical changes – the ones between different hierarchic structures of inter-country and inside-the-country levels (e.g. integration-based group of countries, country – region).

Forming of common European economic space is closely connected with strengthening of globalization processes. Strengthening of integration ties goes hand in hand with increase of financial, commercial and, particularly, information flows within countries that belong to

European integration-based groups. State borders lose their barrier functions and promote international 'house-hold' and formation of the above-state management structures.

Territory of the Republic of Karelia that borders on European Union acts as a fore post of the innovations coming to Russia across the external borders of EU. Globalization processes have direct impact on trans-border areas and possess their own regional specifics. The article deals with globalization influence upon rural areas that are traditionally more inert to socio-economic transformations.

L.I. Rozanova

Evolutionary character of transformation of economic attitudes in rural communities of Karelia

Problems of new forms of managing are considered by the example of cooperative sector development are considered in the article. Evolution of economic attitudes is traced. Market conditions of functioning have caused change of legal bases, introduction of new institutions. On the first stage of reforms the problem of economy transition from the state ownership to private sector was put. Not so much qualitative parameters were taken into account, as many quantitative: how many state farms it is necessary to privatize. At the same time the joint-stock pattern of ownership appeared ineffective for many agricultural enterprises. The aspiration to independence stimulated farmer movement. Farms also were not ready to a rigid competition in the market of agricultural production. The majority of them appeared in authority of intermediaries and has been compelled to sell production under the low prices which did not pay back expenses. As a result many farms, as well as joint-stock companies appeared bankrupts. Cooperation began to revive in the extremely adverse conditions of degradation of agriculture, but at the same time as the necessary form of a survival and adaptation of agricultural population in market economy.

G.B. Kozyreva

Institutional problems of wood settlements development in the Republic of Karelia

The article is devoted to institutional problems of wood settlements development in the Republic of Karelia. From the beginning of reforms, wood settlements have been involved in several institutional processes as a result they have started to change the economic and social shape. Actioning of the wood enterprises, liberalization of foreign trade activities and reform of the wood legislation have changed not only formal regulators of a life in wood settlements, but also have significantly affected behaviour of their social groups and actors: farms, managing subjects, local authorities and the public.

S. A. Gurova

State of the settlement environment in Karelia

The basic historical and economic periods of the Russian Federation development: pre-war, post-war, prereform, reform periods rendered essential influence on development of the rural environment in Karelia. The retrospective analysis of the social and economic environment of rural settlements of Karelia is described in the article.

Economic transformations during 1990s have led to new social and economic transformations of a rural life. From 1997 till 2004 the creative group of workers of the Institute of Economics KRC of the Russian Academy of Sciences has implemented economic-sociological research of rural settlements in Karelia. Observations had a complex character and covered various aspects of management and people's activity of the settlements. The analysis of the empirical base has allowed to characterize social-demographic structure of a countryside, way of life of agricultural population and to designate the perspective for rural settlements development.

M.V. Dyakonova

Adaptation of the rural youth to the market in the Republic of Karelia

Last years the inequality of opportunities of social mobility of youth in various regions is more and more brightly shown. The youth possesses the least social and psychological security, especially it concerns rural youth. Now graduates of rural schools which have a lower opportunity to receive higher education in comparison with graduates from city schools appeared in more difficult conditions. Reduction of workplaces connected with reorganization, bankruptcy of the enterprises has coincided with the period of an output on a labour market of a significant contingent of young workers. New realities have pushed people to secondary employment, to transition to a private sector, to more intensive, than before, to conduct a personal part-time farm. Reforming of agriculture was negatively reflected on a condition of social labour sphere of a village. The problems which have arisen at transition to the market, the enterprises solved due to reduction of number occupied citizens that first of all, has touched youth, as least competitive group of the population. Restoration and development of a social infrastructure of a village, material equipment of an agricultural production, development of social partnership system play the paramount role of the youth organizations as well as general problems of a village.

N.V. Maslyakova

Regime changing of rural population reproduction in the Republic of Karelia

The article is devoted to the problems of social-demographic development of the rural areas in the Republic of Karelia. Analysis of the birth rate and its tendency, death rate, natural growth (decrease), which had a place during last ten years of the reforms, is given.

T. V. Morozova, R.V. Belaya, V.N. Harin

Features of social-economic differentiation in the districts of the Republic of Karelia

On the initial parameters describing socially - economic development of the districts in the Republic of Karelia (PK): the degree of unemployment, duration of unemployment and a degree of criminal state and their orientation to agricultural and industrial activity, the new integrated parameters reflecting a degree of an economic state in the areas are received with the methods of mathematical classification (the factorial analysis). Features of agricultural oriented areas under some characteristics of a labour market are revealed.

O.U. Sintsova

Analysis of changes in an agricultural production in the Republic of Karelia during 1991-2003

In the article changes in an agricultural production of the Republic of Karelia for 13 years period of reforms are analyzed.

The author shows the data on manufacture of agricultural production per capita and manufacture of gross output of agriculture on all economy. The data of the state account is submitted and the estimation of dynamics of qualitative indicators of agricultural land is given.

In the work the author opens questions of planting and cattle-breeding development in agriculture and points out questions of farming development in the republic. Important value in the article is given to dynamics of poultry farming development in Karelia.

The author marks social necessity of functioning of an agricultural production on the basis of which the rural population will work, Karelian Village will live and develop, providing the population of the republic with qualitative and ecologically clean production.

V.G. Sobinsky

Farming Industry In Russian Karelia As a Pledge Of Rural Life Conservation

The modern conditions of farming industry and countryside of Karelia are analyzed in the article. The characteristics of agriculture housekeeping under northern regions conditions and necessity of the state support have been showed also. It was analyzed the correlation between public, private large-scale and private small-scale agriculture enterprises (farms). There are also a data talking about trends of different agriculture types development in the article. A set of representative farms is described. A role of agricultural cooperation, new variants of manufacture (for example a trout-farming) is discussed also. It was showed that an agriculture business in the Republic could be profitable.

M.V. Sukharev

Village against an evolution background

In the article the question of reduction in relative number of agricultural population (especially the population occupied in an agriculture) in the general structure of the population of the countries is considered. The hypothesis expresses that it is connected with the fact that the society need for foodstuffs grows more slowly, than growth of installed power per employee. The formula connecting the cost of work with its energetic and information maintenance is offered. In spite of agriculture, industrial production is capable to generate unlimited quantity of new, more complex and power-intensive products due to what growth of labour productivity in the industry is not connected to such reduction occupied as in agriculture. Necessity of employment diversification in a village with the purpose of rural settlements and rural way of life reservation was pointed out in conclusion.

L.M. Kulakova

Problems of the land property institution formation

(By the example of the agricultural land)

In the article process of institutional changes of the land relations system and structure of land tenure in Russia is considered. The basic attention is given to the questions of a cancellation of the state monopoly for the land and revival of a private property institution on the ground. Examples of rural citizens' adaptation in new social and economic conditions and opportunities for country/farmer and personal farm's development are shown. The personal farm for the majority of agricultural population in the Republic of Karelia during reforms became the basic model of risk overcoming of poverty, preservation of the social status.

Nowadays, undeveloped agrarian land circulation is an obvious fact. Land reform is gradually continuing its formation both at local level and federal one.

O.S. Krutova

Regulation of labour market in rural territories: integration aspect

For the last decade the economic system of the Russian Federation has had cardinal changes that have radically affected both politics of employment of the state, and formation of a new socially - oriented market. Politics of employment of the Russian transitive society is more oriented on the problems decision of unemployment where protection of the rights of the working population remains practically behind frameworks of state regulation. Among the major factors promoting re-structuring of a labour market in a village, the most significant is still factor of migration on a line "village - city", process of urbanization and industrialization. The specified tendencies promote formation of the other type of a labour in a village. Working mechanism of prevention of the negative phenomena in social - labour sphere is the social partnership as an integration element of strategic achievement of the consent in a society. The social partnership as the mechanism promoting improvement of position of workers on a labour market, in a village is present, but has other character than in city. These circumstance shows as the reasons of objective character (absence of the big difficulty of organized social and economic structure), and factors of the individual character (a psychological dissatisfaction with

a life village, aspiration to realize personal potential). In general, village is only integration field of interaction between inhabitants and official structures. However, there are examples of the organization of social partnership of a new type. If in cities the social partnership exists at interaction of authorities, the enterprises, trade unions in a village such interaction is possible in the other way. The initiative of social partnership is more often proceeds from the population representing an example of the new communicative interaction, capable to bring really appreciable advantage in the future.

